Российское КИТАЕВЕДЕНИЕ

№2(15)2026

Июнь 2026

Журнал издается Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) и основан в 2022 г., продолжая традиции академических журналов «Проблемы Китая» (1929–1935) и «Советское китаеведение» (1958–1959).

Учредитель: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Редакционный совет:

- Бабаев К.В., директор ИКСА РАН, д.ф.н., проф. (председатель)
- Агафонов Д.В., начальник Экспертного управления Президента РФ
- Дацышен В.Г., профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, д.и.н.
- Денисов А.И., первый заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания РФ, к.э.н.
- Зиновьев Г.В., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Республике Корея, к.и.н.
- Кашин В.Б., директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, к.п.н.
- Ларин В.Л., заведующий Центром глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, д.и.н., проф., академик РАН
- Ломанов А.В., заместитель директора по научной работе, руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, главный научный сотрудник ИКСА РАН, д.и.н., проф. РАН
- Лукин А.В., научный руководитель ИКСА РАН, руководитель Департамента международных отношений НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, д.и.н., проф.
- Малявин В.В., главный научный сотрудник ИКСА РАН, д.и.н., проф.
- Моргулов И.В., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР
- Панцов А.В., профессор Capital University, США, д.и.н.
- Попова И.Ф., директор Института восточных рукописей РАН, чл.-корр. РАН
- Руденко А.Ю., заместитель министра иностранных дел РФ
- Самойлов Н.А., заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки, директор Центра изучения Китая СПбГУ, д.и.н., проф.
- Торкунов А.В., ректор МГИМО МИД РФ, академик РАН
- Цыплаков С.С., профессор департамента международных отношений НИУ ВШЭ, к.э.н.

Иностранные члены Редакционного совета:

- Алимов Р.К., профессор Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.п.н.
- Вилсон Дж., почетный профессор Уитон-колледжа, США
- Гао Фэй, проректор Дипломатического университета МИД КНР
- Идэ К., Университет Васэда, Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), Япония
- Ли Цзинцзе, академик Академии общественных наук КНР
- Ли Чжицян, профессор, начальник управления международного сотрудничества и обменов Сычуаньского университета, КНР
- Ма Цзянган, директор Центра международных исследований Оборонного научно-технического университета, Чанша, КНР
- Фэн Шаолэй, руководитель Центра российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета, КНР
- Чжао Хуашэн, профессор Института международных исследований Фуданьского университета, КНР
- Ян Чэн, исполнительный президент Шанхайской академии глобального управления и региональных исследований, КНР

Редакция:
А.В. Лукин (главный редактор), И.Е. Денисов (заместитель главного редактора), Ю.В. Кулинцев (заместитель главного редактора), А.Г. Юркевич (заместитель главного редактора), И.Ю. Зуенко (ответственный секретарь), Д.А. Юкнелите (секретарь редакции).

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32.
+7 499 124 02 17; E-mail: journal@iccaras.ru; URL: http://rusinology.ru

Российское китаеведение

Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-75961 от 24.06.2019
Язык: русский, китайский, английский
Периодичность: 4 раза в год
ISSN: 2949-1223

Печатная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-75962 от 24.06.2019
Язык: русский, китайский, английский
Периодичность: 4 раза в год
ISSN: 2949-1207

DOI: 10.48647/ICCA.2026.77.66.001

Подписано в печать 30.06.2026

Содержание

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Базаров Б.В., Базаров А.Б. От «Чайного пути» к коридору Китай – Монголия – Россия: историческая ось и современные формы сухопутной координации 6

Джоши Н. Новые формы и направления в Евразии и Шанхайская организация сотрудничества: взгляд из Индии 19

Денисов И.Е. От несуществующих надписей до «ошибки 404»: как изучать Китай в цифровую эпоху? 31

Рысакова П.И. Образ Второй мировой войны в школьных учебниках по истории в КНР 2010–2020-х гг. 51

Лукин А.В. «Культурная революция» в Китае и мировая общественная мысль 72

Каменских М.С., Чернышева Ю.С. Особенности наследия китайской миграции в СССР в период «Большой дружбы» 121

ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

Смирнов М.С. Китайская интерпретация мягкой силы и Институты Конфуция 133

IN MEMORIAM

Комиссаров С.А., Гончаров С.Н., Соловьев. А.И. Российский востоковед Серикбек Кожанов (К 70-летию со дня рождения) 151

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

Радищев А.Н. Письмо о китайском торге (1792) 154

Хэйтон Б. Карты и линии. 1500–1948. Из книги «Южно-Китайское море: борьба за власть в Азии». Перевод А.Д. Дикарева 180

目录

学术文章

B·V·巴扎罗夫，A·B·巴扎罗夫. 从“茶道”到中蒙俄走廊：
历史轴线与当代陆上协作形式 6

N·乔希. 欧亚大陆与上海合作组织的新形式和新方向：来自印度的视角 19

I·E·杰尼索夫. 从不存在的铭文到“404 错误”：如何在数字时代研究中国？ 31

P·I·雷萨科娃. 2010—2020 年代中国中学历史教科书中的二战形象 51

A·V·卢金. 中国的“文化大革命”与全球社会思潮 72

M·S·卡缅斯基赫，Yu·S·切尔内绍娃.
“大友好”时期在苏中国移民遗产的特点 121

评论、通报、简讯

M·S·斯米尔诺夫. 软实力的中国解读与孔子学院 133

IN MEMORIAM

S·A·科米萨罗夫 ，S·N·贡恰罗夫， A·I·索洛维约夫.
纪念俄罗斯东方学家谢里克别克 • 科扎诺夫诞辰 70 周年 151

出版物和翻译

A·N·拉季舍夫. 关于中国市场的信（1792 年）。 154

B·海顿. 地图与国界线，1500—1948 。节选自《南中国海：亚洲权力之争》。
A·D·季卡列夫译。 180

Table of contents

ACADEMIC ARTICLES

B.V. Bazarov, A.B. Bazarov. From the Tea Road to the China-Mongolia-Russia Corridor: Historical Axis and Contemporary Forms of Overland Coordination 6

Nirmala Joshi. New Forms and Directions in Eurasia and Shanghai Cooperation Organisation: An Indian Perspective 19

I.E. Denisov. From Nonexistent Inscriptions to "Error 404": How to Study China in the Digital Age 31

P.I. Rysakova. The Image of World War II in Chinese School History Textbooks in the 2010s–2020s 51

A.V. Lukin. The "Cultural Revolution" in China and World Social Thought 72

M.S. Kamenskikh, Yu.S. Chernysheva. Features of the Heritage of Chinese Migration to the USSR during the Period of "Great Friendship" 121

REVIEWS, REPORTS AND NOTES

M.S. Smirnov. Chinese interpretation of soft power and Confucius Institutions 133

IN MEMORIAM

S.A. Komissarov, S.N. Goncharov, A.I. Solovyev. The Russian Orientalist Serikbek Kozhanov (On the Occasion of His 70th Birthday) 151

PUBLICATIONS AND TRANSLATIONS

A.N. Radishchev. Letter on the Chinese Trade 154

Bill Hayton. Maps and Lines. 1500–1948 180

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

DOI: 10.48647/ICCA.2026.13.96.002

Б.В. Базаров, А.Б. Базаров

От «Чайного пути» к коридору Китай – Монголия – Россия: историческая ось и современные формы сухопутной координации

Аннотация. В статье исследуется соотношение исторического «Чайного пути» и современного коридора Китай – Монголия – Россия как двух различных, но взаимосвязанных форм организации сухопутного взаимодействия во Внутренней Азии. Цель работы состоит в том, чтобы определить характер исторической преемственности между караванной торговой системой XVIII – начала XX в. и современной политико-инфраструктурной конфигурацией, а также уточнить аналитические пределы использования образа «Чайного пути» применительно к нынешним интеграционным, транспортным и внешнеэкономическим процессам. Методологическую основу исследования составляют историко-сравнительный, пространственный и институциональный подходы, позволяющие рассматривать данное направление не только как маршрут перемещения товаров, но и как особую форму организации сухопутного пространства, зависящую от устойчивости транзитных режимов, приграничных узлов, административного регулирования и межгосударственной координации. Показано, что исторический «Чайный путь» представлял собой не просто торговую дорогу, а сложную систему хозяйственного взаимодействия, основанную на сочетании дипломатических договоренностей, посреднических структур, транзитной географии, пограничных режимов и административно-правовых механизмов, обеспечивавших воспроизводимость обмена. Установлено, что современный коридор Китай – Монголия – Россия не является прямым продолжением данной модели и не может трактоваться как ее буквальное «возрождение». Вместе с тем обосновано, что он формируется в пределах исторически устойчивой оси сухопутных связей, сохраняющей значение и в современных условиях. Особое внимание уделяется роли Монголии и приграничных территорий, которые выступают не промежуточным пространством между Россией и Китаем, а центральным звеном всей рассматриваемой конфигурации. Делается вывод, что коридор Китай – Монголия – Россия следует понимать не как сложившееся интеграционное пространство, а как развивающуюся форму межгосударственной координации, в которой историческая глубина направления сочетается с незавершенностью современных институциональных, инфраструктурных и хозяйственных связей.

Ключевые слова: Чайный путь, коридор Китай – Монголия – Россия, Один пояс – один путь, поворот на Восток, евразийский экономический союз, сухопутная связность, приграничье, транзитное пространство, интеграционные процессы.

Автор: *Базаров Борис Ванданович*, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. E-mail: bazarov60@mail.ru
Базаров Александр Борисович, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: sasha.bazarov.97@bk.ru

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «От Чайного пути к Монгольскому коридору “Нового Шелкового пути”: исторические проекции и современные взаимодействия России, Монголии и Китая» (№ 24-48-03025)

B • V • 巴扎罗夫
A • B • 巴扎罗夫

从“茶道”到中蒙俄走廊：历史轴线与当代陆上协作形式

*摘要：*本文研究了历史上的“茶道”与现代中蒙俄走廊之间的关系，将二者视为截然不同而又相互关联的内亚地区陆上互动组织形式。本研究旨在确定 18 世纪—20 世纪初的商队贸易体系与当代政治基础设施布局之间的历史继承性，并明晰“茶道”这一概念在用于当代一体化、交通运输和对外经济进程时的研究范围。本研究的方法论基础是历史比较、空间和制度方法，使该通道不仅被视为货物运输路线，更可被视为一种依靠过境机制、边境枢纽、行政管理和国家间协调等因素稳定性的特殊陆上空间组织形式。本研究表明，历史上的“茶道”并不仅是一条商路，而且是一个复杂的经济互动体系，其建立在外交协议、中间机构、过境地理、边境制度以及确保贸易往来可重复性的行政法规机制等多方面因素结合之上。本研究指出，现代中蒙俄走廊并非这一模式的直接延续，也不能被视为其字面意义上的“复兴”。同时，本文也证实，该走廊形成于一条历史上稳定的陆上联系轴线范围内，这条轴线在当代依然具有重要意义。本研究特别关注了蒙古及周边地区的作用，其并非俄罗斯和中国之间的过渡地带，而是整个布局的核心环节。结论认为，中蒙俄走廊不应被理解为一个成型的一体化空间，而应被理解为一种不断演进的国家间协调形式，其中既有这条路线深厚的历史底蕴，又存在着现代制度、基础设施和经济联系的不完善之处。

*关键词：*茶道；中蒙俄走廊；“一带一路”；东向政策；欧亚经济联盟；陆路连通性；边境地区；过境空间；一体化进程

作者：鲍里斯 • 万达诺维奇 • 巴扎罗夫，俄罗斯科学院院士，历史学科学博士，教授，俄罗斯科学院西伯利亚分院蒙古学、佛学与藏学研究所学术主任。E-mail：bazarov60@mail.ru
亚历山大 • 鲍里索维奇 • 巴扎罗夫，经济学副博士，俄罗斯科学院西伯利亚分院蒙古学、佛学与藏学研究所研究员。E-mail：sasha.bazarov.97@bk.ru

*致谢：*本研究在俄罗斯科学基金会项目“从茶道到蒙古‘新丝绸之路’走廊：俄罗斯、蒙古和中国之间的历史投影和当代互动”（项目编号：24-48-03025）的资助下完成。

Boris V. Bazarov, Alexander B. Bazarov

From the Tea Road to the China-Mongolia-Russia Corridor: Historical Axis and Contemporary Forms of Overland Coordination

Abstract. This article examines the relationship between the historical Tea Road and the contemporary China-Mongolia-Russia corridor as two distinct but interconnected forms of overland interaction in Inner Asia. The aim of the study is to determine the nature of the historical continuity between the caravan trade system of the 18th to early 20th centuries and the contemporary political and infrastructural configuration, as well as to clarify the analytical limits of using the Tea Road as an approach to current integration, transport, and foreign economic processes. The methodological basis of the study is based on historical-comparative, spatial, and institutional approaches, allowing us to consider this route not only as a route for the movement of goods but also as a unique form of overland spatial organization dependent on the stability of transit regimes, border hubs, administrative regulation, and interstate coordination. It is shown that the historical "Tea Road" was not simply a trade route, but a complex system of economic interaction based on a combination of diplomatic agreements, intermediary structures, transit geography, border regimes, and administrative and legal mechanisms that ensured the replicability of exchange. It is established that the modern China-Mongolia-Russia corridor is not a direct continuation of this model and cannot be interpreted as its literal "revival." At the same time, it is substantiated that it is formed within a historically stable axis of land connections, which retains its significance in modern conditions. Particular attention is given to the role of Mongolia and its border territories, which act not as an intermediate space between Russia and China, but as the central link in the entire configuration under consideration. It is concluded that the China-Mongolia-Russia corridor should be understood not as an established integration space, but as an evolving form of interstate coordination, in which the historical depth of the route combines with the incompleteness of modern institutional, infrastructural, and economic ties.

Keywords: Tea Road, China-Mongolia-Russia Corridor, One Belt, One Road, Pivot to the East, Eurasian Economic Union, land connectivity, borderland, transit space, integration processes.

Authors: *Boris V. Bazarov,* Dr. Sc. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director, Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: bazarov60@mail.ru
Alexander B. Bazarov, Candidate of Science (Economy), Research Fellow, Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: sasha.bazarov.97@bk.ru

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Science Foundation as part of the project “From the Tea Road to the Mongolian Corridor of the ‘New Silk Road’: Historical Projections and Contemporary Interactions between Russia, Mongolia, and China” (No. 24-48-03025)

Введение

Исторический «Чайный путь» занимает важное место в исследованиях русско-китайских и русско-монгольско-китайских торговых связей. Сегодня интерес к нему выходит за пределы собственно исторической реконструкции. Все чаще этот маршрут сопоставляется с современным коридором Китай – Монголия – Россия, который рассматривается как одно из значимых сухопутных направлений на континенте. В результате «Чайный путь» все активнее используется не только как объект ретроспективного анализа, но и как опорная категория для объяснения современных транспортных, инфраструктурных и внешнеэкономических процессов.

Такое сопоставление допустимо лишь при строгом различении эпох. Между караванной торговой системой XVIII – начала XX в. и современными формами межгосударственной координации лежит глубокий технологический, политико-правовой и институциональный разрыв. Поэтому коридор Китай – Монголия – Россия нельзя описывать как буквальное продолжение или прямое «возрождение» «Чайного пути». Вместе с тем полный отказ от исторического сопоставления также был бы ошибочным: и в прошлом, и в настоящем ось Китай – Монголия – Россия сохраняет значение важного сухопутного направления. Следовательно, вопрос состоит не в том, существует ли преемственность вообще, а в том, каков ее реальный масштаб и где проходят ее пределы.

Актуальность статьи определяется тем, что исторический и современный планы данной проблематики чаще всего рассматриваются раздельно. Работы по истории кяхтинской торговли раскрывают роль приграничных узлов, режимов границы, посреднических структур и монгольского транзитного пространства [Мишакова, 2011; Единархова, 2015; Кузьмин и др., 2022]. Современные исследования сосредоточены на транспортной инфраструктуре, приграничном сотрудничестве, сопряжении китайских, российских и евразийских стратегий, а также на месте Монголии в новых континентальных связях [Борисов, Дондоков, Намжилова, 2017; Намжилова, 2018; Дондоков, Намжилова, 2022]. Однако связь между этими уровнями анализа раскрыта неполно. Историческая ось Китай – Монголия – Россия нередко фигурирует лишь как фон или символическое основание современного коридора. В данной статье коридор рассматривается как современная политико-инфраструктурная конфигурация, возникшая на базе исторически устойчивого сухопутного направления, но не сводимая ни к его прошлой институциональной форме, ни к риторике «возрождения» [Бадараев, Ван, 2019].

«Чайный путь» как историческая форма организации сухопутного пространства

Распространенная ошибка в интерпретации «Чайного пути» состоит в том, что его по-прежнему понимают главным образом как маршрут движения определенного товара. Между тем устойчивость этого направления обеспечивалась не только чайной специализацией. Оно опиралось на совокупность договорных режимов, транзитной

географии, пограничного регулирования, посреднических структур, складской и транспортной инфраструктуры, а также дипломатически обеспеченных форм межгосударственного взаимодействия [Коваль, 2013; Кальмина, Курас, 2019]. Поэтому «Чайный путь» следует рассматривать не как простую торговую дорогу, а как историческую форму организации сухопутного пространства.

Наиболее наглядно это проявлялось в кяхтинской торговле. Кяхта была не просто приграничным пунктом обмена, а узлом, где концентрировались торговые, правовые и административные функции. Движение товаров здесь было неотделимо от режима границы, признанных правил взаимодействия и деятельности посреднических групп, обеспечивавших воспроизводимость обмена [Мишакова, 2011; Единархова, 2015]. Следовательно, устойчивый оборот на столь протяженной оси держался не только на спросе и выгоде, но и на институциональной среде. Монголия в этой системе занимала не вспомогательное, а центральное положение. Монгольское пространство обеспечивало не просто прохождение караванов, а существование самой транзитной среды, связывавшей китайские торговые центры с российскими рынками. Уже в исторической перспективе ось Китай – Монголия – Россия представляла собой не двустороннюю линию с промежуточным звеном, а трехчастную конфигурацию, в которой каждая часть имела самостоятельное значение [Кальмина, Плеханова, 2016; Кузьмин и др., 2022].

Формула «нового Чайного пути» удобна в публичном и культурно-символическом плане, но в научном отношении нуждается в жестких оговорках. Между караванной системой прошлых веков и современным коридором слишком велик разрыв, чтобы говорить о прямом возрождении. Изменились транспорт, государственные формы, международно-правовые условия и сама структура внешней торговли. Современный коридор не наследует прежнюю институциональную организацию.

Однако полный отказ от исторического сопоставления также был бы неверным. Его аналитическая ценность состоит не в риторике «возрождения», а в возможности увидеть, что современный коридор развивается в пределах давно сложившейся оси сухопутного взаимодействия. Следовательно, речь должна идти не о восстановлении старого маршрута, а о новой актуализации исторически устойчивого направления.

Такой подход принципиален еще и потому, что он разводит историческую метафору и аналитический инструмент. Обращение к «Чайному пути» оправдано лишь тогда, когда оно помогает ответить на конкретный вопрос: что именно в современной конфигурации коридора объясняется длительностью данной оси, а что является продуктом исключительно современных стратегий, технологий и политико-экономических условий.

Именно в этом смысле «Чайный путь» остается продуктивной категорией для исследования. Он позволяет зафиксировать длительную устойчивость направления Китай – Монголия – Россия, не сводя современный коридор ни к повторению прошлого, ни к полностью новой реальности, лишенной исторического контекста.

Коридор Китай – Монголия – Россия в современной конфигурации континентального взаимодействия

Современный коридор Китай – Монголия – Россия нельзя рассматривать ни как изолированный транспортный маршрут, ни как производную от одного политического проекта. Его место определяется более широкой перестройкой континентального пространства, в рамках которой возрастает значение сухопутной инфраструктуры, транзита и межстрановой координации. На данное направление одновременно накладываются китайская инициатива «Один пояс – один путь», механизмы сопряжения с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), монгольская транспортная модернизация и российский «Поворот на Восток» [Грайворонский, 2018; Бабаев, Лузянин, 2024].

Перед нами не готовый интеграционный блок, а сложная конфигурация, соединяющая разные нормативные режимы, разные масштабы хозяйственной вовлеченности и разные стратегические логики. Коридор получил политико-документальное оформление, но пока не обрел такой институциональной плотности, которая позволяла бы говорить о глубокой интеграции. Корректнее понимать его как платформу координации, в пределах которой пересекаются несколько крупных направлений современной политики.

Ключевой вехой стала середина 2010-х гг., когда курс на сопряжение Евразийского экономического союза и китайского Экономического пояса Шелкового пути получил официальное политическое закрепление, а затем была подписана Программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия [Борисов, Дондоков, Намжилова, 2017; Александрова, 2019]. Эти решения перевели данное направление из состояния экспертной идеи и политической риторики в более оформленную межгосударственную рамку. Однако сами документы не сняли его структурной неоднородности: коридор продолжил развиваться как пространство наложения разных повесток, а не как единая и внутренне согласованная модель.

Положение коридора определяется сразу двумя масштабами. С одной стороны, он встроен в макроуровень современной Евразии и связан с представлениями о сухопутной инфраструктуре, логистике и сопряжении рынков. С другой стороны, его жизнеспособность зависит от вполне конкретных территорий: монгольских транспортных осей, приграничных переходов, узловых городов и региональных хозяйственных систем. Поэтому коридор существует одновременно как предмет стратегического проектирования и как практическая география приграничья.

Отсюда вытекает и более точная оценка интеграционного потенциала рассматриваемого направления. В строгом смысле интеграция предполагает высокую степень институционального сближения, плотность норм и устойчивость общего режима взаимодействия. В рассматриваемом случае политическая рамка присутствует, инфраструктурная связность развивается, но экономическая и нормативная консолидация остается ограниченной. Кроме того, коридор функционирует в условиях выраженной асимметрии экономических масштабов, инфраструктурной обеспеченности и административных режимов. Следовательно, речь идет не о сложившейся интеграционной системе, а о неравномерной форме сухопутной координации.

Монголия и приграничные территории как центральное звено сухопутной связности

В традиционных геополитических схемах Монголия нередко сводится к промежутку между Россией и Китаем. Такой взгляд упрощает саму природу сухопутной связности. Без Монголии рассматриваемая ось теряет свой территориальный каркас: именно монгольское пространство превращает абстрактную линию между двумя крупными государствами в реальную сухопутную конфигурацию.

Этот вывод в равной степени относится и к историческому «Чайному пути», и к современному коридору. В обоих случаях Монголия выступает не пустой транзитной зоной, а самостоятельной основой маршрута. Через нее проходит не только движение товаров, но и сама логика сухопутного взаимодействия. Поэтому корректнее говорить не о российско-китайских связях «через» Монголию, а о трехзвенной конфигурации Китай – Монголия – Россия.

Именно в пределах монгольской территории сходятся различные режимы координации: китайские инфраструктурные инициативы, российский восточный вектор, логика сопряжения с ЕАЭС и собственные задачи монгольской транспортной модернизации. В этом смысле Монголия выступает не периферийным элементом коридора, а его структурным ядром.

Аналогичным образом следует оценивать и роль приграничных территорий. Коридор не существует только на уровне политических деклараций. Он локализуется в конкретных точках пересечения, транспортных узлах, зонах таможенного и логистического сопряжения. Именно здесь становятся видны его реальные возможности и реальные ограничения: пропускная способность инфраструктуры, режимы границы, скорость движения потоков и локальные условия хозяйственной активности.

Для сухопутных направлений это особенно важно, поскольку они теснее морских коммуникаций зависят от состояния границы и качества смежных территорий. Исторически такую функцию выполняли узлы вроде Кяхты; сегодня ее выполняют переходы, логистические точки и транспортные центры. Между эпохами нельзя ставить знак равенства, однако функциональное сходство очевидно: в обоих случаях общая ось становится реальностью только через конкретные точки сопряжения.

Центральность Монголии и приграничных зон не означает автоматического преимущества. Именно здесь особенно заметны и слабости коридора: неравномерность инфраструктурного развития, зависимость от режима границы, различие административных порядков и высокая чувствительность к внешнеполитическим колебаниям. Тем не менее без монгольского пространства и без приграничных узлов данное направление в принципе не может сложиться как цельная сухопутная система.

Пределы интеграции коридора Китай – Монголия – Россия

Сопоставление исторического, пространственного и институционального уровней показывает, что коридор Китай – Монголия – Россия следует понимать прежде всего как форму современной сухопутной координации. Такое определение позволяет уйти

от слишком узкого представления о нем как о транспортной линии и одновременно избежать преувеличений, связанных с трактовкой его как уже сложившейся интеграции.

Рассматриваемое направление объединяет несколько уровней процессов. На одном уровне это инфраструктура и транзит. На другом – приграничное пространство и его пропускная способность. На третьем – межгосударственные рамки, программы и документы. На четвертом – историческая память о длительной устойчивости данной оси. Только совокупность этих измерений позволяет описать коридор как самостоятельный объект исследования.

Отсюда видна и ограниченность прежней формулы о «взаимодействии концепций». Она фиксирует важный аспект темы, но оставляет коридор в тени больших политических идей. Более продуктивен обратный ход: рассматривать крупные стратегии через конкретную пространственную конфигурацию, в которой они пересекаются, накладываются друг на друга и проверяются на практическую осуществимость.

В таком ракурсе коридор Китай – Монголия – Россия интересен не только сам по себе. Он позволяет увидеть, как в современной Евразии формируются сухопутные платформы взаимодействия. Обычно они возникают не как полностью спланированные и нормативно завершенные системы, а как многослойные пространства, где сочетаются историческая инерция маршрута, текущая политическая конъюнктура, инфраструктурные возможности, особенности приграничья и неравномерность хозяйственного наполнения.

Одним из наиболее существенных вопросов при анализе коридора Китай – Монголия – Россия остается вопрос о реальной степени его интегрированности. В научной и экспертной литературе наличие межгосударственных программ, документов о сопряжении и инфраструктурных проектов нередко воспринимается как достаточное основание для вывода о формировании интеграционного пространства. Однако подобная трактовка представляется чрезмерно расширительной. Политическое оформление направления, развитие транспортных связей и собственно интеграция не совпадают между собой ни по содержанию, ни по масштабу. Поэтому рассматриваемый коридор точнее определять не как завершенную интеграционную систему, а как форму межгосударственной координации, в которой сохраняется заметный разрыв между заявленной стратегической рамкой и глубиной реального сближения.

Такое уточнение важно потому, что само понятие интеграции предполагает не только наличие линии сообщения или набора совместных решений. В строгом смысле оно связано с устойчивостью общих правил, относительной совместимостью экономических режимов, плотностью воспроизводимых хозяйственных связей и такой степенью взаимной вовлеченности, при которой соответствующее пространство начинает функционировать как более цельная система. В случае коридора Китай – Монголия – Россия можно говорить о политически обозначенном и инфраструктурно развивающемся направлении, однако говорить о нем как о сложившемся интеграционном образовании пока преждевременно. Межгосударственная координация здесь выражена гораздо яснее, чем институциональная и хозяйственная консолидированность.

Причина состоит в том, что в пределах данного направления взаимодействуют государства с различными экономическими масштабами, различными стратегическими горизонтами и неодинаковыми представлениями о функциях самого коридора. Для

Китая он вписан в более широкую логику континентальной логистики, расширения сухопутной связанности и перераспределения внешнеэкономических маршрутов. Для Монголии данное направление связано прежде всего с реализацией транзитного потенциала, модернизацией транспортной системы и снижением эффектов внутриконтинентальной замкнутости. Для России коридор соотносится с восточным вектором развития, укреплением связей в азиатской части Евразии и поиском новых каналов внешнеэкономического взаимодействия. Эти установки пересекаются, но не образуют полностью единой стратегической платформы, вследствие чего коридор развивается как пространство наложения нескольких государственных логик, а не как результат их полного институционального совпадения [Грайворонский, 2018; Бабаев, Лузянин, 2024].

Не менее важно и то, что инфраструктурная связанность сама по себе еще не создает интеграционного качества. Наличие железнодорожных направлений, автомобильных трасс, переходов и логистических центров формирует материальную основу движения, но не гарантирует автоматически устойчивого хозяйственного сцепления территорий. Для того чтобы транспортная линия превратилась в интеграционное пространство, она должна поддерживаться регулярным спросом, согласованными административными процедурами, предсказуемыми режимами пересечения границы и воспроизводимыми интересами хозяйствующих субъектов. В противном случае инфраструктура остается технической возможностью, а не признаком внутренне связанной системы. Именно поэтому при анализе коридора важно учитывать не только карту маршрутов и программные документы, но и то, насколько отдельные элементы действительно соединены в единый рабочий контур.

Сходная проблема проявляется и на уровне хозяйственного наполнения. Пространство можно считать интегрируемым лишь тогда, когда экономические связи становятся достаточно плотными, регулярными и взаимно значимыми. Между тем применительно к направлению Китай – Монголия – Россия пока очевидна неравномерность такого наполнения. Она выражается в различии торговой интенсивности, в асимметрии структуры обмена, в неодинаковой включенности приграничных регионов и в том, что отдельные сегменты взаимодействия развиваются заметно быстрее других. В результате экономическая ткань коридора остается фрагментарной: она существует и местами демонстрирует рост, но еще не образует той внутренней целостности, которая позволяла бы говорить о завершенном интеграционном пространстве.

Особенно отчетливо пределы рассматриваемой модели видны в приграничном измерении. Именно на уровне переходов, сопредельных территорий, таможенно-логистических процедур и локальных узлов сопряжения обнаруживается степень соответствия между политическими декларациями и реальной организацией движения. Для сухопутных направлений этот уровень имеет принципиальное значение, поскольку любое замедление процедур, любое инфраструктурное сужение или любое расхождение нормативных режимов отражается не на отдельном участке, а на функционировании всей линии. В этом смысле приграничные территории выступают не просто периферией крупных стратегий, а тем уровнем, на котором проверяется жизнеспособность коридора как практической формы взаимодействия. Подобная зависимость от узлов сопряжения хорошо известна и в исторической ретроспективе, ко-

гда устойчивость обмена также определялась не абстрактной протяженностью маршрута, а состоянием конкретных пунктов, где соединялись торговые, административные и транзитные функции [Мишакова, 2011; Единархова, 2015; Кальмина, Плеханова, 2016].

В более широком плане коридор Китай – Монголия – Россия следует рассматривать как типичную для современной Евразии многослойную конструкцию, в которой политические проекты, транспортные интересы, торгово-экономические расчеты и региональные стратегии лишь частично совпадают друг с другом. Его нельзя свести ни к прямому продолжению какой-либо одной внешнеполитической инициативы, ни к полностью автономной системе, развивающейся по собственной внутренней логике. Он складывается под воздействием более широких международных процессов, зависит от характера российско-китайского взаимодействия, от места Монголии в континентальном транзите, от состояния мировой логистики и от внутренней динамики приграничных пространств. При таком сочетании факторов интеграция не может рассматриваться как автоматически заданный результат; напротив, она выступает как проблематичный и неравномерный процесс, пределы которого обнаруживаются уже на текущем этапе [Намжилова, 2018; Дондоков, Намжилова, 2022].

Тем самым коридор Китай – Монголия – Россия точнее определять не как сложившееся интеграционное пространство, а как формирующуюся систему сухопутной координации с незавершенной степенью институционального и хозяйственного сближения. Такое понимание позволяет избежать двух крайностей — как преувеличения интеграционного эффекта, так и чрезмерного упрощения, при котором коридор трактуется лишь как транспортная линия. Его современное состояние показывает, что политическая рамка способна опережать экономическую плотность связей, а инфраструктурное развитие — не устранять автоматически различий между национальными режимами и стратегическими интересами. Именно поэтому научно корректнее говорить о неравномерно складывающейся форме межгосударственного взаимодействия, нежели о завершенной модели интеграции.

В результате коридор Китай – Монголия – Россия предстает не как уже сложившееся интеграционное пространство и не как условное «возвращение» исторического маршрута в новых формах, а как развивающаяся система сухопутного взаимодействия, в которой долговременная пространственная ось сочетается с незавершенностью современных институциональных и хозяйственных связей. Это требует рассматривать данное направление одновременно в двух перспективах: как исторически устойчивую линию контактов во Внутренней Азии и как современную политико-инфраструктурную конфигурацию, степень внутренней целостности которой еще не достигла завершенного состояния. Именно из этого вытекают основные выводы проведенного исследования.

Заключение

Проведенное рассмотрение показывает, что сопоставление исторического «Чайного пути» и современного коридора Китай – Монголия – Россия возможно лишь

при отказе от прямолинейной логики «возрождения». Между караванной торговой системой прошлых веков и нынешними формами межгосударственного взаимодействия существует глубокий технологический, политико-правовой и институциональный разрыв. Вместе с тем сохраняется исторически устойчивая ось сухопутных связей, которая и в прошлом, и в настоящем придает направлению Китай – Монголия – Россия особое значение в пространстве Внутренней Азии.

Анализ позволяет сделать вывод, что современный коридор не сводится ни к символическому продолжению «Чайного пути», ни к простой производной от одной внешнеполитической инициативы. Он формируется на пересечении нескольких стратегических рамок, однако не исчерпывается ни китайской логикой континентальной связанности, ни российским восточным вектором, ни монгольской транзитной повесткой в отдельности. Именно поэтому его следует рассматривать как самостоятельную политико-инфраструктурную конфигурацию, в которой сочетаются историческая инерция направления, современные транспортные проекты, приграничные режимы и изменяющееся хозяйственное наполнение.

Принципиально важно, что центральное место в этой конфигурации принадлежит Монголии и приграничным территориям. Они выступают не промежуточным пространством между двумя крупными государствами, а необходимым территориальным основанием всей рассматриваемой системы. Через них становится видна реальная степень жизнеспособности коридора, поскольку именно на уровне узлов сопряжения, пограничных процедур и локальной инфраструктуры политические формулы проверяются практикой.

В то же время говорить о коридоре Китай – Монголия – Россия как о сложившемся интеграционном пространстве пока преждевременно. Политическая рамка и транспортная связанность здесь выражены заметно сильнее, чем институциональная и хозяйственная целостность. Сохраняются различия в стратегических интересах сторон, в режимах регулирования, в степени вовлеченности территорий и в плотности экономических связей. Это означает, что рассматриваемое направление находится скорее в стадии неравномерного формирования, чем в состоянии завершенной интеграции.

Современный коридор Китай – Монголия – Россия представляет собой развивающуюся форму сухопутной координации, возникшую на базе исторически длительной оси взаимодействия, но наполняемую уже иным политическим, инфраструктурным и экономическим содержанием. Именно такой подход позволяет избежать как упрощенной риторики «нового Чайного пути», так и недооценки исторической глубины данного направления. В научном плане это дает возможность рассматривать ось Китай – Монголия – Россия не как метафору и не как сумму разрозненных проектов, а как особый тип пространственной организации межгосударственного взаимодействия в современной Евразии.

Библиографический список

Александрова В.А. Сотрудничество России и Китая в рамках сопряжения ЕАЭС и проекта «Один пояс – один путь» // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 12-1(40). С. 411–418.

Бабаев К.В., Лузянин С.Г. Поворот на Восток: восточноазиатский вектор России (2014–2024): монография / под общ. ред. С.А. Караганова. М.: Институт Китая и современной Азии РАН, 2024. 255 с.

Бадараев Д.Д., Ван И.Д. Монгольский коридор как ревитализация Великого чайного пути: возможности развития сотрудничества России, Монголии и Китая // Власть. 2019. Т. 26. № 9. С. 56–62. DOI: 10.31171/vlast.v26i9.6151.

Борисов Г.О., Дондоков З.Б.-Д., Намжилова В.О. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: режим ожидания // ЭКО. 2017. № 5(515). С. 98–106.

Грайворонский В. В. Китайский мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути»: место и роль Монголии // Восточная аналитика. 2018. № 3. С. 49–59.

Дондоков З. Б.-Д., Намжилова В.О. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: выстраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов // ЭКО. 2022. Т. 52. № 12. С. 52–71. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-12-52-71.

Единархова Н.Е. Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е гг. XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2015. 163 с.

Кальмина Л.В., Курас Л.В. Русско-китайская торговля через Кяхту в 1840–1900-е гг.: печальный детектив // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 122–125.

Кальмина Л.В., Плеханова А.М. Забайкальские города в торговом пространстве трансграничья (1880–1920-е гг.) // Власть. 2016. Т. 24. № 7. С. 193–198.

Коваль М.В. Пограничная русско-китайская торговля в XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 3. С. 20–30.

Кузьмин Ю.В., Козырская И.Е., Тагаров Б.Ж. История кяхтинской торговли и русского купечества в исследованиях Ж.З. Тагарова (1952–2020 гг.): к 70-летию со дня рождения // Историко-экономические исследования. 2022. Т. 23. № 3. С. 555–580. DOI: 10.17150/2308-2488.2022.23(3).555-580.

Мишакова О.Э. Кяхта: от караванной торговли до порто-франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып. 7. С. 46–50.

Намжилова В.О. Экономические коридоры на евразийском пространстве: инициативы Китая и мировой опыт // Россия и АТР. 2018. № 1(99). С. 65–81. DOI: 10.24411/1026-8804-2018-00004.

References

Aleksandrova V.A. (2019). Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v ramkah sopryazheniya EAES i proekta “Odin poyas – odin put'” [Russia and China Cooperation in the Framework of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Belt and Road Initiative]. Skif. Voprosy studencheskoj nauki [Skif. Student Science Issues]. No. 12-1(40). P. 411–418. (In Russian).

Babayev K.V., Luzyanin S.G. (2024). Povorot na Vostok: vostochnoaziatskij vektor Rossii (2014–2024): monografiya [Turn to the East: Russia’s East Asian Vector (2014–2024): Monograph]. Edited by S.A. Karaganov. Moscow: Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences. 255 p. (In Russian).

Badarayev D.D., Wang I.D. (2019). Mongol'skij koridor kak revitalizaciya Velikogo chajnogo puti: vozmozhnosti razvitiya sotrudnichestva Rossii, Mongolii i Kitaya [The Mongolian Corridor as a Revitalization of the Great Tea Road: Opportunities for Developing Cooperation between Russia, Mongolia, and China]. Vlast’ [Power]. Vol. 26, No. 9. P. 56–62. (In Russian). DOI: 10.31171/vlast.v26i9.6151.

Borisov G.O., Dondokov Z.B.-D., Namzhilova V.O. (2017). Ekonomicheskij koridor Kitaj – Mongoliya – Rossiya: rezhim ozhidaniya [The China-Mongolia-Russia Economic Corridor: Standby Mode]. EKO. No. 5(515). P. 98–106. (In Russian).

Graivoronsky V.V. (2018). Kitajskij megaproekt “Ekonomicheskij poyas Shyolkovogo puti”: mesto i rol' Mongolii [The Chinese Megaproject “Silk Road Economic Belt”: Mongolia's Place and Role]. Vostochnaya analitika [Eastern Analytics]. No. 3. P. 49–59. (In Russian).

Dondokov Z.B.-D., Namzhilova V.O. (2022). Ekonomicheskij koridor Kitaj – Mongoliya – Rossiya: vystraivanie infrastrukturnoj svyazannosti v usloviyah global'nyh vyzovov [The China-Mongolia-Russia Economic Corridor: Building Infrastructure Connectivity in the Face of Global Challenges]. EKO. Vol. 52, No. 12. P. 52–71. (In Russian). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-12-52-71.

Edinarkhova N.E. Kyahta i kyahtinskaya torgovlya (40–60-e gg. XIX v.) [Kyakhta and Kyakhta Trade (1840s–1860s)]. Irkutsk: Ottisk. 163 p. (In Russian).

Kalmina L.V., Kuras L.V. (2019). Russko-kitajskaya torgovlya cherez Kyahtu v 1840–1900-e gg.: pechal'nyj detektiv [Russian-Chinese Trade via Kyakhta in the 1840s–1900s: A Sad Detective Story]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. No. 442. P. 122–125. (In Russian).

Kalmina L.V., Plekhanova A.M. (2016). Zabajkal'skie goroda v torgovom prostranstve transgranich'ya (1880–1920-e gg.) [Transbaikal Cities in the Cross-Border Trade Space (1880s–1920s)]. Vlast'. Vol. 24, No. 7. P. 193–198. (In Russian).

Koval M.V. (2013). Pogranichnaya russko-kitajskaya torgovlya v XIX v. [Russian-Chinese Border Trade in the 19th Century]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. No. 3. P. 20–30. (In Russian).

Kuzmin Yu.V., Kozyrskaya I.E., Tagarov B.Zh. (2022). Istoriya kyahtinskoj torgovli i russkogo kupechestva v issledovaniyah Zh. Z. Tagarova (1952–2020 gg.): k 70-letiyu so dnya rozhdeniya [The History of the Kyakhta Trade and Russian Merchants in the Research of Zh. Z. Tagarov (1952–2020): on the Occasion of his 70th Anniversary]. Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Historical and Economic Studies]. Vol. 23, No. 3. P. 555–580. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2022.23(3).555-580

Mishakova O.E. (2011). Kyahta: ot karavannoj torgovli do porto-franko. Iz istorii torgovyh otnoshenij Rossii i Kitaya v XVIII – pervoj polovine XIX vv. [Kyakhta: From Caravan Trade to Free Porto. From the History of Trade Relations between Russia and China in the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]. Issue 7. P. 46–50. (In Russian).

Namzhilova V.O. (2018). Ekonomicheskie koridory na evrazijskom prostranstve: iniciativy Kitaya i mirovoj opyt [Economic Corridors in the Eurasian Space: China's Initiatives and Global Experience]. Rossiya i ATR [Russia and the Asia-Pacific Region]. No. 1(99). P. 65–81. (In Russian). DOI: 10.24411/1026-8804-2018-00004.

Поступила в редакцию: 05.05.2026 Received: 05 May 2026.
Принята к публикации: 19.05.2026. Accepted: 20 May 2026.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.45.88.003

Nirmala Joshi

New Forms and Directions in Eurasia and Shanghai Cooperation Organisation: An Indian Perspective

Abstract. The article explores the changing nature of Eurasia. Eurasian landmass has become the playground for rivalry and competition among the US, China and Russia. The issue at hand is whether the emerging new global order would be bipolar or multipolar. The three leading global powers would like to shape the future global order according to their interest. The tools employed to achieve their objectives have been discussed and analysed. In the on-going "Great Game" the role of Pakistan has assumed significance. The Central Asian States are also important for both sides. Besides the Shanghai Cooperation organisation (SCO) a regional organisation comprising of countries located in Eurasia and those on its periphery is an important organisation. The SCO was expected to play a role of security provider and economic matters. However, due to certain inherent weaknesses it failed to evolve as a strong organisation. The challenges and suggestions for a way forward have been discussed. India, as an important member, has made significant contribution towards rejuvenating the SCO. India's focus is on peace and dialogue for conflict resolution and settlement of differences among members.

Keywords: Eurasia, competition, bipolar, multipolar, natural and mineral resources, SCO.

Author: *Nirmala Joshi*, Former Professor at the School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi nirmalajoshi@gmail.com

尼尔玛拉 • 乔希

欧亚大陆与上海合作组织的新形式和新方向：来自印度的视角

*摘要：*本文探讨了欧亚大陆格局的变迁。欧亚大陆已成为美、中、俄三国博弈的舞台。当前的关键问题是，新兴的全球秩序究竟是两极格局还是多极格局。三大世界

强国都希望根据自身利益塑造未来的全球秩序。本文讨论并分析了它们为实现目标所采取的手段。在持续进行的“大博弈”中，巴基斯坦的角色日益凸显。中亚国家对双方也至关重要。上海合作组织作为一个重要的区域性组织，其成员包括欧亚大陆及其周边地区国家。上合组织曾被寄予厚望，希望它在安全和经济领域发挥重要作用。然而，由于固有的一些弱点，上合组织未能发展成为一个强大的组织。本文探讨了上合组织面临的挑战以及未来的发展方向。印度作为重要成员国，为重振上合组织做出了重大贡献。印度致力于通过和平与对话解决成员国之间的冲突和分歧。

*关键词：*欧亚大陆；竞争；两极格局；多极格局；自然资源和矿产资源；上海合作组织

*作者：*尼尔玛拉·乔希，原贾瓦哈拉尔·尼赫鲁大学国际研究学院教授，新德里，nirmalajoshi@gmail.com

Нирмала Джоши

Новые формы и направления в Евразии и Шанхайской организации сотрудничества: Индийская перспектива

Аннотация. В статье исследуется меняющаяся природа Евразии. Евразийский континент стал ареной для соперничества и противостояния между США, Китаем и Россией. Вопрос в том, будет ли новый мировой порядок биполярным или многополярным. Три ведущие глобальные державы стремятся формировать будущее мироустройство в своих интересах. В работе рассматриваются и анализируются инструменты, которые они используют для достижения своих целей. В продолжающейся «Большой игре» роль Пакистана приобретает всё большее значение. Не менее важны для обеих сторон и государства Центральной Азии. Помимо этого, важным игроком выступает Шанхайская организация сотрудничества — региональное объединение, в которое входят как сами евразийские страны, так и государства на периферии континента. Предполагалось, что ШОС будет заниматься вопросами безопасности и экономики. Однако, из-за ряда внутренних слабостей, организация так и не смогла превратиться в по-настоящему сильную структуру. В статье обсуждаются стоящие перед ней вызовы и предлагаются пути дальнейшего развития. Индия как важный член ШОС вносит значительный вклад в её активизацию. Индийская сторона делает акцент на мире и диалоге как основе для урегулирования конфликтов и разрешения разногласий между участниками.

Ключевые слова: Евразия, соперничество, биполярность, многополярность, природные и минеральные ресурсы, ШОС.

Автор: *Нирмала Джоши*, бывший профессор Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Нью-Дели. nirmalajoshi@gmail.com

To-day Eurasia is caught in a complex web of rivalry and geopolitical competition between leading and regional powers. What is at stake is whether the emerging world order would be bipolar or multipolar. In the on-going competition, the issues are: geopolitics, security and economic matters. Presently, the competition has reached a level of countries using military power and intense economic pressure to intimidate the opponent. The recent conflict between US-Israel and Iran is a case in point. The conflict is vicious and has led to immense destruction to property, uprooted people causing hardship and suffering. The conflict has impacted negatively on Eurasia. In Eurasia, countries are trying to protect their respective interest, rather than forging shared values to put up a united front.

Regional organisations such as the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) and Brazil-Russia-India-China-South Africa (BRICS) are unable to project a collaborative view. Undoubtedly, such a view has impacted on the cohesiveness and compactness of these organisations. In order to rejuvenate these regional organisations it is necessary to search for new forms and directions, otherwise they may lose their potentialities.

Primarily, it is the US President Donald Trump and his allies who have accelerated the competition in Eurasia on the nature of emerging global order. The main competitors are Russia and China, leading powers in Eurasia. Russia and China share a strong strategic partnership and their aim is to check the advance of the US in Eurasia and to promote their respective ambition at the global level.

Another aspect of the competition is to establish their presence in the Central Asian region. The Central Asian region geopolitically located in the centre of Eurasia but is landlocked yet have been coveted by the empires of the day and presently by the major powers. The Central Asian region comprises of five states namely, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. The significance of the Central Asian State (CAS) lies in their location with access to land routes connecting East and West and north to south. Today trade and connectivity issues have moved to the centre stage of international politics. On the other hand, the CAS are also focusing on trade and connectivity issues and would like to reach out to external powers for their economic development. The CAS are also rich in natural resources and minerals. At present, it would not be wrong to say that Eurasia is witnessing replay of the “Great Game”.

Another factor that has assumed criticality in the on-going struggle for space in Eurasia is Pakistan. It is the ‘crucial pivot’ for both sides that is the US on one side and China and Russia on the other side. Pakistan’s geostrategic location is important for both sides. It has cordial and close ties with China its all-weather friend since decades. Recently, the US is making consistent efforts to befriend Pakistan. Pakistan shares land borders with India, Afghanistan and Tajikistan, a key CAS. Moreover, Pakistan has deep seaport overlooking the Arabian Sea. Pakistan’s coastline is dotted with deep seaports. It has offered the US to invest in one of its ports – Pasni. On the other hand, China has been a firm supporter of Pakistan in diplomatic and financial matters. It remains to be seen how adroitly Pakistan plays its role in the “Great Game”.

Changing Eurasia

In the late 1990s, the concept of the unipolar world as perceived by Western scholars was challenged by former Russian Prime Minister Yevgeny Primakov. He put forward the vision of a multipolar world. In his perception "a multipolar world has three principles. One, multipolarity as a governing principle of international relations is in active opposition to attempts to establish a unipolar world order. Second, a constructive partnership with all countries instead of a permanent coalition and third, integration on a voluntary basis within a commonwealth of independent States" [Chufrin, 1999, p. 476]. The debate however got accelerated with the assumption of American Presidency by Donald Trump in January 2025. President Trump's foreign policy approach was geopolitical and to confront Russian-Chinese Strategic Partnership, that of the leading powers in Eurasia. Geopolitical advantage in Eurasia would provide immense opportunities in economic issues in terms of acquiring natural resources of the region and in infrastructure activity. Besides regional powers are also attracted to Eurasia for similar reason as the major powers.

Thus, the competition in Eurasia is gathering momentum. At present, the trend is towards protecting one's own interest instead of projecting a common and a collaborative view. We shall now examine the role and interest of the US, China, Russia followed by the role of the SCO a prominent regional organisation of Eurasia.

The United States of America

President Trump's approach and foreign policy in Eurasia is largely guided by Nicholas Spykman theory of geopolitics. According to Spykman, "Who controls the Rimland rules Eurasia; Who rules Eurasia controls the destinies of the world". The Rimland which cinsists of the European coast land, the Arabian-Middle Eastern desert land; and, the Asiatic monsoon land, is strategically important due to their location at the intersection of land and sea power [Spykman, 1944, p.43].

In pursuit of his Make America Great Again (MAGA) agenda, President Trump identified China as the main threat to his MAGA agenda. In his perception of Eurasia China was a major power. In its MAGA approach Pakistan was identified as the pivot to Eurasia[1].

Pakistan shares borders with Afghanistan on its western flank and India on the eastern Frank. Besides, Pakistan has a long coastline dotted with deep sea ports. Reportedly, Pakistan has offered the US the use of three Air Bases and invited American investment in Pasni, a deep sea port opening on Arabian Sea.

In view of the strategic significance of Pakistan, President Trump invited Field Marshal Asim Munir to the US and within a couple of months, invited him again. This has set in motion the trend of befriending Pakistan. In his attempt to win over, the US has offered Pakistan USD 686 million Military Aid Package [Trump lines up…, 2025]. But can Pakistan play the double game with the US as well as with China? It depends on Pakistan whether it can act as the linchpin for both the US and China.

[1] The geopolitical significance of Pakistan in the "Great Game" has been discussed in page 3 to 4.

The US has joined AUKUS (Australia-United Kingdom-US). The pact is an effort to forge connections among allied defences industries across the Atlantic and the Pacific in fundamentally new ways. The US is also a member of Quadrilateral Security Dialogue (QUAD) comprising of US, Japan, Australia and India. The focus of QUAD is on maritime security, economic resilience, critical technologies, cyber security, climate action and health security. India participates regularly in all its meetings of QUAD including military drills and exercises.

Now that the competition is getting fierce and uncertain, the US has been unable to strike a presence in Eurasia. As rightly observed by Emma Ashford, Senior Fellow at the Stimson Centre, Washington DC, USA "The 'unipolar moment' of American predominance is over. Long term economic, demographic and military trends have undeniably shifted global politics, and US now needs a strategy to manage the emerging world …" [Making Multipolar Work…, 2025]. We shall now examine the approach and foreign policy of China a major power in Eurasia.

The People's Republic of China

Chinese dreams are to establish the future global order based on 'Socialism with Chinese Characteristics'. An equally crucial goal is to re-unite Taiwan with the Mainland. In the economic sphere it would like to emerge as a trading country. Trade and connectivity focus could bring economic benefit, but also geopolitical advantages. Hence Chinese investments are primarily in the infrastructure sector. Its flagship project Belt and Road Initiative (BRI) have reportedly been accepted by nearly 100 countries in Asia, Africa and Latin America. China also exports technologies and agriculture and its products.

In view of its interests China perceives the US as its main challenger. China has strategic partnership with Russia as they share the same objective of checking US advance in Eurasia. On China-US relation relations Chinese Foreign Minister Wang Yi stated at a Symposium on China US Strategic Choices he stated "China-US relationship was one of the most consequential bilateral relationship in to-day's world… The Strategic Choices of the two countries will shape the course of world history [China's top diplomat stresses…]." Whether China will be able to fulfil its Chinese Dreams and meet the Western global challenge is difficult to predict.

At the regional level, Chinese foreign policy is comparatively successful. Its strategic partnership with Russia is an asset. China has strategic ties with North Korea, Iran and Azerbaijan. It has friendly and cordial ties with all the CAS. China is a member of regional organisations, such as the SCO and BRICS. At the bilateral level, China has enduring ties with Pakistan. For China, Pakistan is also a crucial link. It adjoins India, with which it has troubled relations since inception. India-Pakistan adversarial relations coincide with the China's acrimonious tiles with India. China is keen to build a road connection with Xinjiang for which Eastern Ladakh is the crucial link. The China-Pakistan relations are best described by Hu Shisheng Deputy Secretary General of Academic Committee at the China Institute of Contemporary International Relations. In his words "China-Pakistan relations have reached new heights… higher than mountains, deeper than oceans, stronger than steel

and sweeter than honey… [Political trust between…, 2025]. China's BRI project has helped it to establish contacts with countries of the Global South.

Apart from its diplomatic forays, China has also taken some significant initiatives. They are (a) Global Security Initiative (GSI). It is a framework for "Communal Comprehensive, Cooperative and Sustainable Peace" pushing back against US-lead security pact. An equally important initiative is "Community with shared future shared destiny and rejecting hegemonism" [Political trust between…, 2025].

In the economics sphere China's focus is on swift development of technology, particularly high technology that is useful for defence purposes. It was Deng Xiaping's strategy that China should follow a peaceful path. His dictum was "Hide your strength: Bide your time." Some of the key features of the policy are (a) Build strength, focus on domestic economic construction and development (b) observe the international situation calmly and wait for the right moment to act without attracting major challenges. This strategy is central to China's foreign policy and has successfully lead to its 'Peaceful Rise'. Current President Xi Jinping has moved away from this approach, signalling an assertive stance.

Today China has emerged as a powerful country; militarily and economically. It has used its military power in the form of drills and exercises. This is evident from exercise and drills around Taiwan's coastline to subdue it. At times, even such exercises and drills are held around Japan in the Sea of Japan. Similarly, China has stationed its troops along the Indian Line of Actual Control in the Himalayan region. Perhaps as a threat perception. To what extent China would succeed in achieving its aspiration remains to be seen. However, in the evolving geopolitical stratagem the role of Russia occupies an important place in Chinese strategic thinking.

The Russian Federation

Russia is one of the important countries in Eurasia. It also nurtures the ambition of regaining its earlier superpower status. Another goal of Russia, according to some experts and specialists on the region, is to emerge as a Black Sea power. Incorporation of Crimea into the Russian Federation in 2014, creation of Abkhazia as an independent nation with its excellent seaport at Poti. In Russian ambition, its miliary operation in Ukraine perhaps has similar strategic aim. Russia has the wherewithal of achieving its aspiration. It has vast territory, a wealth of natural resources, including rare minerals. Russian people are skilled, well-qualified and capable of achieving their countries' ambition. Some began to consider it a second level power. However, its strategic partnership with China has stood Russia in good stead. Russia is trying to give a fitting response to Western approach of a bipolar world and focusing on building a multilateral global order. This goal was clearly spelt out by President Valdimir Putin in an answer to a question on Russian foreign policy at the Valdai Discussion Club in 2025. President Putin said: "We stand for diversity, for polyphony – for a true symphony of human values. The world, as I am certain you will agree, is a dull and colourless place when it is monotonous… In today's multipolar world, that very harmony and balance can only be achieved through a joint, common effort." The expanded BRICS is gaining traction as more countries tired of Western hegemony and unilateralism want to join it [Vladimir Putin meets with the members…].

In spite of facing challenges to its policy, Russia cannot be written off as a second rank power. Its defence and technological development is of a high order, it could possibly bounce back on the global scene as a superpower.

Eurasia has also attracted other powers apart from the three major powers. The Japanese Foreign Minister Yoshimasa Hayashi aptly said that "security in Europe and security in the Pacific "are not separable" [Foreign Policy Speech…]. As Julianne Smith and Lindsey Ford pointed out, over the past seven years, France, Germany, the Netherlands, the United Kingdom, and the EU all drafted new Indo-Pacific strategies that stress the importance of working with Asian democracies to build resilient supply chains and protect freedom of navigation [The New Eurasian Order…]".

Besides, regional organisations are also active in Eurasia. To mention some SCO, BRICS, CICA (Conference of Interaction and Confidence Building Measures in Asia). An equally significant grouping is the trilateral one between Russia-India-China (RIC). The grouping met a few times earlier, but presently it is dormant.

Among the regional organisations, the SEO is important as it comprises of the countries located in Eurasia as well as those on its periphery.

The Shanghai Cooperation organisation

The SCO, an inter-governmental Organisation, was formed in Beijing in June 2001. In fact, the SCO is the successor of the Shanghai Five. The Shanghai Five was established in 1996 at the behest of China, after the long-contested land boundary between Russia and China was resolved. Besides Russia and China three CAS: Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan who share land borders with China were also included. The objective of Shanghai Five was to ensure that their common border remained peaceful and stable, and that the members exuded good neighbourly attitude towards each other. The Shanghai Five was primarily a bilateral agreement.

By the end of the last century, wider issues began to impinge on global order. The crux was whether the emerging global order would be unipolar, bipolar or multipolar. Western scholars, experts and others opined that the global order would be unipolar. It was at the end of the last century that the competition among major powers was gathering momentum. In the midst of it, new forms of security threats were arising, such as non-traditional threats in the form of extremism, terrorism and illicit drug trafficking and smuggling of weapons. In the midst of this emerging turmoil the need for a regional organisation was keenly felt so as to project a collaborative view on issues of common concern. Hence, The Shanghai Five paved the way for the SCO in Beijing in June 2001. Uzbekistan was opted as the sixth member. The SCO was conceived as a multilateral organisation.

The Declaration of the Establishment of the SCO stated that it "aims at: strengthening mutual trust, friendship and good neighborliness between the member states; encouraging effective cooperation between them in the political, trade, economic, scientific, technical, cultural, educational, energy, transport, environmental and other fields; making joint efforts to maintain and ensure peace, security and stability in the region and establishing new, democratic, just and rational international political and economic order" [Declaration on the establishment…, p. 1–2].

The SCO has two structures: the Secretariat in Beijing and Regional Anti-Terrorist Structure (RATS) in Tashkent. Secretariat fixes dates for summit meetings, agenda and prepares the Declaration and statements to be issued at the end of the Summit meetings, while the RATS collects information about terrorist groups, their movement and activities, and supplies the information to all members. The SCO has held meetings regularly. However, it remained an ineffective organisation. Despite having potentialities to emerge as an effective organisation, the SCO in its twenty five years of existence was unable to impact in a positive way on the Eurasian region. What were the challenges faced by SCO?

Issues confronting the SCO

(a) A major drawback was that the SCO was not formed in an evolutionary manner. For any regional organisation to be effective it should be cohesive and compact. The SCO's effectiveness was stymied due to differing perspectives of the members on issues of security and economic matters. In the course of the last twenty-five years, the SCO has passed several laudable resolutions and declarations, but some were being observed in violations rather than in observance.

(b) Another shortcoming of SCO is that it does not have a multilateral mechanism for decision-making. Decisions are arrived at by consensus. Consequently, decisions are watered down and do not reflect the collective view of the organisation. For instance, at the end of the second summit in St Petersburg (2002) it extended support for the One China Policy and the principle that Taiwan is an inalienable part of China. According to Dr Jyotsna Bakshi, an expert on Eurasian affairs, there exists certain resentment in the Central Asian States circles that under Russian and Chinese influence they are called upon to express views on issues that do not directly concern them and which lead to antagonizing Wes [Bakshi, 2004, p. 288–296]. Many Central Asian countries are linked to North Atlantic Treaty Organisation (NATO), Program of 'Partnership for Peace' (PfP). Recently at the Defence Ministers Meeting in Qindao in July 2025, Indian Defence Minister Rajnath Singh refused to sign the final statement. The statement did not mention the terrorist attack in Kashmir in April 2025 while mentioning a similar attack in Pakistan's Balochistan. At the Moscow Format meeting on Afghanistan in October 2025, the SCO could not put forward a collective view. While drafting the Statement, the Secretariat was reminded of its Declaration (2001) which stated, "Mutual Benefit, Equality, Cooperation and Sustainable Development." This anomaly on the part of the SCO was corrected at the Tianjin Summit (2025). In the absence of its ability to project a collective view, the SCO has remained an ineffective organisation.

(c) Moreover, the structure of the SCO also requires an overhaul in order to make it an efficient organisation. Given the global ferment, can the SCO play its due rule of a security provider of its members? In order to focus on the potentialities of the SCO, the following suggestions could prove helpful and significant.

The Way Forward

a) The SCO mechanism should become more effective. As early as in 2009 head of the Russian National SCO Research Center Alexander Lukin stressed that it was it Russia's interests to prevent SCO's "becoming yet another discussion forum," and to this end, first, its institutions, especially the Secretariat, "must be developed more actively and given more powers, so that institutional logic would let them show greater initiative" and, second, the organization should develop a "real multilateral economic cooperation among its members, which now is actually non-existent" [Lukin, 2009, p. 95]. However, these tasks are still to be implemented.

b) The SCO should broaden its space by including experts, specialist diplomats etc. Inclusion of experts will provide a wider perspective to an issue at hand. In fact, it is suggested, every member should set up a research study centre in their respective country on issues of common concern. The issues could focus on climate change, energy security, health and sustainable development. Discussions on common issues with different perspectives could provide a better understanding of the concerns.

c) Scholarly exchanges at conferences or seminars organised by the SCO could be helpful in projecting a collective view. In fact, the SCO should think of setting a Core Discussion Group (CDG), where members interact with each other in an informal manner.

d) The following suggestions are worth considering: (1) Short-term fellowships for skill development and enhancing one's own expertise by incorporating high technologies in one's own skill. (2) Areas of common interest should be encouraged, such as tourism, health facilities and people-to-people exchanges. This will also cement the past cultural ties.

Indian perspective on Eurasia

Today India is an important member of the SCO. Its perspectives are worth noting. India's contact with the region dates back to millennium. In the past, the Indian subcontinent was a prominent player in the Eurasian trading activities and search for land routes. In the process, people-to-people exchanges and cultural partnership flourished between the two regions. As observed by a Tajik Academician Babajon Gafurov, "It was not a mechanical transmission of cultural values from one people to another, it was a creative process in which cultural achievements were further refined before they were further past on" [Gafurov, 1974, p. 11].

At the turn of the century, India's foreign policy expanded to include the Eurasian region. In India's strategic thinking, Central Asia is considered as its extended neighbourhood, or strategic neighbourhood. In pursuit of its policy, India enunciated the Connect Central Asia Policy (CCAP) in Bishkek in June 2011. The policy was to enhance the engagement with the CAS. It was also welcomed by all the CAS. In July 2015, Prime Minister Narendra Modi visited all the CAS. In Uzbekistan, the first one on his itinerary, he highlighted the significance of Central Asia for India. In his world "Our relationship with the region has ancient roots and has left a strong imprint on both. It now occupies significant place in India's future" [Visit of Prime Minister…, 2015]. At the Nazarbayev University in Astana,

Prime Minister Modi pointedly spoke about the significance of the region. “Central Asia is at the crossroads of Eurasia. It has been caught in the current of history and it has also shaped it” [Address by Prime Minister…, 2015].

The strength of India's connection with the CAS also manifested itself when all the Five Foreign Ministers visited India to express their solidarity on the gruesome terrorist killings of tourist in Pahalgam and extended support to India on “Operation Sindoor”. In the Joint Statement issued at the end of the meeting it was stated “…the countries condemned the Pahalgam attack and re-affirmed their firm commitment to fight against terrorism in all its form and manifestation” [Joint Statement issued…, 2025]. At the political and economic security level, India’s relation with the CAS are cordial and stable. Its engagement with the regional organisations is equally important and credible.

India and the SCO

When the SCO was formed in Beijing in June 2001, India welcomed its formation. In 2005, India was accorded the Observer Status of the SCO. Former Foreign Minister S.M. Krishna hoped that by becoming involved with the SCO, Afghanistan could become the geostrategic bridge between Central Asia and South Asia as well as the transit hub [READ: SM Krishna's speech…].

At the Ufa summit in 2015, India was invited as a full member of SCO, which became operational in 2017. In his acceptance speech, Prime Minister Modi said “Our membership of the Shanghai Cooperation Organisation is the natural extension of the relationship that India had with the member countries and mirrors the region’s place in India's future.” Further he said it will promote peace and prosperity in this vast region that has often been called “Pivot of History” [Visit of Prime Minister…, 2015]. Subsequently, India has attended all the meetings of the SCO structure. India's focus has been on security and economic matters. In the last meeting at Tianjin, China in August 2025, Prime Minister Modi presented an innovative interpretation of the SCO, by classifying it as “three pillars” of India's vision and policy. In Prime Minister Modi's vision, the first pillar “S” stands for Security. Terrorism is not only a threat to the security of individual nation but a shared challenge to all humanity – India has consistently stressed the importance of unity in the fight against terrorism. The Second Pillar “C” denotes connectivity. India has always believed that strong connectivity does not nearly facilitate trade, but also opens the doors to trust and development. The third pillar “O” stands for opportunity and cooperation. Finally Prime Minister Modi suggested the creation of a Civilisational Dialogue Forum (CDF) under the SCO. Such a platform will allow to share the richness of our ancient civilisation [Prime Minister's statement…, 2025].

India regularly participated in all SCO meetings. However, the SCO’s efficiency as a regional organisation is still lacking. In a study commissioned by the United Services Institute of India (USI) on India - Proposed Defence Cooperation Activities in Shanghai Cooperation Organisation, in an attempt to rejuvenate the SCO, the author and Maj Gen Jaishankar (Ret) suggested the following: (1) joint measures to combat international terrorism; (2) climate change and environment related issues; (3) annual interaction of defence

think tanks; (4) development of military medicine; (5) adventure activities involving youth (NCC cadets); (6) joint studies on climate change issues after joint Projects are identified and agreed upon; (7) training and capacity building of exchanges in climate change issues.

Concluding Observation

Present-day Eurasia is in a state of flux due to the shifting dynamic at the global level. Major and regional powers are vying with each other for space in Eurasia. It is geopolitics, security and economic development that has attracted countries to Eurasia. The crux of the competition is, whether the evolving new global order would be bipolar or multipolar? The tools deployed for this competition are economic pressure, sanctions, creating threat perceptions or tensions or perhaps even reaching conflictual level. The present trend indicates it would be a multipolar global order.

President Trump accelerated the competition by enunciating MAGA agenda. China was viewed as the main challenge to his agenda while, the latter viewed the US as its main adversary. In the competition, Pakistan emerged as the "crucial pivot" for both the US and China. Pakistan's geopolitical location assumed tremendous geopolitical significance in achieving their respective ambition at the global level. Pakistan at present is enjoying its position of being coveted by both the major powers and playing an important role as a mediator in the US-Israel war against Iran. A tricky question arises: Can Pakistan play the dual role of pleasing both sides? It is like "running with the hares and hunting with the hounds".

An equally important issue is: will the Russian-Chinese Strategic Partnership, former adversaries, presently ideologically different and aspiring for similar global status, remain stable? In the present global turmoil, the Partnership is an asset to both Russia and China. Once either side achieves its ambition, how would the partnership be impacted? Given the tactical nature of the Partnership, it is possible to conjecture that in the near- to midterm, the Partnership would remain stable.

The SCO has the potentialities to emerge as a strong organisation. It can act as a unifier among members. A united SCO can act as a security provider to its members and facilitate economic interaction. For instance, a collective approach would facilitate its effectiveness and, thereby, give new form and directions to the organisation in Eurasia. Apart from noteworthy suggestions made earlier, President Xi Jinping in his Opening Address to the Tianjin Submit in 2025, stressed that members regardless of size, strength and wealth are equal participants and decision-makers and beneficiaries in global governance. If these principles are followed, the SCO would emerge as powerful regional organisation and play its due role.

References

Address by Prime Minister at Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan, 7 July 2015 (2015). Ministry of External Affairs, Government of India. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/25436/Address_by_Prime_Minister_at_Nazerbayev_University_Astana_Kazakhstan (accessed: 09.07.2015).

Bakshi, Jyotsna (2004). Russia-China Relation: Relevance for India, pp. 288–296. New Delhi: Shipra.

China's top diplomat stresses three 'musts' amid Japanese leader's open challenge to China's territorial sovereignty (2025). Global Times, 30 December. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202512/1351928.shtml (accessed: 16.01.2026).

Chufrin, Gennady (ed.) (1999). Russia and Asia: The Emerging Security Agenda. SIPRI. New York: Oxford University Press.

Declaration on the Establishment of the Shanghai Cooperation Organization. URL: https://eng.sectsco.org/files/193054/193054 (accessed: 01.06.2026).

Foreign Policy Speech by Foreign Minister Hayashi to the 211th Session of the Diet (2023). 23 January. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pp/page3e_001305.html (accessed: 16.11.2025).

Gafurov, Babajon (1974). Kushan Civilization and World Culture in Central Asia in the Kushan Period. Moscow: Nauka (in Russian).

Joint Statement issued at the end of Central Asia Foreign Ministers Visit to New Delhi 6 June 2025 (2025). Ministry of External Affairs, Government of India. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl%2F39643%2FJoint_Statement_of_4th_IndiaCentral_Asia_Dialogue_June_06_2025 (accessed: 10.05.2025).

Lukin, Alexander (2009). Russia to Reinforce the Asian Vector: Some Priorities of Russian Foreign Policy after the Crisis. Russia in Global Affairs, vol. 7, no. 2 (April–June).

Making Multipolar Work: How America Should Navigate a New Global Order (2025) Foreign Affairs. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/making-multipolarity-work (accessed: 26.05.2026).

Political trust between China and South Asian countries reaches new heights: Chinese scholar (2025). Global Times, 20 December. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202512/1351096.shtml (accessed: 16.01.2026).

Prime Minister's statement during the 25th SCO Summit (September 01, 2025) (2025). Ministry of External Affairs, Government of India. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/40075 (accessed: 15.09.2025).

READ: SM Krishna's speech at the SCO summit, 13 June. URL: https://www.rediff.com/news/report/read-sm-krishna-s-speech-at-the-sco-summit/20120613.htm (accessed: 28.06.2012).

Spykman, N.J. (1944). The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace.

The New Eurasian Order: America Must Link Its Atlantic and Pacific Strategies (2025). Foreign Affairs (November/December). URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/new-eurasian-order-smith-ford (accessed: 01.06.2026).

Trump lines up new $686 million military aid package for Pakistan (2025). The Times of India, 11 December. New Delhi. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/world/us/trump-lines-up-new-686-million-military-aid-package-for-pakistan/articleshow/125913853.cms (accessed: 11.12.2025).

Visit of Prime Minister to Uzbekistan (July 6-7, 2015) (2015). Ministry of External Affairs, Government of India. URL: https://www.mea.gov.in/outgoing-visit-info.htm?2/786/Visit+of+Prime+Minister+to+Uzbekistan+July+67+2015 (accessed: 11.07.2015).

Vladimir Putin Meets with Members of the Valdai Discussion Club. Transcript of the Plenary Session of the 22nd Annual Meeting, 2 October (2025). URL: https://valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-meets-with-members-of-the-valdai-club-transcript-plenary-session/ (accessed: 01.06.2026).

Поступила в редакцию: 01.05.2026 Received: 1 May 2026.
Принята к публикации: 21.05.2026. Accepted: 21 May 2026.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.18.55.004

И.Е. Денисов

От несуществующих надписей до «ошибки 404»: как изучать Китай в цифровую эпоху?[1]

Аннотация. В статье анализируется, как цифровая эпоха изменила задачи китаеведения по изучению политической системы современного Китая. Если ранний интернет-оптимизм связывал расширение доступа к китайским источникам с большей прозрачностью КНР, последующий опыт показал, что цифровой поворот создал новые формы неопределенности. Двухтомная монография Е.Н. Румянцева «Современная китайская политика» (2024) рассматривается как значительная попытка соединить широкий охват китайской политики с внимательным чтением текстов и использованием большого массива интернет-материалов. Накопленное знание об устройстве китайской политики и аналитическое чутье позволяют автору монографии связать отдельные сюжеты, события и политические формулы в целостное представление о логике функционирования китайской политической системы. Однако именно такая масштабная работа особенно остро ставит вопрос о доказательной силе источника. Статья предлагает осторожный подход к анализу партийных текстов КНР как властных актов и профессионального языка элиты, предостерегая от текстологического детерминизма, чрезмерных обобщений и попыток выводить долгосрочную политику Китая из отдельных идеологических формул. Заключительная часть посвящена исследовательской дистанции в условиях изобилия источников, требующих строгой проверки независимо от происхождения, политической ориентации и внешней убедительности. Отмечается, что использование искусственного интеллекта в китаеведении требует не только критики источников, но и внимания к рекомендательным алгоритмам, определяющим их видимость.

Ключевые слова: Китай, китайская политика, политический дискурс, цифровое китаеведение, источниковедческая критика, Е.Н.Румянцев, искусственный интеллект.

Автор: *Денисов Игорь Евгеньевич*, старший научный сотрудник МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-5447-1164. E-mail: iedenisov@yahoo.com

[1] Маргиналии к монографии к. филол. н. Е.Н. Румянцева «Современная китайская политика». Румянцев Е.Н. Современная китайская политика: в 2 т. М.: Синосфера, 2024.

И • Е • 杰尼索夫

从不存在的铭文到“404 错误”：如何在数字时代研究中国？

*摘要：*本文分析了数字时代如何改变了汉学研究当代中国政治体制的任务。早期的互联网乐观情绪将中国信息来源的扩大与中华人民共和国更高的透明度联系起来，但随后的经验表明，数字化转型带来了新的不确定性。E • N • 鲁缅采夫的两卷本专著《当代中国政治》（2024）结合了对中国政治的广泛包含、对文本的仔细解读以及对大量网络资源的运用，这被视为一次重要的尝试。鲁缅采夫对中国政治结构的知识积累及其分析能力使其能够将单独的情节、事件和政治公式联系起来，从而对中国政治体制的运行逻辑形成整体性的理解。然而，正是这样一部规模宏大的著作尤其尖锐地提出了资料可信性的问题。本文对于中共官方话语分析提出一种谨慎的方法，将其视为对权力行为和精英阶层专业语言的分析，并提醒要避免文本决定论、过度总结以及试图从单独的意识形态公式中推断中国长期政策。本文最后探讨了面对海量资料时研究的客观性，指出无论资料的来源、政治倾向和来自外部的说服力如何，都必须进行严格的核实。本文指出，人工智能在汉学研究中的应用不仅要求研究人员对资料进行批判性分析，还需要对决定资料可见性的推荐算法加以注意。

*关键词：*中国；中国政治；政治话语；数字汉学；考据批判，E • N • 鲁缅采夫；人工智能

作者：伊戈尔 • 叶夫根尼耶维奇 • 杰尼索夫，莫斯科国际关系学院高级研究员。
ORCID ID: 0000-0001-5447-1164; E-mail: iedenisov@yahoo.com

Igor E. Denisov

From Nonexistent Inscriptions to “Error 404”: How to Study China in the Digital Age

Abstract. The article analyzes how the digital age has changed the tasks of China studies in examining the political system of contemporary China. While early Internet optimism associated broader access to Chinese sources with greater transparency of the PRC, subsequent experience has shown that the digital turn has created new forms of uncertainty. E.N. Rumyantsev’s two-volume monograph *Contemporary Chinese Politics* (2024) is considered as a significant attempt to combine broad coverage of Chinese politics with close reading of texts and the use of a large body of Internet materials. The author’s accumulated knowledge of Chinese politics and analytical intuition allow him to connect individual topics, events, and political formulas into a coherent understanding of the logic of China’s political system. However, precisely such a large-scale work raises especially sharply the question of the evidentiary value of sources. The article proposes a cautious approach to analyzing CCP texts as acts of power and as the professional language of the elite, warning against textual determinism, excessive generalizations, and attempts to infer China’s long-term policy from individual ideological formulas. The final section addresses research distance in conditions of source abundance, where materials require strict

verification regardless of their origin, political orientation, or surface persuasiveness. The article notes that the use of AI in China studies requires not only source criticism, but also attention to recommendation algorithms that determine source visibility.

Keywords: China; Chinese politics; political discourse; digital China studies; source criticism; E.N. Rumyantsev; artificial intelligence.

Author: *Denisov Igor E.*, Senior Research Fellow, MGIMO University. ORCID ID: 0000-0001-5447-1164. E-mail: iedenisov@yahoo.com

Цифровой поворот и новая непрозрачность

На заре XXI в. в западном китаеведении преобладал техноутопический консенсус, согласно которому развитие Интернета должно было окончательно разрешить проблемы изучения КНР. Утверждалось, что цифровая революция приведет к неизбежному падению «бамбукового занавеса». Непрозрачные механизмы функционирования китайской политической системы якобы станут прозрачными благодаря одному лишь насыщению открытой информацией и это должно привести к тому, что прежние методы улавливания слабых сигналов – чтение партийных газет между строк, сопоставление политических формулировок и изучение расположения чиновников на официальных фотографиях – превратятся в анахронизм.

Т. Фрейвел в статье, опубликованной в журнале “The China Quarterly” в 2000 г., писал, что в прошлом изучению Китая препятствовал хронический дефицит данных, но «появление информационных технологий позволяет предположить, что эта модель осталась в прошлом», поскольку интернет-источники создадут «общий избыток информации» [Fravel, 2000, p. 821–822, 840]. Правда, он осторожно предупреждал о том, что убедительность выводов определяется качеством данных, а не их количеством, и что легкодоступные источники могут побуждать ученых изучать не наиболее важные, а наиболее удобные для исследования вопросы [Fravel, 2000, p. 839–840]. О том, что Интернет сделает китайские государственные органы более открытыми для иностранных наблюдателей, писал в 2002 г. американский политолог и специалист по библиотечному делу Ван Жуй [Wang, 2002].

Кибероптимизм касался не только доступа исследователей к информации, но и способности Пекина контролировать публичную коммуникацию. Дай Сюдянь прогнозировал, что должен измениться сам Китай, поскольку архитектура сети принципиально затруднит сохранение прежней модели политической закрытости [Dai, 2000, p. 181]. Наиболее яркое выражение этой точки зрения в то время принадлежало Биллу Клинтону, который сравнил контроль над Интернетом с попыткой «прибить желе гвоздями к стене» и утверждал, что экономические инновации и расширение политических возможностей граждан «неизбежно будут идти рука об руку» [Clinton, 2000].

В 2000-е гг. российское китаеведение, по-видимому, пережило цифровой поворот не столько посредством открытой дискуссии о новых методиках, сколько через постепенное изменение исследовательской практики в явочном порядке. Новостные

порталы, личные блоги, форумы и сайты зарубежных китайцев, а также тайваньские и гонконгские интернет-СМИ вошли в разделы «Библиография» еще до того, как в профессиональном сообществе сформировались общепринятый понятийный аппарат и методика работы с такими материалами. При этом на новые типы источников нередко переносились приемы, сложившиеся в эпоху работы в библиотеках и архивах: презумпция достоверности заявленной атрибуции, представление о значимости любого обнаруженного документа и склонность считать перепечатку идентичной первоначальному тексту[2]. Однако в интернет-пространстве имя автора, название издания или документа сами по себе не гарантируют подлинности, а перепост может сопровождаться сокращениями, редакторскими изменениями, утратой контекста или ошибочной атрибуцией. Речь шла не о последовательной смене одной исследовательской парадигмы другой, а о сосуществовании двух подходов: традиционного, основанного на медленной источниковедческой проверке, и цифрового, позволявшего оперативно реагировать на текущие события, но не всегда обеспечивавшего надежную верификацию используемых материалов. Новые источники, обрушившиеся как лавина, активно вводились в оборот, но их авторство, независимость и текстуальная неизменность проверялись далеко не всегда. Проблема заключалась не только в качестве работы с источниками, но и в свойствах самой цифровой среды и направлениях ее трансформации.

Последующие события показали, что изобилие и прозрачность не являются синонимами. Цифровизация способна расширять доступный наблюдателю массив данных, одновременно создавая возможности для цензуры, избирательного раскрытия информации, «загрязнения» информационного пространства второстепенными и фальсифицированными данными. Цифровая эпоха неожиданно изменила саму природу изучения современного Китая. Исследователю приходится не только искать и анализировать сигналы в текстах, но и сохранять сам источник, пока он еще доступен. Статьи в академических базах данных, включая Китайскую национальную инфраструктуру знаний (CNKI), подвергаются ретроспективному редактированию, а доступ даже к официальным и ранее общедоступным публикациям может внезапно ограничиваться. Так, открытый архив «Цзефанцзюнь бао» теперь начинается с 1 января 2026 г., тогда как прежние выпуски исчезли из доступа, а старые прямые ссылки на момент написания данной статьи ведут на экран с «ошибкой 404».В подобных случаях печатная газета или заблаговременно сохраненная цифровая копия перестает быть анахронизмом и становится незаменимой документальной опорой.

[2] Показателен случай с двумя вымышленными цитатами Си Цзиньпина, которые распространились в российском Интернете летом 2016 г. Их приписывали речи генсека на торжественном собрании по случаю 95-летия КПК, хотя в официальном тексте выступления подобных заявлений не было. Тем не менее эти формулировки довольно быстро вышли за пределы медийной среды: они появились в экспертных публикациях, кандидатской диссертации, научной статье в рецензируемом журнале и коллективных академических сборниках, где использовались как свидетельство готовности Китая к военно-политическому союзу с Россией и совместной борьбе с НАТО.

Панорамный подход: сила и методологические риски

Во введении к своей двухтомной монографии «Современная китайская политика» старший эксперт Российского института стратегических исследований, к. филол. н. Е.Н. Румянцев как раз обращает внимание на эти сложности, отмечая «резкое усиление мер китайских властей по блокированию информации о политических, экономических и социальных процессах в КНР, ее внешней политике» [Румянцев, т. 1, с. 13].

Завершенная в мае 2024 г. работа предлагает подробный анализ внутренней и внешней политики Китая в течение первого полного десятилетия пребывания Си Цзиньпина на высших постах. Автору пришлось прежде всего искать ответ на вопрос, как сохранить требования традиционной источниковедческой модели и одновременно использовать максимально широкий круг цифровых материалов для преодоления растущих информационных барьеров. Монография во многом строится именно на пересечении этих исследовательских подходов. Сочетание двух парадигм оказывается продуктивным, но не вполне симметричным. Языковое чутье и текстологическая внимательность Е.Н. Румянцева несомненны, тогда как обращение к широкому кругу интернет-источников не во всех случаях оказывается столь же доказательным.

Вторая проблема, стоявшая перед Е.Н. Румянцевым, заключалась в том, как вместить быстро меняющуюся и многогранную действительность Китая в ограниченный объем издания. Особую трудность создавало стремление соединить в одной монографии внутреннюю и внешнюю политику Китая, которые в научной литературе значительно чаще рассматриваются раздельно. Ориентиром для автора послужил известный тезис Дж. Фэйрбэнка о том, что для Китая внутренний и внешний порядок тесно связаны [Румянцев, т. 1, с. 10].

Первый том посвящен внутриполитическому развитию, тогда как во втором рассматриваются внешняя политика и положение Китая в международной системе. Охватывая события до конца 2023 г., работа сводит воедино идеологию, внутрипартийные процессы, реформу госаппарата, экономическую политику, социальные проблемы, контроль над информацией и внешние связи. Ее главный вклад состоит не в выдвижении одного компактного теоретического объяснения происходящего в Китае, а в создании развернутой панорамной картины китайской партийно-государственной системы при Си Цзиньпине и в демонстрации того, каким образом процессы, часто рассматриваемые по отдельности, являются частью более широкой социально-политической трансформации.

Этот взгляд особенно ценен, поскольку системная природа китайского партийно-государственного аппарата делает непродуктивным изолированное изучение отдельных процессов. В современной литературе все отчетливее проявляется стремление преодолеть избыточную тематическую фрагментацию исследований. К. Либерталь в своих размышлениях об эволюции политологического китаеведения прямо указывал на негативные последствия узкой специализации, считая, что по-прежнему сохраняется потребность в исследователях, обладающих «хорошим пониманием общего развития Китая» [Lieberthal, p. 277]. Такая аналитическая позиция особенно важна потому, что публичное обсуждение Китая, по словам ученого, часто тяготеет к «карикатуре» и сосредоточивается на «ярком и драматичном», тогда как задача исследователя

состоит в том, чтобы давать «контекст и перспективу» [Lieberthal, p. 277]. Таким образом, системный подход позволяет не утонуть в потоке текущих событий, отделить устойчивые и долгосрочные тренды от кратковременных инфоповодов и увязать отдельные факты с общей логикой китайской политической системы. С этой точки зрения, панорамность рецензируемой книги – не излишество, нуждающееся в оправдании, а одно из ее главных достоинств.

Новые политические формулы, газетные комментарии, опубликованные под псевдонимами, кадровые назначения, умолчания в официальных сообщениях рассматриваются автором как политически значимые сигналы. Ни один из этих элементов сам по себе не имеет решающего значения. Их смысл раскрывается в сопоставлении и включении в более широкую последовательность событий. Повторяемость, изменение контекста и совпадение нескольких сигналов придают им аналитическую значимость. Наилучшим образом это можно выразить метафорой С. Лейса[3], который уподоблял задачу китаеведа толкованию «несуществующих надписей, сделанных невидимыми чернилами на чистом листе» [Leys].

В системе, ограничивающей доступ к внутренним дискуссиям и представляющей политику через тщательно структурированные официальные нарративы, чтение между строк не является эксцентричным научным занятием. Нередко оно совершенно необходимо, и это убедительно показывает Е.Н. Румянцев, для которого разбор десятков политических текстов становится одним из главных способов выявления логики современной китайской политики.

Партийный текст не является простым отражением действительности: он отбирает ее элементы, устанавливает между ними связи и выстраивает из них идеологически правильную и нормативно упорядоченную картину. Поэтому его следует читать одновременно как источник сведений о политике и как властный акт, посредством которого КПК стремится придать прошлому, настоящему и будущему связность, направление и смысл. Особое значение здесь имеют установочные формулировки. По точному выражению С.Н. Гончарова, они образуют «профессиональный язык, на котором изъясняется между собой правящая китайская элита» [Гончаров, с. 153–154].

К расшифровке пекинского политического языка внешним наблюдателям следует относиться с осторожностью, избегая как текстологического детерминизма, когда отдельная формула воспринимается в виде однозначного указания на точное направление развития КНР на десятилетия вперед, так и слишком широких обобщений, когда одна концепция превращается в универсальный ключ к объяснению Китая в целом и любого его поведения в мире. Историк китайского искусства К. Клунас довольно точно обозначил эту «старую ориенталистскую/синологическую ловушку», когда отдельное китайское явление начинает восприниматься как репрезентация Китая в целом, а «все оказывается связанным со всем» [Clunas, p. 22]. Подобно тому как, по замечанию Клунаса, картины Рубенса не обязаны объяснять европейскую интеграцию, так и отдельные выступления Си Цзиньпина или статьи в «Цюши» не должны нести нагрузку объяснения всей логики развития китайской политической системы.

Политические формулы и тексты действительно занимают центральное место в политической системе КНР, однако их значение раскрывается лишь в сопоставлении

[3] Псевдоним австралийского китаеведа и переводчика Пьера Рикманса (1935–2014).

с внутренним и внешним контекстами, механизмами реализации, практикой исполнения и последующей эволюцией самого дискурса. Универсального дешифратора китайской политики не существует, и вряд ли он будет создан с помощью искусственного интеллекта, поскольку даже самые заметные идеологические формулы не обладают фиксированным содержанием и не предопределяют автоматически последующую политическую практику. Поэтому анализ документов не должен подменять анализ политики. Эта ошибка встречается довольно часто: исследователь строит далеко идущие выводы на основании одной новой формулы («новые производительные силы», «двойная циркуляция», «сообщество единой судьбы человечества»), хотя ее реальное политическое содержание становится понятным и раскрывается лишь спустя годы.

Абстрактность китайского политического языка следует понимать не как слабость, а как условие долговечности и интерпретационной гибкости установок. Любая партийная формула не фиксирует конечный смысл, а открывает политическую биографию понятия, которую необходимо отслеживать. Между замыслом, формулой, ее практической реализацией и политическими последствиями неизбежно существует зазор, не допускающий однозначных выводов. Пустоты непрозрачной системы могут побуждать аналитиков вкладывать в них смыслы, не имеющие достаточно надежной доказательной основы. Умолчание может быть намеренным, но может оказаться и случайным; изменение терминологии может возвещать о грандиозном политическом сдвиге, но может быть результатом редакторской ошибки или импровизации эксперта (да-да, в строго централизованной системе и такое случается). Работа Е.Н. Румянцева наиболее сильна там, где накопленное знание об устройстве китайской политики и чутье аналитика позволяют ему отличить устойчивый сигнал от временного шума. Она менее надежна в тех случаях, когда переход от отдельной детали к выводам о скрытых мотивах, фракционной борьбе или завуалированной полемике, оказывается чрезмерно быстрым и не учитывающим альтернативные объяснения.

Когда цифровой след становится доказательством

Отдельные решения могут составлять часть целостной политической модели, однако иногда эта кажущаяся целостность создается самим аналитиком, а не содержащимися в источниках свидетельствами. Чем более непрозрачна система, тем сильнее искушение превратить неопределенность в скрытый смысл, а известную картину «оживить» подробностями, которые создают впечатление проникновения в тайные механизмы власти, хотя в действительности могут оказаться элементами произвольной реконструкции, не подтвержденной достоверными источниками.

К примеру, массовая продажа должностей и коррупция в НОАК хорошо документированы, в том числе в официальной китайской печати. Эти факты подтверждает и специальное исследование Ван Пэна, основанное на анализе открытых материалов и двадцати интервью с действующими и бывшими военнослужащими [Wang, 2016]. Однако, рассматривая этот сюжет, автор монографии как будто больше сосредоточен не на анализе природы военной коррупции, а на ее «леденящих душу» подробностях,

причем с максимальной конкретикой: почти все генералы купили свои звания и должности, звание генерал-майора стоило 5 млн юаней, группа из примерно пятидесяти высших офицеров присвоила половину военного бюджета страны [Румянцев, т. 1, с. 98–99]. Все эти утверждения восходят к сенсационным публикациям гонконгской прессы, но даже там они чаще всего окружены формулами «говорят», «по некоторым сведениям» и «появилась информация», подчеркивающими отсутствие авторитетного источника. Когда у исследователя эти оговорки трансформируются в выражения «выяснилось в ходе расследования», «было установлено», «разворовали», возникает эффект заимствованной достоверности: факт коррупции в НОАК служит своеобразным кредитом доверия для любых драматичных деталей. В результате границы между фактом, предположением и версией элитной политики в жанре мыльной оперы оказываются размыты. Это относится и к большинству материалов эмигрантского сайта «Кань Чжунго» (看中国), часто используемых в монографии.

Статья в журнале «Цяньшао» (前哨), на которую ссылается Е.Н. Румянцев, не требует сложной источниковедческой квалификации, потому что это вполне определенный жанр сенсационной политической публицистики, которую трудно рассматривать как надежный источник фактических сведений. Гонконгский автор как будто точно знает, что происходило на расширенном заседании Центрального военного совета в конце 2011 г., кто как выглядел, что чувствовал и почему и с каким выражением лица молчал. Используются кинематографические детали: пачка компромата в руке Лю Юаня, «обмякший как глина» Сюй Цайхоу, мрачно застывшее лицо Ху Цзиньтао, сосредоточенно записывающий Си Цзиньпин, борьба героев со злодеями… Наиболее серьезная проблема заключается не в ажитированном стиле публикации как таковом, а в том, что художественная убедительность подменяет доказательность. Ярко описанная сцена начинает восприниматься как подтвержденное событие, хотя происхождение большинства деталей не раскрывается и они могут представлять собой все что угодно – реконструкцию, пересказ слухов или авторский домысел. Определенно можно сказать лишь одно: это ненадежный источник фактических сведений о коррупции в НОАК.

Несколько иная, вероятно, более сложная, картина складывается, когда автор монографии анализирует положение Коммунистического союза молодежи Китая (КСМК) в современной политической системе КНР. Опираясь на анализ официальных публикаций, он верно диагностирует недовольство Си Цзиньпина бюрократизацией комсомола, но затем из еще более ненадежного источника, чем «Цяньшао», заимствует не только неточный фактический материал, но и интерпретационную рамку.

Е.Н. Румянцев пишет, что после прихода к власти Си Цзиньпин вдвое сократил финансирование КСМК, поскольку не доверял его руководству и рассматривал комсомол как «массовую базу» соперничающей с ним партийной группировки [Румянцев, т. 1, с. 44]. Источником этого утверждения, судя по ссылке, служит материал ныне недоступного финансового сайта InvestBrain, в качестве автора материала ошибочно указан T. Durden[4]. В действительности впервые статья о политической борьбе в Китае,

[4] Tyler Durden – коллективный псевдоним авторов американского финансово-политического блога Zero Hedge, близкого к крайне правой политической повестке. Ошибочная атрибуция текста, видимо, возникла при перепечатке и оттуда попала в библиографическую ссылку.

которую использовал Е.Н. Румянцев, была опубликована на платформе Substack Эриком Мерцем[5] — типичным независимым комментатором и «диванным аналитиком», критически настроенным к руководству КПК. Таким образом, цепочка источников выглядит следующим образом: авторский блог политически ангажированного комментатора-любителя, вторичная перепечатка на малозаметном финансовом сайте и затем ссылка в академической монографии, у которой были рецензенты (к. и. н. А.О. Виноградов и к. филол. н. С.В. Никольская).

Обращение к столь непрозрачному источнику тем более трудно объяснить, что сведения о бюджете КСМК находятся в открытом доступе и могли быть легко верифицированы. Мерц не столько сообщил новый факт, сколько предложил его неточную и политически заостренную интерпретацию, представив изменение бюджета КСМК как двукратное сокращение финансирования и личную атаку Си Цзиньпина на «комсомольскую фракцию».

Принципиально важно, что, даже если Си Цзиньпин имел непосредственное отношение к этому решению, оно было принято не сразу после его прихода к власти в 2012 г., а лишь при формировании бюджета КСМК на 2016 г. (Мерц об этом умолчал). Более того, в пояснении к бюджету указывалось, что главной причиной резкого снижения стало выведение программы студенческого добровольчества в западных районах из ведомственного бюджета КСМК и ее перевод в категорию общих трансфертов местным бюджетам. Расходы на функционирование аппарата КСМК при этом не сократились.

Недовольство Си бюрократизацией комсомола и стремление усилить контроль над организацией вполне могли быть реальными. Однако имеющиеся данные не позволяют уверенно объяснять любое решение, связанное с КСМК, исключительно борьбой с единой «комсомольской фракцией». Здесь не меньший вес имеют альтернативные объяснения –контроль над КСМК в рамках общей централизации власти, усиление партийного руководства массовыми организациями, результаты дисциплинарной проверки, которая как раз проводилась в 2015 г. Исследования показывают, что КСМК не обладал ни достаточной автономией, ни внутренним единством, чтобы без дополнительных доказательств считать его организованной политической опорой во фракционной борьбе [Doyon]. Само существование сплоченной «комсомольской фракции» остается предметом научной дискуссии. Старший научный сотрудник MERICS Ч. Партон формулирует возражение еще резче: поскольку союз находится под партийным контролем, противопоставлять КСМК Коммунистической партии бессмысленно, однако именно эту бессмыслицу воспроизводят многие западные комментаторы, представляя КСМК как самостоятельную внутрипартийную опору власти или отдельную фракцию [Parton].

[5] Эрик Мерц (Eric Mertz) – праволибертарианский интернет-комментатор, не имеющий известной академической специализации по Китаю. В 2022 г. опубликовал в Substack серию материалов о предполагаемом системном кризисе в КНР, после чего проект был заброшен. Дальнейшую активность Мерц продолжил под псевдонимом Lord Woodstone, публикуя посты о внутрипартийной борьбе, экономических трудностях и военных уязвимостях Китая, а также событиях на Ближнем Востоке и в Африке. Характерен тот же стиль: соединение открытых источников со спекулятивными выводами о скрытых политических процессах и приближающемся кризисе.

Именно там, где академические исследователи ведут дискуссии, избегают заранее готовых ответов и ищут доказательства, публичные комментаторы вроде Эрика Мерца без колебаний выдают готовую конспирологию. Фигура Мерца интересна не только как фон для одного неудачно выбранного источника. Перед нами узнаваемый продукт цифровой среды – публичный интерпретатор китайской политики, работающий в жанре «сейчас я объясню, что там происходит на самом деле».

Предвзятость здесь проявляется не только в политической позиции, но и в ограниченности самих аналитических шаблонов. Любое решение легко превращается в эпизод межклановой противостояния, любая кадровая перестановка – в признак поражения одной группировки и усиления другой, а отсутствие подтверждений фракционной борьбы в Чжуннаньхае – в железное доказательство того, насколько глубоко скрыт конфликт. Самая драматичная версия получает преимущество уже потому, что обещает проникновение за кулисы.

Именно поэтому подобные трактовки находят некоторый спрос. Они избавляют читателя от неприятной неопределенности и предлагают вместо политического хаоса простую схему, в которой каждый шаг имеет скрытого автора и тайную цель. Академическое исследование устроено менее эффектно: оно вынуждено сопоставлять конкурирующие версии и иногда признавать, что данных недостаточно. Аналитика «в стиле Эрика Мерца», напротив, выигрывает тем, что почти никогда не оставляет пробелов в картине мира. Возникает своеобразная инверсия экспертности. Чем уже набор объяснительных схем и чем увереннее они применяются ко всему подряд, тем легче это принимается за знание внутренних механизмов китайской политики. Подобные фигуры псевдоэкспертов существуют и в российской информационной среде, но не получают институционального признания вне довольно узкого сектора медийного поля, оставаясь за пределами как академического китаеведения, так и государственной и корпоративной экспертизы. Чем сильнее их стремление привлечь к себе внимание и чем скандальнее их оценки, тем более выражено их отторжение и тем устойчивее консенсус относительно их фейкового экспертного статуса. Они интересны лишь как медийные артефакты, а также как повод для рефлексии о том, каким образом отдельные сегменты российской публичной сферы воспроизводят спрос на упрощенные и искаженные представления о Китае и способствуют их тиражированию. Показательно, что посол России в КНР И.В. Моргулов специально предостерегал молодых синологов от «маргинальной» конспирологической «китаистики», «насыщенной слухами и домыслами, а порой и преднамеренной дезинформацией» [Моргулов, с. 12].

Этот сюжет возвращает к более общему вопросу о суррогатах экспертности и цене знания: кто его производит, как оно верифицируется и каким образом приобретает аппаратный вес и трансформируется в политические решения. Один из наиболее содержательных и новаторских разделов монографии Е.Н. Румянцева посвящен информационно-аналитическому и научному обеспечению партийных и государственных органов КНР [Румянцев, т. 1, с. 543–570]. Автор показывает, что в КНР аналитическая работа встроена одновременно в процесс подготовки решений, идеологические процессы, кадровую систему, управление общественным мнением и внешнюю коммуникацию. Нынешнюю ситуацию Е.Н. Румянцев не сводит к простому противопоставлению экспертизы и партийной ортодоксии. Вместо этого он показывает, каким образом

руководство пытается повысить информационные возможности государства, не отказываясь от политического контроля над производством знания. Раздел о коллективной учебе Политбюро особенно полезен, поскольку переводит разговор об интеллектуальной поддержке решений из области общих формул в практическую плоскость. Китайская экспертная «независимость», как показывает Е.Н. Румянцев, представляет собой не внешнюю позицию по отношению к политической системе, а ограниченную профессиональную автономию внутри нее, при этом важную проблему аналитических центров автор видит в необходимости «работать в условиях однопартийной системы со всеми вытекающими из этого последствиями» [Румянцев, т. 1, с. 564].

Где в такой системе проходит граница между личной инициативой и уловленным сигналом сверху? Феномен «дипломатов – боевых волков», рассмотренный в одной из глав второго тома монографии, дает хороший повод разобраться, был ли «новый стиль» преимущественно плодом индивидуальной импровизации или следствием перенастройки внешней политики, которая стала более жестко отстаивать китайские интересы.

Важно, что начало изменений стиля МИД КНР автор относит уже к 2012–2013 гг., не сводя все к влиянию пандемии или отдельным скандальным заявлениям [Румянцев, т. 2, с. 44]. Тем самым он показывает, что за броским термином действительно стоит определенный сдвиг в культуре китайской дипломатии и в ожиданиях, предъявляемых к «работникам внешнеполитического фронта» политическим руководством. Сильная сторона подхода Е.Н. Румянцева состоит именно в стремлении отделить броские персональные эпизоды от общей политической установки подрыва западной монополии на дискурс, при этом он объективно показывает неоднозначную реакцию в китайском дипломатическом и академическом истеблишменте на неудачные эскапады отдельных дипломатов, подчеркивая, что «их активность вызвала в мире ответную негативную реакцию» [Румянцев, т. 2, с. 53]. Соглашаясь с уважаемым автором в том, что явление требует дополнительного анализа, от себя замечу, что, на мой взгляд, это было способом опережающего приспособления к новым ожиданиям руководства, но ситуативным и без четкого целеполагания, что в условиях существующей бюрократической системы сделало данную практику трудноуправляемой и в конечном счете неэффективной. Наиболее убедительно феномен «боевых волков» объясняется как децентрализованная реакция бюрократии на новый политический запрос. Направление было понятно, но пределы допустимого не были определены, поэтому демонстративная напористость легко подменяла рациональный дипломатический расчет.

Стремясь несколько обострить картину внутренней критики «дипломатии боевых волков», Е.Н. Румянцев вновь попадает в ловушку «цепочки источников», когда первоначальный сюжет при каждом новом пересказе обрастает дополнительными политически значимыми деталями и в итоге меняется до неузнаваемости. Автор пишет, что профессор университета Цинхуа Янь Сюэтун, «по совместительству советник Комитета национальной безопасности ЦК КПК»[6] «призвал к „большей рационально-

[6] 中央国家安全委员会. В отечественной литературе переводится также как «Совет государственной безопасности ЦК КПК». Созданный в 2013–2014 гг. орган принятия решений и координации в сфере национальной безопасности, подчиненный Политбюро ЦК КПК и его Постоянному комитету. Глава – Си Цзиньпин. Повседневную работу обеспечивает собственная канцелярия (начальник – Цай Си).

сти“ в китайской дипломатии и предупредил о негативных последствиях для Пекина, если националистические настроения станут движущей силой внешней политики» [Румянцев, т. 2, с. 51]. Ссылка дана не на заявление самого Яня, а на авторскую колонку молодого сотрудника одного из небольших брюссельских «мозговых центров» А. Тулонена на сайте Eurasia Review. Именно там китайский ученый назван «adviser to the National Security Commission», а его слова переданы как предостережение против того, чтобы «националистическое мышление определяло внешнюю политику Китая». Румянцев не просто воспроизводит этот пересказ, правда, добавляя мотив «негативных последствий для Пекина», но дополнительно конкретизирует аффилиацию: превращает неясную National Security Commission в «Комитет национальной безопасности ЦК КПК», привносит в текст отсутствующее в исходном материале «по совместительству» и тем самым придает предполагаемой связи характер второй официальной должности и устойчивой работы на партийный центр.

Эта впечатляющая аффилиация, придающая словам профессора характер закрытой партийной экспертизы, конечно, в реальности не существует. Сама колонка А. Тулонена в части Янь Сюэтуна текстуально почти совпадает со статьей в South China Morning Post (SCMP), вышедшей десятью днями ранее, и именно в ней была указана проблемная должность (an adviser to the National Security Commission). Сознательно ли редакторы пропустили ошибку и лежал ли в основе мотив придать больший политический вес оценкам профессора, остается загадкой, в дальнейшем газета больше никогда не использовала эту должность. Однако объяснение ошибки есть: на старой англоязычной странице Университета Цинхуа Янь Сюэтун значился в том числе как старший научный сотрудник некоего Комитета государственной безопасности, соответствующая китайская формулировка 国家安全委员会高级研究员 встречалась в его биографиях уже в 2007–2008 гг., когда координирующего партийного органа не существовало. Речь идет об общественном экспертном комитете по научным исследованиям политики национальной безопасности (полное название – 中国政策科学研究会国家安全政策委员会, Комитет по политике национальной безопасности при Китайской ассоциации политической науки)[7].

К сожалению, точно такой же эффект «испорченного телефона» сработал и при передаче сути интервью Янь Сюэтуна изданию «Цайсинь» в апреле 2020 г.[8], которое и было источником последующих интерпретаций, точнее даже фальсификаций. В оригинале вообще нет слова «национализм». Оба англоязычных источника, кстати, не дали гиперссылку на оригинал и даже не упомянули, когда и при каких обстоятельствах Янь Сюэтун высказался о характере китайской дипломатии. Один из вопросов

[7] Любопытно, что не позднее 2020 г. в открытых источниках закрепилось другое стандартизированное название комитета – 安全政策专业委员会 («Специализированный комитет по политике безопасности»), без слова 国家 (государственная/национальная) и с добавлением 专业 (по смыслу – специализированный, профессиональный, профильный), вероятно, чтобы четко отграничить эту общественную экспертную структуру от партийно-государственных органов.

[8] См. перепечатку интервью на странице ученого на сайте China Value. Wang Zili 王自励, Xu Heqian 徐和谦. Yiqing, Zhong-Mei guanxi yu shijie zhixu 疫情、中美关系与世界秩序 [Pandemic, China-US Relations and the World Order]: interview with Yan Xuetong 阎学通 // Caixin. Reprinted on ChinaValue. 2020. May 18. URL: https://www.chinavalue.net/article/2020/5/18/1862057.html (accessed: 20.06.2026). (In Chinese).

корреспондента «Цайсинь» был о том, как Китаю оценивать государства, которые по одним вопросам поддерживают Пекин, а по другим Вашингтон. Отвечая на него, Янь Сюэтун призвал дипломатов к рациональности и просил избегать влияния «эмоций» (情绪), приводя в пример наивные ожидания автоматической благодарности от других стран за оказанную Китаем гуманитарную помощь. В итоге осторожное замечание реалиста о необходимости рационального учета интересов Китая превратилось в обличение националистического крена внешней политики, а благодаря придуманной аффилиации почти во внутрисистемный демарш, исходящий из окружения высшего партийного руководства. Цепочка здесь такая – SCMP произвольно встроила ответ в сюжет о «боевых волках» и превратила нейтральные «эмоции» в «националистические чувства», в дальнейшем пересказе национализм уже стал возможной «движущей силой» внешней политики, а у Е.Н. Румянцева появилось еще и предупреждение о последствиях для Пекина, приписанное Янь Сюэтуну.

Пример демонстрирует, как в условиях информационной закрытости КНР возникает феномен «инфляции авторитетности». Вторичные источники обладают свойством непрерывно «заострять» китайские реалии ради кликабельности: скромные общественные должности превращаются в посты тайных советников партийных руководителей, а общие фразы – в сенсационные политические заявления. Любые громкие тезисы, взятые из англоязычного пересказа, а также любые ссылки на «советников» или «приближенных к ЦК лиц», требуют обязательной верификации по китайскому первоисточнику.

Изобилие источников и исследовательская дистанция

Завершая разговор об источниках, стоит отдельно остановиться на тайваньской академической периодике, к которой обращается Е.Н. Румянцев. В обзоре литературы он особо выделяет тайваньский журнал «Чжунгун яньцзю»[9] (Изучение коммунистического Китая) [Румянцев, т. 1, с. 21], подчеркивая также, что «в нынешних условиях возрастает значение Тайваня как источника информации и источника понимания КНР» [Румянцев, т. 1, с. 732]. На наш взгляд, здесь возникает лишнее посредническое звено, в отличие от ангажированных блогов значительно более профессиональное, но не уникальное. Тайваньские политологи, как правило, работают с тем же материко-

[9] «Чжунгун яньцзю» (中共研究) – ежеквартальный тайваньский журнал по проблемам КНР, КПК, отношениям между двумя берегами Тайваньского пролива. Английское название – Studies on Chinese Communism. Основан в 1966 г. как предназначенное для ограниченного распространения издание «Фэйцин яньцзю» (匪情研究, «Изучение положения у коммунистических мятежников»). Издание возникло внутри военно-разведывательной инфраструктуры Тайваня. Связанный с ним ежегодник уже в 1968–1970 гг. печатался Разведывательным управлением «Министерства национальной обороны». Для зарубежного распространения использовалось нейтральное «Чжунгун яньцзю» (Исследования КПК), а окончательно названия были унифицированы лишь в 1990-е гг. Практика работы не полностью соответствует модели рецензируемого журнала: рукописи авторов с докторской степенью рассматривает непосредственно редакционная коллегия, тогда как внешнее анонимное рецензирование предусмотрено для авторов без степени. Владельцем имущественных авторских прав по-прежнему является «Министерство национальной обороны» Тайваня.

вым материалом, подвергая его собственной аналитической обработке, но не располагая каким-либо доступом к закрытым источникам. Эпоха активных неформальных контактов между берегами Тайваньского пролива, когда тайваньские ученые или бизнесмены могли получать инсайдерские сведения напрямую от материковых функционеров, безвозвратно ушла в прошлое. После значительного расширения сферы действия Закона КНР о контрразведке тайваньские университеты и аналитические центры фактически прекратили полевые исследования в КНР, чтобы не подвергать своих сотрудников опасности.

Не следует также рассматривать тайваньскую информационную среду как политически нейтральную. На Тайване существует открытая дискуссия, однако СМИ сильно поляризованы, многие издания имеют отчетливую партийную ориентацию. Конкурентная публичная сфера не делает все опубликованные в ней тексты равными по статусу и тем более не позволяет считать каждую публикацию выражением позиции Тайбэя.

Показателен пример со статьей Сумита Кумара в The Taipei Times. В монографии она пересказывается на нескольких страницах: речь идет о реакции Пекина на кризис на Ближнем Востоке, пределах китайского посредничества и возможных последствиях для безопасности Тайваня [Румянцев, т. 1, с. 736–738]. Сам по себе пересказ не был бы проблемой, если бы колонка действительно обладала тем весом, который ей придается в монографии. Однако этот вес возникает не из характеристик самого источника, а исключительно из авторских пояснений к нему. Оценки политолога из Дели, единственная связь с Тайванем которого заключается в давней стажировке в одном из университетов, представлены как свидетельство того, что определенные соображения были высказаны «в Тайбэе», что так считают «тайваньские аналитики» и даже что в «политикоформирующих кругах Тайбэя» был поднят вопрос о необходимости наращивания разведывательных возможностей острова.

Между тем тезис о тайваньской разведке принадлежит самому сотруднику Делийского университета и сформулирован им со странной модальностью как прямая рекомендация: «Правительству следует усилить свой аппарат сбора разведывательной информации» (The government should bolster its intelligence-gathering apparatus)[10]. Ситуация почти комическая: внешний наблюдатель пишет Тайваню практическую памятку по безопасности, а в монографии эта памятка получает значение свидетельства о позициях тайваньского политико-экспертного сообщества. Публикация в The Taipei Times делает текст фактом тайваньского медийного пространства и, вероятно, отражает редакционную линию издания, но не более того. Даже если читать между строк, самих тайваньских аналитиков и политикоформирующих кругов в этой публикации не видно.

Что касается настоящих тайваньских экспертов, то их аналитика на темы Китая чаще всего остается внешним взглядом, к тому же пропущенным через призму собственных политических ожиданий (в том числе экзистенциальных для острова). Изучение материка сохраняет языковую и эмпирическую специфику, но в методологическом отношении во многом превратилось в китаеязычный сегмент западной академи-

[10] *См*. Kumar S. Limits of China’s Sway in Israel // *Taipei Times*. 2023. October 19. P.8. URL: https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2023/10/19/2003807889 (accessed: 25.06.2026).

ческой системы, что признают сами тайваньские ученые [Leu, Chen, p. 129]. Тайваньские политологи опираются на богатый опыт расшифровки специфического бюрократического языка КПК, однако исследовательские вопросы, понятия, методология и критерии научной значимости, используемые ими, сегодня в значительной степени совпадают с теми, которые приняты в западном, прежде всего в американском, китаеведении.

Отдельные спорные решения в работе с источниками не отменяют умения Е.Н. Румянцева убедительно раскрывать долгосрочную логику крупных политических процессов. Особенно отчетливо это видно в подробном анализе отношений КНР и США, которому отведено более половины второго тома. Такая пропорция оправданна тем, что взаимодействие и нарастающее соперничество двух стран во многом определяли внешнеполитическую динамику первого десятилетия пребывания Си Цзиньпина у власти. Данный сюжет позволяет автору панорамно охватить торгово-экономические разногласия, технологическую конкуренцию, проблемы безопасности и расхождение представлений о будущем мирового порядка. Е.Н. Румянцев не видит в избрании Трампа отправную точку двустороннего разрыва, а реконструирует более продолжительный процесс, в ходе которого под внешне устойчивой конструкцией сотрудничества формировались стратегическое недоверие, экономические дисбалансы и взаимные ошибочные представления. Однако, как считает автор, «до прихода к власти в 2016 г. Трампа изменения в китайско-американских отношениях накапливались, но не переходили в новое качество» [Румянцев, т. 2, с. 62]. Особую ценность представляет ретроспективный анализ просчетов китайской аналитики: согласно Румянцеву, Пекин чрезмерно полагался на сдерживающее воздействие экономической взаимозависимости и недооценивал растущее расхождение между политическим и экономическим содержанием двусторонних отношений [Румянцев, т. 2, с. 60–61].

Если китайские ошибки автор связывает с конкретными особенностями стратегического анализа, то действия американской стороны он временами объясняет в более психологизированных категориях. Предположение о том, что руководители США были «ослеплены ненавистью к Советскому Союзу» и поэтому в свое время не смогли признать наличие у Китая самостоятельной повестки, звучит ярко, но чрезмерно сжимает и упрощает историю, превращая в просчет то, что, возможно, было расчетом [Румянцев, т. 2, с. 60]. Американские политики не обязательно упускали из виду самостоятельную повестку Китая. Возможно, они считали, что его непосредственная стратегическая ценность перевешивает долгосрочные риски, одновременно полагая, что эти риски останутся управляемыми. Следовательно, проблема заключалась не столько в неспособности признать самостоятельность Китая, сколько в определенной иерархии стратегических приоритетов. Тем не менее наблюдение Е.Н. Румянцева полезно и выводит на более существенный вопрос: каким образом политика, рациональная в рамках одной конфигурации международных отношений, породила в Вашингтоне такие устойчивые представления и ожидания, которые было все труднее пересматривать по мере роста мощи и амбиций Пекина.

Е.Н. Румянцев не просто сообщает читателю готовые выводы, но в известной мере позволяет проследить, как возникает новое знание из соединения разрозненных эпизодов и многократного возвращения к проблемам, которые не допускают оконча-

тельного ответа. Во «Введении» автор признается, что фрагментарность монографии определяется прежде всего его личными представлениями о том, что является важным в современном периоде политической истории Китая [Румянцев, т. 1, с. 21]. В современной академической литературе, где процесс исследования обычно исчезает за обезличенной формой ровного текста, подобное присутствие автора встречается крайне редко. На страницах двухтомника «Современная китайская политика» отчетливо ощущается не только накопленное автором знание, но и его удовольствие от самого исследовательского поиска. Китайская политика явно не превратилась для Румянцева в привычный профессиональный материал: каждая новая формулировка, малоизвестный документ, забытый эпизод или неожиданная связь вновь пробуждают его любопытство. Это качество сохраняется даже там, где отдельные интерпретации могут показаться спорными или потребовать дополнительной проверки. Отчасти именно искренним стремлением пробиться к скрытой сути происходящего и объясняется порой излишне доверчивое отношение к драматичным версиям.

Высказываемые Е.Н. Румянцевым оценки российского китаеведения также следует читать не как сухой и отстраненный историографический обзор, а как часть его собственного понимания профессии. Главный вывод автора состоит в том, что распространенные в России взгляды на историю и политику КПК и КНР нуждаются в «серьезном уточнении, переосмыслении и осовременивании, а то и в пересмотре» [Румянцев, т. 2, с. 479]. Особенно важны требование интеллектуального дистанцирования от официальных китайских нарративов и мысль о том, что добрососедские российско-китайские отношения не должны исключать взвешенного и критического анализа партнера. С этим можно согласиться. Вместе с тем вывод о российском понимании Китая, по-прежнему «скованном догмами» [Румянцев, т. 2, с. 477], чрезмерно обобщает состояние весьма неоднородного профессионального поля, в котором политические заявления, академические исследования, практико-ориентированная экспертиза, экономический анализ в корпорациях, журналистика и публицистика выглядят по-разному, имеют разные нормы доказательности и задачи и далеко не всегда играют в одни ворота. Утверждение об «усвоении тезисов пропагандистов ЦК КПК» также нуждается в конкретизации и более строгом доказательном обосновании.

Дипломатия – искусство возможного, в котором допускается не только размен формул, но и согласованная неоднозначность их смысла. Маркеры уважения к политическому языку партнера часто не предполагают безоговорочного принятия стоящей за ними концептуальной системы или стратегических намерений. Формальное использование в официальном контексте китайских выражений еще не означает заимствование их исходной семантики. Так, «новая эпоха» может сохранять для Пекина ассоциацию с политическим курсом Си Цзиньпина, тогда как российская сторона в совместных документах может использовать ее для обозначения перехода глобального порядка к новому состоянию. Переговорная логика, сочетающая политическую поддержку «Пояса и пути» с защитой собственных интеграционных проектов, свидетельствует о самостоятельной политике Российской Федерации. Формула сопряжения, предложенная Москвой, свидетельствует именно об этом.

Разумеется, озабоченность Е.Н. Румянцева по поводу последствий дискурсивной стратегии Пекина небеспочвенна. Россию она, правда, затрагивает в меньшей степе-

ни, поскольку Москва остается самостоятельным центром силы, располагающим достаточным политическим весом, внешнеполитической субъектностью, собственными стратегическими целями, ресурсами и широкой географией интересов. Серьезные последствия подобная стратегия может иметь там, где слабость национальных институтов превращает символические уступки партнеру в постепенную утрату способности формулировать и отстаивать собственные интересы. Китайские образовательные, грантовые и обменные программы сами по себе не являются механизмом интеллектуального подчинения и могут быть полезными для профессионального роста экспертов и проведения исследований, особенно в недофинансированных академических системах. Проблема возникает, когда внешняя научно-экспертная инфраструктура перестает дополнять национальное китаеведение, а начинает активно его замещать. Профессиональные стимулы связываются прежде всего с поездками и стажировками, а не с постановкой самостоятельных вопросов, возникает эффект высокой формальной продуктивности без накопления нового знания. Исследовательская повестка сужается до воспроизведения протокольных формул о взаимной выгоде, дружбе и общем развитии. Частота контактов с китайскими партнерами, близость к отобранным институтам и собеседникам могут создавать иллюзию непосредственного понимания Китая, хотя в действительности такая практика приводит к систематическому смещению аналитического фокуса в сторону обслуживания китайской дискурсивной стратегии, а не интересов собственного государства.

Что касается российской науки о Китае, использование нормативного языка партийных документов может предполагать аналитический разбор, а не обязательно политическое принятие, если, конечно, речь не идет о дословном копировании китайских официальных текстов. Впрочем, прямое копирование – лишь крайний случай. В цифровой среде документ часто несложно найти, перевести и ввести в научный оборот. Труднее установить мотивы его принятия и публикации, статус, жанр, адресата, место в цепочке подобных властных актов и отношение к политической практике. Исследователь современного Китая не может оставаться комментирующим переводчиком, а перевод не должен создавать видимость аналитической работы там, где дело фактически ограничивается начальной, менее трудозатратной операцией по «пересадке» готового нарратива на другую языковую почву, что является лишь внешним подобием анализа.

Механический перенос особенно заметен, если перевод официального китайского текста сопровождается комментариями китайских же экспертов, которые опираются на тот же набор объяснительных категорий. Такие добавки, даже добросовестно заимствованные исследователем, могут несколько уточнять и «оживлять» смысл формулировок, но они, как правило, не позволяют выйти за границы китайских официальных идеологических установок и посмотреть на них объективно. Иногда статья напоминает добросовестный пересказ содержания предыдущих серий: в одном документе было сказано это, затем эксперт пояснил то, а редакционная статья газеты «N» развила тот же мотив. Все это может быть полезно как справочный материал, но анализ начинается там, где исследователь спрашивает не только «что было сказано», но и «зачем это было сказано именно так и какие последствия это будет иметь». Или, возвращаясь к образу сериала, кто написал сценарий, для какой аудитории он был по-

ставлен, что осталось за кадром и почему именно такая последовательность эпизодов представлена зрителю.

При этом проблему не стоит связывать исключительно с китайским дискурсивным давлением. Модель «копировать – вставить» может возникать и при обращении к альтернативным источникам, когда официальный нарратив заменяется столь же готовым контрнарративом. В этом смысле опасность состоит в самой привычке работать с заранее данными объяснительными схемами вместо их верификации.

Как мне показалось, в монографии симметрия критической проверки выдерживается не всегда. Е.Н. Румянцев последовательно относится к официальному китайскому дискурсу как к объекту, требующему особой аналитической настороженности. Многие тексты, исходящие из Пекина, заранее воспринимаются как зашифрованные послания с подтекстом и проходят через жесткий фильтр критической деконструкции. Однако материалы, предлагающие противоположную картину, иногда воспринимаются заметно мягче и используются почти в первозданном виде. Они могут давать дополнительные детали и подводить автора к новым выводам за пределами официальных трактовок, но не становятся достоверными только потому, что им противоречат. Западное, тайваньское, эмигрантское или оппозиционное происхождение текста само по себе не делает его более надежным и менее политически ангажированным. В данных случаях часто меняется лишь знак предвзятости с плюса на минус, тогда как ее сила сохраняется. Если мы считаем необходимой демифологизацию представлений о прежнем и современном Китае, то для этого требуется критическое отношение ко всем (sic!) источникам, а не замена одной политической мифологии другой. Объективность означает не отсутствие позиции, а четкое разграничение факта, интерпретации и нормативной оценки, в чем, собственно, и заключается содержание научной работы.

В конечном счете монография Е.Н. Румянцева возвращает нас к главному вопросу: как изучать Китай в цифровую эпоху? Цифровая революция не отменила традиционное китаеведение с его академической строгостью, но потребовала нового уровня работы с источниками. Раньше требовалось расшифровывать умолчания, лозунги, расположение имен и лиц, политические сигналы. Теперь необходимо одновременно восстановить цепочку перепечаток, отличить перевод от интерпретации, не принимать доступность источников за прозрачность политической реальности. Интернет-среда спрессовывает время, дает иллюзию непосредственного присутствия и моментального отклика, тогда как подлинное научное знание возникает через задержку, тщательную проверку, неоднократное возвращение к первоисточнику. Кстати, частые интервью китаеведов в СМИ и расширение их присутствия в соцсетях и на других цифровых платформах повысили профессиональную ценность оперативности. Этот процесс имел очевидные преимущества: он расширил знания публики о Китае и сократил дистанцию между академической экспертизой и публичной дискуссией. Вместе с тем «медийность» китаеведения способствовала преимущественному вниманию к «быстрой» информации – новостным «молниям», ярким интерпретациям, анонимным источникам, что может влиять и на академическую практику, для которой оперативность далеко не главный критерий.

Если с учетом «ошибки 404» сформулировать кредо цифрового исследователя, то это можно сделать примерно так – источник надо сохранять быстро, а выводы делать

медленно. Именно способность констатировать неопределенность там, где доступные источники не позволяют ее устранить, становится сегодня не признаком недостатка знания, а одним из главных критериев профессиональной экспертизы.

Парадоксально, что, еще не выработав устойчивых правил работы с последствиями первого цифрового поворота, академическое сообщество, в том числе в России, уже оказалось охвачено ожиданиями, связанными с искусственным интеллектом. Здесь могу только солидаризоваться с выводом А.В. Лукина о том, что «в китаеведении, как и в гуманитарной сфере вообще, роль человека не только никогда не исчезнет, но и не снизится, так как оно изучает человека, его мысли и поведение, которые не поддаются цифровизации» [Лукин, с.105].

Применительно к китайской тематике проблема может состоять не только в том, что модель неточно истолкует сигналы, скрытые под изощренными китайскими формулировками, но и в том, что ИИ нередко сводит в один массив разнородные по достоверности и авторитетности источники, собирая пазл, который только выглядит связно и непротиворечиво. ИИ способен помочь прочитать «несуществующую надпись», но не гарантирует, что она действительно была нанесена на лист, а не возникла из информационного шума, неверно выстроенной иерархии источников и слишком уверенного соединения разрозненных цифровых следов. Поскольку ИИ все чаще встраивается в поисковые системы, критике теперь подлежит не только найденный текст, но и механизм, сделавший его заметным. Не хочется быть технопессимистом, однако рекомендательные алгоритмы все чаще определяют, какие источники исследователь увидит первыми, а какие не увидит вовсе, и этот вызов еще предстоит преодолеть. Возвращаясь к яркой метафоре С. Лейса, может так получиться, что мы даже не будем знать, кто оставляет на листе невидимые знаки.

Библиографический список

Гончаров С.Н. «Выпрыгивание из исторического цикла» и строительство новой идеологии на XX съезде КПК // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6. С. 153–174. DOI: 10.31857/S013128120023467-4.

Лукин А.В. Российское китаеведение и развитие технологий искусственного интеллекта // Российское китаеведение. 2025. № 3 (12). С. 100–105.

Моргулов И.В. Российско-китайские отношения отличает зрелый и стабильный характер // Российское китаеведение. 2023. № 3 (4). С. 7–13.

Румянцев Е.Н. Современная китайская политика: в 2 т. М.: Синосфера, 2024.

References

Goncharov S.N. “Vyprygivanie iz istoricheskogo tsikla” i stroitel’stvo novoi ideologii na XX s'ezde KPK [“Jumping Out of the Historical Cycle” and Building a New Ideology at the Twentieth Congress of CCP]. Problemy Dal’nego Vostoka [Far Eastern Studies]. 2022. No. 6. P. 153–174. (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120023467-4.

Lukin A.V. Rossiiskoe kitaevedenie i razvitie tekhnologii iskusstvennogo intellekta [Russian Sinology and the Development of Artificial Intelligence Technologies]. Rossiiskoe kitaevedenie [Russian Sinology]. 2025. No. 3 (12). P. 100–105. (In Russian).

Morgulov I.V. Rossiisko-kitaiskie otnosheniia otlichaet zrelyi i stabil'nyi kharakter [Russian-Chinese Relations Are Distinguished by a Mature and Stable Character]. Rossiiskoe kitaevedenie [Russian Sinology]. 2023. No. 3 (4). P. 7–13. (In Russian).

Rumyantsev E.N. Sovremennaya kitaiskaya politika: v 2 t. [Contemporary Chinese Politics: In 2 Vols.]. 2024. Moscow: Sinosfera. (In Russian).

* * *

Clinton W.J. (2000). Remarks at the Paul H. Nitze School of Advanced International Studies. Washington, D.C., March 8. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-paul-h-nitze-school-advanced-international-studies (accessed: 20.06.2026).

Clunas C. (2005). At the Royal Academy: Art of the Emperors. London Review of Books. Vol. 27. No. 23. December 1. P. 22.

Dai X. (2000). Chinese Politics of the Internet: Control and Anti-Control. Cambridge Review of International Affairs. Vol. 13. No. 2. P. 181–194. DOI: 10.1080/09557570008400308.

Doyon J. (2020). The Strength of a Weak Organization: The Communist Youth League as a Path to Power in Post-Mao China. The China Quarterly. No. 243. P. 780–800. DOI: 10.1017/S0305741019001516.

Fravel M.T. (2000). Online and on China: Research Sources in the Information Age. The China Quarterly. No. 163. P. 821–842. DOI: 10.1017/S0305741000014685.

Leu G., Chen M. (2025). A Review of China Studies in Taiwan: History, Development and Main Contributions. China Report. Vol. 61. No. 1. P. 115–132. DOI: 10.1177/00094455241297256

Leys S. (1990). The Art of Interpreting Nonexistent Inscriptions Written in Invisible Ink on a Blank Page. The New York Review of Books. October 11. URL: https://www.nybooks.com/articles/1990/10/11/the-art-of-interpreting-nonexistent-inscriptions-w/ (accessed: 29.06.2026).

Lieberthal K. (2010). Reflections on the Evolution of the China Field in Political Science. In: Carlson A., Gallagher M.E., Lieberthal K., Manion M.K. (eds.). Contemporary Chinese Politics: New Sources, Methods, and Field Strategies. Cambridge: Cambridge University Press. P. 266–278.

Parton C. (2022). China's Communist Youth League: Eternally Young at a Hundred. MERICS – Mercator Institute for China Studies. May 18. URL: https://merics.org/en/comment/chinas-communist-youth-league-eternally-young-hundred (accessed: 20.06.2026).

Wang P. (2016). Military Corruption in China: The Role of Guanxi in the Buying and Selling of Military Positions. The China Quarterly. No. 228. P. 970–991. DOI: 10.1017/S0305741016001144.

Wang R. (2002). Government Information of the People's Republic of China on the Internet. Journal of Government Information. Vol. 29. No. 1. P. 31–37. DOI: 10.1016/S1352-0237(03)00004-2.

Поступила в редакцию: 25.06.2026 Received: 25 June 2026.
Принята к публикации: 30.06.2026. Accepted: 30 June 2026.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.62.24.005

П.И. Рысакова

Образ Второй мировой войны в школьных учебниках по истории в КНР 2010-2020-х гг.

Аннотация. Активное переосмысление событий Второй мировой войны разворачивается в современном Китае на фоне символических «войн памяти», охвативших многие государства. Изменения в исторической политике в период руководства Си Цзиньпина находят выражение в том числе и в школьном образовательном дискурсе. В фокусе настоящей статьи – смысловые особенности исторического нарратива о Второй мировой войне в школьных учебниках КНР в период 2010–2020-х гг. Исследование опирается на концептуальный анализ текстов учебных пособий с учетом смысловых акцентов официальной исторической политики КНР. Для наиболее наглядной репрезентации образа Второй мировой войны проводится детальное сопоставление текстов актуальных учебников по истории Китая и всемирной истории, изданных в Китае в 2017–2018 гг., с пособиями прошлого поколения, опубликованных в 1995–1996 гг. В статье отмечены ключевые концептуальные изменения в интерпретации исторических событий, которые нашли отражение и в текстах учебников: пересмотр хронологических рамок антияпонской войны и Второй мировой войны, позиционирование Китая как «главного восточного фронта» мировой войны и переоценку его вклада в победу антифашистских сил. Особое внимание уделяется концептуальному переходу от нарратива «жертвенности» и «столетия унижений» 1980–1990-х годов к нарративу «национального возрождения» и восстановления величия Китая в современный период. Автор выявляет парадоксальный характер школьного исторического нарратива: на фоне укрепления формальной риторики о вкладе Китая в мировую победу над фашизмом содержательно происходит сужение международного контекста и усиление «китаецентричности» изложения. Если учебники 1990-х гг. подробно освещали вопросы международной военную и экономическую помощи в адрес Китая, активное участие Китая в антифашистской коалиции и дипломатических процессах военного времени, то современные пособия значительно минимизируют изложение этих аспектов, фокусируясь преимущественно на самостоятельной борьбе китайского народа под руководством КПК. Особое внимание в современных учебниках уделяется вопросам национального суверенитета и территориальной целостности. В них выборочно упоминаются лишь те международные конференции и соглашения военного времени, которые непосредственно касались китайских территориальных интересов. При этом решения, затрагивающие суверенитет Китая, такие как поддержка Советским Союзом независимости

Монголии или передача в аренду Порт-Артура, получают весьма критическую оценку.

Ключевые слова: историческая политика Китая, школьные учебники истории, Вторая мировая война, японско-китайская война, историческая память, образовательный дискурс

Автор: Рысакова Полина Игоревна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России. Email: vost5@yandex.ru

P • I • 雷萨科娃

2010—2020 年代中国中学历史教科书中的二战形象

*摘要：*在世界多国进行具有象征意义的“记忆战争”背景下，当代中国正在积极开展一场对二战事件的重新解读。习近平执政时期的历史政策变化也体现在中学教育话语中。本文聚焦于 2010—2020 年代中国中学教科书中二战历史叙事的语义特点。研究基于对教科书文本的概念分析，并考虑了中国官方历史政策的语义侧重点。为了更清晰地呈现二战的形象，本文将 2017-2018 年中国出版的现行中国历史和世界历史教科书与 1995-1996 年出版的上一代教科书文本进行了详细的比较。本文指出了对历史事件解读的关键性概念变化，这些变化也体现在教科书中：抗日战争和二战的时间框架被修改，中国被定位为二战“东方主战场”，以及对中国在反法西斯战争胜利中所做贡献的重新评估。本文重点关注了从 1980—1990 年代的“牺牲”和“百年屈辱”叙事向当代“民族复兴”和“重振中国雄风”叙事的概念性转变。作者揭示了中学历史叙事的悖论：在强化中国对世界反法西斯战争胜利贡献的公式化语句的同时，国际背景却被实质性地缩减，且叙述日益“以中国为中心”。1990 年代的教科书详细阐述了对华国际军事和经济援助、中国积极参与反法西斯同盟以及战时外交进程，而当代教科书则显著淡化了这些方面，主要聚焦于中国人民在中国共产党领导下的独立斗争。当代教科书尤其关注国家主权和领土完整问题，只选择性地提及那些直接涉及中国领土利益的国际会议和战时协定。同时，对于触及中国主权的决策，如苏联支持蒙古独立或租借旅顺港等，则持高度批判态度。

*关键词：*中国历史政策；中学历史教科书；第二次世界大战；中日战争；历史记忆；教育话语

*作者：*波林娜 • 伊戈列夫娜 • 雷萨科娃，社会学副博士，莫斯科国际关系学院国际问题研究所高级研究员。Email：vost5@yandex.ru

Polina I. Rysakova

The Image of World War II in Chinese School History Textbooks in the 2010s–2020s

Abstract. An active reinterpretation of World War II is currently unfolding in contemporary China against the backdrop of symbolic "memory wars" involving numerous states. Under Xi Jinping’s leadership, shifts in official historical policy have permeated school

educational discourse. This article examines the semantic characteristics of the World War II narrative in People's Republic of China (PRC) school textbooks during the 2010s and 2020s. The study draws on a conceptual analysis of textbook content, situated within the framework of the PRC's official historical policy. To provide a rigorous representation of the shifting image of World War II, the author conducts a detailed comparative analysis of world and national history textbooks published in 2017–2018 against the previous generation of pedagogical materials from 1995–1996.The research identifies pivotal conceptual shifts in the interpretation of historical events reflected in these texts: the revision of the chronological boundaries of both the War of Resistance against Japanese Aggression and World War II, the repositioning of China as the "primary Eastern front" of the global conflict, and a fundamental reassessment of China's contribution to the victory of the anti-fascist coalition. Particular attention is devoted to the ideological transition from the narrative of "victimhood" and the "Century of Humiliation" prevalent in the 1980s and 1990s toward a contemporary discourse of "national rejuvenation". The author delineates a salient paradox within the contemporary historical narrative: while formal rhetoric regarding China's international role in the victory over fascism has been amplified, the substantive international context has narrowed, resulting in an intensified "Sinocentric" presentation. Whereas textbooks of the 1990s provided comprehensive coverage of international military and economic assistance, China's active participation in the anti-fascist coalition, and complex wartime diplomacy, current editions significantly minimize these aspects. Instead, they focus primarily on the independent struggle of the Chinese people under the leadership of the Communist Party of China (CPC). Furthermore, contemporary textbooks place heightened emphasis on questions of national sovereignty and territorial integrity. International wartime conferences and agreements are selectively cited, appearing only when they directly align with Chinese territorial interests. Concurrently, decisions perceived to infringe upon China's sovereignty—such as Soviet support for Mongolian independence or the lease of Port Arthur—are subjected to distinctly critical scrutiny.

Keywords: China's historical policy, school history textbooks, World War II, Sino-Japanese War, historical memory, educational discourse

Author: *Polina I. Rysakova,* Candidate of Sociological studies, Senior Research Fellow, Institute for International Studies (IIS) MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia. Email: vost5@yandex.ru

События победного 1945 г. отстоят от наших дней уже на солидной временной дистанции. Однако история Второй мировой войны, ход военных действий и их итоги, по-прежнему остаются актуальной темой мировой историографии. Более того, в последнее время история тех военных лет активно возвращается в политическую и медийную повестку разных стран, как Европы, так и Азии [Миллер, Беспалов, 2022; Память о Второй.., 2022]. По меткому выражению А.И. Миллера, крупнейшего российского исследователя проблем исторической памяти, сегодня память о войне превращается в войны памяти, в которых каждый из акторов, продвигая собственный нарратив о войне, преследует внутри- и внешнеполитические цели [Миллер, 2020, с. 224].

Разгорающиеся на наших глазах новые "войны памяти" маркируют "осыпание мирового порядка". Разрушение затрагивает не только сложившуюся в послевоенное время систему международных отношений, но и хрупкий консенсус устоявшихся

оценок общего исторического прошлого, легитимирующих эту систему. Некоторые национальные государства отвечают на эти процессы стратегией “национального анти-осыпания” – конструирования официального нарратива, который продвигается по инициативе государства в медийной и образовательной сфере внутри страны и за ее пределами на дипломатическом уровне [Историческая политика, 2024].

Ярким примером такого “анти-осыпания” можно назвать современный китайский исторический нарратив, посвященный Второй мировой войне и японско-китайской войне (Войне сопротивления китайского народа японским захватчикам) как ее составной части. Китай значительно позже других стран, в 2000–2020-х гг., заявил о себе на глобальной арене символической борьбы за память о Второй мировой войне. Однако свой поздний выход он компенсирует активной и детальной проработкой исторического нарратива о войне, адресованного не только внутренней, но и зарубежной аудитории [Chang, Zhang, 2023, p. VII].

Ключевая роль военно-исторического нарратива в идеологической системе современного Китая уже стала объектом изучения как зарубежных, так и российских исследователей [Казанцев, 2025; Лексютина, 2022; Перминова, 2021; Coble, 2007; Chang, 2021; Mitter, 2020]. Ученые подробно анализируют динамику исторического дискурса и его преломления в академической и медийной сферах, а также в актуальной политической практике.

Между тем, обновление исторического нарратива затронуло и систему образования. Реинтерпретация событий 1930–1940-х гг уже получила отражение в действующих школьных пособиях, что свидетельствует о серьезности намерений китайского руководства в стремлении закрепить актуальные трактовки этих мировых событий для будущих поколений. Интерпретация антияпонской и Второй мировой войн в системе китайского школьного образования в 2010–2020-х гг. и выступает предметом исследования в данной статье. Изучение этого вопроса позволит более полно представить нюансы исторического нарратива в современном Китае, дополнив уже хорошо известные академический, медийный и дипломатический аспекты. Объектом нашего анализа выступают тексты учебников для младшей средней школы в редакции 2017 г., которые используются в настоящее время в школьном образовании.

В нашем дальнейшем изложении мы последовательно разберем такие вопросы, как специфика исторического нарратива в современном Китае в 2010–2020-х гг., особенности организации школьного преподавания истории, а также новые акценты в изложении учебного материала, посвященного проблемам японско-китайской и Второй мировой войн.

Динамика исторического нарратива в современном Китае

В исследованиях исторических нарративов современного Китая уже сложился определенный консенсус относительно специфических черт исторической политики КНР в 2010–2020-х гг. в период руководства Си Цзиньпина [Горячев, 2025, Казанцев, 2025; Лексютина, 2022; Хубриков, 2020; Chang, 2021; Chang, 2022]. Именно динамика интерпретаций, связанных с событиями 1930-40-х гг., позволяет наглядно продемон-

стрировать ее отличие от прошлых десятилетий. Так, в 1950-80-х гг. доминировал нарратив о революционном героическом прошлом, в котором подчеркивалась ведущая роль КПК и принижалось значение ГМД. Антияпонская война рассматривалась скорее как фон для развернувшейся межпартийной борьбы, в которой международная перспектива и события Второй мировой войны отходили несколько на второй план. Напротив, в 1980-90-е гг. революционный дискурс сменил так называемый нарратив жертвенности, подчеркивающий масштаб урона и лишений, который испытал Китай по вине иностранных держав за "столетие унижений" 1837–1949 гг. Центральным событием этого столетнего периода выступала антияпонская война, победа в которой маркировала восстановление Китаем своего суверенитета.

В 2010-х гг. после прихода к власти Си Цзиньпина историческая политика Китая претерпела значительные изменения. События новой и новейшей истории уже получили интерпретацию в контексте тезиса о "национальном возрождении" и восстановлении былого величия Китая, что напрямую повлияло и на оценки Второй мировой войны [Казанцев, 2025, с. 96–100; Лексютина, 2022, с. 16–17; Li Zhiming, 2017].

Как отмечают исследователи, в исторической политике Си Цзиньпина символическое значение антияпонской войны и Второй мировой войны многократно возросло [Chang, 2021, p. 1152]. Действительно, период 2010–2020-х гг. отмечен количественным ростом академических исследований, посвященных этим вопросам. Так, по данным китайской наукометрической базы CNKI, в 1990–2000-е гг. в среднем за год публиковалось около 500 научных работ, связанных с изучением антияпонской войны. Однако после 2010-х гг. их число возросло до 1500.

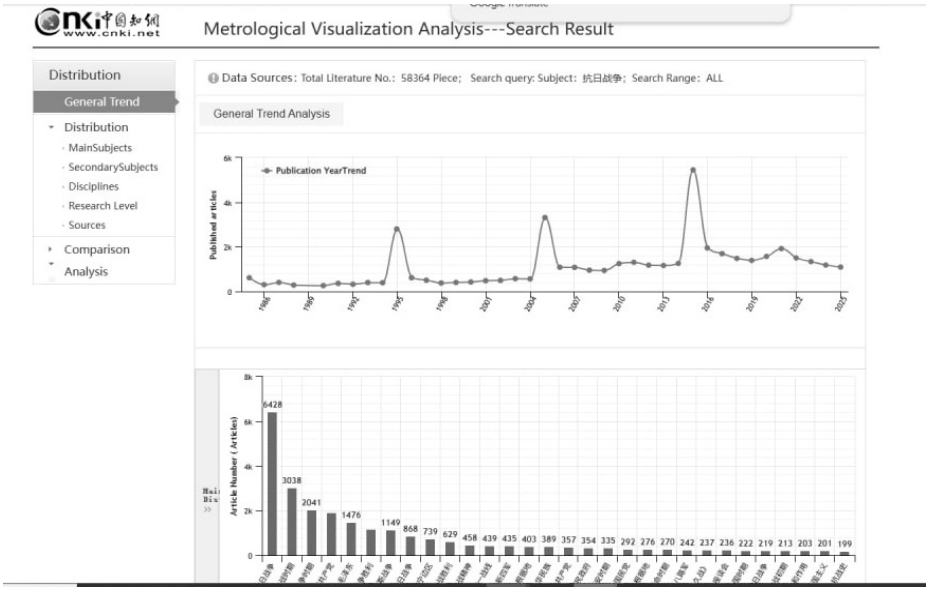

Рис. 1.
Динамика количества научных публикаций по истории антияпонской войны в Китае (1990–2020-е гг.)

Кроме этого, память об исторических событиях антияпонской войны получила официальное закрепление в 2014 г. в двух ново учрежденных государственных праздниках: 3 сентября как Дне победы в Войне сопротивления китайского народа японским захватчикам и 13 декабря как Дне памяти жертв Нанкинской резни. Продвижению темы антияпонской и Второй мировой войн в медийном и общественном дискурсе немало способствовало активное участие лидеров государства в мемориальных торжествах и их выступления с программными речами.

Одновременно с этим для закрепления официальной трактовки исторических событий была инициирована кампания по борьбе с “историческим нигилизмом”. Тогда же в 2018 г. был принят Закон о защите чести и достоинства павших героев, пресекающий искажение вклада погибших воинов, а также учреждено отдельное Министерство по делам ветеранов [Лексютина, 2022; Как законодательство.., 2024; Li Zhiming, 2017].

Историческая политика 2010–2020-х гг. нацеливалась не только на формальное закрепление событий 1930-40-х гг. в статусе основополагающих в контексте новейшей истории Китая, но и на утверждение новых акцентов в их трактовках.

Новации в интерпретациях антияпонской и Второй мировой войн в 2010–2020-х гг. уже довольно подробно проанализированы в исследовательской литературе, и мы лишь кратко обозначим те аспекты, которые значимы для дальнейшего анализа учебных пособий [Казанцев, 2025; Лексютина, 2022; Перминова, 2021; Xu Lan, 2025, Lin Limin, 2025, Zhao Wenliang, 2017, Coble, 2007; Chang, 2021; Mitter, 2020]. Прежде всего стоит отметить постепенное смещение фокуса внимания на взаимосвязь между локальными событиями – защитой Китая от японской агрессии – и общемировыми событиями – военными действиями в Европе, Северной Африке и Тихом океане. Антияпонская война утверждается как главный восточный фронт Второй мировой войны, который сковывал действия Японии и позволил Советскому Союзу сконцентрироваться на борьбе на европейском направлении [Wang Fusheng, 2025]. Тем самым Китай внес существенный вклад в исход Второй мировой войны и победу антифашистских сил. Такая трактовка антияпонского сопротивления как восточного фронта Второй мировой войны позволяет, с точки зрения китайских идеологов, пересмотреть европоцентристскую интерпретацию военных событий и более объективно оценить вклад Китая в мировую историю XX в. [Lin Limin, 2025].

Продвижение этого нового прочтения событий 1930-40-х гг. в Азии становится возможным в том числе за счет введения несколько иной периодизации военных действий. Начало антияпонской войны относится теперь к 1931 г., а ее ранний этап 1931–1937 гг. тесно увязывается с событиями Второй мировой войны.

При этом датировка собственно начала Второй мировой войны составляет предмет отдельной дискуссии в китайской современной историографии, стартовавшей еще в 1980-е гг. и представленной палитрой мнений. Как демонстрирует Линь Лиминь, президент Китайской ассоциации по изучению истории Второй мировой войны, в предшествующие периоды до 2010-х гг. среди китайских ученых доминировали европоцентристские оценки, и начало Второй мировой войны связывали с событиями в Европе 1939 г. В дальнейшем в 2010–2020-х гг. обращение к национальным академическим традициям и критика прежних европоцентристских подходов открыли воз-

можность более активно выдвигать прежде вытесняемые позиции, позволившие непротиворечиво концептуализировать локальные военные действия, вспыхнувшие в разных частях Азии и Европы.

К таким относительно новым трактовкам относится «версия 1937 г.» (1937年说), согласно которой развернувшиеся полномасштабные военные действия на территории Китая следует признать за дату начала Второй мировой войны [Lin Limin, 2025; Zhang Hanlin, 2025; Li Zhiming, 2017]. Как мы проиллюстрируем ниже, эта датировка пока сохраняется и в текстах актуальных школьных учебников по истории.

Однако стоит отметить, что в 2020-х гг. эта позиция также подверглась ревизии. Сегодня китайские историки уже более однозначно склоняются к «версии 1931 г.» (1931年说). Точка зрения, согласно которой начало Второй мировой войны следует увязывать с Мукденским инцидентом 1931 г. и ранним этапом антияпонской войны (1931–1937) озвучивалась китайскими учеными еще в 1980-х гг. и получила активное продвижение в 2000-х гг., в частности, в работах историка Ху Дэкуня [Hu Dekun, 2025]. И сегодня «версия 1931 г.» претендует на статус доминирующей, поскольку она получила отражение и в фундаментальном труде «Новая история Второй мировой войны», изданном Институтом всемирной истории Китайской академии общественных наук в 2025 г. [Xueshujie, 2025]. В дальнейшем, возможно, новая датировка – 1931 г. как дата начала Второй мировой войны – также будет внесена в обновленные школьные учебники по истории.

Таким образом, отстаиваемая китайскими учеными хронология Второй мировой войны нацелена на расширение временных рамок крупнейшего военного конфликта XX в. так, чтобы его начало и завершение было связано с военными действиями в Азии, а именно в Китае. Это позволяет объединить события в Азии и в Европе в рамках единой схемы анализа как этапы антифашистской борьбы, акцентировав тем самым общемировое значение антияпонской войны.

Помимо концептуальных обновлений, современный китайский исторический нарратив отличается и смысловыми нюансами, меняющимися в зависимости от адресуемой аудитории – внутрикитайской или иностранной. Так, во внутрикитайском дискурсе тема жертвенности и страданий, понесенных китайским народом за годы войны, уже не педалируется. Ее оттесняет на второй план тезис об одержанной победе и возрождении китайской нации. Напротив, в риторике для зарубежной аудитории тема страданий все еще фигурирует. Ее подкрепляют ссылками на количество погибших и раненых за время военных действий и попытками придать международную огласку архивным документам, свидетельствующим о преступлениях японских агрессоров [Лексютина, 2022, с. 17].

Отдельный интерес представляет тема международного взаимодействия в годы войны. В обращениях для зарубежной аудитории нередко звучит признательность за международную помощь и поддержку, которую Китай получал в годы сопротивления Японии [Лексютина, 2022, с. 17]. Однако, как отмечает В. Чан, в последние годы такие обращения обретают менее конкретный характер и лишены наглядных примеров [Chang, Zhang, 2023, p. 84].

Напротив, для внутрикитайской аудитории значение военной и экономической помощи извне существенно приглушается. Проведя масштабный анализ корпуса китай-

ских медийных текстов 2010–2020-х гг., В. Чан заключает, что тема международной помощи практически отсутствует в сообщениях для внутренней аудитории [Chang, Zhang, 2023, p. 84, 86]. Медийное сообщение фокусируется на нескольких темах: роль КПК в объединении нации и достижении победы, вклад Китая в исход Второй мировой войны, а также восстановление территориальной целостности Китая благодаря возвращению отторгнутых прежде территорий [Казанцев, 2025, с. 112–113].

Отмеченные выше особенности интерпретации событий Второй мировой войны в период руководства Си Цзиньпина позволяют исследователям констатировать укрепление "китаецентричности" исторического нарратива, в котором китайский народ, объединенный усилиями КПК, одержал победу в войне, начавшейся и закончившейся в Азии, и в которой он понес наибольшие жертвы [Chang, 2022, p. 1061].

Преподавание истории в современной китайской школе

Прежде чем обратиться к непосредственному рассмотрению интерпретации военных событий в актуальных учебниках, необходимо несколько слов сказать о специфике преподавания истории в школах сегодняшнего Китая. Школьное образование традиционно находится в фокусе внимания китайских государственных органов. За годы руководства Си Цзиньпина идеологический и административный контроль над школьным образованием значительно усилился. В первую очередь это коснулось младшей средней школы и таких идеологически значимых предметов, как китайский язык, "политика и мораль" и история.

Усиление идеологической роли образования на современном этапе прослеживается в двух основных аспектах. Школьный курс по истории подвергся концептуальному обновлению, а государственный контроль за разработкой новых учебных пособий существенно усилился.

Так, в 1990–2000-х гг. допускались региональные редакции учебных пособий при условии соблюдения единого образовательного стандарта. Напротив, после 2012 г. возобладала тенденция на централизацию – внедрение единых общенациональных учебных пособий. Ответственность за разработку учебников легла на министерство образования, а окончательное утверждение их текстов стало прерогативой специально учрежденного в 2017 г. Государственного комитета по учебным пособиям (国家教材委员会). Начиная с этого времени, в масштабах всей страны допускается использование лишь единого министерского комплекта учебных пособий по истории для средней школы младшей (初中) и старшей ступени (高中). [Рысакова, 2022, с. 755].

С 2012 г. и до сегодняшнего дня, китайские школьные учебники по истории прошли уже несколько этапов редакции. Сперва региональные версии учебников уступили место новому унифицированному пособию. В 2017 г. был внедрен комплекс учебников для младшей средней школы под редакцией профессора Ци Шижуна (齐世荣). Позднее, в 2019 г., в преподавание ввели и единый учебник для старшей ступени средней школы в редакции историков Чжан Хайпэна (张海鹏) и Сюй Лань (徐蓝).

Уже в 2020-х гг. новый единый учебник для младшей средней школы прошел ревизию для соответствия актуальной политической и идеологической повестке.

В 2024–2026 гг. проходит постепенное замещение учебника под ред. Ци Шижуна на обновленный комплект учебных пособий под ред. Чжан Хайпэна (张海鹏) и Сюй Лань (徐蓝), которые также выступили авторами учебника для старшей средней школы [Guanyu yinfa, 2024]

Помимо учебных пособий, обновление прошли и образовательные стандарты по истории. По сложившейся практике, школьные образовательные стандарты редактируются каждое десятилетие. Стандарт для старшей средней школы вышел в свет в 2017 г. взамен прежней редакции 2003 г. Однако уже в 2020 г. министерство образования опубликовало еще одну отредактированную версию с включением последних программных высказываний Си Цзиньпина. Новый стандарт для младшей средней школы был опубликован в 2022 г., сменив прежний вариант 2011 г.

Иными словами, за период руководства Си Цзиньпина к 2025 г. полностью обновились школьные образовательные стандарты и уже дважды сменились комплекты учебников для средней школы. Такая интенсивная работа может свидетельствовать не только о пристальном внимании к вопросам школьного преподавания истории, но и насыщенном идеологическом обновлении исторического нарратива, который с неизбежным запозданием получает отражение в текстах учебников.

Курс по истории относится к обязательным предметам в младшей (初级中学) и старшей (高级中学) ступенях средней школы. Однако в младшей школе он преподается все три года с 7 по 9 класс, а в старшей школе – уже только один год. Характерно, что две трети учебных часов посвящено истории Китая, а при изложении национальной истории акцент делается на периоде нового и новейшего времени как ключевого для становления современного Китая [Ren Jiaoli, 2021].

В новых редакциях образовательных стандартов заявлено и концептуальное обновление тех целей, которые ставятся перед историческим образованием. В русле идеологических новаций, введенных в 2010–2020-е гг., – идеи “уверенности в культуре” (文化自信) и тезиса о ключевой роли КПК – историческое образование призвано знакомить с традиционной китайской культурой, демонстрировать особенности революционной культуры, в том числе путь КПК к управлению страной, укреплять чувство сплоченности многонациональной китайской нации, а также понятие национального суверенитета и территориальной целостности Китая и, наконец, формировать мировоззрение, предполагающего признание мультиполярного (полицентричного) мира, но объединенного единой судьбой [Рысакова, 2022, с. 759–760].

Обозначенные цели школьного исторического образования задают перспективы анализа новых интерпретаций исторических событий 1930–1940-х гг., которые представлены в актуальных учебных пособиях.

Военные события 1930-40-х гг. в зеркале школьного курса по истории 2010–2020-х гг.

Предпринятый выше краткий обзор основных составляющих современного исторического нарратива позволяет обратиться к вопросу, как именно исторические события 1930–1940-х гг. репрезентируются в современных учебниках по истории, ауди-

тория которых – это юные китайские граждане. В перспективе ответа на этот вопрос мы предприняли анализ соответствующих разделов в учебнике для младшей средней школы, в которой курс истории обязателен для всех учащихся. Для анализа были отобраны актуальные «министерские» учебники по истории Китая и всемирной истории под ред. Ци Шижуна, впервые изданные в 2017 г. издательством “Народное просвещение” (人民教育出版社). В настоящее время школьное изучение материалов, связанных с антияпонской и Второй мировой войнами опирается именно на этот комплект учебников, поскольку их полное замещение завершится только к новому учебному 2026-2027 году.

Для более рельефного и объемного представления специфики сегодняшней презентации событий антияпонской и Второй мировой войн мы провели сравнительный анализ с учебниками по истории Китая и всемирной истории издательства “Народное просвещение”, опубликованных в 1995–1996 гг. Этот комплект учебников по своему содержанию наиболее близок к действовавшему в то время образовательному стандарту по истории и может быть признан релевантным для изучения официального исторического дискурса своего времени [Zhang Tianming, Chen Hui, 2021]. Также он представляет предшествующее поколение учебных пособий 1990–2000-х гг., зафиксировавших ключевые установки исторического нарратива того времени, которые мы отметили выше: акцент на жертвенности, а также утверждение значимости победы, одержанной китайским народом, для послевоенного мира.

При сопоставлении нынешней и прошлой версий учебных пособий мы обращали особое внимание, каким образом учебники обоих поколений интерпретируют актуальные ныне темы: вклад Китая в исход Второй мировой войны, международное сотрудничество в военное время, а также обретение суверенитета и возвращение утраченных прежде территорий.

При непосредственном обращении к текстам учебных пособий прежде всего необходимо отметить значительное сокращение объема излагаемого материала в современных пособиях.

	Ученики по истории Китая и всемирной истории 1995–1996 гг.	Ученики по истории Китая и всемирной истории 2017–2018 гг.
Антияпонская война	60 стр. из 200 стр. (30%)	24 стр. из 130 стр. (18%)
Вторая мировая война	20 стр. из 160 стр. (12,5%)	6 стр. из 100 стр. (6%)

Источник: составлено автором на основе текстов учебников “История Китая” (1995 г. и 2017 г.) и “Всемирная история” (1996 г. и 2018 г.).

Так, в учебниках по истории Китая 1995 г., в разделе, охватывающем период от Нанкинского десятилетия до современности, событиям антияпонской войны (1931–1945 гг.), посвящено около 30% объема текста (60 стр. из более 200 стр). В учебнике по всемирной истории, в разделе новейшей истории, начиная от эпизода Парижской коммуны до современности, события Второй мировой войны излагаются на 20 стр. из 160 стр., что составляет около 12% текста.

В актуальных учебниках по истории Китая и мировой истории 2017 г. на рассмотрение Антияпонской войны уделяется 24 стр. из 130, а Второй мировой войне – всего лишь 6 стр. из 100 стр.

Иными словами, за прошедшие десятилетия на фоне усиления идеологической роли исторического образования тексты учебников подверглись значительному сокращению. Изложение исторических событий стало более конспективным за счет значительного изъятия количества приводимых фактов, цитат документов, фотографий. Вместе с тем текст учебников пополнился более явными формулировками официальных оценок тех или иных событий.

Далее мы рассмотрим, как представляются и интерпретируются в учебниках обоих поколений ключевые даты и события японско-китайской и Второй мировой войн. Начало антикитайской агрессии со стороны Японии в обоих учебниках 1995 г. и 2017 г. связывается с Мукденским инцидентом 18 сентября 1931 г. Однако в более ранней версии учебного пособия лишь констатируется факт агрессии и захват Японией значительной территории на Северо-Востоке Китая, за которым последовало создание государства Маньчжоу-го. Начало собственно полномасштабной “народно-освободительной войны” в рамках прежних историографических оценок связывается с инцидентом 7 июля 1937 г. на мосту Марко Поло [Zhongguolishi, 2001, с. 32–33, 48].

В современной редакции учебника начальным событием антияпонской войны обозначен уже Мукденский инцидент. При этом редакторы учебника сразу вводят международное измерение в оценке антияпонского сопротивления, обозначая его как пролог мировой антифашистской войны. Инцидент на мосту Марко Поло уже маркирует начало полномасштабного вторжения и общенационального сопротивления агрессорам [Zhongguolishi, 2017, с. 88, 93].

Дальнейшее освещение событий антияпонской войны уже привычно разворачивается по двум магистральным линиям: усилия ГМД на фронтах военных действий (正面战场) и инициативы КПК в тылу врага (敌后战场). Отметим, что авторы более ранней версии учебного пособия стремились продемонстрировать включенность событий антияпонской войны в международную повестку. Так, в отдельном разделе “Международная помощь” указывается, что сопротивление китайского народа вызвало горячее сочувствие и поддержку среди международного сообщества, причем как со стороны хуацяо, выходцев из Китая, проживающих за рубежом, так и правительств других стран, среди которых обозначены СССР и США. Советское правительство предоставило военную помощь в виде самолетов, артиллерии, танков и другого вооружения, а также направило летчиков-добровольцев для участия в военных действиях. Военно-техническое содействие оказало и правительство США.

Отдельные абзацы текста посвящены вкладу врачей-добровольцев Бетьюна (白求恩) из Канады и Котниса (柯棣华) из Индии, а также заслугам американских корреспондентов, освещавших для международной аудитории события тех лет [Zhongguolishi, 2001, с. 62-63].

Международное измерение антияпонской войны усиливается за счет позиционирования ее как части мирового антифашистского сопротивления. Для иллюстрации этого тезиса указывается, что в январе 1942 г. Китай в числе 26 государств подписал Декларацию Объединенных наций.

Завершающий этап антияпонского сопротивления авторы учебника “История Китая” 1995 г. также рассматривают в контексте динамики мировой войны – поражений Японии и Германии в 1944-45 гг. Как отмечается, успехи антифашистского движения “поддерживали” китайский народ и “вдохновляли” его усилить борьбу с агрессором. Капитуляция Японии представлена как результат действий китайского народа и мировых антифашистских сил, в том числе военного участия СССР на северо-востоке Китая и США – на Тихоокеанском фронте, наряду с применением атомного оружия [Zhongguolishi, 2001, с. 88].

Отдельный интерес представляет вопрос, как редакторы учебного пособия определяют вклад Китая в мировую победу. Согласно трактовке 1990-х гг., Китай сковывал на своей территории около 60% военной мощи Японии, ограничивая ее действия на других направлениях. Кроме того, в учебном пособии рассматриваются и действия экспедиционного корпуса ГМД. При содействии со стороны Великобритании и США он принимал участие в сражениях с Японии на территории Северной Бирмы. И нанесенное там поражение Японии в 1945 г. приблизили ее капитуляцию в сентябре того же года [Zhongguolishi, 2001, с. 72–73][1]. Таким образом, вклад Китая в исход мировой войны понимается преимущественно как удержание японской армии на своей территории, и в определенной степени – как военные достижения, одержанные регулярными войсками ГМД.

Итоги антияпонской войны осмысляются в контексте доминировавшей в 1990–2000-е гг. парадигмы “столетия унижений”. Война 1937–1945 гг. маркировала переход от национального упадка к последовавшему затем подъему. Китай внес значительный вклад в победу над мировым фашизмом, принеся немалые жертвы – 35 млн. погибших и раненых среди военных и мирного населения [Zhongguolishi, 2001, с. 89].

Рассмотрим теперь, как эти же события интерпретируются в новой редакции учебника 2017 г. Сохраняя в целом ту же структуру изложения – действия ГМД на передовой и КПК – в тылу, редакторы учебника уже не выделяют, как прежде, включенность антияпонской войны в общемировой контекст. Так, вопросы международной поддержки рассматриваются в рамках небольшой вставки-врезки, а не отдельного параграфа в основном тексте изложения. Более того, из прежнего перечисления аспектов международной помощи – содействия со стороны хуацяо, военных поставок от СССР и США, прибытия добровольцев, – остались лишь упоминания о деятельности канадского и индийского врачей [Zhongguolishi, 2017, с. 104].

Участие Китая в антифашистском сопротивлении уже просто констатируется, без ссылок на подписание Декларации объединенных наций. Действия экспедиционного корпуса на территории Бирмы также вынесено из общего повествования в отдельную рубрику, при этом вопрос сотрудничества с Великобританией и США не затрагивается [Zhongguolishi.., 2017, с. 101].

[1] Как отмечают молодые китайские исследователи, идеологические ограничения на упоминание военных действий с участием регулярной армии ГМД не позволяют в полной мере высветить именно военный вклад Китая в исход мировой войны. Так, эпизод со сражениями экспедиционного корпуса на территории Северной Бирмы рассматривается в рамках повествования о ходе сопротивления японцам в первые годы войны, а не заключительного этапа. Такая организация текста умаляет его значение для разгрома Японии в 1945 г., фокусируя внимание учащихся на приоритетной роли действий США и СССР в капитуляции агрессора. [Bai Bin, 2019, с. 52]

Завершающий этап антияпонской войны также, как и в более ранних версиях учебных пособий, рассматривается в связи с поражением Японии и Германии на других фронтах, а капитуляция Японии – как результат борьбы китайского народа и антифашистских мировых сил: военного и политического участия СССР и США [Zhongguolishi, 2017, с. 110]. Тем не менее фраза о "вдохновении", которое черпал китайский народ в победах на мировых фронтах антифашистской войны, уже не вошла в новую редакцию учебника.

Наиболее значимо изменилась общая оценка японско-китайской войны ввиду рассмотренных выше концептуальных историографических сдвигов. Антияпонская война уже изначально заявляется как главный восточный фронт мировой антифашистской войны, победа в которой значительно повысила международный статус Китая. Как и в учебнике 1995 г., упоминаются и потери, которые понес Китай – 35 млн погибших и раненых. Однако оценка японских сил, которые Китай удерживал на своей территории, с прежних 60% возросла уже до 80% [Zhongguolishi, 2017, с. 110].

Обратимся теперь к вопросу, как изменилась специфика презентации событий Второй мировой войны в разделе "Всемирная история" учебников, изданных в 1996 г. и 2018 г.

В ранней редакции учебника изложение непосредственно военных действий предваряет довольно объемное освещение предвоенной обстановки в Европе и Азии, а именно – постепенное формирование фашистских режимов в Японии, Германии и Италии, сопровождавшееся военной экспансией на территории Китая, Эфиопии, Испании. Наряду с этим отмечается и активизация антифашистской борьбы, что иллюстрируется действиями Коминтерна и участием добровольцев в гражданской войне в Испании. При этом отдельно указывается на участие китайских добровольцев, которые, вместе с представителями иных стран, выступили на стороне республиканских сил в сражениях в Испании [Shijie lishi, 1996, с. 90]. Таким образом, как показывают авторы учебного пособия, очаги будущей мировой войны складывались как в Азии, так и в Европе. Китай оказался непосредственным образом включен в эти мировые события и как жертва агрессии, и как участник сопротивления наряду с регионами Северной Африки и Южной Европы.

В современной редакции учебного пособия при изложении предвоенных событий авторы также делают акцент на формировании военных очагов в Европе и Азии. Однако военные действия в Северной Африке и Испании уже не рассматриваются, а упоминается только аннексия Австрии и Чехословакии в 1938-39-х гг. Вместе с тем при описании азиатского военного очага отдельно подчеркивается факт вторжения Японии в Маньчжурию в 1931 г., что создает впечатление о Китае как самой первой жертве военной агрессии со стороны фашистских государств. Усилить это впечатление призван повтор фразы об антияпонской войне как прологе Второй мировой войны [Shijie lishi, 2018, с. 64-65].

Хронологический приоритет азиатских событий сохраняется и при освещении начала Второй мировой войны. Так, в прежней редакции учебника авторы повествуют о постепенном расширении немецкой экспансии на страны западной Европы, фиксируя официальное начало Второй мировой войны датой 1 сентября 1939 г. – нападение на Польшу и объявление войны Германии со стороны Великобритании и Франции [Шицзе лиши, 1996, с. 93].

Однако в учебнике 2018 г. фраза о полномасштабном начале Второй мировой войны 1 сентября 1939 г. предваряется упоминанием антияпонской войны, которая полностью развернулась в 1937 г. Таким образом, начало Второй мировой войны следует понимать как растянутый процесс, стартовой точкой которого все-таки послужило сложение "главного восточного фронта" в Китае в результате действий Японии в 1937 г. [Shijie lishi, 2018, с. 67]. Как мы отмечали выше, такая хронология начала Второй мировой войны отвечает двум утвердившимся в китайской историографии тезисам: представлении о поэтапном начале военного конфликта как череды локальных столкновений, а также отказу от даты 1939 г. в пользу 1937 г. вследствие пересмотра европоцентричных установок [Zhang Hanlin, 2025].

Дальнейшее изложение событий Второй мировой войны выстраивается вокруг двух магистральных линий: течение военных действий на Европейском и Тихоокеанском фронтах, а также сложение антифашистской коалиции и дипломатические инициативы, в которых также принимал участие и Китай. Как и при обзоре событий антияпонской войны, на фоне значительно сократившегося объема излагаемого материала ход военных действий обозначен лишь пунктиром: нападение фашистской Германии на СССР и оборона Москвы, американо-японские сражения на Тихоокеанском фронте, Сталинградская битва, кардинально изменившая ход войны, открытие второго западного фронта, разгром Германии и капитуляция Японии.

При сопоставлении с редакцией учебника 1996 г. обращает на себя внимание не только конспективный характер изложения, но и смысловая реинтерпретация некоторых событий. Так, раннее учебное пособие рассматривает военные действия в Китае в более широком контексте военной агрессии Японии против стран Юго-Восточной Азии. Упоминается, что к 1942 г. Япония захватила значительную часть территории региона, провозгласив создание "Восточноазиатской сферы сопроцветания" [Shijie lishi, 1996, с. 98]. Таким образом антияпонское сопротивление помещается в рамки более масштабной агрессии Японии в регионе, от которой пострадал не только Китай, но и многие другие страны Азии. Однако уже в новом учебнике захват Юго-Восточной Азии лишь кратко упомянут, а Китай назван "главным восточным фронтом", где была сосредоточена превалирующая часть японской армии [Shijie lishi, 2018, с. 68]. Иными словами, основной жертвой японской агрессии выступает Китай, а японско-китайская война предстает как ключевое военное событие в Азии, уводя в тень военные испытания иных народов континента.

По-разному освещаются и действия китайского экспедиционного корпуса, который мы уже упоминали выше. Учебное пособие 1996 г. дублирует сведения о нем как в разделе об антияпонской войне, так и о Второй мировой войне, иллюстрируя включенность Китая в мировые события и непосредственное взаимодействие с Великобританией и США как союзниками по антифашистской коалиции, что помогло приблизить капитуляцию Японии [Shijie lishi, 1996, с. 108]. Напротив, редакторы учебника 2017 г уже не включили этот материал в раздел по мировой истории, упомянув его лишь в разделе об Антияпонской войне.

Наконец, различия прослеживаются и в освещении дипломатических событий во время Второй мировой войны. Учебник 1996 г. последовательно перечисляет все ключевые дипломатические встречи, которые проводились с участием лидеров анти-

гитлеровской коалиции: подписание декларации Объединенных наций (1942 г.), конференция в Каире (1943 г.), Тегеране (1943 г.), Ялте (1944 г.) и Постдаме (1945 г.). При перечислении итогов этих встреч особо выделены значимые для Китая результаты: решения относительно военных действий против Японии и возвращения утраченных прежде территорий. Отметим, что учебник подробно разбирает решения Ялтинской конференции о будущем создании ООН, акцентируя роль Китая как государства-сооснователя международной организации [Shijie lishi, 1996, с. 107].

Описание дипломатических встреч в современном учебнике выглядит уже несколько иначе. Упомянуты лишь те конференции, в повестке которых стояли вопросы принуждения Японии к капитуляции и возвращения китайских территорий. В силу этого Тегеранская конференция, посвященная открытию второго фронта в Европе, уже не обозначена. Вместе с тем и решение о создании ООН лишь кратко упомянуто без поименования Китая в статусе государства-соучредителя.

Вместо этого усилился акцент на вопросе суверенитета и территориальной целостности Китая. Характерно, что при изложении решений о возврате Китаю прежних территорий редакторы нового учебника уже не просто упоминают Тайвань, как это было прежде, но подробно перечисляют все значимые для современной китайской внешнеполитической стратегии территории: Тайвань и прилегающие острова, а также архипелаг Спратли и прилегающие к нему острова [Shijie lishi, 2018, с. 70].

В издание 2018 г. была также включена новая вставка в текст учебника при изложении итогов Ялтинской встречи. В ней отмечено, что Советский Союз при переговорах с США поддержал независимость Монголии, а также выдвинул условие о передаче в аренду Порт-Артура. Подобная инициатива СССР, поддержанная США за спиной Китая, нанесла значительный урон его суверенитету [Shijie lishi, 2018, с. 71].

Наконец, смысловые различия явным образом прослеживаются и в концептуализации Второй мировой войны как исторического события. Показательно, что в учебнике 1990-х гг. мировая война 1939–1945 гг. на своем раннем этапе характеризуется как империалистическая, поскольку изначально в нее были вовлечены лишь европейские империалистические державы – Великобритания, Франция, Италия и Германия. Однако после присоединения к ней других народов, боровшихся за национальное освобождение, она уже приняла характер антифашистской. По мере нарастания агрессии фашистских государств, укреплялось и единство стран, сопротивлявшихся ей. Благодаря этим совместным усилиям и была одержана победа [Shijie lishi, 1996, с. 99].

В редакции учебника 2010-х гг. Вторая мировая война однозначно определяется как антифашистская, имевшая в том числе и антиколониальный характер. Победа 1945 г. маркировала завершение исторического периода колониального передела мира и разрушение мировой колониальной системы [Shijie lishi, 2018, с. 71][2].

[2] И эта оценка соответствует тезису современной китайской историографии о том, что антиколониальное сопротивление угнетенных народов отражает одно из коренных противоречий периода Второй мировой войны. В условиях середины XX в. это сопротивление было направлено против фашистских держав, что и придавало этой борьбе антифашистский характер. Антияпонская война, длившаяся 14 лет, позволила Китаю выступить образцом вооруженного сопротивления фашистской агрессии для других угнетённых народов мира [Lin Limin, 2025].

Примечательно, что и участие Китая оценивается несколько различно. В учебниках 1995-96 гг. важная роль Китая и его вклад в исход мировой войны отмечается лишь в разделе об антияпонской войне в рамках курса по национальной истории. При этом Китай оказывается не единственной страной, принесшей значительные жертвы ради общей победы. В учебнике по всемирной истории также приводится сводная таблица с показателями урона, который был причинен Советскому Союзу: 20 млн жизней, 1700 разрушенных городов и 30 тыс. предприятий [Shijie lishi, 1996, с. 111].

В новой редакции 2017 г. тезис о Китае как главном восточном фронте мировой войны уже был зафиксирован в обеих частях учебного курса: по национальной истории в разделе об антияпонской войне и по всемирной истории в разделе о Второй мировой войне. Более того, в новой интерпретации Китай выступает основной жертвой военного времени, тогда как свидетельства о лишениях других стран уже не нашли места в тексте учебника [Shijie lishi, 2018, с. 68].

Заключение

Предпринятый сравнительный анализ текстов учебников, изданных в 1995–1996 гг. и 2017–2018 гг. позволяет наглядно продемонстрировать смену исторического нарратива и обозначить особенности презентации японско-китайской и Второй мировой войн в китайском образовательном дискурсе 2010–2020-х гг. Актуальная редакция учебных пособий окончательно закрепляет концептуальные новации, уже утвердившиеся в академическом и политическом поле: изменение датировок антияпонской войны (1931–1945 гг.) и Второй мировой войны (1937–1945 гг.)[3], признание Китая в роли главного восточного фронта мировых сражений и его вклада в победу антифашистских сил. Эти новые даты и формулировки впервые вошли как в текст учебника 2017 г., так и образовательных стандартов для младшей и старшей средней школы [Yiwu.. kecheng biaozhun, 2022, с. 18; Putong gaozhong kecheng biaozhun, 2020, с. 14]. Отметим, что предшествующие редакции образовательного стандарта не упоминали мировые события в контексте антияпонской войны, а тексты учебников содержали лишь фразу “победа в антияпонской войне внесла значительный вклад в антифашистскую войну”.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что новые интерпретации Второй мировой войны и роли Китая в ней были сделаны весьма опосредованно, через добавление новых акцентов в раздел об антияпонской войне в рамках истории Китая, а не соответствующей темы в разделе мировой истории. Антияпонская война теперь позиционируется не как относительно локальное событие в истории Китая, а как напрямую связанное с событиями мировой военной истории.

Как мы отмечали выше, подобное позиционирование японско-китайской войны как восточного фронта Второй мировой войны расценивается исследователями как

[3] Вероятно, 1937 г. как дата начала Второй мировой войны, зафиксированная сегодня в школьных учебниках и образовательных стандартах, также подвергнется ревизии по мере утверждения в китайской историографии новой периодизации, в которой начало общемирового конфликта положено событиями 1931 г. (*Прим. авт.*)

заявка Китая на признание его активной роли в мировой политике, исторического вклада в достижение мира и выстраивание послевоенной архитектуры международных отношений. Меж тем, подробный разбор текстов учебников в современной редакции позволяет увидеть, что тезисы о восточном фронте предстают в виде официальных формулировок, которые включены в текст, но мало проиллюстрированы конкретными примерами. Это становится более заметным при сопоставлении с текстами учебников 1995–1996 гг. Если прежде антияпонская война помещалась в контекст японской агрессии против других народов Азии, успехи антифашистской коалиции вдохновляли китайский народ на борьбу с захватчиком, а китайская диаспора наряду с зарубежными правительствами оказывали Китаю военную и экономическую помощь, то сегодня события 1931–1945 гг. предстают как эпизод национальной истории собственно Китая, а не Азии в целом, в которой Китай одолел врага самостоятельно при опоре на собственные силы под эгидой КПК. Иностранная поддержка исчерпывалась усилиями отдельных медиков-добровольцев, прибывших из-за рубежа.

Аналогичным образом подается и оценка вклада Китая в мировую победу. Так, в учебниках поколения 1990–2000-х гг. заслуга Китая состояла не только в сдерживании японских сил на своей территории, но и участии в военных действиях за пределами Китая, что проиллюстрировано действиями экспедиционного отряда в Бирме. В учебнике 2010–2020-х гг. эпизод с экспедиционным отрядом упоминается лишь единожды в разделе об антияпонской войне, а Китай расценивается как ключевая страна, на территории которой происходили военные действия в Азии, в которых участвовало уже до 80% сил противника. Иными словами, учебники поколения 1990–2000-х гг., формально позиционируя антияпонскую войну как локально-китайское событие, в гораздо большей степени вводят в его изложение международное измерение – синхронизируют с событиями в других частях мира, демонстрируют взаимодействие между странами и участие Китая в выстраивании послевоенной системы международных отношений. Напротив, учебники 2017 г. отражают специфику современного военного нарратива, который оказывается обращенным преимущественно к опыту самого Китая. Вводя официальные формулировки о главном восточном фронте, они демонстрируют, что Вторая мировая война началась и закончилась на Азиатском континенте, в которой Китай победил врага практически самостоятельно благодаря руководящей роли КПК.

В контексте школьного образования подобная китаецентричность усиливается и за счет решения тех задач, которые призваны решить преподавание истории. Как мы отметили выше, среди них – укрепление авторитета КПК и понятия национального суверенитета. Именно с этим, на наш взгляд, связано появление в поздней редакции учебников новых вставок, в которых среди утраченных территорий уже целенаправленно указаны не только Тайвань, но и острова Южно-Китайского моря, поименованы лишь те дипломатические встречи союзников, на которых затрагивался вопрос китайских территорий, а поддержка СССР независимой Монголии расценивается как урон национальному суверенитету.

В этом же контексте следует понимать и указание на распад колониальной системы среди итогов войны. Несмотря на то, что Китай формально не находился в статусе

колонии, он был связан неравноправными договорами с западными державами, предполагавшими в том числе приоритетные права для их граждан. Именно за годы войны Китай достиг соглашений об отмене неравноправных договоров, что позволило упразднить и иностранные сеттльменты на своей территории. Иными словами, распад колониальной системы также указывается в связи с отменой наследия прошлого, в котором Китай был лишен равного с другими державами статуса, и восстановлением национального суверенитета Китая.

Сопоставление текстов учебников двух поколений позволяет, таким образом, обнаружить, что учебные пособия 1990-х гг., оставаясь в рамках тогдашних формулировок, вводили отчетливую международную перспективу в освещении событий 1930-40-х гг., что было значимо на фоне активного развертывания политики “реформ и открытости”, выстраивания экономических контактов с китайской диаспорой, включения Китая в мировые экономические и политические структуры.

Напротив, учебники 2010–2020-х гг., закрепляя громкие официальные формулировки о вкладе Китая в исход мировой войны, сужают международный контекст изложения, фокусируясь на вопросах национального суверенитета и государственных границ. И здесь можно согласиться с тезисом В.Чана о нарастающей сегодня китаизации военного нарратива. Современная презентация антияпонской и Второй мировой войн выстраивается как парадокс – при формальном усилении риторики, акцентирующей международную включенность Китая и его вклад в мировую победу, на уровне содержания он оказывается в значительной степени сфокусированным на исключительном историческом опыте Китая. Такая особенность интерпретации может быть оправдана для образовательного дискурса, ориентированного на внутреннюю аудиторию, однако в перспективе она может породить определенные сложности при выстраивании диалога с внешней аудиторией.

Библиографический список

Алексеев А.И., Беспалов А.В. Битвы за историческую память в XXI веке: как России защищать свой нарратив о Второй мировой войне? [Электронный ресурс] // Valdai Club. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bitvy-za-istoricheskuyu-pamyat-v-xxi-veke/ (дата обращения: 20.08.2025).

Горбачев Б.Н. Китайский фронт Второй мировой войны в оценках советских (российских) авторов: историографический очерк // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 4. С. 139–154.

Как законодательство КНР защищает честь и достоинство павших героев [Электронный ресурс]. URL: https://russian.cgtn.com/news/2024-09-30/1840595535168520194/index.html (дата обращения: 20.08.2025).

Казанцев А.Е. Историческая политика Китая в отношении Японии в 2013–2022 гг.: дис. … канд. ист. наук: 5.6.2. Всеобщая история. М., 2025. 275 с.

Круглый стол РСМД и ИНИОН РАН «Историческая политика в современных международных отношениях» (01.04.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/news/kruglyy-stol-rsmd-i-inion-ran-istoricheskaya-politika-v-sovremennykh-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh/ (дата обращения: 20.08.2025).

Лексютина Я.В. Китай // Память о Второй мировой войне за пределами Европы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, А.В. Соловьева. СПб., 2022. С. 12–27.

Миллер А.И. Вторая мировая война в «войнах памяти» // Новое прошлое. 2020. № 4.

Память о Второй мировой войне за пределами Европы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, А.В. Соловьева. СПб., 2022.

Перминова В.А. Память о войне в Китае и её влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века // Вестник НГУ. 2021. № 4. С. 80–90.

Рысакова П.И. «Рассказать историю Китая»: новации в школьном преподавании истории в КНР в 2010–2020-х гг. // Ориенталистика. 2022. Т. 5, № 4. С. 751–773.

Хубриков Б.О. Историческая политика в эпоху Си Цзиньпина // Новое прошлое. 2020. № 1.

Шицзе лиши. Цзюньняньцзи, сяцэ. Иу цзяоюй цзяокэшу 世界历史 • 九年级 • 下册 义务教育教科书 [Учебник по всеобщей истории для всеобщего образования. 9 класс, 2 часть]. Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ 人民教育出版社, 2018.

References

Alekseyev, A.I., Bespalov, A.V. Bitvy za istoricheskuyu pamyat' v XXI veke: kak Rossii zashchishchat svoy narrativ o Vtoroy mirovoy voyne? [Battles for Historical Memory in the 21st Century: How Should Russia Defend Its Narrative of World War II?] [Electronic resource]. Valdai Club. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bitvy-za-istoricheskuyu-pamyat-v-xxi-veke/ (accessed: 20.08.2025). (In Russian).

Gorbachev, B.N. Kitayskiy front Vtoroy mirovoy voyny v otsenkakh sovetskikh (rossiyskikh) avtorov: istoriograficheskiy ocherk [The Chinese Front of World War II in the Assessments of Soviet (Russian) Authors: A Historiographical Essay]. Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]. 2025. No. 4. Pp. 139–154. (In Russian).

Kak zakonodatel'stvo KNR zashchishchayet chest' i dostoinstvo pavshikh geroyev [How PRC Legislation Protects the Honour and Dignity of Fallen Heroes] [Electronic resource]. URL: https://russian.cgtn.com/news/2024-09-30/1840595535168520194/index.html (accessed: 20.08.2025). (In Russian).

Kazantsev, A.Ye. Istoricheskaya politika Kitaya v otnoshenii Yaponii v 2013–2022 gg. [China's Historical Policy towards Japan, 2013–2022]: dis. … kand. ist. nauk: 5.6.2. Vseobshchaya istoriya. M., 2025. 275 p. (In Russian).

Khubrikov, B.O. Istoricheskaya politika v epokhu Si Tszin'pina [Historical Policy in the Era of Xi Jinping]. Novoe proshloye. 2020. No. 1. (In Russian).

Kruglyy stol RSMD i INION RAN «Istoricheskaya politika v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh» (01.04.2024) [RIAC and INION RAS Roundtable "Historical Policy in Contemporary International Relations" (01.04.2024)] [Electronic resource]. URL: https://russiancouncil.ru/news/kruglyy-stol-rsmd-i-inion-ran-istoricheskaya-politika-v-sovremennykh-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh/ (accessed: 20.08.2025). (In Russian).

Leksyutina, Ya.V. Kitay [China]. Pamyat' o Vtoroy mirovoy voyne za predelami Yevropy: kollektivnaya monografiya [Memory of World War II beyond Europe: A Collective Monograph] / ed. by A.I. Miller, A.V. Solov'yev. St. Petersburg, 2022. Pp. 12–27. (In Russian).

Miller, A.I. Vtoraya mirovaya voyna v «voynakh pamyati» [World War II in the "Memory Wars"]. Novoe proshloye. 2020. No. 4. (In Russian).

Pamyat' o Vtoroy mirovoy voyne za predelami Yevropy: kollektivnaya monografiya [Memory of World War II beyond Europe: A Collective Monograph] / ed. by A.I. Miller, A.V. Solov'yev. St. Petersburg, 2022. (In Russian).

Perminova, V.A. Pamyat' o voyne v Kitaye i yeye vliyaniye na yapono-kitayskiye otnosheniya v 50-kh – nachale 80-kh godov XX veka [Memory of the War in China and Its Influence on Sino-Japanese Relations in the 1950s – Early 1980s]. Vestnik NGU [Novosibirsk State University Bulletin]. 2021. No. 4. Pp. 80–90. (In Russian).

Rysakova P.I. «Rasskazat' istoriyu Kitaya»: novatsii v shkol'nom prepodavanii istorii v KNR v 2010–2020-kh gg. ["Telling the Story of China": Innovations in School History Teaching in the PRC in the 2010s–2020s]. Oriyentalistika [Orientalistica]. 2022. Vol. 5, No. 4. Pp. 751–773. (In Russian).

* * *

Bai Bin 白斌. Chuzhong lishi jiaokeshu “Kangri zhanzheng zhengmian zhanchang” neirong zhuanshu de bijiao yanjiu — yi Renjiaoban, Beishidaban, Huadongshidaban weili 初中历史教科书″抗日战争正面战场″内容撰述的比较研究 — 以人教版、北师大版、华东师大版为例 [A Comparative Study of the Presentation of the “Main Battlefield of the War of Resistance against Japan” in Junior High School History Textbooks: The Cases of the PEP, BNU and ECNU Editions]. Shanxi shifan daxue 山西师范大学 [Shanxi Normal University]. MA thesis, 2019.

Chang V.K.L. Recalling Victory, Recounting Greatness: Second World War Remembrance in Xi Jinping’s China. The China Quarterly. 2021. Vol. 248, No. 1. Pp. 1152–1173.

Chang V.K.L. China’s New Historical Statecraft: Reviving the Second World War for National Rejuvenation. International Affairs. 2022. Vol. 98, No. 3. Pp. 1053–1069.

Chang V.K.L., Zhang E.S. Shared Histories, Distinct Memories: A Comparison of Chinese and Russian Official Media Discourses on World War II. Leiden: LeidenAsiaCentre, 2023. URL: https://www.leidenasiacentre.nl/publications/shared-histories-distinct-memories (accessed: 20.08.2025).

Coble P.M. China’s “New Remembering” of the Anti-Japanese War of Resistance, 1937–1945. The China Quarterly. 2007. No. 190. Pp. 394–440.

Guanyu yinfa «2024 nian yiwu jiaoyu guojia kecheng jiaoxue yongshu mulu (genju 2022 nianban kecheng biaozhun xiuding)» de tongzhi 关于印发《2024 年义务教育国家课程教学用书目录（根据 2022 年版课程标准修订）》的通知 [Notice on the Publication of the Catalogue of Teaching Materials for National Compulsory Education Curriculum 2024 (Revised in Accordance with the 2022 Curriculum Standards)]. 2024.

Hu Dekun 胡德坤. Lun Zhongguo kangri zhanzheng de shijie lishi yiyi 论中国抗日战争的世界历史意义 [On the World-Historical Significance of China's War of Resistance against Japan]. Kangri zhanzheng yanjiu 抗日战争研究 [Studies of the War of Resistance against Japan]. 2025. No. 2. Pp. 4–13.

Li Zhiming 李志茗. Xi Jinping de Kangri zhanzheng shiguan 习近平的抗日战争史观 [Xi Jinping’s Historical Views on the War of Resistance against Japan]. Zhongguo Yan'an ganbu xueyuan xuebao 中国延安干部学院学报 [Journal of the Chinese Academy of Cadres in Yan'an]. 2017. No. 4. Pp. 42–47.

Lin Limin 林利民. Shi xi di er ci shijie dazhan qidian “1931 nian shuo” ji qi yiju 试析第二次世界大战起点″1931 年说″及其依据[An Analysis of the “1931 Theory” as the Starting Point of World War II and Its Grounds]. Kangri zhanzheng yanjiu 抗日战争研究 [Studies of the War of Resistance against Japan]. 2025. No. 2.

Mitter, R. China's Good War: How World War II Is Shaping a New Nationalism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020. 336 p.

Putong gaozhong lishi kecheng biaozhun (2017 nianban 2020 nian xiuding) 普通高中历史课程标准 (2017 年版 2020 年修订) [History Curriculum Standards for Senior High School (2017 edition, revised 2020)]. Beijing: Renmin jiaoyu chubanshe 人民教育出版社, 2020.

Ren Jiaoli 任姣丽. Xi Jinping lishiguan yinling xia de “Zhongguo jinxiandai shi gangyao” kecheng jiaoxue gaige yanjiu 习近平历史观引领下的″中国近现代史纲要″课程教学改革研究 [Research on the Teaching Reform of the Course “Outline of Modern Chinese History” under the Guidance of Xi Jinping’s Historical Outlook]. Linqu jiaoxue 林区教学 [Forestry Education]. 2021. No. 5. Pp. 5–8.

Shijie lishi di er ce. Jiunian yiwu jiaoyu sannianzhi chuji zhongxue jiaokeshu 世界历史 • 第二册 九年义务教育三年制初级中学教科书 [World History, Vol. 2. Nine-Year Compulsory Education Three-Year Junior High School Textbook]. Beijing: Renmin jiaoyu chubanshe 人民教育出版社, 1996.

Shijie lishi jiunianji xiace. Yiwu jiaoyu jiaokeshu 世界历史 • 九年级 • 下册 义务教育教科书 [World History, Grade 9, Part 2. Compulsory Education Textbook]. Beijing: Renmin jiaoyu chubanshe 人民教育出版社, 2018.

Wang Fusheng 王甫声. Yi zhengque erzhan shiguan quanmian bawo er zhan de duo chong xing he Zhongguo de dongfang zhu zhanchang diwei 以正确二战史观全面把握二战的多重性和中国的东方主战场地位 [A Correct Historical View of World War II: A Comprehensive Grasp of Its Multiple Dimensions and China’s Status as the Main Eastern Theatre of War]. Zhongguo shehui kexue 中国社会科学 [Social Sciences in China]. 2025. No. 9. Pp. 4–23.

Xu Lan 徐蓝. Goujian er zhan shi xin shuxie — yi «Xinbian di er ci shijie dazhan shi» wei li 构建二战史新叙事—以《新编第二次世界大战史》为例 [Building a New Narrative of World War II History: The Case of A New History of World War II]. Shijie lishi 世界历史 [World History]. 2025. No. 4. Pp. 1–10.

Xueshujie jujiao Zhongguo er zhan shi yanjiu xin tupo — «Xinbian di er ci shijie dazhan shi» huo guangfan guanzhu 学术界聚焦中国二战史研究新突破—《新编第二次世界大战史》获广泛关注 [Scholarly Community Focuses on New Breakthroughs in Chinese Research on World War II History: A New History of World War II Attracts Wide Attention]. CSSN. 2025. URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202508/t20250822_5911972.shtml (accessed: 20.08.2025).

Yiwu jiaoyu lishi kecheng biaozhun (2022 nianban) 义务教育历史课程标准 (2022 年版) [History Curriculum Standards for Compulsory Education (2022 edition)]. Beijing: Renmin jiaoyu chubanshe 人民教育出版社, 2022.

Zhang Hanlin 张汉林. Tongbian gaozhong lishi jiaokeshu dui di er ci shijie dazhan de shuxie 统编高中历史教科书对第二次世界大战的书写 [Writing of World War II in Unified High School History Textbooks]. Lishi jiaoxue 历史教学 [History Teaching]. 2025. No. 13.

Zhang Tianming 张天明, Chen Hui 陈辉. Xin Zhongguo chengli yilai zhongxue lishi jiaokeshu gaige: licheng, jingyan yu zhanwang 新中国成立以来中学历史教科书改革：历程、经验与展望 [Reform of Secondary School History Textbooks since the Founding of the PRC: Process, Experience and Prospects]. Zhongguo jiaoyu kexue 中国教育科学 [China Educational Science]. 2021. No. 3. Pp. 101–113.

Zhao Wenliang 赵文亮. Di er ci shijie dazhan he yi baofa? — Qishi yu nian lai Zhongguo xuezhe guanyu er ci dazhan qiyuan wenti de yanjiu 第二次世界大战何以爆发？—七十余年来中国学者关于二次大战起源问题的研究 [Why Did World War II Break Out? — Chinese Scholarly Research on the Origins of World War II over More than Seventy Years]. Jinxiandai guoji guanxi shi 近现代国际关系史 [History of Modern and Contemporary International Relations]. Vol. 13. Beijing: Shijie zhishi chubanshe 世界知识出版社, 2017. Pp. 169–185.

Zhongguo lishi di si ce. Jiunian yiwu jiaoyu sannianzhi chuji zhongxue jiaokeshu 中国历史 • 第四册 九年义务教育三年制初级中学教科书 [History of China, Vol. 4. Nine-Year Compulsory Education Three-Year Junior High School Textbook]. Beijing: Renmin jiaoyu chubanshe 人民教育出版社, 2001.

Zhongguo lishi banianji shangce. Yiwu jiaoyu jiaokeshu 中国历史 • 八年级 • 上册 义务教育教科书 [History of China, Grade 8, Part 1. Compulsory Education Textbook]. Beijing: Renmin jiaoyu chubanshe 人民教育出版社, 2017.

Поступила в редакцию: 10.05.2026 Received: 10 May 2026.
Принята к публикации: 19.05.2026. Accepted: 19 May 2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.79.50.006

А.В. Лукин

«Культурная революция» в Китае и мировая общественная мысль

Аннотация: В статье рассматривается идеология позднего маоизма, составившая идейную основу уникального по своей разрушительности политического эксперимента: «Великой пролетарской культурной революции», в контексте мировой общественно-политической мысли. Автор систематизирует и анализирует различные оценки событий десятилетия «культурной революции» и их значения, высказывавшихся с момента ее начала в 1966 г. до последнего времени в Китае, России и других странах, и выстраивает собственную концепцию основ идеологии и политики Мао Цзэдуна и других архитекторов этого эксперимента. Он приходит к выводам о том, что идеология «культурной революции» продолжает идеи «Большого скачка» как развитие левой линии марксизма в его ленинской интерпретации. В качестве таковой он прослеживает ее непосредственную связь с развитием марксисткой мысли в Европе и в США (постмарксистскими «критическими теориями», такими как радикальный феминизм, постколониализм, трансгендризм и «критическая расовая теория»), а также в Азии (идеология «красных кхмеров») в XX и XXI веках. В то же время в статье выражено скептическое мнение относительно возможных влияний на маоизм традиционной китайской культуры, в особенности конфуцианства, и делается вывод о том, что поздний маоизм представляет собой смесь левого марксизма троцкистского типа и некоторых идей, общих для всего радикального китайского революционного движения, начиная с Сунь Ятсена.

Ключевые слова: Китай, культурная революция, идеология, левый марксизм, традиционная культура, критические теории

Автор: *Лукин Александр Владимирович*, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН); ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru

А • В • 卢金

中国的“文化大革命”与全球社会思潮

摘要：本文考察了晚期毛主义的意识形态，在全球社会政治思潮背景下，其构成了一场因其破坏性而独一无二的政治实验——“无产阶级文化大革命”——的思想基础。作者系统梳理并分析了自 1966 年“文化大革命”爆发至今，在中国、俄罗斯和其他国家对这十年间发生的事件及其意义的各种评价，同时作者对毛泽东及其他这场实验的设计者们的意识形态和政策基础建立了自己的观点。作者的结论认为，“文化大革命”的意识形态延续了“大跃进”的思想，是列宁式马克思主义左翼路线的发展。因此，作者探索了“文革”意识形态与 20—21 世纪欧美马克思主义思想发展（后马克思主义“批判理论”，如激进女权主义、后殖民主义、跨性别主义和“批判性种族理论”）以及亚洲马克思主义思想发展（红色高棉意识形态）的直接联系。同时，本文对中国传统文化，特别是儒家思想对毛主义的可能影响表示怀疑，并得出结论：晚期毛主义是托洛茨基主义式的左翼马克思主义与始于孙中山的整个中国激进革命运动中一些共同思想的混合体。

关键词：中国；文化大革命；意识形态；左翼马克思主义；传统文化；批判理论

作者：亚历山大·弗拉基米罗维奇·卢金，历史学科学博士，教授，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所学术主任。 ORCID：0000-0002-1962-2892。 E-mail：lukin@iccaras.ru

A.V. Lukin

The “Cultural Revolution” in China and World Social Thought

Abstract. The article examines the ideology of late Maoism, which formed the ideological basis of a political experiment unique in its destructiveness: the Great Proletarian Cultural Revolution. This ideology is considered in the context of world socio-political thought. The article systematizes and analyzes various assessments of the events of the decade of the “Cultural Revolution” and their significance, expressed from its beginning in 1966 up to the present day in China, Russia, and other countries. It also develops an original interpretation of the ideological and political foundations of Mao Zedong and the other architects of this experiment. The article concludes that the ideology of the “Cultural Revolution” continued the ideas of the Great Leap Forward as a development of the left-wing current of Marxism in its Leninist interpretation. As such, it is argued that there is a direct connection with the development of Marxist thought in Europe and the United States, including post-Marxist “critical theories” such as radical feminism, postcolonialism, transgenderism, and critical race theory, as well as in Asia, particularly the ideology of the Khmer Rouge, in the 20th and 21st centuries. At the same time, the article expresses skepticism regarding possible influences of traditional Chinese culture, especially Confucianism, on Maoism. It concludes that late Maoism represents a mixture of Trotskyist-type left Marxism and certain ideas common to the radical Chinese revolutionary movement as a whole, beginning with Sun Yat-sen.

Keywords: China; Cultural Revolution; ideology; left Marxism; traditional culture; critical theories.

Author: *Lukin Alexander Vladimirovich*, Dr.Sc. (History), Professor, Academic Head, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS), ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru

Введение

В нынешнем 2026 г. исполняется 60 лет с начала «Великой пролетарской культурной революции» в Китае – беспрецедентной политической кампании как по своей длительности, так и по трагическим результатам и последствиям. Несмотря на то что в разных странах мира издано множество посвященных ей книг и статей, ее причины, идеологические истоки и влияние на китайскую и мировую мысль исследованы недостаточно и порой трактуются весьма поверхностно. Между тем ее влияние было весьма значительным, в свое время за ходом «культурной революции» с разными чувствами пристально следили во многих странах мира, ее идеи и практика были весьма популярны не только в Китае, но и в левых кругах Европы, США и некоторых стран Азии, да и сегодня ее опыт оценивается неоднозначно. Хотя в самом Китае «культурная революция» была официально осуждена, критика постепенно теряет свою остроту, а некоторые ее аспекты даже воспринимаются с определенной ностальгией. За рубежом же многие вопросы, связанные с событиями китайской истории 1960–1970-х гг. до сих пор дискутируются, причем часто высказываются весьма различные и даже противоположные мнения.

Нынешний юбилей предоставляет хорошую возможность для возвращения к событиям тех лет и их рассмотрения не только на основе новых документов, ставших доступными уже после ее завершения, но и исходя из нашего сегодняшнего знания некоторых последующих тенденций в развитии мировой общественной мысли. Это необходимо для более адекватной оценки «культурной революции» и идеологии, ее породившей. Эту идеологию, собственно, и можно назвать маоизмом, так как именно в этот период, а точнее уже начиная со времени Большого скачка (1958–1960 гг.), идеи Мао Цзэдуна вступили в свою наиболее зрелую, заключительную фазу, да и сам Мао в конце жизни назвал «культурную революцию» одним из двух главных своих достижений, наряду с победой над Японией и Чан Кайши [Guo Jianbo, 2013].

Существующие оценки

Из существующих оценок «культурной революции», естественно, большой интерес представляет китайская. Официальная оценка была сформулирована лишь спустя несколько лет после ее формального завершения, вызванного смертью ее основного проводника Мао Цзэдуна и арестов ее сторонников в 1976 г. В принятом 6-м пленумом ЦК КПК XI созыва в июне 1981 г. «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» этой кампании посвящен довольно обширный

раздел. В нем определяются ее точные сроки (с мая 1966 г. по октябрь 1976 г.), в рамках которых выделено три периода (май 1966 г. – апрель 1969 г., апрель 1969 г. – август 1973 г. и август 1973 г. – октябрь 1976г.) и говорится, что события тех лет были «смутой, вызванной сверху по вине руководителя и использованной контрреволюционными группировками, смутой, которая принесла серьезные бедствия партии, государству и всему многонациональному народу», вызванной левацкой ошибкой «серьезного и длительного характера», главная ответственность за которую «лежит на товарище Мао Цзэдуне» [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 37–42].

Поясняется в Решении и сущность «левизны» ошибки Мао. В области теории – это прежде всего его положение о «продолжении революции при диктатуре пролетариата», согласно которому «большая группа представителей буржуазии, контрреволюционеров-ревизионистов уже пролезла в партию, правительство, армию и во все области культуры,… все виды борьбы, имевшие место в прошлом, делу не помогли, и только путем развертывания культурной революции, открыто, всесторонне, снизу доверху мобилизуя широкие массы на разоблачение вышеуказанных темных сторон, можно заново отвоевать власть…» [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 33–34]. Сюда же было отнесено ошибочное или догматическое толкование некоторых других теорий классиков марксизма (Маркса, Энгельса Ленина и Сталина): отрицание принципов равноправия, материальной заинтересованности и распределения по труду при социализме как буржуазных, идея о том, что «после завершения в основном социалистических преобразований мелкое производство по-прежнему рождает капитализм и буржуазию ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе…» [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 47]. В результате был «проведен целый ряд левацких экономических установок и установок на классовую борьбу в городе и деревне; что идейные разногласия внутри партии представляют собой во всех случаях отражение классовой борьбы в обществе…» [Решение по некоторым вопросам…, 1981]. Эти теоретические ошибки привели к опрометчивым мерам: лишению полномочий партийных и правительственных органов на местах, критике преданных делу партии руководителей и хаосу в стране [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 38–39].

В качестве причин «бедствий» отмечались и некоторые другие факторы, например личные качества Мао, который в этот период стал «все больше зазнаваться, отрываться от действительности и масс, впадать в субъективизм, самоуправствовать и возвышать себя над ЦК партии», а также тот факт, что его ошибками «с темным умыслом» воспользовались «такие карьеристы, как Линь Бяо, Цзян Цин и Кан Шэн» и другие, а ЦК партии не сумел своевременно их исправить [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 33]. Однако для нас больший интерес представляют приведенные в Решении для объяснения произошедшего объективные факторы. Во-первых, это традиционная политическая культура, или, как сформулировано в документе, «пережитки многовекового феодального деспотизма», создавшие почву для пренебрежения законом и сосредоточения чрезмерной власти в руках одного человека [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 4]. Во-вторых, это исторический опыт уже самой КПК, которая долгие годы находилась «в обстановке войн и ожесточенной классовой борьбы» и «морально не была достаточно подготовлена к быстро наступившему новому социалистическому обществу и делу строительства социализма в

масштабах всей страны», в результате чего имела склонность «относить к классовой борьбе те вопросы, которые уже не относятся к этой категории» [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 46].

В то же время в Решении отмечалось, что «левацкие положения» Мао, выдвинутые им в период «культурной революции», были «перегибом», ошибочной позицией. Они «явно отошли от «идей Мао Цзэдуна» как сочетания всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции» и их необходимо четко отделять от этих истинных «идей Мао Цзэдуна» как верной идеологической основы деятельности КПК [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 34].

В целом весьма развернутый и глубокий анализ, данный в Решении 1981 г., который был политически мотивирован только в попытке отделить Мао от его ближайших сторонников и даже собственной жены, формально не отменен и сегодня, теоретически он сохраняет свою силу. В то же время состоявшийся в ноябре 2021 г. 6-й пленум ЦК КПК XIX созыва счел необходимым принять новое «Решение по вопросам истории партии». В нем «культурной революции» уже посвящено лишь несколько фраз, содержание которых сводится к тому, что в этот период Мао совершил некоторые серьезные ошибки, которые ЦК партии не удалось своевременно исправить. В результате «совершенно ошибочной оценки существовавшей в то время расстановки классовых сил в стране и политической обстановки в партии и государстве» товарищ Мао Цзэдун развернул «культурную революцию и руководил ею». Этими ошибками воспользовались Цзян Цин, Линь Бяо и другие, которые совершили многочисленные преступления, однако в октябре 1976 г. они были арестованы и положение было исправлено [Решение ЦК КПК…, 2021].

Нельзя сказать, будто что-то здесь противоречит Решению 1981 г. В то же время бросается в глаза отсутствие как признания многочисленных жертв, так и каких-либо попыток объяснить причины и последствия происходившего. Очевидно, что в современном Китае именно второй документ, приятный с одобрения действующего руководства КПК, будет использоваться на многочисленных партийных учебах и считаться актуальным. Для него характерно стремление «не выпячивать» негативные стороны исторического опыта КПК и подчеркивать достижения и успехи. Как показывает наблюдение за ситуацией, в современном Китае не поощряются исследования негативного опыта периода «культурной революции», научные или публицистические работы с серьезным его анализом не издаются (в отличие от периода 1980-х гг.). И для подобного курса есть определенные объективные причины, о которых будет сказано ниже.

Помимо официальных китайских оценок интересны также неофициальные. После принятия Решения 1981 г. до второго десятилетия XXI в. события «культурной революции» обсуждались в КНР в прежнем русле, причем различные ученые и общественные деятели отмечали как негативные аспекты, так и то, что развитие страны в тот период, несмотря ни на что, продолжалось. В первые годы после разгрома «банды четырех» было опубликовано много воспоминаний репрессированных и пострадавших людей, в том числе и высокопоставленных государственных и партийных деятелей, появилось целое художественное направление «Литература шрамов», в рамках которого писатели рассказывали о событиях того времени и пагубных

последствиях «культурной революции» для общества [Коробова, 2022, с. 120–135]. В публицистике она характеризовалась как «кровавый террор», «контрреволюционный захват власти», «дикий разгул феодального фашизма», «десятилетнее контрреволюционное страшное бедствие», «контрреволюционное фашистское кровавое господство» [He Qifang, 1981, с. 47, 49].

Пережившие «культурную революцию» и пострадавшие от нее руководители КПК соглашались с этими оценками. Выступая в сентябре 1979 г., председатель Постоянного комитета ВСНП Е Цзяньин назвал события тех лет полномасштабной «гражданской войной» и «кровавым террором» [Ye Jianying, 2011, с. 191]. В одном из интервью в августе 1980 г. Дэн Сяопин согласился с термином «гражданская война», так как народ разделился на две группы, представители которых убивали друг друга, и погибло «очень много людей» [1980 nian Deng Xiaoping…, 2014].

Историки и политологи подробно изучали события и перипетии того времени. Особый резонанс вызвал фундаментальный труд супругов Гао Гао и Янь Цзяци, который вскоре стал первым директором Института политологии Китайской академии общественных наук (КАОН). В этой работе на основе документов тщательно излагалась история событий, довольно мало говорилось о ее причинах. Авторы лишь вскользь замечали, что ее истоки лежат в сложившейся до нее в КНР экономической и политической системе, а также в традиционной китайской культуре. Что касается лично Мао Цзэдуна, то тут сыграли роль его неумелый подход к разрешению внутрипартийных противоречий и склонность к самоуправству, из-за чего он принял предложение Линь Бяо и других и объявил несогласных с ним Лю Шаоци и его сторонников «правыми ревизионистами» [Gao Gao, Yan Jiaqi, 1986]. Все это не только не выходит за рамки, но даже не доходит до уровня обобщений Решения 1981 г.

Более интересны выводы о том, что «культурная революция» принесла Китаю. Здесь авторы выделяют два пункта. Во-первых, она превратила китайскую экономику в чисто командную, без какой-либо роли рыночного регулирования, что привело к ее глубокому кризису. Во-вторых, она лишила граждан каких-либо прав [Gao Gao, Yan Jiaqi, 1986]. В «культурной революции» самой по себе не было ничего позитивного, ее роль заключалась в том, что она продемонстрировала обществу мощный отрицательный пример, тем самым дав толчок реформам нового руководства и изменению общественного сознания в целом [Gao Gao, Yan Jiaqi, 1986, p. 710].

Подобные негативные оценки можно было встретить и позднее, но с определенного времени скорее не на страницах официальных СМИ, а в интервью различным онлайн-изданиям и зарубежным медиа. Так, например, вполне в русле Янь Цзяци, в конце 1980-х гг. эмигрировавшего в США, независимый историк Чжан Лифан в 2019 г. отмечал: «Культурная революция была двойной катастрофой — политической и экономической. Если кампания против правых (которая ликвидировала всех интеллектуалов, осмелившихся выдвигать критические мнения) была политической катастрофой, то Большой скачок — экономической катастрофой. Конечно, следствием Большого скачка стал Великий голод. “Культурная революция” привела к наложению друг на друга политической и экономической катастрофы, длившейся, к тому же, очень долго. Была полностью уничтожена правовая система, и основные права человека не были гарантированы» [Jin Zhe, 2019].

В конце XX – первом десятилетии XXI в. на тему «культурной революции» в Китае издавалось достаточно большое количество литературы, при этом теоретические подходы и оценки авторов были связаны с их общими политическими взглядами: сторонники более глубоких экономических и политических реформ настаивали на необходимости не замалчивать разрушительный характер событий тех лет, искали причины в «культе личности» Мао, ошибках партийного руководства, отсутствии системы разделения властей и подчинении законов политической воли лидера, причем истоки всех этих явлений часто усматривали в традиционной, веками существовавшей китайской культуре. Некоторые даже сравнивали репрессии того времени с каннибализмом и нацизмом [Zui niu lishi…, 2010; Zhang Ming, 2013; Xuezhe: 20 shiji…, 2015; Yuan Longping tan…, 2019]. Более консервативные (по отношению к существующей системе) исследователи и общественные деятели сводили все к козням врагов партии и выделяли позитивные моменты того времени: несмотря на ошибки, Мао Цзэдун заботился о безопасности государства, конфликт с СССР вызвал дополнительную необходимость бороться с ревизионизмом, в том числе и внутри страны, экономика все же развивалась и в то десятилетние, высылка интеллигенции в деревню способствовала повышению образовательного уровня крестьян, молодежь получила значительную свободу и могла проявлять инициативу [Zhu Yongjia…, 2015; Lao Tian…, 2011; Zhiyi…, 2003 Han Donping, 2008].

В опубликованной в 2008 г. на официальном сайте партийной истории статье, обобщавшей имевшиеся на тот момент в научной литературе оценки причин «культурной революции», сотрудник Института современной истории Китая КАОН У Чао выделял три основные группы объяснений. Во-первых, это исторические причины: от традиционных культуры и психологии до «левацких» уклонов в КПК, существовавших еще до ее прихода к власти в 1949 г. и позднее проявившихся в политических кампаниях, прежде всего, в Большом скачке. Во-вторых, это «социально-психологические факторы»: «групповое мышление» тех лет, «консенсусность» общественной психологии и т.п. В-третьих, это рассмотрение «культурной революции» как попытки модернизации, движения, направленного на преобразование общества, прорыва к современности (модерну). Здесь автор выделяет два подхода. В рамках первого «культурная революция» описывается как неудачная попытка достижения уникальной китайской современности. В рамках второго – как крупная «институциональная инновация», направленная на истинную демократию. Авторы последнего направления в целом позитивно оценивают идею «культурной революции» и считают, что ее опыт способен помочь найти «блестящий путь, отличный от пути западных капиталистических стран». Впрочем, автор отмечает, что такие позитивные оценки утратили свою актуальность [Wu Chao, 2008, с. 34–40].

Интересно, что положительные факторы находили в «культурной революции» не только сторонники незападного пути развития внутри Китая, но и вполне прозападные диссиденты критики китайского социализма, многие из которых оказались за пределами страны после катаклизмов 1980-х гг. Многие из них активно и сознательно включились в «культурную революцию», поначалу восприняв ее как искренний призыв Мао Цзэдуна к борьбе с бюрократией за самодеятельность масс. Они писали собственные «дацзыбао», призывавшие к большей свободе и самодеятельности, ор-

ганизовывали или поддерживали некоторые группы «хунвэйбинов» и «цзаофаней». Разочаровывались же они в ней, как правило, уже к середине 1970-х гг., когда столкнулись с репрессиями, в том числе и против них самих, и удостоверившись в том, что политика Мао ведет не к свободе, а к еще большему деспотизму [Лукин, 2018, с. 146–155].

Западные оценки «культурной революции» не характеризуются особой глубиной. Здесь в целом можно выделить три группы исследователей. Первая из них с самого начала «культурной революции» считала ее, в основном, следствием и механизмом борьбы за власть в руководстве КНР, в котором внутриполитические и идеологические цели в основном рассматривались в качестве инструментов [Dorell, 1971, p. 21–112; Thornton, 1973, p. 269–341]. В работах этого направления в отношении взглядов и политики Мао Цзэдуна иногда использовались термины «левизна» или «утопизм» [Dorell, 1971, p. 95, 111], однако истоки и значение этих «левизны» и «утопизма», как правило, не анализировались. Ярчайшим представителем данного направления является известный британский китаевед Р. Макфаркер, посвятивший этому периоду китайской истории трехтомный труд «Истоки Культурной революции» [MacFarquhar, 1974; MacFarquhar, 1983; MacFarquhar, 1997], а также обобщающую монографию «Последняя революция Мао Цзэдуна» (в соавторстве с М. Шонхалсом) [MacFarquhar, Schoenhals, 2006]. В них представлена подробнейшая история политической борьбы в КНР, начиная с конца 1950-х гг. Автор совершенно справедливо видит причины проведения Мао Цзэдуном «культурной революции» в его неудовлетворенности ситуацией в стране и неадекватном претворении в жизнь его политики, направленной на достижение в Китае идеального общества в эти более ранние периоды, в особенности со времени Большого скачка. Эту ситуацию китайский вождь воспринял как саботаж со стороны товарищей по партии. Выделяются также внешние причины, такие как раскол с СССР и необходимость борьбы с «ревизионизмом» не только внутри Китая, но и на международной арене, внутри коммунистического движения. Однако не разъясняются предпосылки выдвижения этой политики, истоки самого этого идеала, ради достижения которого стоило репрессировать многочисленных старых боевых товарищей, несмотря на то, что они, собственно, как признают и сами авторы «Последней революции», в общем-то на верховную власть не претендовали и никакой угрозы власти Мао не представляли и к тому же добились относительной стабилизации экономической ситуации [MacFarquhar, Schoenhals, 2006, p. 1–2]. Тут, очевидно, сказывается общая фиксированность мейнстримной западной политологии на проблемах власти, которая считается концентрированным выражением политики. При этом вопросы идеологии и даже экономики представляются как вторичные. Между тем сам Мао совершенно не считал, что идеология является прикрытием или инструментом осуществления власти, напротив, он многократно заявлял, что главное – это идеология, именно она рождает верную или ошибочную политику, и даже новые экономические отношения.

Второй подход исходит из китайских традиций и в каком-то смысле смыкается с официальной китайской оценкой. Конечно, совпадает здесь не терминология, а общее направление поиска причин. То, что в официальной китайской оценке называется «пережитками многовекового феодального деспотизма», у авторов этого направ-

ления превращается в тысячелетнюю традицию, которую Мао невольно возродил, даже ее отрицая. Так, по мнению одного из основателей теории «политической культуры», политолога-китаеведа Л. Пая, Мао объединил марксизм с конфуцианством, в результате чего «ленинизм в его маоистской форме превратился в новый моральный порядок, который придал новый импульс претензиям властителей на моральное превосходство и непобедимость» [MacFarquhar, Schoenhals, 2006, p. 239]. В результате был создан некий «конфуцианский ленинизм», в котором правители претендуют на монополию на добродетель, общество направляется моралистической идеологией, а правящий аппарат якобы состоит из образцовых людей, искушенных в теоретических вопросах. Этим сохранением традиционного упора на моральный порядок Пай объясняет, в частности, «чрезмерную важность идеологии в годы Мао», который видел в качестве цели культурной революции «сделать то, на что не могли решиться даже китайские императоры и мандарины, проявлявшие гораздо большую осмотрительность». «Он стремился использовать легитимность морального порядка для мобилизации народа на материальное развитие, в особенности во время “Большого скачка” и “культурной революции”», – пишет Пай [MacFarquhar, Schoenhals, 2006].

Тут автор в некотором смысле противоречит сам себе. Ведь если побудительным мотивом Мао было соединение конфуцианства и ленинизма, а политика его вышла далеко за рамки традиционной, логично предположить, что влияние второй части, а именно ленинизма, было не менее, а, может быть, и более значительным. Однако этот источник маоизма он, как и другие западные сторонники «вечных традиций», не рассматривает. Вероятно, это происходит потому, что, во-первых, это противоречило бы их вере в уникальную устойчивость и неизменность китайской политической культуры, а, во-вторых, с марксизмом, они, как правило, просто слабо знакомы.

К этой группе можно отнести и другого известного американского китаеведа, Дж.К. Фэрбэнка, который принятие Мао населением в качестве безусловного вождя также объяснял слиянием традиций с современными реалиями власти, давшими более радикальный по сравнению со старым Китаем результат. Он писал: «У многих людей не было другой веры, кроме Мао. Это ставило их в необычную ситуацию. Моральные принципы конфуцианства были размыты, но сменивший их маоизм не мог быть интерпретирован без санкции самого Мао. Это было так, будто Конфуций и Мэн-цзы были живы, и читатель их работ никак не мог высказать независимое суждение по их применению на общественной сцене. Характерное для конфуцианства увещевание властителя от имени вечной истины, от которой он мог отклониться, было невозможно, пока Мао был у власти и время от времени менял свои мнения» [Fairbank, 1986, p. 337].

Авторы данного направления отошли от интерпретации «культурной революции» как простой борьбы за власть и отметили важность политической культуры и идеологии. Однако их внимание исключительно к китайским традициям и их абсолютизация представляется по меньшей мере односторонней.

Наконец, к третьей группе относятся в основном авторы, критически настроенные по отношению к либеральному капитализму и позитивно – к поиску различных ему альтернатив. Они рассматривают «культурную революцию» как попытку Мао, пусть и безуспешную, искать такую альтернативу, используя как китайские традиции, про-

тивостоящие западным, так и марксизм. С оценкой «культурной революции» с этих позиций еще в 1969 г. выступил американский китаевед С. Шрам. Он резко противопоставлял китаизированный марксизм Мао идеям и Маркса, и Ленина, и Сталина, считая, что если последние трое в конечном счете были рационалистами и сторонниками материального прогресса (даже Сталин выступал за материальную заинтересованность), то Мао, интерпретируемый как чуть ли не как энвайронменталист и противник прогресса, «апеллирует к страху относительно того, что экономическое развитие, являющееся естественным последствием такого прогресса, приведет к появлению "ревизионизма", "экономизма" и других аморальных тенденций, которые он разглядел в СССР» [Schram, 1969, p. 39]. В результате в третий период своего интеллектуально развития, начавшийся в 1964 г., китайский лидер пришел к необходимости «революции посредством моральной трансформации людей» [Schram, 1969, p. 40]. Причины этого Шрам связывает не с традицией, а с необходимостью поиска «китайского пути к социализму», основанного на своеобразии китайского общества. Как он образно отмечал, «использование трактора на рисовом поле гораздо более сомнительно, чем в русских степях»[1] [Schram, 1969, p. 36].

В результате в Китае сложилась новая революционная теория, отличная от марксизма и не только отражающая недовольство разрывом между экономическим развитием Запада и государств Азии и Африки, но и способная вызвать отклик на самом Западе. «Таким образом, через столетие после того, как Маркс написал свои статьи о британском владычестве в Индии, мы продвинулись от спасения через европейское технологическое знание к "популизму" в мировом масштабе. Революцию "бедных и пустых"[2] можно рассматривать как естественную реакцию азиатских и африканских обществ на неприятный факт продолжающегося европейского экономического превосходства. Но отклик, который культурная революция нашла на Западе, предполагает, что он поднял проблемы, которые не являются простым последствием неразвитости. Мао и китайцы пытаются найти путь не входить в общество, в котором доминирует экономическая и техническая рациональность. Многие народы в Европе и Америке, в особенности студенты, думают о том, как из неё выйти. Но это другая история» [Schram, 1969, p. 40].

С самых времен «культурной революции» и до сегодняшнего дня эти и подобные мысли переходят из работы в работу многих западных авторов. Так, немецкий синолог Т. Хеберер в статье 2009 г. делает вывод о том, что «культурная революция» может быть «понята как попытка ответа на западные концепции модернизации» [Heberer, 2009, p. 165-181], основанная на радикальном эгалитаризме. Он выводит отдельные элементы идей Мао того времени как из марксизма, так и китайской традиционной политической культуры. Признавая травму, нанесенную Китаю «культурной революцией», он, вслед за некоторыми китайскими авторами, видит ее позитивную роль в том, что она показала пример негативного развития обществу, и, ослабив роль старой, революционной элиты, также ослабила и потенциальную враждебность по отношению к реформам.

[1] Что, кстати, свидетельствует о плохом знакомстве автора с производством риса, так как в нем трактора широко используются (*прим. автора*).

[2] Имеется в виду «пустой» или «чистый» лист бумаги, так Мао назвал необразованных крестьян.

В вышедшей в 2020 г. книге «Культурная революция и революционная культура» итальянский исследователь А. Руссо отметил, что «культурная революция» «была коммунистическим движением, целью которого было произвести полный пересмотр коммунизма», ее суть сводилась к «радикальному рассмотрению существующих альтернатив капитализму», которое он связывает как с развитием марксизма с 1848 г., так и «общемировым политическим феноменом 1960-х годов и его китайского очага, одним из основных проектов которого было основание современного коммунизма». Он отвергает наиболее распространенный подход к событиям тех лет, сформированный на «современном фаталистическом консенсусе относительно господства капитализма», и заявляет, что в своей книге «исследует китайские события в Китае 1960-х и 1970-х годов в качестве возможного ресурса для строительства интеллектуального горизонта эгалитарной политики» [Russo, 2020, p. 1–2].

В данном подходе важно обращение к марксистским идеологическим истокам «культурной революции», рассмотрение ее теоретических оснований как продукта эволюции марксизма в его ленинской форме. Немаловажна и замеченная связь с современными западными левыми учениями, которые также развивали марксизм в разных направлениях. В то же время попытки левых западных авторов рассматривать политическую кампанию, в результате которой погибли даже по официальным китайским данным по меньшей мере десятки тысяч людей, пострадали десятки миллионов [50 лет Великой Октябрьской социалистической революции…, 1968, с. 453], а экономика и политическая и система страны были практически полностью разрушены, да еще и черпать в ней вдохновение для построения справедливого общества будущего, мягко говоря, вызывают некоторые возражения.

Отдельный интерес представляют оценки «культурной революции» в СССР – стране, политическая и идеологическая системы которой долгое время служили образцом для китайских коммунистов, и в которой гораздо лучше, чем в других странах, понимали коммунистический Китай (после распада СССР эти подходы во многом сохранились).

Опираясь на это понимание, советские синологи раньше и подробнее западных коллег описали документы, ход, события и последствия «культурной революции», хотя и не все их труды сразу же стали доступны широкому читателю. Так, фундаментальный четырехтомный труд Ю.М. Галеновича, как и многие другие, издавались под грифом «для служебного пользования» и распространялись только среди специалистов [Галенович, 1974а; Галенович, 1974б; Галенович, 1975; Галенович, 1977]. В то же время в них, как правило, не содержалось фундаментального анализа ее причин и идеологических истоков, а оценки в основном сводились к официальной критике «отхода» китайского руководства от истинного (т.е. советского) марксизма-ленинизма и к описанию ее сокрушительных последствий для населения. Тем не менее наиболее наблюдательные советские исследователи уже 1970–1980-е гг. увидели идеологическую близость между маоизмом и западными левыми – как синологами, так и теоретиками типа Ж.-П. Сартра или Р. Гароди, в работах которых «“культурной революции” придавался романтический, благообразный вид» и предпринимались попытки изобразить эту «изуверскую кампанию» как «стремление “создать новую пролетарскую культуру”, избавиться от наследия прошлого» или сформировать «новую революционную модель социализма» [Усов, 1982, с. 42–44].

В целом среди советских авторов можно выделить две основные группы, подходы которых в принципе во многом совпадали, хотя возникли они по совершенно разным причинам. Первый – это советские коммунистические бюрократы и их сторонники в научных кругах, целью которых была критика КПК и ее лидера за отход от «истинного марксизма», которого якобы придерживались в самом СССР. Интересно, что большинство из них критиковало Мао и его сторонников не за «левый уклон», как потом это делали коммунисты-реформаторы, а за «мелкобуржуазный национализм» и «гегемонизм» [Галенович, 1974, с. 4], причиной которых якобы стала отсталость Китая и глубокая укорененность «феодальных», то есть еще докапиталистических отношений. В этом они, как это ни парадоксально, во многом сходились в оценках со сторонниками «влияния традиций» на Западе, конечно, давая ему совершенно другие характеристики. Советские лидеры уже с 1966 г. называли курс «Мао Цзэдуна и его группы» «великодержавным» и «шовинистическим», в котором слились «мелкобуржуазный авантюризм» и «великодержавный шовинизм», прикрываемые «левой» фразой [КПСС в резолюциях и решениях съездов…, 1978, с. 166; Брежнев, 1970, с. 111], то есть левизна была лишь прикрытием. Этот подход был вызван критикой антисоветской внешней политики Пекина, которая, как считала Москва, шла против ее собственного истинного интернационализма и заботы об интересах всех стран, обусловленных тем, что СССР как лидер мирового социализма представлял всеобщие интересы и объективное направление мирового развития. Борьба же с Москвой могла вестись только на основе эгоистического великодержавия и крайнего национализма (шовинизма).

Внутренние истоки «культурной революции» официальные советские авторы видели в борьбе двух направлений в китайском руководстве, длившейся еще со второй половины 1950-х гг., со времени Большого скачка. Одно из них выступало за «рациональные методы развития народного хозяйства с учетом опыта социалистических стран» (то есть СССР и его союзников), а другое, «возглавляемое Мао Цзэдуном, категорически отвергало международный опыт строительства социализма, настаивало на волюнтаристских методах управления хозяйством, на форсировании темпов экономического развития» [Борисов, Колосков, 1980, с. 346–247]. При этом теоретические основы идеологии Мао обычно не исследовались, считалось, что его группа хотела достичь более быстрого и эффективного развития, чем СССР, чтобы занять ведущее место в международном коммунистическом движении и мире в целом, что и объявлялось великодержавием, шовинизмом и раскольничеством[3].

Вторая группа советских комментаторов – исследователи-реформаторы, использовавшие критику группы Мао для завуалированного изображения порядков в собственной стране. Это вело к искренне критическому, но не вполне объективному описанию, так как китайские реалии часто отождествлялись с советскими даже тогда, когда в реальности они сильно различались. Мао в их описаниях выступал беспринципным и расчетливым деспотом типа И.В. Сталина, которого интересовала только

[3] Ранее таким же образом характеризовался курс руководства Югославии, также отказавшейся идти в русле советской политики (подробнее см.: Каменская Е.В. «Культурная революция» в Китае во второй половине 1960-х годов на страницах советской прессы и в восприятии населения // Вестник Пермского университета. 2014, вып. 4 (27). С. 159–167).

личная власть, использовавшим идеологию и экономическую политику лишь в качестве инструмента для ее достижения. Борьбу «хунвэйбинов» против старых партийцев они также описывали как хорошо организованную и до мелочей рассчитанную операцию властей, сходную со сталинскими репрессиями, каковой она в действительности не являлась [Лукин, 2018, с. 90–93]. «Культурная революция» — это результат неспособности китайского руководства во главе с Мао Цзэдуном разрешить острое противоречие между низким экономическим и культурным уровнем Китая и его положением как великой мировой державы. Как свидетельствует исторический опыт, это противоречие не может быть разрешено за несколько лет… Большой скачок был продиктован стремлением искусственно его преодолеть. Эта попытка сорвалась. «Культурная революция» — новое усилие по его разрешению с помощью прежних, уже обанкротившихся авантюристических методов. Насколько можно судить, замыслы группы Мао состоят в том, чтобы, законсервировав на много лет нынешний низкий жизненный уровень, обеспечив абсолютное господство «маоцзэдунизма», направить насколько возможно большую часть национального дохода на развитие военно-технического потенциала, укрепление вооруженных сил и бюрократического аппарата, беспрекословно выполняющего указания Мао, какими бы нелепыми они ни были. По мнению руководителей КПК, это — единственный путь возрождения «великого Китая», – писал один из лидеров этого направления Л.П. Делюсин в 1967 г. [Делюсин, 1967, с. 45]. Эти слова вполне можно было бы отнести и к СССР того времени, активно занимавшемуся военным строительством во многом за счет социальных программ и нужд экономического развития. Что касается Китая, то в том, что здесь сказано, нет ничего явно неверного, однако без обсуждения доктринальных истоков политики Мао оно кажется несколько односторонним. В своем упоре на факторы борьбы за власть и раскол с СССР авторы этой группы сходились с основным направлением западных наблюдателей. Отличие их состояло в том, что они считали отход Мао от идеального «истинного», «ленинского» пути (подразумевалось, что на нем твердо стояли советские руководители) результатом «китаизации» марксизма, то есть влияния на него китайских традиций [Бурлацкий, 1976].

В российском китаеведении официальная советская критика «культурной революции» в некоторых работах парадоксальным образом переродилась в ее частичное одобрение. Бывшие ортодоксальные коммунисты увидели некоторую историческую правоту в борьбе Мао с «ревизионистами» и «перерожденцами», которые, по их мнению, в СССР привели коммунистический строй к краху [Кулик, 2000, с. 389–398]. Академические же оценки «культурной революции» продолжали концентрироваться на борьбе Мао Цзэдуна за абсолютную власть (в связи с чем подчеркивалась ее спланированность и управляемость сверху) [К 50-летию…, 2016, с. 110, 112–113, 119], а причины и формы ее проведения по-прежнему чаще всего объяснялись «принципиальным отличием китайского общества от европейского» [Там же, с. 135].

В целом за прошедшие 60 лет по поводу «культурной революции» было высказано много полезных идей, однако адекватный и комплексный подход к ней, в особенности в свете дальнейшего развития некоторых направлений общественной мысли, на которые она в той или иной степени повлияла, пока отсутствует. Настоящая работа является попыткой начать разработку такого подхода.

Идеи «культурной революции» как результат развития марксистской теории

Прежде всего, говоря об идеях и теоретических положениях, приведших к «культурной революции» или объяснявших ее необходимость в Китае, следует понимать, что они явились результатом развития, или ревизии, марксисткой теории в ее ленинско-сталинской интерпретации. Оба термина («развитие» и «ревизия») в марксистском контексте означают одно и то же, а именно, изменение, но «развитие» — это изменение одобряемое, а «ревизия» – критикуемое, поэтому для одних Мао Цзэдун был великим теоретиком, а для других – ревизионистом. Для нас имеет значение лишь то, что он несколько видоизменил некоторые марксистские положения, и хотя изменения эти были весьма существенными, они вполне сравнимы с теми, что привнес Ленин по отношению к Марксу, Сталин – по отношению к Ленину, Н.С. Хрущов или А. Грамши с еврокоммунистами – по отношению к Сталину и т.п. Где кончается марксизм в процессе этих изменений и начинается принципиально другое учение – вопрос довольно сложный. Ответ на него во многом зависит от позиции того, кто на него отвечает. Любое учение – христианство, ислам, буддизм – изменяются как со временем, так и приходя на новые территории и смешиваясь с местными традициями, и где естественная индигенизация (локализация) переходит в синкретизм, решить непросто [Лукин, Пузанова, 2021, с. 15–22].

Попробуем провести линию таких изменений в рассматриваемом случае непосредственно от основателей марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что коммунизм – последнее идеальное состояние общества или общественно-экономическая формация, с которой заканчивается предыстория и начинается истинная история человечества [Маркс, 1959, с. 8]. Ее основой является принцип «Каждый по способностям – каждому по потребностям», который обеспечивается изобилием продуктов производства, достигаемым только при капитализме. После достижения такого изобилия, когда количества продуктов может хватить на всех, победе коммунизма мешает только несправедливое распределение, при котором класс капиталистов присваивает прибавочный продукт, то есть натуральную основу прибыли [Маркс, 1961, с. 20]. В этих условиях социальная революция способна уничтожить класс капиталистов (не физически, а путем обобществления собственности), и свободное общество будет распределять товары согласно потребностям, что и есть коммунизм. Осуществить все это должны промышленные рабочие или пролетариат как передовой класс, уже не обладающий частной собственностью [Маркс, Энгельс, 1955а, с. 447].

Здесь важно три момента, отмеченных К. Марксом и Ф. Энгельсом в разное время. Во-первых, такая революция не может произойти до того, когда будет достигнуто изобилие, то есть до этапа развитого капитализма [Маркс, 1959, с. 7]. Во-вторых, как оба они поясняли, «историческая неизбежность» этого пути была ими «ограничена странами Западной Европы» [Маркс, 1964, с. 137]. Перечисляя государства, где одновременно должна произойти коммунистическая революция, Ф. Энгельс назвал Англию, США, Францию и Германию, то есть наиболее развитые страны Запада [Энгельс, 1955, с. 334].

В других государствах ситуация может быть отличной. Когда русские революционеры-народники обратились к Марксу с вопросом, может ли революция победить в отсталой России раньше времени и нельзя ли строить в ней коммунизм на основе сельской общины, в которой земля ежегодно перераспределялась по количеству едоков, то есть уже по коммунистическому принципу потребностей, основатель марксизма ответил, что это возможно, если будут устранены «тлетворные влияния, которым она [община] подвергается со всех сторон», и обеспечены нормальные условия ее свободного развития [Маркс, 1964, с. 137]. В предисловии ко второму русскоязычному изданию «Манифеста коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс уточнили, что «современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития», если «русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга» [Маркс, Энгельс, 1961, с. 305]. Таким образом, они не отрицали возможную роль крестьянства в переходе к коммунизму в отсталой незападной стране при определенных условиях.

В-третьих, между переходом власти к сторонникам коммунистов и созданием коммунистического общества, согласно основоположникам, должен быть некоторый переходный период, в течение которого система собственности будет меняться под руководством «диктатуры пролетариата», а экономика – развиваться до необходимого для изобилия уровня [Маркс, 1961, с. 19–20, 27–28]. В это время государственная власть будет сохраняться и продолжат существовать отдельные государства, исчезнут лишь «враждебные отношения наций между собой», и все это перестанет существовать лишь на более зрелой стадии коммунизма и будет сменено некими «ассоциациями» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 444–445].

Все последующие марксисты развивали эти положения в разные стороны. Захватившие власть в России первыми сторонники В.И. Ленина должны были теоретически обосновать свою власть. Прежде всего, они объявили бедных крестьян союзниками пролетариата, которого в России было недостаточно. Столкнувшись с тем, что русская ситуация не дала старта «мировой революции», а быстрое обобществление собственности вызвало беспорядки и восстания, они, после долгих и острых дебатов, заключили, что переходный период может длиться довольно продолжительный срок, за который на Западе рабочие возьмут власть, а недостаточно эффективная экономическая база сравнительно отсталой России будет доводиться до необходимого уровня. Этот курс получил название «новой экономической политики» (НЭП), в рамках которой были разрешены элементы частной собственности и рынка. И.В. Сталин, так и не дождавшись мировой революции, но отнюдь не собиравшийся отдавать власть, ввел положение о возможности построения социализма, то есть первого, не вполне зрелого этапа коммунизма, в одной стране без революции на Западе. Это дало ему теоретическую возможность свернуть НЭП и забрать землю у крестьян под видом коллективизации. Тем не менее, когда в еще более отсталом Китае к власти пришли коммунисты, даже И.В. Сталин как марксист понимал, что немедленный коммунизм там совершенно невозможен, и советовал им начать с более умеренной политики, решая задачи сравнительно длительного переходного периода [Ледовский, 1999, с. 55–56, 76].

Во многих как западных и российских, так и независимых китайских комментариях можно найти мнение, согласно которому Мао пришел к идее борьбы с ревизионистами и «сторонниками капиталистического пути» внутри КПК ситуативно, реагируя на нежелание партийного большинства в КПК проводить в жизнь все его решения и указания, что ранило его самомнение как великого лидера. Кроме того, он искал теоретическое обоснование своих разногласий с КПСС, которые начались после смерти И.В. Сталина поначалу из-за борьбы за лидерство в мировом коммунистическом движении с Н.С. Хрущевым.

Согласно различным документам и высказываниям Мао, советский, а ранее югославский и венгерский отход от его понимания коммунизма, «буржуазное перерождение» компартий в этих странах, действительно были для него важными внешними аргументами в рассуждениях о необходимости бороться с «ревизионизмом» внутри Китая. Однако вряд ли это было ключевой причиной для начала «культурной революции», скорее – дополнительным предлогом. Главными мотивами были внутренние. Разногласия в КПК относительно пути развития страны после захвата власти существовали задолго до 1966 и даже до 1949 г., они лишь не выливались ранее в острую борьбу в связи с тем, что были менее актуальны, чем более насущные проблемы КПК. Известный специалист по китайской истории первой половины XX в. А.В. Меликсетов показал, что в первые же годы после прихода к власти в руководстве КПК возникла борьба вокруг интерпретации концепции «новой демократии», выдвинутой Мао еще на рубеже 1930-х – 1940-х гг. и предусматривавшей длительный переходный период, в течение которого должны были поддерживаться смешанная экономика и даже некоторый политический плюрализм [Смирнов, 2012, с. 380–386]. Мао Цзэдун и часть его сторонников рассматривали эту программу тактически, как метод приобретения популярности, необходимой для прихода к власти, после чего можно будет быстро перейти к коммунизации средств производства. Другие же деятели КПК искренне поддерживали программу «новой демократии» и пытались воплотить в жизнь [Меликсетов, 1996, с. 83].

Откуда же у Мао взялись идеи, в конечном счете приведшие к «культурной революции»? По нашему мнению, их вполне можно вывести из коммунистической доктрины, проделав лишь небольшие дополнительные шаги. Рассмотрим эту программу по пунктам.

1. *Немедленное огосударствление средств производства или длительный переходный период?*

Спор об этом велся не только в Китае. В такую же дискуссию за 30 лет до них вступили и русские большевики. Ленин, как известно, все свои действия весьма догматично оценивал на основе советов Маркса, к текстам которого относился почти как к священным [Russell, 1920, p. 8]. Маркс, как отмечалось, писал о переходном периоде, но не указывал на его длительность, поэтому любой марксист мог интерпретировать ее по-своему, от нескольких недель до многих лет. Придя к власти, Ленин начал проводить политику быстрого огосударствления (военный коммунизм),

что привело к серьезному кризису. Тогда, понимая, что надо немного отступить, он вспомнил идею переходного периода и решил его продлить на неопределенный срок, как он говорил «всерьез и надолго», но «не навсегда» [Ленин, 1970, с. 311]. При этом он, с одной стороны, откровенно признал неудачу быстрого «штурма» капитализма, но с другой, называл НЭП периодом длительной планомерной его «осады» при помощи временного введения «государственного капитализма», который в перспективе все же должен закончиться взятием крепости и введением полного коммунизма.

Среди видных большевиков отнюдь не все приветствовали государственный капитализм. Некоторые из них, такие как Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Е.А. Преображенский и другие, критиковали его с самого начала, а затем составили основу «левой оппозиции». Их сторонники даже расшифровывали НЭП как «новую эксплуатацию пролетариата» [Шпаковский, 2020, с. 222].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. И.В. Сталин все же завершил НЭП и провел практически полное огосударствление собственности. Новый кризис и даже голод, унесший миллионы жизней, его интересовали меньше, чем возможность полного контроля над всеми сферами деятельности в рамках системы бюрократического социализма, которую он создал [Лукин, 2021, с. 63-84]. В то же время, как отмечалось выше, китайским коллегам он все же советовал ввести что-то вроде НЭПа на длительный срок.

Но Мао не был сталинистом и тем более сторонником тех, кто выступал за продолжение НЭПа («правых большевиков», которых Сталин уничтожил вслед за «левыми»). В марксистском плане в вопросе собственности он был типичным «левым» коммунистом, здесь он не внес в марксистские дискуссии ничего нового. Уже в начале 1960-х гг. он, вполне в духе советских критиков НЭПа, утверждал, что, если в Китае не провести быстрое огосударствление экономики, то он может «превратиться практически в буржуазное государство, а диктатура пролетариата может выродиться в диктатуру буржуазии, более того, оно может выродиться в реакционную, фашистскую диктатуру» [Мао Цзэдун, 1976с, с. 12].

В этом смысле оценки «культурной революции» в официальном китайском Решении 1981 г. как «левацкой» ошибки совершенно закономерны, так как Решение писалось сторонниками правого курса, которые в Китае, в отличие от СССР, выжили в период репрессий (что кстати также было связано с тем, что Мао был сторонником левого, а не бюрократического социализма).

2. *«Культурная революция»*

Сам термин «культурная революция» был введен в большевистский дискурс Лениным и затем активно использовался в СССР. Однако там под ним понималось не совсем то, что в Китае Мао Цзэдуном. Ленин и поддерживавший его по этому вопросу Л.Д. Троцкий считали, что «культурная революция» должна заключаться в повышении культурного уровня крестьянской массы до передового. При этом это повышение должно идти параллельно с развитием производства, что обеспечит уровень общественного развития, необходимый для коммунизма, и оправдает «досрочный»

захват власти большевиками. В 1923 г. Ленин по этому поводу писал: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [Ленин, 1970, с. 377; Троцкий, 1927]. Исходя из этого, он утверждал, что «пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» [Ленин, 1981, с. 304–305]. Троцкий же, вполне в согласии с Марксом, утверждал: «Пролетариат в буржуазном обществе – неимущий и обездоленный класс и потому культуры своей создать не может. Овладев властью, он только впервые по-настоящему и убеждается в своей ужасающей культурной отсталости. Чтобы победить ее, ему нужно уничтожить те условия, которые сохраняют его, как класс. Чем больше можно будет говорить о новой культуре, тем меньше она будет носить классовый характер» [Троцкий, 1924, с. XII].

Этому подходу противостояли сторонники идеи, согласно которой «пролетарская культура» «в дальнейшем своем развитии может строиться только самостоятельными усилиями того же пролетариата, верного своим классовым задачам и воспринимающего жизнь в строгом соответствии с этими задачами» [Троцкий, 1927]. Возглавив «Пролетарские культурно-просветительные организации» (Пролеткульт) и Российскую организацию пролетарских писателей (РАПП), они провозглашали необходимость пролетариату (то есть коммунистам) произвести «такую же революцию в области культурной, какую произвел он в областях экономической и политической», осуществить «захват власти» пролетариатом в области искусства, тем самым обеспечив там свою гегемонию [Литературные манифесты…, 1929, с. 205–206]. В СССР эти организации и тенденции были разгромлены И.В. Сталиным, поддержавшим в этом вопросе линию Ленина-Троцкого, но в Китае при Мао она победила. Как видим, и здесь Мао в период «культурной революции» продолжает линию крайне левого большевизма на ускорение коммунизации не только производства, но и культурной сферы.

3. *Продолжение классовой борьбы после победы революции, причины существования враждебной идеологии*

Для оправдания выдвижения «борьбы с каппутистами[4]» и «ревизионистами» в качестве основной цели «культурной революции» Мао Цзэдун выдвинул теорию со-

[4] Обладающий властью в партии, но идущий по капиталистическому пути (走资本主义道路的当权派, сокр. 走资派). Термин периода «культурной революции».

хранения буржуазной идеологии при социализме. Подобная теория существовала и в СССР, однако здесь Мао внес некоторые изменения. Еще в 1919 г., оправдывая свою диктатуру перед западными социал-демократами, Ленин, вполне обоснованно ссылаясь на высказывания Маркса о диктатуре пролетариата как переходном периоде от капитализма к социализму, заявлял: «В течение всего этого переходного времени сопротивление перевороту будут оказывать и капиталисты, а равно их многочисленные приспешники из буржуазной интеллигенции, сопротивляющиеся сознательно, и громадная масса слишком забитых мелкобуржуазными привычками и традициями трудящихся, крестьян в том числе, сопротивляющихся сплошь да рядом бессознательно… Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы*, которая после свержения власти капитала, *после* разрушения буржуазного государства, *после* установления диктатуры пролетариата *не исчезает* (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» [Ленин, 1969, с. 386–387]. Сталин, когда говорил об «обострении классовой борьбы при социализме», лишь во многом повторял эти мысли, оправдывая собственные репрессии [Сталин, 1928]. Пожалуй, он пошел вперед лишь в том, что объявил: основой этого обострения является не только усиливающееся сопротивление остатков старых классов (то есть в конечном счете социально-экономическая причина), но также «вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств», которые «проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты» [Сталин, 1937].

Заявления Мао о проникновении врагов на руководящие посты в КПК и госаппарат и необходимости решительной борьбы с ними, таким образом, мало отличались от этой теории советских коммунистов. Однако причину этого сохранения врагов и их проникновения в партию Мао видел несколько в другом. Он гораздо меньше говорил о вредителях и шпионах, которые подрывали экономику, а больше об идеологии, то есть в марксистской терминологии не об экономическом базисе общества, а о его надстройке. Так, еще в декабре 1963 г. он отмечал: «Экономический базис общества уже изменился, но искусство как часть надстройки, обслуживающая базис, до сих пор представляет собой серьезную проблему. Надо как следует взяться за дело... Как ни странно, многие коммунисты с рвением проповедуют феодально-буржуазное, но только не социалистическое искусство» [Мао Цзэдун, 1976f]. Здесь мы наблюдаем серьезный отход (или, если хотите, развитие) учения К. Маркса о том, что «формы общественного сознания» как часть надстройки соответствуют «совокупности производственных отношений», составляющих «реальный базис» общества [Маркс, 1859]. Прямо противоречит это и позиции Ленина. Впрочем, развитие – это вполне логично. Если сам Маркс допускал роль передельной общины в России при переходе к социализму, а Сталин – сохранение буржуазных элементов, то почему не может сохраниться и соответствующее им сознание? В одной из статей в журнале «Чжунго циннянь» эти идеи Мао разъяснялись более подробно: «Как класс буржуазия имеет не только свою экономическую основу – систему капиталистической собственности, но и свою надстройку: буржуазные политические взгляды и идеологию. Будучи составной частью надстройки, политические взгляды и идеология имеют

в отношении экономического базиса относительную самостоятельность, их нельзя ликвидировать сразу же после ликвидации старого базиса. Политические взгляды и идеология в надстройке также имеют относительную самостоятельность в отношении политической системы в надстройке. Люди могут путем разрушения ликвидировать реакционную политическую машину, а реакционные политические взгляды и идеологию нельзя разрушить, их можно ликвидировать только в результате перевоспитания в течение длительного времени. Поэтому, хотя лишение класса экономической базы и лишение его основных условий экономического существования имеет решающее значение для ликвидации этого класса, это ни в коем случае не означает его немедленной ликвидации. Пока представители этого класса не перевоспитаны, пока существует идейно-политическое влияние этого класса, нельзя говорить об окончательной его ликвидации» [Кулик, 2000, с. 381]. Позднее Мао пошел еще дальше и стал утверждать, что в социалистическом обществе могут существовать не только идеологические остатки буржуазной идеологии, но «возможно также и зарождение новых буржуазных элементов» [Мао Цзэдун, 1962]. Все эти положения лишь немного развивали идеи Сталина о том, что после смены власти надстройка становится «величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы» [Сталин, 1953], а также о возможности внешнего (зарубежного) влияния на внутренние процессы при социализме. Если новые элементы надстройки влияют на базис в прогрессивном направлении, то мысли о том, что ее старые элементы намеренно тормозят эти изменения и что с ними надо жестко бороться – всего один шаг.

Важнейшей частью этого подхода Мао стала, как мы видим, мысль о необходимости перевоспитания противников и масс. Желание изменить сознание «масс» и создать «нового человека», конечно, существовало в марксизме с самого начала. Оно исходит из идей К. Маркса и Ф. Энгельса об идеологии (самосознании) докоммунистических обществ как «ложных» или «иллюзорных» представлениях (сознании), которые должны быть заменены при коммунизме на истинное (то есть адекватно отражающее общественное развитие) сознание пролетариата [Маркс, Энгельс, 1955b, с. 11; Энгельс, 1966, с. 83]. В условиях победы революции в отсталой стране истинное сознание олицетворяет коммунистическая партия, и, как считал Ленин, к ней переходит решение задачи «побороть сопротивление капиталистов» и путем «просвещения» осуществить «переделку массы» [Ленин, 1981, с. 405–408]. Сталин также говорил о необходимости «переделать» психологию крестьянства, чтобы «сблизить» его с рабочим классом [Сталин, 1950, с. 162].

Однако Мао здесь сильно расходился со Сталиным и даже с Лениным, для которых оппоненты были убежденными врагами, шпионами и намеренными вредителями, которых надо уничтожать физически. Массы же, с их точки зрения, должны были поднимать свой культурный и идеологический уровень при помощи образования.

В отличие от них, Мао боролся с врагами, зараженными отжившими свой век идеями, поэтому их надо было не убивать, а перевоспитывать. Но «культурная революция» значила для китайского вождя и неповышение уровня образования. Массы он предпочитал бедные и неграмотные, так как они более «революционны» и в боль-

шей степени поддаются перевоспитанию в истинную идеологию [Мао Цзэдун, 1956], а «умники», которые читали слишком много старых книг, только мешают созданию новой культуры. Интеллигенцию в период «культурной революции» называли последней, «девятой вонючей категорией» общества (臭老九). Образование, по мнению вождя, должно быть не книжным, а практическим, тесно связанным с производством или деревенским трудом и с военной подготовкой [Мао Цзэдун, 1976a].

Мао многократно заявлял, что «культурная революция» должна «затронуть человеческие души» [Мао Цзэдун, 1976b]. Конечно, левокоммунистическое перевоспитание было жестким, и многие, не выдержав, погибли. Но уничтожение не было целью, и сам Мао многократно говорил о том, что предпочитает не государственные репрессии, а самодеятельность масс в этом вопросе: пусть, де, революционные массы сами решают, как поступать с «перерожденцами» [Мао Цзэдун, 1976g]. В 1967 г. он, например, дал следующее указание: «Необходимо правильно относиться к массам, которых ввели в заблуждение. Нельзя оказывать давление на введённые в заблуждение массы. Главным здесь является идеологическая и политическая работа. Что касается осуществления диктатуры в отношении вредных элементов, то правительство и левые группировки не должны прибегать к арестам. Следует мобилизовать революционные массовые организации, чтобы они сами решали эти вопросы. В Пекине, например, в основном поступают именно так. Диктатура должна быть диктатурой масс. Аресты людей от имени правительства не назовешь хорошим методом. Правительство должно арестовывать крайне незначительное число людей и делать это лишь по требованию масс и при их содействии» [Мао Цзэдун, 1976i]. Постановление Пленума ЦК КПК, прошедшего в августе 1966 г., разрешало не преследовать учащихся высших, специальных, средних учебных заведений и начальных школ за любые правонарушения, кроме полностью доказанных случаев совершения убийств, поджога, отравления, вредительства, хищения государственной тайны [Постановление Центрального Комитета…, 1966].

И эти слова не были простым прикрытием государственного террора, как это часто бывало у Сталина. Репрессии в период «культурной революции» проводились другим способом, обычно не централизовано, бессистемно, с большим элементом самодеятельности снизу. Целью было перевоспитание и изменение сознания, отсюда – школы перевоспитания, иезуитские методы, заставлявшие жертв признавать свои ошибочные мысли, подробно их записывать и излагать политическим воспитателям и т.п. Несмотря на жертвы и страдания, эта левая модель репрессий в конечном счете сыграла с Мао злую шутку, так как выжившие недоперевоспитанные «каппутисты», дождавшись его смерти, пришли к власти и взялись за старое, тогда как в СССР все «оппозиционеры» были уничтожены. Но об этом китайский вождь уже не узнал и умер в уверенности в успехе «культурной революции».

4. *Перманентная революция (перевоспитание, демократия, война)*

Важная доктринальная инновация Мао Цзэдуна, направленная на объяснение необходимости «культурной революции» – идея о большой длительности «переходного

периода» и необходимости постоянной борьбы с врагами. В разное время он говорил, что вопрос «кто кого» будет решаться более ста лет или даже «несколько сотен лет» [Gaoju Mao Zedong sixiang…, 1966], причем «всеобщий хаос, ведущий к установлению абсолютного порядка, должен повторяться каждые 7–8 лет», так как за это время вылезает на поверхность вся контрреволюционная нечисть [Мао Цзэдун, 1966а; Ван Хунвэнь, 1973]. Положение о периодическом повторении «культурной революции было включено в Устав КПК, принятый на 10-м съезде партии [Устав Коммунистической партии Китая…, 1973].

«Теория продолжения революции при диктатуре пролетариата», выдвинутая Мао и вошедшая в конституцию КНР 1975 г. [Конституция Китайской Народной Республики…, 1975], возникла отнюдь не на пустом месте. Она мало чем отличается от «непрерывной» или «перманентной» революции, идея которой встречается еще у К. Маркса. Так, в работе 1850 г. «Классовая борьба во Франции» он утверждает, что истинный социализм коммунистического направления, в отличие от «доктринерского» и «утопического» мелкобуржуазного социализма, «есть объявление непрерывной революции» [Маркс, 1956, с. 91]. Обсуждая в марте того же года тактику коммунистов в Германии, К. Маркс и Ф. Энгельс призывали «сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев» [Маркс, Энгельс, 1956, с. 261]. Таким образом, хотя проведение «непрерывной революции» предполагалось в период до завоевания власти пролетариатом, она должна была продолжаться до его победы во всех «господствующих странах мира» и проведения во всех них коммунистических преобразований. Если это касалось Германии, которую, несмотря на относительную неразвитость пролетариата, классики марксизма относили «цивилизованным странам» Запада, то еще более верным это должно было быть для более отсталой России и, тем более, Китая.

После победы большевиков в России концепцию «перманентной революции» подробно развивал Л.Д. Троцкий, посвятивший ей несколько статей и целую книгу, в которой писал: «Завоевание власти пролетариатом не завершает революцию, а только открывает ее. Социалистическое строительство мыслимо лишь на основе классовой борьбы в национальном и международном масштабе. Эта борьба, в условиях решающего преобладания капиталистических отношений на мировой арене, будет неизбежно приводить ко взрывам внутренней, т.е. гражданской, и внешней, революционной войны. В этом состоит перманентный характер социалистической революции…», которая «может закончиться лишь с полной ликвидацией классового общества» [Троцкий, 1930, с. 167]. Троцкий противопоставлял теорию перманентной революции сталинской идее возможности построения социализма в одной стране, и считал, что завершение социалистической революции в национальных рамках «немыслимо» [Троцкий, 1930].

В СССР эта теория была запрещена Сталиным как троцкистская. В Китае же Мао Цзэдун, первоначально отмежевывавшийся от нее и противопоставлявший ей теорию

«перерастания» (转变论) [Мао Цзэдун, 1952, с. 372], по мере приобретения идеологической самостоятельности начал говорить о ней более позитивно. Обосновывая «Большой скачок» в начале 1958, он прямо поддержал идею «перманентной революции» (不断革命), хотя и утверждал, что интерпретирует ее не так, как Троцкий.

Выступая в Ханчжоу в начале января 1958 г. он заявлял: «Давайте поговорим о теории непрерывной революции… Тактика – ковать железо, пока горячо, не допускать слишком долгих разрывов, передышек. Нельзя «строить систему новой демократии». Если построишь, придется снова тратить силы, чтобы ее сломать» [Mao Zedong, 2006a].

28 января на Высшем совещании по государственным делам он говорил: «Я придерживаюсь теории непрерывной революции. Но вы не должны принимать ее за теорию перманентной революции Троцкого. Революции нужно совершать, пока железо горячо, чтобы одна шла за другой и между ними не было заминок… Троцкий выступал за то, чтобы начинать социалистическую революцию еще до завершения демократической революции, но мы так не считаем… В таких странах, как Польша и Югославия, после установления демократической системы прошло семь-восемь лет, там появились богатые крестьяне. Но нужно объединить все силы, даже не устанавливая системы новой демократии» [Mao Zedong, 2006b, p. 27].

31 января он написал: «Непрерывная революция. Наши революции следуют одна за другой. За захватом политической власти по всей стране в 1949 году последовала антифеодальная земельная реформа, после ее успешного завершения началось кооперирование в сельском хозяйстве, затем было развернуто социалистическое преобразование частной промышленности, торговли, торговли и ремесленного производства… Наша революция подобна сражению: после победы нужно быстро поставить новую задачу. Таким образом можно стимулировать кадры и массы на поддержание бодрого революционного духа и уменьшить чувство заносчивости, даже если захотят возгордиться, а времени-то и нет» [Mao Zedong, 2006c, p. 45].

Из этих и других многочисленных высказываний на эту тему, сделанных в 1958 г., становится ясно, что именно левомарксистская идея перманентной революции стала для Мао теоретической основой всего курса на ускоренное строительство социализма в отсталом китайском обществе в условиях разочарования «правой» программой строительства в Китае «новой демократии», которую он ранее принимал, очевидно, лишь из тактических соображений [Меликсетов, 1996]. Подобный курс, по его мнению, победил в других странах, где, коммунисты, придя к власти, пошли неверным путем: поначалу он говорил о Венгрии, Югославии, затем к ним прибавился и СССР и большинство его союзников [Meisner, 1999, pp. 191–203]. Если понимание Мао «перманентной революции» чем-то и отличается от понимания Троцкого, то только тем, что начинаться она должна была раньше и длиться дольше, даже после полного утверждения коммунистов у власти и победы социализма, то есть, по коммунистическим меркам, было еще «левее». Но тут следует отметить, что Мао имел дело с еще более отсталой страной, чем Россия, где, с точки зрения марксиста, некоммунистическая стихия была еще сильнее, пролетариат слабее и его «перерождение» – более вероятным, поэтому и меры требовались экстраординарные.

Впоследствии Мао больше предпочитал говорить о «продолжении классовой борьбы после победы революции», не употребляя термин «перманентная революция»,

вероятно для того, чтобы не ассоциироваться с троцкизмом. Однако он фактически повторял многие тезисы Троцкого. Ему не могла не импонировать мысль русского революционера о том, что невозможность полной победы социализма в одной стране снимает вопрос о странах, «созревших» и «несозревших» для социализма. В результате отсталые страны «могут, при известных условиях, раньше передовых прийти к диктатуре пролетариата, но позже их – к социализму» [Троцкий, 1930, с. 167–168]. То есть, как и считал Мао, диктатуру пролетариата в Китае установить можно, но построить бесклассовое общество нельзя, точнее, это очень сложно и требует крайне длительной борьбы с остатками враждебных классов, которая, возможно, продлится столетия.

Из этого, между прочим, следует два вывода. Во-первых, необходимость продолжить борьбу за «демократию». О необходимости завершить не только социалистическую, но и демократическую революцию Мао писал, например, в «10-ти пунктах» в мае 1963 г. [Мао Цзэдун, 1976h]. Но надо иметь в виду, что здесь понимается под «демократией». В марксистско-ленинском понимании это не плюрализм, соревнование различных партий и общественных сил, а «власть народа», осуществляемая в его интересах партией «пролетариата» в период «диктатуры пролетариата» [Маркс, 1875, с. 27–28]. С этой точки зрения, как преподавали в советской школе, диктатура пролетариата – это и есть высшая форма демократии. Партия руководима вождем Мао Цзэдуном, который только и может обеспечить верное направление политики, а, значит его полная власть и есть наиболее полная демократия.

Но, поясняет Мао, диктатура пролетариата должна быть не просто формально установлена при сохранении некоторого представительства буржуазных сил, как, например, предусмотрено программой «новой демократии» (это еще решение задач низшей формы демократии, демократии «буржуазной»)[5], она должна полностью уничтожить все враждебные классы и их идеологическое влияние, а на это может потребоваться сотни лет. Поэтому борьба за социализм, то есть за полную национализацию экономики как базы враждебных классов, должна вестись параллельно с борьбой за демократию, то есть за ликвидацию любых форм политического и культурно-идеологического влияния этих классов. Это и есть «культурная революция».

Во-вторых, из этой позиции Троцкого и Мао вытекает необходимость активно стимулировать мировую революцию. Сам Мао прямо не писал, что революция в Китае не может победить без мировой революции, но веру в конечную победу мирового коммунизма и ее непосредственную связь с мировой войной, в результате которой эта победа будет достигнута, он разделял с Лениным, Троцким и Сталиным. Ленин сформулировал по этим вопросам ряд принципиальных позиций. По его мнению, Первая мировая война велась некоммунистическим правительством, поэтому она была несправедливой и ее надо было «превратить в гражданскую», то есть восполь-

[5] Вот что говорил В.И. Ленин на съезде российских коммунистов в марте 1919 г.: «В стране, где пролетариату пришлось взять власть при помощи крестьянства, где пролетариату выпала роль агента мелкобуржуазной революции, – наша революция до организации комитетов бедноты, т. е. до лета и даже осени 1918 года, была в значительной мере революцией буржуазной» (см. также: Ленин В.И. Отчет Центрального Комитета. VIII съезд РКП(б) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 38, стр. 143).

зоваться внутренними трудностями и захватить власть (что он и сделал в 1917 г.). Ее роль – в создании условий для революции. Но после прихода к власти в России «пролетариата», уже в 1918 г. он заявлял: «Величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделать этот переход от нашей революции, как узконациональной, к мировой». Для реализации этих целей содействия «мировой революции», без которой в теории не могло быть коммунизма, был создан Коммунистический интернационал (Коминтерн) – механизм стимулирования коммунистических революций в других странах. Он, собственно, и дал жизнь КПК в 1921 г., а затем поддерживал ее, как и компартии во многих других странах.

Все большевики в принципе разделяли эту позицию. Различия были только в тактике, причем те из них, что находились в руководстве, порой вынуждены были проявлять некоторую осторожность чтобы не втянуть еще слабую Советскую Россию в серьезную войну. Например, так действовал Троцкий, когда был народным комиссаром и ведущим членом Политбюро, но, перейдя в оппозицию, стал критиковать Сталина за пацифизм [Панцов, 2001, с. 147–160]. Но Сталин, конечно, не был пацифистом, в этом отношении он был реалистом и иногда предпочитал не обострять ситуации для СССР путем открытой провокации войн и восстаний. Тем не менее он отнюдь не был против увеличения территории «мирового социализма» в результате Второй мировой войны. До конца жизни он считал новую мировую войну неизбежной, так как «чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм» [Сталин, 1952, с. 86]. Соответственно, к войне надо готовиться. Только Н.С. Хрущев отошел от этой позиции, провозгласив на XX съезде КПСС в 1956 г. возможность парламентского перехода к социализму в капиталистических странах без гражданской войны и, соответственно, возможность «мирного сосуществования» с капиталистическими странами, так как необходимость войны для мировой революции теперь отпадает. Конечно, это было связано, прежде всего, с пониманием в Москве того, что новая мировая война может превратиться в ядерную и в ее результате не будет не только коммунизма, но и человечества вообще. Однако Мао Цзэдун сохранил больше элементов традиционной позиции большевиков и имел все основания обвинять советского лидера в ревизионизме. Как известно, выступая на совещании коммунистических партий во время своего последнего визита в Москву в ноябре 1957 г., он, не отвергая в принципе возможности сохранения мира в связи с ростом влияния «социалистического лагеря» (это все же было смягчением по сравнению с позицией Сталина), произнес знаменитые слова о том, что в результате войны, если ее развяжут империалисты, «в крайнем случае погибнет половина людей, но останется еще другая половина, зато империализм будет стерт с лица земли и весь мир станет социалистическим». «Пройдет сколько-то лет, население опять вырастет до 2700 миллионов человек, а наверняка и еще больше», – сказал Мао. И добавил: «Если изо дня в день бояться войны, то что же вы будете делать, когда война придет?» [Мао Цзэдун, 1975а]. Примерно те же мысли он повторил через год в другом выступлении уже в КНР [Мао Цзэдун, 1958]. После испытаний ядерного оружия в Китае в 1964 г. самоуверенность Мао, естественно, только увеличилась. Это привело к политике активно-

го поддерживания маоистских компартий и вооруженных группировок, боровшихся за немедленный захват власти во многих странах Азии, то есть к курсу, мало чем отличавшемуся от курса Коминтерна, а также попыткам «распропагандировать» (т.е. перевоспитать) иностранных специалистов, дипломатов и всех, кто попадался на глаза сторонникам Мао как в Китае, так и за рубежом.

Таким образом, внешнеполитический курс советских лидеров после Хрущева можно назвать более гуманным или реалистичным, но с точки зрения марксизма он был более толерантен по отношению к капитализму, то есть более «правым», а позиция Мао, соответственно, «левой».

В целом концепция «продолжения революции» Мао Цзэдуна уходит своими корнями в идею К. Маркса о диктатуре пролетариата как переходном периоде от капитализма к социализму, сходна с идеей Сталина об усилении классовой борьбы при социализме и практически идентична «перманентной революции» Троцкого, который лишь не считал, что она будет длиться столетие или больше. Кстати, это положение о столетии или больше для переходного периода использовалось и китайскими «правыми». Оно сохраняется в Китае и сегодня, однако в «правой» интерпретации решение задач этого периода необходимо достигать иными методами.

5. *Утопический социализм*

Все рассмотренное выше по большому счету относилось к методам достижения коммунизма как идеального общества. Каким же Мао Цзэдун и его соратники по «культурной революции» видели сам этот идеал? Маркс подробно свой коммунистический идеал не описал, он в основном исследовал капиталистическую формацию. Ясно, что его суть – «уничтожение частной собственности» [Маркс, Энгельс, 1848, с. 438], однако сроки и механизм этого уничтожения не вполне ясны. В любом случае, по мнению Маркса, уничтожение частной собственности – это не уничтожение собственности вообще, а только той, с помощью которой капиталист присваивает «прибавочный продукт» (то есть использует наемный труд, акторам которого отдает меньше, чем он реально стоит). Происходить это будет постепенно, на первом этапе (этапе «диктатуры пролетариата»), когда коммунистическое общество выходит из капиталистического, оно в экономическом, нравственном и умственном отношении «сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло». В этот период пролетарское государство осуществляет меры по обобществлению и централизации производства, а справедливое распределение происходит по квитанциям, по которым работник «получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда». Впрочем, Маркс отмечал, что приводит эту ситуацию «для примера», а не в качестве какого-то закона [Маркс, 1875, с. 18]. На более развитом этапе «на место старого буржуазного общества» с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», распределение производится по потребностям [Маркс, 1875, с. 18]. Важно, что Маркс постоянно подчеркивал, что говорит о «наиболее передовых странах» [Маркс,

Энгельс, 1848] и что обобществление частной собственности должно происходить в обществе, где она наиболее развита. Преждевременные формы уравнительного распределения он называет «грубым коммунизмом»: «Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. У него — *определенная ограниченная* мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной* простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 115].

Таким образом, уже Маркс описывал сам коммунизм и механизм перехода к нему противоречиво. С одной стороны, он должен возникнуть в развитых государствах на основе развитого капитализма, с другой – можно брать власть и в других странах и дотягивать общество до «зрелого» коммунистического стандарта. Последующие поколения марксистов решали это противоречие в разных направлениях, исходя из собственных интересов.

Представления Мао Цзэдуна об обществе, которое он пытался создать, изложены в нескольких документах, прежде всего, в резолюции по докладу Линь Бяо, наложенной 7 мая 1966 г. Его идеи по строительству коммунизма сводились к следующему.

1. Создание «трудовых армий» для организации одновременного производства, образования и военного дела (идея таких армий есть у Маркса и Троцкого, который даже организовал их временно во время гражданской войны в СССР).
2. Сельские коммуны превратить в самодостаточные предприятия, которые кроме сельского хозяйства будут заниматься «военным делом, политикой, культурой», а также создавать небольшие предприятия на коллективных началах и критиковать буржуазию.
3. В области образования: сократить сроки обучения и овладевать «не только гуманитарными науками, но и знаниями в области промышленности, сельского хозяйства и военного дела», «критиковать буржуазию» и сократить влияние интеллигенции в образовании [Мао Цзэдун, 1976е].

Эти предложения были естественным продолжением его планов Большого скачка, сформулированных еще за десятилетие до этого, за провал которых Мао винил «ревизионистов». Уже тогда он создал «народные коммуны», в которых была организована уравнительная система распределения (大锅饭)[6], шло активное внедрение талонов на получение основных продовольственных товаров, была поставлена задача уничтожения «трех больших различий»: между городом и деревней, промышленными рабочими и крестьянами, умственным и физическим трудом [Jianchi zhishi qingnian…, 1967]. Крестьян страны призывали учиться у образцовой коммуны Дачжай, якобы добившейся полной самодостаточности, где крестьяне работали не как раньше днем и только в теплый сезон, но и по ночам, и зимой. Во многих местах крестьяне, согласно лозунгам пропаганды, буквально передвигали холмы (которые на-

[6] Буквально – «Большой котел с рисом».

зывали «горами»), строили водохранилища, туннели и каналы. Для усиления энтузиазма в местах работы вещали громкоговорители, из которых звучала музыка и песни, а ночью во время отдыха крестьянам показывали кинофильмы. Рабочие учились у нефтяников Дацина, который пропагандировался как образцовый коммунистический промышленный город, где объединялись в одно целое городские и сельские районы. Ликвидация «трех больших различий» и всеобщее равенство достигались тем, что все ресурсы, включая жилье, продовольствие, право пользования государственной землей, и общественные работы, распределялись централизованно, мужчины работали в полях и получали заработную плату и пенсию от государства, а женщины и дети старшего возраста были заняты на сельхозработах и обеспечивали снабжение продовольствием. С ростом механизации сельского хозяйства создавались небольшие фабрики. Высланные из города студенты участвовали в производстве либо в поле, либо на фабриках. Учреждения сферы обслуживания: общественные столовые, поликлиники, детские сады, школы, – управлялись коллективами [«В сельском хозяйстве учиться…», 1976; Li Hou, 2021; Zhongjie Lin, 2025].

Все эти меры, осуществлявшиеся Мао Цзэдуном в «культурную революцию» и до нее, еще со времен Большого скачка, в принципе описывались марксистскими теоретиками, включая самого Маркса. Даже термины: «коммуна», ликвидации «противоречий» между городом и деревней, умственным и трудом, отмирание денег и распределение по квитанциям или талонам – все это встречается в описаниях «диктатуры пролетариата» и коммунизма у Маркса, а также Ленина, Троцкого, и других марксистских теоретиков. Другое дело, что Маркс, очевидно, предполагал, что подобные меры должны проводиться в развитых странах на принципиально более высоком уровне развития. Однако рецепта, что делать коммунистам в отсталых странах, он не оставил. У его последователей в СССР были различные мнения. Троцкий, будучи в оппозиции, фактически не видел различия между развитыми и неразвитыми странами, Сталин занял более «правую» позицию, по сути, предлагая Китаю что-то вроде советского «НЭПа», который он в самом СССР подавил. В этом контексте идеи Мао в период «культурной революции» можно определить как вполне марксистские, развивающие идеи большевиков и Сталина в левом направлении, то есть, в каком мыслили и российские противники «НЭПа», «Брестского мира» и сторонники продолжения «военного коммунизма» и «трудовых армий». Но эти идеи или их часть в принципе на каком-то этапе разделяли многие советские лидеры: Ленин в период до «НЭПа», позднее вынужденный перейти к правой политике из-за опасений потерять власть, Сталин в аспекте «обострения классовой борьбы при социализме» и «неизбежности мировой войны», и даже Хрущев, отобравший у советских колхозников приусадебные участки, то есть двигавший деревню в сторону китайских «коммун». Называть идеи Мао немарксистскими на этом основании можно, только признавая всех советских лидеров немарксистами, а марксистами – исключительно российских меньшевиков, таких как Г.В. Плеханов, который вообще призывал своих сторонников не брать власть, а развивать капитализм и буржуазную демократию.

Есть множество свидетельств того, что сам Мао считал себя именно марксистским теоретиком и пытался войти в историю в качестве такового. Например, он написал несколько пространных и крайне догматических марксистских произведений, не имев-

ших особенного практического смысла. Находясь в Яньани, он внимательно читал книги официальных советских философов-марксистов (И.М. Широков, А.С. Айзенберг, М.Б. Митин) и оставил длинные комментарии к ним. На этой основе в июле-августе он прочитал курс лекций в Университете Красной армии о диалектическом материализме, конспекты которых были изданы в 1938–1940 годах как весьма пространный текст (60 тыс. иероглифов) [Mao Zedong jiangshou…, 2012].

По поводу отношения автора к марксизму и традиционной культуре там ясно говорилось: «В связи с отсталостью развития китайского общества, развивающееся сегодня в Китае идейное течение диалектического материализма вышло не из преемственности и преобразования собственного философского наследия, но из изучения марксизма–ленинизма. Тем не менее, это идейное течение в Китае необходимо углублять и развивать, и твердо вести китайскую революцию по пути к окончательной победе, одновременно следует вести борьбу с различными существующими философскими учениями, водрузить знамя критики на общенациональном идейном фронте, и тем самым окончательно рассчитаться с древнекитайским философским наследием, и только тогда можно достичь цели» [Mao Zedong, 1938]. Правда, в период борьбы в Ван Мином и борьбой с влиянием Коминтерна он порой высказывался о традиционной китайской культуре более позитивно. Но делал это Мао, вероятно, лишь в политических целях, и в периоды Большого скачка «культурной революции», как показано выше, полностью обосновывал свой курс марксистской аргументацией [Mao Zedong, 1938, с. 74].

Части этого труда были переработаны в статьи «Относительно противоречий» и «Относительно практики», в которых в довольно абстрактной форме пересказываются и обсуждаются премудрости марксистской диалектики. После прихода к власти в Китае Мао Цзэдун специально обратился с просьбой к Сталину прислать философа-марксиста для редактирования его трудов для их большего соответствия марксистской теории. В результате в Китай был направлен П.Ф. Юдин [Хрущёв, 1997, с. 327], который позднее был назначен послов в этой стране. Тем же занималась и специальная комиссия ЦК КПК, которую возглавлял ее главный идеолог Чэн Бода [Федоренко, 1989, с. 163].

В 1950–1960-е годы Мао Цзэдун часто полемизировал с идеями и даже отдельными произведениями И.В. Сталина, принимая одни его положения и отвергая другие. Однако вся эта критика, даже в выступлениях на закрытых совещаниях, велась в чисто марксистской парадигме. Никаких примеров или теорий из китайской истории или традиционной философии он не приводил, вся аргументация облекалась в формы ленинско-сталинского марксизма [Мао Цзэдун, 1975a, с. 100–114; Мао Цзэдун, 1975b, с. 123–134; Мао Цзэдун, 1976d, с. 150–154].

В отношении того, что Мао был «утопистом» в смысле недостижимости его цели, то это, безусловно, так. Но такими же утопистами были все марксисты во главе с самим Марксом. Вряд ли можно представить, что Маркс, придя в результате какой-то игры истории к власти даже в самой развитой стране Европы, смог бы построить там общество, основанное на принципе «каждый по способности – каждому по потребности». Скорее всего, он привел бы ее к такой же катастрофе, к какой Мао привел Китай.

Идеология «культурной революции» и традиционная китайская политическая культура

Обнаружить связь идеологии «культурной революции» с китайской политической культурой до 1911 г. гораздо сложнее, чем с классическим марксизмом. Здесь может быть два подхода: искать сознательную преемственность, высказываемую в выступлениях лидеров, политиков и общественных деятелей (которая, кстати, несмотря на декларации, на поверку может оказаться внешней и мнимой, используемой в политических целях), и пытаться обнаружить неосознанную преемственность выразившуюся в бессознательном следовании некоторым культурным кодам или моделям, пусть на поверхности и в новых формах [Лотман, Успенский, 2002, с. 88–115].

Что касается первого, то тут какая-либо преемственность вообще не просматривается. Мао Цзэдун крайне критично относился к основной китайской морально-философской системе – конфуцианству и ее основателю – Конфуцию, и даже организовал в период «культурной революции» в 1973 г. целую кампанию против его учения, объединив неизвестно по каким признакам его критику с поношением своего бывшего соратника Линь Бяо [Делюсин, 1988, с. 3–140]. И хотя иногда он в тактических целях и призывал изучать древнюю китайскую философию, в том числе и Конфуция, то это было задолго до «культурной революции» [Лукин, 2023, с. 73–74]. Ненависть Мао и других сторонников «культурной революции» к древнему философу вполне понятна: вся система конфуцианства прямо противоречила маоизму, его идеалы строго иерархического общества, основанного на традициях, морали и культуре, шли вразрез стремлению Мао разрушить старую культуру и общественную структуру до основания. Здесь скорее можно увидеть преемственность по отношению к более раннему китайскому революционному движению с его лозунгом «Долой лавку Конфуция!», которое всегда, начиная со второй половины второго десятилетия XX в., было настроено антиконфуциански, так как многие китайские революционеры винили тысячелетнее господство конфуцианской мысли за историческое отставание Китая в развитии от Запада.

Но и часто высказываемое Мао одобрение «легистов» и Цинь Шихуана также не говорит о преемственности. Одобрял он в основном их решительность и беспощадность к конфуцианцам, но не идеи строгой централизованной власти без какой-либо роли народа.

В 1970 г. Мао, отвечая тем, кто считал, что гений в Китае рождается один раз в тысячу лет, с одобрением высказался о четырех китайских «гениях», живших в разные эпохи: руководителях восстания против Циньской империи в конце III в. до н.э. Чэнь Шэне и У Гуане, лидере тайпинского восстания против Цинской империи в середине XIX в. Хун Сюцюане и основателе партии Гоминьдан Сунь Ятсене [Wang Zijin, 1993, p. 340].

То есть Мао скорее видел себя и то, что он делает, в особенности в период «культурной революции», не как продолжение китайской традиции, а как борьбу с ней, лидером восставших и продолжателем китайской революционной борьбы, начатой еще лидером тайпинов Хун Сюцюанем, который объявил себя братом Иисуса Христа, а вовсе не Конфуция, Сунь Ятсеном и другими китайскими революционерами, также

искавшими правду на Западе, но на основе наиболее прогрессивного и последовательного западного учения – марксизма, которое он адаптировал к реальностям отсталого Китая.

Стремление же Мао Цзэдуна к разрушению государственной системы и культуры силами молодежи и неимущих слоев общества вообще не характерны для традиционного Китая и даже для китайской революционной традиции, которая, сформировавшись в «эпоху унижений» китайских государства и нации, всегда рассматривали революцию как инструмент восстановления Китая на своем законном историческом месте в качестве мощной державы. Здесь Мао гораздо ближе к советскому левому большевизму, которое в свою очередь ведет свою историю от русских анархистов типа М.А. Бакунина и П.Н. Ткачева. Они как раз предлагали все силы сконцентрировать именно на разрушении старого государства, так как в царской России государство было сильно и восстанавливать его место в мире не требовалось. Именно поэтому большинство китайских революционеров были государственниками, а русских – антигосударственниками. Бакунин, как известно, призывал к союзу со всеми люмпенами и бандитами в революционном разрушении всей системы старого государства и законодательства, а освобожденный народ, по его мнению, должен был сам разобраться, как построить свободное общество (за что был подвергнут критике К. Марксом) [Маркс, Энгельс, 1961, с. 388–424]. Кстати, термин «казарменный коммунизм», которым советские марксисты часто определяли маоистский общественный идеал, впервые употребили К. Маркс и Ф. Энгельс как раз для характеристики революционных планов М.А. Бакунина и его коллеги С.Г. Нечаева, согласно которому в обществе будущего исчезнет всякое «честолюбие», люди будут стремиться производить как можно больше, а потреблять как можно меньше, будут сосуществовать «общие столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом, всю общественную деятельность, и во главе всего, в качестве высшего руководителя, безымянный и никому неизвестный «наш комитет» [Маркс, Энгельс, 1961, с. 414]. Ткачев же вообще предлагал «для обновления России… уничтожить всех людей старше 25 лет» в связи с недостаточной революционностью остальной части человечества [Анненская, 1913, с. 62].

Идея уничтожения ненужных или, по крайней мере, необязательных для нового общества людей имеет тоже глубокие корни в революционном движении, в том числе русском [Карякин, 2009]. Мао Цзэдун тут даже проявлял некоторую мягкость, лишь говоря о приемлемости уничтожения половины человечества, но предпочитая перевоспитание. Гораздо дальше него пошли его последователи «красные кхмеры» в Камбодже, еще далее «развившие» маоизм на основе местных традиций и радикальных постколониалистских теорий Ф. Фанона и С. Амина. Они попытались ликвидировать «три больших различия» путем физического уничтожения горожан, интеллигенции и представителей «эксплуататорских» классов, а заодно и всех «врагов» вместе с семьями [Jackson, 1989, p. 241–250].

Что касается неосознанного влияния, то его довольно трудно обосновать. Основные доказательства такого влияния, как внутри Китая, так и за его пределами, сводятся к аргументации, сходной с позициями китайских критиков «культурной революции»: основанная на конфуцианстве китайская традиционная психология якобы

способствовала тому, что население безропотно приняло Мао Цзэдуна как нового императора, то есть непререкаемого лидера, а сам Мао Цзэдун видел себя таковым и считал себя вправе ставить любые социальные эксперименты.

С идеей вождизма как наследия имперского Китая не все однозначно. Конечно, в Китае он мог принимать национальную окраску, но в принципе «культ личности» характерен для всех коммунистических государств от СССР до Северной Кореи. В 1920-е гг. в СССР «вождями» считались все высокопоставленные коммунисты, их именами называли города и предприятия. Культ «вождей» происходит из идеи исключительной роли коммунистической партии как руководящей силы пролетариата в отсталых странах, где самого пролетариата количественно мало, а идеологически он недостаточно зрел. В этом случае, согласно Ленину, роль «передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией» [Ленин, 1903, с. 25].

Таким образом, истина от всего класса в целом переходит к партии. Но Сталин, обосновывая репрессии, «выяснил», что враги пробрались и в партию, носителем истины и залогом верности избранного пути становится все понимающий вождь. Ни Ленин, ни Сталин, ни Мао официально не легитимизировали свою диктатуру, ведя свою историю от прежних династий, а искали легитимности в марксизме, хотя некоторые из них, в особенности Сталин, на определенном этапе использовали имперскую символику.

Наверное, можно рассматривать Мао не как конфуцианца, а как одного из лидеров традиционного крестьянского восстания, некоторые из которых руководили религиозными сектантами, сторонниками сложных утопических доктрин. В случае успешного захвата власти и основания новой династии она рано или поздно обычно возвращалась к традиционному конфуцианству. В этом смысле период Мао можно считать коротким началом новой династии, тем более что нынешние руководители КНР действительно все чаще обращаются к некоторым конфуцианским принципам. Но такой взгляд весьма односторонен. Китай сегодня сильно отличается от традиционного, он стал частью мировых процессов индустриализации, урбанизации и глобализации. Если и считать гражданскую войну крестьянским восстанием, то оно уж точно было последним, так как крестьян в Китае становится все меньше. Сценарий полного возвращения к традициям представляется нереалистичным, и политика КПК гораздо лучше вписывается в картину распространения марксизма и его адаптации в разных регионах мира, чем в попытки представить коммунистов новой китайской династией.

Все подобные аргументы в бердяевском стиле, якобы доказывающие, что китайская культура неизбежно порождает деспотию и все возвращается на круги своя, противоречат реальности. Конфуцианством, например, в разных странах объясняют что угодно. Например, когда японская экономика в 1960–1970-е гг. быстро росла, это объясняли национальной психологией трудолюбия, исполнительности и преданности руководству компании, основанных на конфуцианской традиции. А когда в стране начался экономический застой, его стали объяснять вызванной конфуцианством косностью и безынициативностью. Относительно политических систем также можно сказать, что если в материковом Китае традиции породили деспотический режим, то в населенных в основном китайцами Тайване, Гонконге и Сингапуре – совершенно

другие политические системы. Конечно, везде были свои сопутствующие обстоятельства, но что бы произошло там без них, мы с точностью сказать не может. Зато мы можем уверенно утверждать, что в двух частях конфуцианской Кореи на основе практически одинаковой политической культуры возникло два совершенно разных режима. Поэтому, хотя исследования в этом направлении и могут быть интересными, слишком широкие обобщения о вечном и однозначном влиянии китайских традиций на современность мы вынуждены подвергнуть сомнению за их недоказуемостью.

Идеология «культурной революции» как одна из первых «критических теорий»

Концепция «критической теории» в социальных науках была разработана представителями «Франкфуртской школы» в 1930–1940-е гг. В программной статье М. Хоркхаймера ее отличия от «традиционной теории» объясняются исходя из марксистского положения о том, что ход истории является продуктом экономического механизма. Автор утверждает, что такая теория одновременно содержит как протест против подобного хода вещей, так и идею «самоопределения человеческой расы», то есть «такого положения дел, в котором источником действия человека более не является механизм, но его собственное решение» [Horkheimer, 1982, p. 229].

По сути, в общетеоретическом плане в этом подходе не было ничего нового. Он просто означал возврат от попыток позитивистов сделать социальную теорию по возможности объективной к рассмотрению общества с точки зрения некоего абстрактного идеала, как это всегда было в обществах, где в сфере познания доминировала та или иная идеология. Если М. Вебер за несколько десятилетий до этого посчитал необходимым отделять в социальных науках рассмотрение «сущего» от «долженствующего быть сущим» [Weber, 1949], то Хоркхаймер и его коллеги призывали вернуться к их соединению. Фактически «критическая теория» стала развитием идеи Маркса о том, что задача философов не объяснять мир, а изменять его, точнее, объяснять, чтобы изменять [Маркс, 1845].

Другим важнейшим элементом, который развивали сторонники критической теории, был подход Маркса к идеологии. Маркс называл идеологией всю культурную сферу общества, которая определяется его экономическим базисом и направлена на оправдание существующих производственных отношений в интересах правящего класса во всех докоммунистических обществах, то есть до прихода к власти пролетариата. Пролетариат же, не обладая собственностью, не нуждается и в идеологии. Придя к власти, он пользуется ею в интересах всего общества, так как его интересы с ними совпадают.

Развитие теории Маркса заключалось в том, что Хоркхаймер и «ситуацию пролетариата» в условиях капитализма провозглашал не гарантирующей «правильного знания». Это было ответом европейских марксистов XX в. на тот факт, что предсказанная Марксом пролетарская революция в развитых странах не произошла. Если в СССР таким ответом стала сталинская теория «построения социализма в одной стране», то на Западе – теория мощности буржуазной идеологии, которая была навязана

даже пролетариату. Отсюда перенос центра борьбы на идеологию – взять власть пролетариат не может, точнее, не ставит такую цель, потому что впитал буржуазную идеологию. Поэтому марксисты должны начинать с разоблачения механизма этого навязывания и исправления сознания пролетариата. Этому, собственно, и была посвящена деятельность большинства представителей франкфуртской школы, в годы господства нацизма разъехавшихся по разным странам Европы и США: самого М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Т. Адорно, Д. Лукача, а также развивавших сходные идеи марксистских философов А. Грамши, Л. Альтюссера, Г. Дебора и других.

Постепенно сторонники критического подхода шли дальше, распространяя свои усилия по исправлению сознания с пролетариата на другие «угнетенные группы», которые сами из-за давления доминирующей идеологии не могут определить своего истинного положения, и, следовательно, своих истинных интересов. Такими группами разными направлениями провозглашались женщины (радикальный феминизм), жители колоний (постколониализм), представители сексуальных меньшинств (ЛГБТ-исследования), негры в США и странах Европы, исторически занимавшиеся работорговлей (Критическая расовая теория) или все они вместе взятые. Сторонники этих теорий отходили от традиционного марксизма дальше, чем западные марксисты XX в. Они изменяли одну из основных идей Маркса о пролетариате как классе – строителе коммунизма, ставя на его место другие группы, но сохраняли многие иные структурные черты марксизма. В каждой из этих «критических теорий» выделясь одна наиболее угнетенная группа современного общества и ликвидация этого «системного» угнетения провозглашалась главным способом достижения утопического общественного идеала. Ликвидация эта могла быть осуществлена только через изменение сознания как угнетающих, так и угнетенных, и те, и другие должны признать соответственно «привилегированное» и «угнетенное» положение, о котором они могут даже не знать, так как воспитаны идеологией, это угнетение оправдывающей. Результата можно достигать путем как легального давления на правительство, так и прямого действия, устраивая массовые демонстрации, митинги и даже погромы, так как в борьбе за справедливость необходимо сначала жестко разрушить старые структуры и идеологию. В результате «проснувшиеся» (woke), то есть осознавшие все это передовые граждане, как из бывших угнетателей, так и угнетенных, начнут менять систему, создавая «равенство стартовых условий», то есть путем введения различных привилегий и квот компенсировать угнетенным их неравное положение и отбирать привилегии у угнетателей. Так будет создано общество всеобщего равенства и справедливости.

Во многих странах эти теории стимулировали явления, сходные с отдельными элементами «культурной революции»: от запретов на выражение «неправильных идей» (deplatforming), разделения общества на «эксплуататорские» и угнетенные социальные группы, курсы перевоспитания в рамках новой идеологии «разнообразия, равенства и инклюзивности» в государственных учреждениях и частных кампаниях, где людям необходимо каяться в своих «скрытых» или «подсознательных» «расистских», «маскулинных» или «гомофобных» мыслях, о которых они ранее даже не знали, до массовых погромов, выдаваемых за легитимные мирные акции борьбы за права угнетенных, переделов собственности и даже поощрения насилия над «привилегированными» и терроризма.

Маоизм в Китае развивался параллельно с этими теориями и в контакте со многими его представителями. И многие совпадения тут не случайны. Они вызваны как общим истоком, корнем «критических» воззрений, так и сходными теоретическими проблемами, которые решались. Главная из них – необходимость обоснования отсутствия предсказанных Марксом и Лениным побед мирового коммунизма, мировой революции и наступления всеобщей справедливости в результате осуществления рекомендованных ими же мер, причину чего находили в утере пролетариатом своей революционности под мощным идеологическим давлением мирового империализма [Фишман, 2014, с. 71], в особенности в отсталых или колониальных странах. Так, согласно идеологу «антиколониализма» Ф. Фанону, «в колониальных странах у пролетариата есть многое, что он может потерять» и он из-за своего привилегированного положения в колониальной системе «тоже составляет “буржуазную” часть колонизированного народа». Самым же революционным классом, как и в Китае у Мао Цзэдуна, здесь является крестьянство, так как ему действительно нечего терять [Fanon, 1963, p. 109, 61].

Маоизм в этом смысле – родной брат западного неомарксизма и двоюродный брат прочих, более современных критических теорий, отошедших от марксизма несколько дальше. Но основные его компоненты весьма близки к любой «критической теории». В нем легко можно увидеть наиболее угнетенную группу («пролетариат», «массы», «беднейшее крестьянство»), акцент на прямом действии для разрушения старого и необходимости решительного изменения сознания как угнетателей, так и многих угнетенных, не способных понять собственные интересы, уравнительские представления о справедливости, утопическую веру в будущее справедливое общество. Этой общностью и объясняется популярность маоизма на Западе, где многие левые политики и теоретики видели в нем новый, более эффективный, революционный и демократичный тип коммунизма после разочарования в бюрократичности и жестокости сталинской модели.

Заключение

Оценивая маоизм в контексте мировой общественной мысли, можно прийти к выводу, что это направление прежде всего является продолжением «левой» тенденции в марксизме. В этом плане нельзя согласиться с мнением, что маоизм не имеет ничего общего с марксизмом Маркса [Gregor, 2019, p. 81], Ленина и даже Сталина [Schram, 1968, с. 40]. Гораздо более обосновано мнение тех, кто находит существование «фундаментальной преемственности» между классическим марксизмом и «мыслью Мао после 1955» [Healy, 2008, p. 537], хотя, конечно, Мао «развивал» (менял) некоторые марксистские положения, приспосабливая их к китайской ситуации и собственным политическим целям, как, собственно, делали до него и все прочие политики-марксисты. Он не был ни марксистским догматиком, ни идеалистом, ни простым диктатором, которому власть нужна была ради власти. Власть для него была важна, но, так же как Ленин или Троцкий, он был жестоким фанатиком-утопистом, использовал власть, чтобы изменить мир согласно своим утопическим представлениям, и ради

этого готов был пожертвовать даже половиной населения Китая и мира. По словам китайского историка Цинь Хуэя, какую именно утопию хотел создать Мао, точно неизвестно, однако «он не выбирал средств для достижения своей утопии, но прежде всего, он не выбирал средств для достижения неограниченной власти, необходимой для достижения этой “утопии, достигаемой без разбора средств”. Это и есть культурная революция и корень многих других сходных катастроф» [Qin Hui, 2016, p. 26].

Курс на «культурную революцию» действительно представлял собой поиски альтернативы западному (капиталистическому) пути развития. Однако если кто-то в Китае и вне его все еще считает, что опыт «культурной революции» сможет помочь Китаю решить эту задачу и действительно перестроить западную современность, основываясь на собственном опыте [Cui Zhiyuan, 2009], то не надо все же забывать, что «культурная революция» привела к тяжелейшей катастрофе и миллионным жертвам, а ее методы «догоняющего развития» полностью провалились, поэтому вряд ли это хорошее подспорье для осуществления подобного проекта. Если уж и использовать ее как пример для будущего, то только как крайне негативный, то есть так же, как опыт нацизма, сталинизма или экспериментов «красных кхмеров» в Камбодже.

А между тем период «культурной революции» становится более популярным в Китае как среди молодежи, которая не помнит ее страшных лет и последствий, так и у руководства страны, которое пытается использовать «красные» настроения в попытке найти идеологическую основу своей политике. Мотивы «культурной революции» звучат и некоторых установках китайских лидеров. Например, недавно Си Цзиньпин провозгласил концепцию «самореволюции» или «революции в отношении самих себя» (自我革命) [Xi Jinping shenru…, 2024], которая весьма напоминает лозунг времен Мао Цзэдуна о необходимости «критики и самокритики» (批评和自我批评), а настойчивые призывы к ее постоянному проведению – левые идеи о «перманентной революции» или маоистскую вечную борьбу за «демократию». Суть самореволюции состоит в необходимости компартии и ее членов постоянно самосовершенствоваться в революционном смысле, бороться с коррупцией и бюрократией путем «исправления стиля работы»[7] и обеспечения дисциплины для достижения стратегической цели «преодоления [буквально: «выпрыгивания из» (跳出) исторического цикла подъемов и падений» [Гончаров, 2022, с. 153–173]. В подходе к внешней политике наиболее ярким напоминанием о «культурной революции» была вспышка активизма китайских дипломатов, вновь пытавшихся в резкой форме начать поучать государственных деятелей и общественность разных стран, как им следует себя вести и оценивать китайскую действительность, получившую за рубежом название «дипломатии боевых волков» (по названию боевика о китайском спецназе, спасающем мир за пределами родины) [Yuan Shaoyu, 2023, 837]. Однако она была спущена на тормозах в связи с резкой реакцией за рубежом и очевидной контрпродуктивностью.

Конечно, если присмотреться, то различия с идеями Мао здесь довольно велики: в отличие от него, нынешний китайский лидер подчеркивает необходимость централизации и укрепления власть официальных партийных структур, а не их разрушение снизу революционной молодежью. В этом смысле его модель ближе к позднесовет-

[7] Кампания по «исправлению стиля работы» (政风) впервые проводилась в КПК еще в 1941–1944–х гг. и служила закреплению власти Мао Цзэдуна и устранению его критиков в партии.

ской бюрократической модели социализма и, в чем-то, китайской традиции, чем к левой модели Мао [Лукин, 2021, с. 71–81. Однако сходство революционной терминологии весьма примечательно: ее просто неоткуда больше брать, и на каком-то этапе оно может стать не только формальным.

Отвергая западную модель как опасную для своей власти, обеспечивающей «стабильность», и советскую модель как неэффективную и приведшую СССР к распаду, оно пытается соединить западные технологии, маоистский революционный дух и централизованную бюрократическую структуру власти советского типа, которую Мао, кстати, решительно отвергал. Составит ли весь этот противоречивый конгломерат эффективную новую модель современности – покажет будущее. Но здесь нынешние китайские лидеры балансируют на острие ножа. Чуть большее развитие свободного рынка, необходимого для технологий, которое допускали при Дэн Сяопине и его ближайших наследниках, по их мнению, может привести к полному «буржуазному перерождению», и тогда непонятно, за что боролись предыдущие поколения коммунистов. Если перегнуть с централизацией – закончишь, как СССР. А если прибавишь революционизма – наступит хаос и развал, как во время «культурной революции». Последний путь здесь, пожалуй, наименее предпочтительный.

Наконец, важный элемент опыта «культурной революции» – провал попыток изменить сознание целого народа. Политическая культура населения любой страны, в том числе и Китая, конечно, меняется, но постепенно и естественным путем. Попытки изменить ее насильственно можно сравнить с попытками искусственно изменить язык, на котором общаются люди, и который, меняясь сам по себе, противится искусственным нововведениям. Стремление создать «нового человека», изменить сознание на основе какого-либо искусственного, часто утопического и даже абсурдного представления властей об общественном идеале было не только у марксистов, это довольно распространенный проект XX в., практически всегда заканчивавшийся кризисом и катастрофой. Люди, конечно, менялись, но совсем не так, как предполагали социальные экспериментаторы, и часто эти изменения обращались против них. Об этом не стоит забывать и в нашем, XXI в. ни на Западе, где деятельность «проснувшихся» уже приводила к массовым беспорядкам, ни в Китае, где растет популярность символики «хунвейбинов», ни в России, где раздаются предложения о «перезагрузке сознания» и привитии россиянам искусственно сконструированных отечественными социальными экспериментаторами, но несвойственных населению ценностей и идеалов. За подобными проектами, где бы их ни выдвигали, чаще всего скрываются попытки выдать за желание населения собственные нереализуемые проекты амбициозных, но малообразованных руководителей и их неспособность понять и обеспечить реальные потребности граждан.

Библиографический список

50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы Центрального Комитета КПСС // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. за 50 лет. Т. 6. 1966 – январь-июнь 1968 гг. М.: Политиздат, 1968.

Анненская А.Н. Из прошлых лет (Воспоминания о Н.Ф. Анненском) // Русское богатство. 1913. № 1. С. 53–81.

Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения: 1945-1980. М.: Мысль, 1980.

Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Т. 2. М., 1970.

Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэ-дун: «Наш коронный номер – это война, диктатура». М.: Международные отношения, 1976.

Ван Хунвэнь. Доклад об изменениях в уставе партии (24 августа 1973 г., принято 28 августа 1973 г.) // X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1973.

«В сельском хозяйстве учиться у Дачжая». Материалы Всекитайского совещания «В сельском хозяйстве учиться у Дачжая» (15 сентября – 19 октября 1975 г.). М.: Ин-т Дальнего Востока АН СССР. Отд. информации, 1976.

Галенович Ю.М. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. В 4 кн. М.: ИДВ (для служебного пользования). Кн. 1. Май – декабрь 1966 г. 1974.

Галенович Ю.М. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. В 4 кн. М.: ИДВ (для служебного пользования). Кн. 2. Январь – июнь 1967 г. 1974.

Галенович Ю.М. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. В 4 кн. М.: ИДВ (для служебного пользования). Кн. 3. Июнь – ноябрь 1967 г. 1975.

Галенович Ю.М. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. В 4 кн. М.: ИДВ (для служебного пользования). Кн. 4. Декабрь 1967 – апрель 1969 г. 1977.

Гончаров С.Н. Выпрыгивание из исторического цикла // Проблемы Дальнего Востока. № 6, 2022. С. 153–173.

Делюсин Л.П. «Культурная революция» в Китае. М.: Знание, 1967.

Делюсин Л.П. Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» в КНР (1973–1975 гг.) // Спец. бюллетень ИВ АН СССР. 1988. № 6.

К 50-летию «культурной революции» в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 110–135.

Каменская Е.В. «Культурная революция» в Китае во второй половине 1960-х годов на страницах советской прессы и в восприятии населения // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 4 (27). С. 159–167.

Карякин Ю.Ф. Из «провинциальной хроники» Кампучии // Карякин Ю.Ф. Достоевский и Апокалипсис. М.: Фолио, 2009.

Конституция Китайской Народной Республики (1975 г.) URL: http://maoism.ru/3213 (дата обращения: 01.04.2026).

Коробова А.Н. Полемика о «литературе шрамов» и политика КНР в области литературы в конце 1970-х – середине 1980-х годов // Шаги / Steps. 2022. Т. 8. № 4. С. 120–135.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. 1986. Т. 9.

Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М.: ИДВ РАН, 2000.

Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999.

Ленин В.И. IX Всероссийский съезд Советов. 23–28 декабря 1921 г. О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы. 1970. Т. 44.

Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. М., 1981.

Ленин В.И. Отчет Центрального Комитета. VIII съезд РКП(б) 1919 г. // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 38. М., 1969.

Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970. С. 377.

Ленин В.И. Привет венгерским рабочим // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 38.

Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Полное собрание сочинений. Т. 41. М., 1981.

Ленин В.И. Что делать? 1902 г.// В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 5.

Литературные манифесты. От символизма к Октябрю. Ред. Н.Л. Бродский, В. Львов-Рогачевский, Н.П. Сидоров. М.: Федерация, 1929.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Лотман Ю.М., Успенский Б.А. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 88–115.

Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России: работы о Китае и российско-китайских отношениях. М.: Международные отношения. 2018.

Лукин А.В. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе. М: Российское китаеведение. 2023. С. 71–99.

Лукин А.В. О некоторых проблемах сравнительных исследований политических систем КНР и СССР // Сравнительная политика. 2011. № 1 (3). С. 3-18.

Лукин А.В. От марксизма — к либерализму. Эволюция взглядов старшего поколения сторонников демократического движения в КНР// Общество и государство в Китае. 2010. №1.

Лукин А.В. Политическая система современного Китая и типология коммунистических режимов // Сравнительная политика. 2021. № 3. С. 63–84.

Лукин А.В., Пузанова О.В. «И в Японии жатва многа…». Эволюция мировоззрения святителя Николая Японского и межцивилизационное взаимодействие России, Японии и Запада. М.: Весь мир, 2021.

Мао Цзэдун. Беседа в день праздника весны. 13.02.1964 // Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. М.: Прогресс, 1976a.

Мао Цзэдун. Борьба за вовлечение многомиллионных масс в единый антияпонский национальный фронт // Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 1. Пекин: Жэньмин чубаньше, 1952.

Мао Цзэдун. Важные указания, сделанные во время инспектирования провинции Хубэй. (21 сентября 1967 года) // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Выпуск пятый: 1964–1967 годы. М.: Прогресс, 1976b.

Мао Цзэдун. Выступление на проходившем в Москве совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. 18.11.1957 // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Выпуск второй: июль 1957 – декабрь 1958 года. М., издательство «Прогресс», 1975a.

Мао Цзэдун. Выступление на расширенном рабочем совещании Центрального комитета. 30.01. 1962. // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Выпуск четвёртый: январь 1962 – декабрь 1964 года. М.: Прогресс. 1976c.

Мао Цзэдун. Заключительное слово на II пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Китая восьмого созыва (Сокращённая стенограмма). 10–15 ноября 1956 г. // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Выпуск первый: апрель 1950 – июль 1957 года. М.: Прогресс, 1975b.

Мао Цзэдун. Заключительное слово на совещании секретарей провинциальных и городских комитетов партии. 27 января 1957 г. // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Выпуск первый: апрель 1950 – июль 1957 года. М.: Прогресс, 1975c.

Мао Цзэдун. О десяти важнейших взаимоотношениях // Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае. М.: Палея–Мишин, 2000.

Мао Цзэдун. Относительно работы «Экономические проблемы социализма в СССР» (стенограмма выступления). Ноябрь 1959 г. // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати (1950–1967). Выпуск третий: январь 1959 — сентябрь 1961 года. М.: Прогресс, 1976d.

Мао Цзэдун. Письмо товарищу Линь Бяо. Резолюция по «Докладу о дальнейшем развертывании подсобного сельскохозяйственного производства в армии», представленному Военным советом ЦК КПК и Главным управлением тыла НОАК (7 мая 1966 г.) // Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не издававшиеся в китайской прессе. Выпуск пятый: 1964–1967 годы. М.: Прогресс, 1976e.

Мао Цзэдун. Резолюция по докладу тов. Кэ Цин-ши. 12 декабря 1963 г. // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. М.: Прогресс. 1976f.

Мао Цзэдун. Указания, данные во время инспекционной поездки в провинцию Цзянси. (17 сентября 1967 года) // Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. 1976g.

Мао Цзэдун. Указания по социалистическому воспитанию в деревне и другим вопросам. Май 1963. // Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. 1976h.

Мао Цзэдун. Указания председателя Мао во время его инспекционной поездки по районам Северного, Центрально-Южного и Восточного Китая (Сентябрь? 1967 г.) // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Выпуск пятый: 1964–1967 годы. М.: Прогресс, 1976i.

Маркс К. Классовая борьба во Франции // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1956.

Маркс К. Критика Готской программы // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961.

Маркс К. Письмо В.И. Засулич 8 марта 1881 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 35. М.: Госполитиздат, 1964.

Маркс К. Предисловие. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. [Третья рукопись] // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 42. М.: Госполитиздат, 1974.

Маркс К., Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1961.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955a.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955b.

Маркс К., Энгельс Ф. Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов. Март 1850 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1956.

Меликсетов А.В. «Новая демократия» и выбор Китаем путей социально-экономического развития (1949–1953 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 82–95.

Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: Муравей, 2001.

Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Китая о великой пролетарской культурной революции, 1966 г. URL: http://library.maoism.ru/kpk8aug.htm (дата обращения: 01.04.2026).

Решение ЦК КПК по основным достижениям и историческому опыту столетней борьбы партии (Принято 6-м пленумом ЦК КПК 19-го созыва 11 ноября 2021 года). URL: https://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314781.htm (дата обращения: 01.04.2026).

Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1981.

Смирнов Д.А. К вопросу об идейных истоках теории «Новой демократии» Мао Цзэдуна // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42. Ч. 1. М.: ИВ РАН. С. 380–386.

Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1953.

Сталин И.В. Об индустриализации и хлебной проблеме: Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения. 1949. Т. 11.

Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. // Правда. 1937. 31 марта. С. 1.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма. М.: Политиздат, 1952.

Троцкий Л.Д. О художественной литературе и политике РКП // Печать и революция. 1924. Кн. 3. С. I–XIV.

Троцкий Л.Д. Перманентная революция. Берлин: Гранит, 1930.

Троцкий Л.Д. Предисловие ко второму изданию сборника «Вопросы быта» // Проблемы культуры. Культура переходного периода. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 21). М.–Л., 1927.

Усов В.Н. К вопросу об оценке маоистской «культурной революции» // Вопросы истории. 1982. № 2. С. 42–59.

Устав Коммунистической партии Китая. Принят X Всекитайским съездом Коммунистической партии Китая 28 августа 1973 г. // X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1973.

Федоренко Н.Т. Сталин и Мао: беседы в Москве // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 1. С. 149–164.

Фишман Л.Г. Концепция ложного сознания как «половина» идеологии // Полития. 2014. № 1 (72). С. 70–79.

Хрущёв Н. С. Воспоминания. М.: Вагриус, 1997.

Шпаковский Ю.Г. Новая экономическая политика – «Всерьез и надолго»? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 7. С. 220–226.

Энгельс Ф. Письмо Францу Мерингу, 14 июля 1893 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 39. М.: Госполитиздат, 1966.

Энгельс Ф. Принципы коммунизма // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955.

References

50 let Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii. Tezisy Tsentral'nogo Komiteta KPSS [50 years of the Great October Socialist Revolution. Theses of the Central Committee of the CPSU]. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam [Decisions of the party and the government on economic issues]: Collection of documents for 50 years]. Vol. 6. 1966 – January-June 1968. Moscow: Politizdat, 1968. (In Russian).

Annenskaya A.N. (1913). Iz proshlykh let (Vospominaniya o N.F. Annenskom) [From the past (Memoirs of N.F. Annensky)]. Russkoe bogatstvo [Russian wealth]. No. 1. P. 53-81. (In Russian).

Borisov O.B., Koloskov B.T. (1980). Sovetsko-kitayskiye otnosheniya: 1945–1980 [Soviet-Chinese relations: 1945-1980]. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Brezhnev L.I. (1970). Leninskim kursom [Lenin's course]. Vol. 2. Moscow, 1970. (In Russian).

Bur'latskiy F.M. (1976). Mao Tszedun: "Nash koronnyy nomer – eto voyna, diktatura" [Mao Tse-tung: "Our crowning number is war, dictatorship"]. Moscow: International Relations. (In Russian).

Wang Hongwen (1973). Doklad ob izmeneniyakh v ustatve partii (24 avgusta 1973 g., prinyato 28 avgusta 1973 g.) [Report on amendments to the Party's Charter (August 24, 1973, adopted on August 28, 1973)]. X Vsekitayskiy s'ezd Kommunisticheskoy partii Kitaaya (dokumenty) [X National Congress of the Communist Party of China (documents)]. Pekin: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1973. (In Russian).

"V sel'skom khozyaystve uchit'sya u Dachzhaya". Materialy Vsekitaayskogo soveshchaniya "V sel'skom khozyaystve uchit'sya u Dachzhaya" (15 sentyabrya – 19 oktyabrya 1975 g.) ["Learn from Dazhai in agriculture". Materials of the All—China meeting "To learn from Dazhai in agriculture" (September 15 – October 19, 1975)]. Moscow: Institute of the Far East of the USSR Academy of Sciences. Department of Information, 1976. (In Russian).

Galenovich Yu.M. (1974). "Kul'turnaya revolyutsiya" v Kitae. Bor'ba v kitayskom rukovodstve ["Cultural Revolution" in China. The struggle in the Chinese leadership]. In 4 books Moscow: IDV (for official use). Book 1. May – December 1966. (In Russian).

Galenovich Yu.M. (1974). "Kul'turnaya revolyutsiya" v Kitae. Bor'ba v kitayskom rukovodstve ["Cultural Revolution" in China. The struggle in the Chinese leadership]. In 4 books Moscow: IDV (for official use). Book 2. January – June 1967. (In Russian).

Galenovich Yu.M. (1975). "Kul'turnaya revolyutsiya" v Kitae. Bor'ba v kitayskom rukovodstve ["Cultural Revolution" in China. The struggle in the Chinese leadership]. In 4 books Moscow: IDV (for official use). Book 3. June – November 1967. (In Russian).

Galenovich Yu.M. (1977). Kul'turnaya revolyutsiya" v Kitae. Bor'ba v kitayskom rukovodstve ["Cultural Revolution" in China. The struggle in the Chinese leadership]. In 4 books Moscow: IDV (for official use). Book. 4. December 1967 – April 1969. (In Russian).

Goncharov S.N. (2022) Vy`pry`givanie iz istoricheskogo cikla [Stepping out of the historical cycle] // Problemy` Dal`nego Vostoka [Problems of the Far East]. №6. P. 153–173. (In Russian).

Delyusin L.P. (1967). “Kul’turnaya revolyutsiya” v Kitae [“Cultural Revolution” in China]. Moscow: Znanie. (In Russian).

Delyusin L.P. (1988). Kampaniya “kritiki Lin’ Byao i Konfutsiya” v KNR (1973–1975 gg.) [The campaign of “Critics of Lin Biao and Confucius” in China (1973-1975)]. Spets. byulleten’ IV AN SSSR [Special Bulletin of the Institute of the Academy of Sciences of the USSR]. No. 6. (In Russian).

K 50-letiyu “kul’turnoy revolyutsii” v KNR [To the 50th anniversary of the “cultural Revolution” in China. Problemy Dal’nego Vostoka [Far Eastern Studies]. No. 4. (In Russian).

Kamentskaya E.V. (2014). “Kul’turnaya revolyutsiya” v Kitae vo vtoroy polovine 1960-kh godov na stranitsakh sovetskoy pressy i v vospriyatii naseleniya [The “Cultural Revolution” in China in the second half of the 1960s on the pages of the Soviet press and in the perception of the population]. Vestnik Permskogo universiteta [Bulletin of Perm University]. Issue 4 (27). P. 159-167. (In Russian).

Karyakin Yu.F. (2009). Iz “provintsial’noy khroniki” Kampuchii [From the “provincial chronicle” of Kampuchea]. Karyakin Yu.F. Dostoevskiy i Apokalipsis [Dostoevsky and the Apocalypse]. Moscow: Foliyo. (In Chinese).

Konstitutsiya Kitayskoy Narodnoy Respubliki [Constitution of the People’s Republic of China] (1975). URL: http://maoism.ru/3213 (accessed on: 01.04.2026). (In Russian).

Korobova A.N. (2022). Polemika o “literature shramov” i politika KNR v oblasti literatury v kontse 1970-kh – seredine 1980-kh godov [The controversy about the “literature of scars” and the PRC's policy in the field of literature in the late 1970s – mid-1980s]. Shagi. Vol. 8. No. 4. P. 120–135. (In Russian).

KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s”ezdov, konferentsiy i plenumov TsK [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Ed. 8-e. Vol. 9. (In Russian).

Kulik B.T. (2000). Sovetsko-kitayskiy raskol: prichiny i posledstviya [The Soviet-Chinese split: causes and consequences]. Moscow: IDV RAN. (In Russian).

Ledovskiy A.M. (1999). SSSR i Stalin v sud’bakh Kitaya. Dokumenty i svidetel’stva uchastnika sobytiy 1937–1952 [The USSR and Stalin in the fate of China. Documents and testimonies of a participant in the events of 1937–1952]. Moscow: Monuments of Historical Thought. (In Russian).

Lenin V.I. (1970). IX Vserossiyskiy s”ezd Sovetov. 23–28 dekabrya 1921 g. O vnutrenney i vneshney politike respubliki. Otchet VTsIK i SNK 23 dekabrya [IX All-Russian Congress of Soviets. December 23–28, 1921 On the internal and foreign policy of the Republic. Report of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars on December 23]. Polnoye sobraniye sochineniy V.I. Lenin [V.I. Lenin. Complete works]. Ed. 5-E. Moscow: Publishing House of Political Literature. Vol. 44. (In Russian).

Lenin V.I. (1981). Zadachi soyuzov molodezhi [Tasks of youth unions]. // Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy [V.I. Lenin. Complete works]. Vol. 41. Moscow. (In Russian).

Lenin V.I. (1919). Otchyot Tsentral’nogo Komiteta. VIII s”ezd RKP(b) [Report of the Central Committee. The eighth Congress of the Russian Communist Party(b)]. V.I. Lenin. Polnoye sobraniye sochineniy [V.I. Lenin. Complete works]. Vol. 38. (In Russian).

Lenin V.I. (1970). O kooperatsii [On cooperation]. Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy [V.I. Lenin. Complete works]. Vol. 45. Moscow. (In Russian).

Lenin V.I. (1969). Privet vengerskim rabochim [Greetings to the Hungarian workers]. V.I. Lenin. Polnoye sobraniye sochineniy [V.I. Lenin. Complete works]. Vol. 38. (In Russian).

Lenin V.I. (1981). Rech' na Vserossiyskom soveshchanii politprosvetov gubernskikh i uezdnykh otdelov narodnogo obrazovaniya 3 noyabrya 1920 g. [Speech at the All-Russian meeting of political educators of provincial and district departments of public education on November 3, 1920]. Polnoe sobranie sochineniy [Complete works]. Vol. 41. Moscow. (In Russian).

Lenin V.I. (1902). Chto delat’? [What should I do?]. V.I. Lenin. Polnoye sobraniye sochineniy [V.I. Lenin. Complete works]. Vol. 5. (In Russian).

Literaturnyye manifesty. Ot simvolizma k Oktyabryu [Literary manifestos. From Symbolism to October]. Edited by N.L. Brodsky, V. Lviv-Rogachevsky, N.P. Sidorov. Moscow: Federation. (In Russian).

Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. (2002). Rol’ dual’nykh modeley v dinamike russkoy kul’tury (do kontsa XVIII veka) [Russian Russian culture Lotman Yu.M., Uspensky B.A. The role of dual models in the dynamics of Russian culture (until the end of the 18th century)]. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. Istoriya i

tipologiya russkoy kul'tury [History and typology of Russian culture]. SPb.: Iskusstvo-SPB. P. 88–115. (In Russian).

Lukin A.V. (2018). Vozvyshayushchiy'sya Kitay i budushcheye Rossii: raboty o Kitae i rossiysko-kitayskikh otnosheniyakh [The Towering China and the future of Russia: works on China and Russian-Chinese relations.]. Moscow: International Relations. (In Russian).

Lukin A.V. (2023). Kontseptsii "kitayizatsii marksizma", "novoy formy chelovecheskoy tsivilizatsii" i "gosudarstva-tsivilizatsii" v sovremennom kitayskom ideologicheskom diskurse [Concepts of "Sinification of Marxism", "a new form of human Civilization" and "state-civilization" in modern Chinese ideological discourse]. Moscow: Rossiyskoye kitaevedeniye [Russian Sinology]. P. 71–99. (In Russian).

Lukin A.V. (2011). O nekotorykh problemakh sravnitel'nykh issledovaniy politicheskikh sistem KNR i SSSR [On some problems of comparative studies of the political systems of China and the USSR]. Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]. No. 1(3). P. 3–18. (In Russian).

Lukin A.V. (2010). Ot marksizma – k liberalizmu. Evolyutsiya vzglyadov star shego pokoleniya storonnikov demokraticheskogo dvizheniya v KNR [From Marxism to liberalism. The evolution of the views of the older generation of supporters of the democratic movement in China]. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China]. No. 1. P.245-270. (In Russian).

Lukin A.V. (2021). Politicheskaya sistema sovremennogo Kitaya i tipologiya kommunisticheskikh rezhimov [The political system of modern China and the typology of communist regimes]. Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]. No. 3. P. 63-84. (In Russian).

Lukin A.V., Puzanova O.V. (2021). "I v Yaponii zhatva mnoga…" ["And there is a lot of harvest in Japan..."]. Evolyutsiya mirovozzreniya svyatitelyya Nikolaya Yaponskogo i mezhtsivilizatsionnoye vzaimodeystviye Rossii, Yaponii i Zapada [The evolution of the worldview of St. Nicholas of Japan and the intercivilizational interaction of Russia, Japan and the West]. Moscow: The Whole World. (In Russian).

Mao Zedong (1976a). Beseda v den' prazdnika vesny. 13.02.1964 [A conversation on the day of the spring festival. 13.02.1964]. Vystupleniya Mao Tsze-duna, raneye ne publikovavshiesya v kitayskoy pechati [Speeches by Mao Tse-tung, previously unpublished in the Chinese press]. Moscow: Progress. Issue 4. (In Russian).

Mao Zedong (1952). Bor'ba za vovlechenie mnogomillionnyh mass v edinyj antiyaponskij nacional'nyj front [The fight to bring multimillion people into a united anti-Japanese national front] // Mao Tse-dun. Izbrannye proizvedeniya [Mao Zedong. Favorite works]. Vol. 1. Pekin: Renmin chubanshe.

Mao Zedong (1976b). Vazhnyye ukazaniya, sdelannyye vo vremya inspektirovaniya provintsii Khubey. (21 sentyabrya 1967 goda) [Important instructions given during the inspection of Hubei Province. (September 21, 1967)]. Vystupleniya Mao Tsze-duna, raneye ne publikovavshiesya v kitayskoy pechati. Vypusk pyaty y: 1964–1967 gody [Speeches by Mao Zedong, previously unpublished in the Chinese press. Issue five: 1964–1967]. Moscow: Progress. (In Russian).

Mao Zedong (1975a). Vystupleniye na prokhodivshem v Moskve soveshchanii predstaviteley kommunisticheskikh i rabochikh partiy sotsialisticheskikh stran. 18.11.1957 [Speech at a meeting of representatives of the communist and workers' parties of socialist countries in Moscow. 18.11.1957]. Vystupleniya Mao Tsze-duna, raneye ne publikovavshiesya v kitayskoy pechati. Vypusk vtoroy: iyul' 1957 – dekabr' 1958 goda [Speeches by Mao Zedong, previously unpublished in the Chinese press. Issue two: July 1957 – December 1958]. Moscow, Progress. (In Russian).

Mao Zedong (1976c). Vystupleniye na rasshirennom rabochem soveshchanii Tsentral'nogo komiteta. 30.01.1962 [Speech at the extended working meeting of the Central Committee. 30.01.1962]. Vystupleniya Mao Tsze-duna, raneye ne publikovavshiesya v kitayskoy pechati. Vypusk chetvyërty y: yanvar' 1962 – dekabr' 1964 goda [Speeches by Mao Zedong, previously unpublished in the Chinese press. Issue four: January 1962 – December 1964]. (In Russian).

Mao Zedong (1975b). Zaklyuchitel`noe slovo na II plenume Central`nogo komiteta Kommunisticheskoj partii Kitaya vos`mogo sozy`va [Concluding statement at the 2nd plenary session of the CPC Committee of the eighth convocation]. Vy`stupleniya Mao Czze`duna, ranee ne publikovavshiesya v kitajskoj pechati. Vy`pusk pervy`j: aprel` 1950 – iyul` 1957 goda. [Speeches by Mao Zedong, previously unpublished in the Chinese press. First issue: April 1950 – July 1957]. Vol. 1. M: Progress. (In Russian).

Mao Zedong (1975c). Zaklyuchitel`noe slovo na soveshhanii sekretarej provincial`ny`x i gorodskix komitetov partii. 27 yanvarya 1957. [A final word at the meeting of the secretaries of the provincial and

municipal committees of the party. January 27, 1957]. Vy`stupleniya Mao Czze`duna, ranee ne publikovavshiesya v kitajskoj pechati. Vy`pusk pervy`j aprel` 1950 – iyul` 1957 goda. [Speeches by Mao Zedong not previously published in the Chinese press. First issue: April 1950 – July 1957]. M: Progress, 1975. (In Russian).

Mao Zedong (2000). O desyati vazhneyshikh vzaimootnosheniyakh [About the ten most important relationships]. Mao Tsze-dun. Revolyutsiya i stroitel'stvo v Kitae [Mao Zedong. Revolution and construction in China]. Moscow: Paleya–Mishin. (In Russian).

Mao Zedong (1976d). Otnositel`no raboty` «E`konomicheskie problemy` socializma v SSSR» (stenogramma vy`stupleniya) [Regarding the work "Economic problems of socialism in the USSR" (transcript of the speech)]. Vy`stupleniya Mao Tsze-duna, ranee ne publikovavshiesya v kitajskoj pechati (1950—1967). Vy`pusk tretij: yanvar` 1959 — sentyabr` 1961 goda. [Speeches by Mao Zedong, not previously published in the Chinese press (1950-1967). Issue three: January 1959 — September 1961]. M.: Progress, 1976. (In Russian).

Mao Zedong (1976e). Pismo tovarishchu Lin' Byao. Rezolutsiya po "Dokladu o dal'neyshem razvertyvanii podsobnogo sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva v armii", predstavlennomu Voyennym sovetom TsK KPK i Glavnym upravleniyem tyl a NOAK (7 maya 1966 g.) [A letter to Comrade Lin Biao. Resolution on the "Report on the further deployment of subsidiary agricultural production in the army" submitted by the Military Council of the CPC Central Committee and the General Directorate of the PLA Rear (May 7, 1966)]. Vystupleniya Mao Tsze-duna, raneye ne izdavavshiesya v kitayskoy presse. Vypusk pyaty y: 1964–1967 gody [Speeches by Mao Tse-dong, previously unreleased in the Chinese press. Fifth issue: 1964–1967]. Moscow: Progress. (In Russian).

Mao Zedong (1976f). Rezolutsiya po dokladu tov. Ke Tsin'-shi. 12 dekabrya 1963 g. [Resolution on the report of Comrade Ke Qing-shi. December 12, 1963]. // Vystupleniya Mao Tsze-duna, raneye ne publikovavshiesya v kitayskoy pechati [Speeches by Mao Tse-tung, previously unpublished in the Chinese press]. Issue 4. Moscow: Progress. (In Russian).

Mao Zedong (1976g). Ukazaniya, dannyye vo vremya inspektsionnoy poyezdki v provintsiyu Tszyansi. (17 sentyabrya 1967 goda) [Instructions given during an inspection trip to Jiangxi Province. (September 17, 1967)]. Vystupleniya Mao Tsze-duna, raneye ne publikovavshiesya v kitayskoy pechati [Speeches by Mao Tse-tung, previously unpublished in the Chinese press]. Issue 5. Moscow: Progress (In Russian).

Mao Zedong (1976h). Ukazaniya po socialisticheskomu vospitaniyu v derevne i drugim voprosam Maj 1963. [Instructions on socialist upbringing in the village and other matters. May 1963]. [Speeches by Mao Tse-tung, previously unpublished in the Chinese press]. Issue 4. Moscow: Progress. (In Russian).

Mao Zedong (1976i). Ukazaniya predsedatelya Mao vo vremya yego inspektsionnoy poyezdki po ra yonam Severnogo, Tsentral'no-Yuzhnogo i Vostochnogo Kitaya (Sentyabr'? 1967 g.) [The instructions of Chairman Mao during his inspection tour of the regions of Northern, Central-Southern and Eastern China (September? 1967)]. Vystupleniya Mao Ts Zeduna, raneye ne publikovavshiesya v kitayskoy pechati. Vypusk pyaty y: 1964–1967 gody [Speeches by Mao Zedong, previously unpublished in the Chinese press. Issue five: 1964–1967]. Moscow: Progress. (In Russian).

Marks, K. (1956). Klassovaya bor'ba vo Frantsii [Class Struggle in France]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 7. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks K. (1961). Kritika Gotskoy programmy [Criticism of the Gotha program]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 19. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks K. (1964). Pis'ma V.I. Zasulich 8 marta 1881 g. [Letter from V.I. Zasulich on March 8, 1881]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 35. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks K. (1959). Predisloviye. K kritike politicheskoy ekonomii [The preface. Towards a Critique of Political Economy]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. 2nd Ed. Vol. 13. Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russian).

Marks K. (1955). Tezisy o Feyerbakhe [Theses on Feuerbach]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks K. (1974). Ekonomiko-filosofskiye rukopisi 1844 goda. [Tret'ya rukopis'] [Economic and philosophical manuscripts of 1844. [The third manuscript]]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. 2nd Ed. Vol. 42. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks K., Engel's F. (1961). Al'yans sotsialisticheskoy demokratii i Mezhdunarodnoye Tovarishchestvo Rabochikh [Alliance of Socialist Democracy and the International Workers' Association]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Works]. Vol. 18. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks K., Engel's F. (1955a). Manifest Kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Works]. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks K., Engel's F. (1955b). Nemetskaya ideologiya [German ideology]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks, K. i Engel's, F. (1956). Obrashchenie Tsentral'nogo Komiteta k Soyuzu kommunistov. Mart 1850 [Address of the Central Committee to the Communist League. March 1850]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 7. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Meliksetov A.V. (1996). "Novaya demokratiya" i vybor Kitayem putey sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (1949–1953 gg.) ["New Democracy" and China's choice of ways of socio-economic development (1949–1953)]. Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]. No. 1. P. 82–95. (In Russian).

Pantsov A.V. (2001). Taynaya istoriya sovetsko-kitayskikh otnosheniy. Bol'sheviki i kitayskaya revolyutsiya [The Secret history of Soviet-Chinese relations. The Bolsheviks and the Chinese Revolution (1919–1927)]. Moscow: Muravey (1919–1927). (In Russian).

Postanovleniye Tsentral'nogo Komiteta Kommunisticheskoy partii Kitaya o velikoy proletarskoy kul'turnoy revolyutsii [Resolution of the Central Committee of the Communist Party of China on the Great Proletarian Cultural Revolution], 1966. URL: http://library.maoism.ru/kpk8aug.htm (accessed on: 01.04.2026). (In Russian).

Resheniye TsK KPK po osnovnym dostizheniyam i istoricheskomu opytu stoletney bor'by partii [Decision of the CPC Central Committee on the main achievements and historical experience of the party's centennial struggle (Adopted by the 6th Plenum of the CPC Central Committee of the 19th convocation on November 11, 2021). URL: https://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314781.htm (accessed: 01.04.2026). (In Russian).

Resheniye po nekotorym voprosam istorii KPK so vremeni obrazovaniya KNR [The decision on some issues of the history of the CPC since the formation of the PRC]. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages. (In Russian).

Smirnov D.A. (2012). K voprosu ob ideynikh istokakh teorii "Novoy demokratii" Mao Ts Zeduna [On the question of the ideological origins of Mao Zedong's theory of "New Democracy"]. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China]. Vol. 42. Part 1. Moscow: IV RAS. P. 380–386. (In Russian).

Stalin I.V. (1953). Marksizm i voprosy yazykoznaniya [Marxism and questions of linguistics]. Moscow: Gospolitizdat. P. 7. (In Russian).

Stalin I.V. (1949). Ob industrializatsii i khlebnoy probleme: Rech' na plenume TsK VKP(b) 9 iyulya 1928 g. [On industrialization and the grain problem: Speech at the plenum of the Central Committee of the CPSU(b) on July 9, 1928]. Stalin I.V. Sochineniya [Stalin I.V. Essays]. Vol. 11. (In Russian).

Stalin I.V. (1937). O nedostatkakh partiynoy raboty i merakh likvidatsii trotskistskikh i inykh dvurushnikov. Doklad na Plenume TsK VKP(b) 3 marta 1937 g. [On the shortcomings of Party work and measures to eliminate Trotskyist and other double-dealing. Report at the Plenum of the Central Committee of the CPSU(b) on March 3, 1937]. Pravda. March, 31. P. 1. (In Russian).

Stalin I.V. (1952). Ekonomicheskiye problemy sotsializma [Economic problems of socialism]. Moscow: Politizdat. (In Russian).

Trotskiy L.D. (1924). O khudozhestvennoy literature i politike RKP [On fiction and politics of the Russian Communist Party]. Pechat' i revolyutsiya [The Press and the Revolution]. Book 3. P. I–XIV. (In Russian).

Trotskiy L.D. (1930). Permanennaya revolyutsiya [Permanent revolution]. Berlin: Granit. (In Russian).

Trotskiy L.D. (1927). Predisloviye ko vtoromu izdaniyu sbornika "Voprosy byta" [Preface to the second edition of the collection "Questions of everyday life"]. Problemy kul'tury. Kul'tura perekhodnogo perioda. (L. Trotskiy. Sochineniya. Tom 21) [Problems of culture. Culture of the transition period. (L. Trotsky. Essays. Volume 21)]. Moscow. (In Russian).

Usov V.N. (1982). K voprosu ob otsenke maoistskoy “kul’turnoy revolyutsii” [On the issue of assessing the Maoist “cultural Revolution”. Voprosy istorii [Questions of History]. No. 2. P. 42-59. (In Russian).

Ustav Kommunisticheskoy partii Kitaya. Prinyat X Vsekitaayskim s”ezdom Kommunisticheskoy partii Kitaya 28 avgusta 1973 g. The Charter of the Chinese Communist Party [Adopted by the X National Congress of the Communist Party of China on August 28, 1973]. X Vsekitaayskiy s”ezd Kommunisticheskoy partii Kitaya (dokumenty) [X National Congress of the Communist Party of China (documents)]. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages. (In Russian).

Fishman L.G. (2014). Kontseptsiya lozhnogo soznaniya kak “polovina” ideologii [The concept of false consciousness as the “half” of ideology]. Politiya. No. 1 (72). P. 70–79. (In Russian).

Shpakovskiy Yu.G. (2020). Novaya ekonomicheskaya politika – “Vser’ëz i nadolgo”? [New economic policy – “Seriously and for a long time”?]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina [Bulletin of O.E. Kutafin University]. No. 7. P. 220–226. (In Russian).

Engel’s F. (1955). Printsipy kommunizma [The principles of Communism] // K. Marks i F. Engel’s. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Engel's F. (1966). Pis'mo Frantsu Meringu, 14 iyulya 1893 g. [Letter to Franz Mehring, July 14, 1893]. In K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 39. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

* * *

Cui, Zhiyuan 崔之元. (2009). Mao Zedong wenge lilun de de shi yu “xiandaixing” de chongjian 毛泽东文革理论的得失与"现代性"的重建 [Gains and losses of Mao Zedong’s Cultural Revolution theory and the reconstruction of “modernity”]. Wenge yu dangdaishi wang 文革与当代史网. 05.11.2009. URL: https://www.difangwenge.org/forum.php?mod=viewthread&tid=178 (accessed: 01.04.2026). (In Chinese)

Dorell, William F. (1971). Power, policy, and ideology in the making of the Chinese Cultural Revolution. In Thomas W. Robinson (Ed.), The Cultural Revolution in China. Berkeley: University of California Press. P. 21–112

Fanon, Frantz. (1963). The wretched of the earth. New York: Grove Press. P. 109, 61.

Fairbank, John King. (1986). The great Chinese revolution, 1800–1985. New York: Harper and Row. P. 337.

Gao, Gao 高皋; Yan, Jiaqi 严家其. (1986). Wenhua da geming shinian shi 文化大革命十年史 [Ten years history of the Great Cultural Revolution]. Tianjin: Tianjin renmin chubanshe 天津人民出版社. Vol. 2. (In Chinese).

Gregor, A. James. (2019). Classical Marxism and Maoism: A comparative study. Communist and Post-Communist Studies, 52. P. 81–91.

Guo, Jianbo 郭建波. (2013). Hualong dian jing de ziwo zongjie: dui Mao Zedong yisheng suozuo liangjian dashi de tanhua de kaozheng — jinian Mao zhuxi dan chen 120 zhounian 画龙点睛的自我总结：对毛泽东一生所做两件大事的谈话的考证 ——纪念毛主席诞辰 120 周年 [The finishing touch of self-summary: Verification of Mao Zedong's conversation about the two major events of his life — Commemorating the 120th anniversary of Chairman Mao's birth]. Wuyouzhixiang wangkan 无忧之乡网刊. 18.11.2013. URL: https://www.wyzxwk.com/Article/lishi/2013/11/309209.html (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Han, Dongping. (2008). The unknown Cultural Revolution: Life and change in a Chinese village. New York: Monthly Review Press.

He, Qifang 何其芳. Eryue niliu shimo ji 二月逆流始末记 [The whole story of the February adverse current]. Shidai de baogao 时代的报告. No. 1. P. 47, 49 (45–69). (In Chinese).

Heberer, Thomas. (2009). The “Great Proletarian Cultural Revolution”: China’s modern trauma. Journal of Modern Chinese History. No. 3(2). P. 165–181.

Horkheimer, Max. (1982). Traditional and critical theory. In Critical theory: Selected essays. New York: Continuum. P. 188–243.

Hou, Li. (2021). Building for oil: Daqing and the formation of the Chinese socialist state. Harvard-Yenching Institute Monograph Series. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Asia Center.

Jackson, Karl D. (1989). Intellectual origins of the Khmer Rouge. In Cambodia 1975–1978: A rendezvous with death. Princeton, NJ: Princeton University Press. P. 241–250.

Jiefangjun bao 解放军报. (1966). Gaoju Mao Zedong sixiang weida hongqi ba wuchan jieji wenhua da geming jinxing daodi — guanyu wenhua da geming de xuanchuan jiaoyu yaodian 高举毛泽东思想伟大红旗 把无产阶级文化大革命进行到底——关于文化大革命的宣传教育要点 [Hold high the great red flag of Mao Zedong Thought and carry the Great Proletarian Cultural Revolution through to the end – Key points of propaganda and education on the Cultural Revolution]. Jiefangjun bao 解放军报. (In Chinese).

Jin, Zhe 金哲. (2019). Zhonggong jianguo 70 nian fengyun (3): wuchanjieji wenhua da geming, yichang canku de xiaohua 中共建政 70 年风云(3)：无产阶级文化大革命，一场残酷的笑话 [70 years of CCP rule (3): The Great Proletarian Cultural Revolution, a cruel joke]. Meiguo zhi yin 美国之音. URL: https://www.voachinese.com/a/China-cultural-revolution-cruel-joke-20191001/5088325.html (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Lao Tian 老田. Chongqing wen'ge koushu shi — Huang Lian fangtan lu 重庆文革口述史——黄廉访谈录 [Chongqing Cultural Revolution oral history — Interview with Huang Lian]. Hua xia wenzhai 华夏文摘. URL: https://web.archive.org/web/20110706131204/http://museums.cnd.org/CR/ZK05/HuangLian_c.hz8.html (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Lin, Zhongjie. (2025). Constructing utopias: China's new town movement in the 21st century. New York, NY: Oxford University Press.

MacFarquhar, Roderick. (1974). The origins of the Cultural Revolution. Vol. 1: Contradictions among the people, 1956–1957. New York: Columbia University Press.

MacFarquhar, Roderick. (1983). The origins of the Cultural Revolution. Vol. 2: The Great Leap Forward, 1958–1960. New York: Columbia University Press.

MacFarquhar, Roderick. (1997). The origins of the Cultural Revolution. Vol. 3: The coming of the cataclysm, 1961–1966. New York: Columbia University Press.

MacFarquhar, Roderick; Schoenhals, Michael. (2006). Mao's last revolution. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Mao Zedong 毛泽东. Bianzhengfa weiwulun (jiangshou tigang) 辩证法唯物论 [Dialectical Materialism (Lecture Outline)]. URL: https://www.marxists.org/chinese/maozedong/1937/02.htm#2 (accessed on: 04.05.2026). (In Chinese).

Mao Zedong 毛泽东 (2006a). Zai Hangzhou huiyi shangde jianghua 在杭州会议上的讲话. Part 2. 04.01.1958. // Mao Zedong Sixiang wansui! 毛泽东思想万岁! (1958–1960) http://59.46.86.120:9002/maoxuan/wansui4a.pdf. (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Mao Zedong 毛泽东 (2006b). Zai Zuigao Guowuhui shangde jianghua 在最高国务会议上的讲话（28.01.1958）// Mao Zedong Sixiang wansui! 毛泽东思想万岁! (1958–1960). http://59.46.86.120:9002/maoxuan/wansui4a.pdf. (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Mao Zedong 毛泽东 (2006c). Gongzuo fangan liushi tiao (caoan). 工作方法六十条（草案）// Mao Zedong Sixiang wansui! 毛泽东思想万岁! (1958–1960) 31.01.1958. http://59.46.86.120:9002/maoxuan/wansui4a.pdf. (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Mao Zedong gei Jiang Qing de xin 毛泽东给江青的信 [“Letter from Mao Zedong to Jiang Qing”]. Aisixiang.com 爱思乡. 08.07.1966. URL: https://www.aisixiang.com/data/59290.html (accessed on: 01.04.2026). (In Chinese).

Mao Zedong jiangshou de “Bianzhengfa weiwulun” 毛泽东讲授的《辩证法唯物论》 [Mao Zedong’s Lectures on “Dialectical Materialism”] (2012). Guangming ribao 光明日报, 2 May. (In Chinese).

Mao Zedong: Zuigao Guowu huiyi shang de jianghua jiyao (yi) 毛泽东：最高国务会议上的讲话纪要（一） [“Mao Zedong: Notes on the speech at the Supreme State Council (Part 1)”]. Mao Zedong sixiang xuexi 毛泽东思想学习 [Study of Mao Zedong Thought]. (1968). P. 123. URL: https://www.marxists.org/chinese/pdf/chinese_marxists/mao/01210803.pdf (accessed on: 01.04.2026). (In Chinese).

Meisner, Maurice (1999). Mao’s China and After: A History of the People’s Republic. New York: Free Press, 3rd ed.

Paul, Healy. (2008). Misreading Mao: On class and class struggle. Journal of Contemporary Asia. No. 38(4). P. 535–559.

Qin, Hui 秦晖. (2016). Shouduan bi mudi geng zhongyao — cong Mao Zedong fadong wenge de “sixiang shi yanjiu” tan qi 手段比目的更重要——从毛泽东发动文革的〝思想史研究〞谈起 [“Means are more important than ends — On Mao Zedong's intellectual history research in launching the Cultural Revo-

lution"]. Ershiyi shiji shuang yuekan 二十一世纪双月刊 (156). P. 26. URL: https://www.cuhk.edu.hk/ics/21c/media/articles/c156-201607015.pdf (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Renmin ribao 人民日报. (1967). Jianchi zhishi qingnian shangshan xiaxiang de zhengque fangxiang 坚持知识青年上山下乡的正确方向 [Persist in the correct direction of educated youth going to the mountains and countryside]. Renmin ribao 人民日报, 9 July. (In Chinese).

Russell, Bertrand. (1920). The practice and theory of Bolshevism. London: George Allen and Unwin.

Russo, Alessandro. (2020). Cultural revolution and revolutionary culture. Durham, NC: Duke University Press.

Schram, Stuart R. (1969). Mao Tse-tung and the search for a 'Chinese road' to socialism. Journal of The Royal Central Asian Society. No. 56(1). P. 30–41.

Heberer, Thomas. (2009). The “Great Proletarian Cultural Revolution”: China’s modern trauma. Journal of Modern Chinese History. No. 3(2). P. 165–181.

Thornton, Richard C. (1973). China, the struggle for power, 1917–1972. Bloomington: Indiana University Press. P. 269–341.

Wang, Zijin 王子今. (1993). Mao Zedong yu Zhongguo shixue 毛泽东和中国史学 [Mao Zedong and Chinese historiography]. Beijing: Zhonggong zhongyang dangxiao chubanshe 中共中央党校出版社. (In Chinese).

Weber, Max. (1904). Objectivity in social science and social policy. In E. A. Shils & H. A. Finch (Eds.), The methodology of the social sciences (pp. 49–112). New York: The Free Press. URL: https://jthomasniu.org/class/Stuff/PDF/weber-objectivity.pdf

Wu, Chao 吴超. (2008). Wenhua da geming qiyuan yanjiu shuping "文化大革命"起源研究述评 [“Review of research on the origins of the Cultural Revolution”]. Beijing dangshi 北京党史, 3. P. 34–40. (In Chinese).

Xi Jinping, shenru tuijin dang de ziwo geming 习近平, 深入推进党的自我革命 [Xi Jinping, deepening the Party's self-revolution]. Qiu Shi 求是. 2024. (In Chinese)

Xuezhe: 20 shiji ke yu “wen’ge” bipei de shi De’guo Nasicha shidai (1) 学者：20 世纪可与"文革"比拟的是德国纳粹时代(1) [Scholar: The 20th century comparable to the “Cultural Revolution” is the German Nazi era (1)]. (2015). Renmin wang 人民网. 14.09.2015. URL: https://web.archive.org/web/20200625143734/https://news.china.com/history/all/11025807/20150914/20385905.html (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

1980 nian Deng Xiaoping jieshou wamei zhuanti: tantai huida min'gan huati 1980年邓小平接受外媒专访:坦率回应敏感话题 [Deng Xiaoping's 1980 interview with foreign media: Frank response to sensitive topics]. Xinlang lishi 新浪历史. 26.08.2014. URL: https://web.archive.org/web/20200625143700/http://history.sina.com.cn/bk/ds/2014-08-26/103698703.shtml (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Ye, Jianying 叶剑英. (2011). Qingzhu Zhonghua renmin gongheguo chengli sanshi zhounian dahui shang de jianghua 庆祝中华人民共和国成立三十周年大会上的讲话 [Speech at the meeting celebrating the 30th anniversary of the founding of the People’s Republic of China]. In Sanzhong quanhui yilai zhongyao wenxian xuanbian (shang) 三中全会以来重要文献选编（上）Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe 中央文献出版社. P. 191. (In Chinese).

Yuan Longping tan sannian kunnan shiqi he wen’ge qijian de jingli 袁隆平谈三年困难时期和文革期间的经历 [Yuan Longping talks about experiences during the three years of difficulty and the Cultural Revolution]. (2019). Sina.com. 30.12.2019. URL: https://k.sina.com.cn/article_2369379394_m8d39dc4203300qtqq. html (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Yuan, Shaoyu, (2023). Tracing China’s diplomatic transition to wolf warrior diplomacy and its implications. Humanities and Social Sciences Communications. Vol. 10.

Zhang, Ming 张鸣. (2013). Bu fansi “wen’ge” de shehui, jiushi ge shiren buluo 不反思"文革"的社会，就是个食人部落 [A society that does not reflect on the “Cultural Revolution” is a cannibal tribe]. Renmin wang 人民网. 05.03.2013. URL: https://web.archive.org/web/20200625141907/http://history.people.com.cn/n/2013/0305/c200623-20680503.html (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Zhu, Yongjia 朱永嘉. (2015). Ruhe zhengque renshi “wen’ge” zhong de shiwu 如何正确认识"文革"中的失误 [How to correctly understand the mistakes in the “Cultural Revolution”]. Xinlang lishi 新浪历史. 19.01.2015. URL: https://web.archive.org/web/20180901140730/http://history.sina.com.cn/his/zl/2015-01-19/1759115609.shtml (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Zhiyi “Gaojiacun” 质疑 «高家村» [Questioning “Gaojiacun”]. (2003). Renmin wang 人民网. 29.03.2003. URL: https://web.archive.org/web/20050329062507/http://www.people.com.cn/GB/guandian/29/169/20010401/430363.html (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Zui niu lishi laoshi Yuan Tengfei bei Zhonggong tedu jiguan bei kao fa shengming: "Wo yiqie dou hao" 最牛历史老师袁腾飞被中共特务机关背铐发声明："我一切都好" [The best history teacher Yuan Tengfei was handcuffed by CCP secret police and issued a statement: “I’m fine”]. (2010). 11.05.2010. URL: https://web.archive.org/web/20210716044419/https://bnn.co/news/gb/china/2010/05/201005110249.shtml (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 10.05.2026 Received: 10 May 2026.
Принята к публикации: 20.05.2026. Accepted: 20 May 2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.72.21.007

М.С. Каменских, Ю.С. Чернышева

Особенности наследия китайской миграции в СССР в период «Большой дружбы»

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей историко-культурного наследия, оставшегося от пребывания китайских рабочих в городах СССР периода «Большой дружбы» 1950–1960-х гг. В этот период в рамках отдельного соглашения между правительствами двух государств в СССР прибыло около 5 тыс. китайских рабочих-практикантов. Они были размещены в городах Молотове, Березники (Молотовская область), Усолье-Сибирское (Иркутская область), Закаменске (Республика Бурятия) и Новотроицке (Чкаловская область). Характер их пребывания отличался от широко распространенной в тот период практики приглашений студентов и инженеров из Китая на кратковременные стажировки в вузы и на предприятия СССР соответственно. Рабочие-практиканты заключали долгосрочные контракты, в среднем каждый из них прожил в СССР от 5 до 10 лет. Компактный характер и долговременность проживания в небольших по численности населения городах сформировали пласт историко-культурного наследия, который отложился в архитектурных комплексах, местных СМИ, городских легендах и памяти жителей. В каждом городе живут потомки китайцев от смешанных браков. В статье анализируются документы и материалы о пребывании китайцев в советских городах, особенностях их адаптации, повседневного быта и наследие этого пребывания. Выделены ключевые формы проявления такого историко-культурного наследия: архитектурные комплексы, материалы СМИ, городские легенды и топонимика.

Ключевые слова: китайцы, китайская миграция, наследие, Урал, Сибирь, китайские рабочие.

Авторы: *Каменских Михаил Сергеевич*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований УрО РАН – филиал Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН; доцент Центра европейских и азиатских исследований МГУ-ППИ в г. Шэньчжэне (КНР). E-mail: mkamenskih27@gmail.com
Чернышева Юлия Сергеевна, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований УрО РАН – филиал Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. E-mail: yulyachernysheva99@gmail.com

Благодарности: Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 25-28-01-086 «Антропология культурного наследия китайской миграции в российских регионах».

M • S • 卡缅斯基赫，Yu • S • 切尔内绍娃

“大友好”时期在苏中国移民遗产的特点

*摘要：*本文分析了 1950—60 年代中苏友好时期中国工人在苏联城市留下的历史文化遗产。在此期间，约有 5000 名中国见习工人根据中苏两国政府间签署的一项单独协议来到苏联。他们被安置在莫洛托夫和别列兹尼基（莫洛托夫州）、西伯利亚乌索利耶（伊尔库茨克州）、扎卡缅斯克（布里亚特共和国）以及新特罗伊茨克（契卡洛夫州）等城市。他们的赴苏性质不同于当时苏联高校和企业邀请中国学生和工程师进行短期实习的普遍做法。这些见习工人签订了长期合同，平均每人在苏联生活了 5 至 10 年。其在苏联小城市的紧凑格局和长期定居形成了一种历史文化遗产成分，这种遗产以建筑群、地方媒体、都市传说和居民记忆的形式得以保存。每个城市都有因跨国婚姻出现的华人后裔居住。本文分析了中国工人在苏联城市的生活记录、适应模式、日常生活以及赴苏经历的遗留影响，并重点探讨了这一历史文化遗产的主要表现形式：建筑群、媒体报道、都市传说和地名。

*关键词：*中国人；中国移民；遗产；乌拉尔；西伯利亚；中国工人

*作者：*米哈伊尔 • 谢尔盖耶维奇 • 卡缅斯基赫，历史学副博士，俄罗斯科学院乌拉尔分院人文研究所（俄罗斯科学院乌拉尔分院彼尔姆联邦研究中心分部）首席研究员；深圳北理莫斯科大学欧洲和亚洲研究中心副教授。E-mail：mkamenskih27@gmail.com
尤利娅 • 谢尔盖耶夫娜 • 切尔内绍娃，俄罗斯科学院乌拉尔分院人文研究所（俄罗斯科学院乌拉尔分院彼尔姆联邦研究中心分部）研究员。E-mail：yulyachernysheva99@gmail.com

*致谢：*本研究在俄罗斯科学基金会项目“俄罗斯各地区中国移民文化遗产的人类学研究”（项目编号 25-28-01-086）资助下完成。

Mikhail S. Kamenskikh, Yulia S. Chernysheva

Features of the heritage of Chinese migration to the USSR during the period of “Great Friendship”

Abstract. The article is devoted to the historical and cultural heritage, which left behind by Chinese workers in Soviet cities during the Great Friendship period of the 1950s and 1960s. During this period, approximately 5,000 Chinese workers and trainees arrived in the USSR under a separate agreement between the governments of the two countries. They were placed in Molotov and Berezniki (Molotov Oblast), Usolye Sibirskoye (Irkutsk Oblast), Zakamensk (Republic of Buryatia), and Novotroitsk (Chkalov Oblast). The features of their staying differed from the widespread practice of inviting students and engi-

neers from China for short-term internships at universities and factories in the USSR, respectively. The worker interns signed long-term contracts, and each of them lived in the USSR for an average of 5 to 10 years. The compact and long-term settlement in small cities have shaped a layer of historical and cultural heritage, preserved in architectural complexes, local media, local legends, and the memories of residents. Descendants of Chinese from mixed marriages live in each city. This article analyzes documents and materials on the Chinese people's life in Soviet cities, their adaptation patterns, daily life, and the heritage of this stay. Key forms of this historical and cultural heritage are highlighted: architectural complexes, media coverage, urban legends, and toponymy.

Keywords: Chinese, Chinese migration, heritage, Urals, Siberia, Chinese workers.

Authors: *Mikhail S. Kamenskikh.,* Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences is a branch of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Center of European and Asian Studies of MSU-BTU in Shenzhen (China). E-mail: mkamenskih27@gmail.com
Yulia S.Chernysheva, Researcher, Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences is a branch of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: yulyachernysheva99@gmail.com

Acknowledgments: Prepared with the financial support of the Russian Science Foundation No. 25-28-01-086 "Anthropology of the cultural heritage of Chinese migration in the Russian regions".

Особенности исторического развития России и Китая обусловили появление огромной границы между этими двумя государствам. В разные исторические периоды фиксировались различные формы межгосударственного взаимодействия, приводившие к определенным миграционным передвижениям. Каждая из таких миграционных волн, оставляла наследие, выражавшееся как в конкретных памятниках, постройках, документах, так и на уровне преданий и воспоминаний. Дружественные отношения Китая и СССР начались сразу после провозглашения коммунистической Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. Первые переговоры двух государств, начавшиеся в конце 1949 г. в Москве, закончились подписанием 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе и взаимной помощи, задавшего вектор в развитии хозяйственно-экономического сотрудничества СССР и КНР [Пын Мин, 1959, с. 168–269]. СССР оказал Китаю беспрецедентную помощь в развитии промышленности, после установления дипломатических отношений между странами был подписан целый ряд соглашений [Борисов, Колосков, 1980, с. 70]. «С помощью СССР в Китае за короткое время были созданы авиационная, автомобильная, тракторная, радиоэлектронная и другие современные отрасли промышленности», – писали позже советские ученые [Капица, 1970, с. 7]. Данная статья посвящена анализу миграции китайцев в СССР в эпоху «Большой дружбы» – время тесного внешнеполитического взаимодействия СССР и КНР в начале 1950-х – середине 1960-х гг.

В разной степени этот аспект российско-китайского внешнеполитического взаимодействия освещали в своих трудах А.Г. Ларин [Ларин, 2009], А.В. Лукин [2007], С.Н. Гончаров [2008]. А.А. Авдашкин [Каменских, Авдашкин, 2023] и В.Г. Дацышена [Дацышен, 2011; Дацышен, 2008]. В Китае данная тематика представлена в трудах Дуань Сюфэна и Ли Синьсо [Duan Xiufeng, Li Xinsuo, 2011]. История китайской миграции этого периода представлена также в работах автора данной статьи [Каменских, 2011; Каменских, 2018; Наследие китайской миграции, 2025].

Китайским правительством наряду с выполнением производственных задач, стоявших в начальный период восстановления национальной экономики, было принято решение подготовить квалифицированные технические и административные кадры из числа китайских граждан в учебных заведениях СССР. В свою очередь, СССР в начале 1950-х гг., после войны и первой волны амнистий в ГУЛАГе, нуждался в рабочей силе [Дацышен, 2008, с. 250]. Все это создавало предпосылки для привлечения трудовых ресурсов из Китая в СССР. Решение о разрешении труда китайцев в СССР было принято в начале 1950-х гг. Его принятие в своих мемуарах подробно описывает Н.С. Хрущев: «…там [в Китае] существовала большая безработица, мы хотели какое-то количество китайских рабочих привлечь для разработки своих богатств в Восточной Сибири. <…> Раз инициативу проявили китайцы, мы согласились возобновить переговоры и заключили соответствующий договор, который был подписан обеими сторонами» [Хрущев, 1997, с. 351–354].

Так в городах СССР появились китайские рабочие-практиканты. Положение и характер проживания их отличался от широко распространенной в тот период практики приглашения китайских студентов или инженеров в СССР на краткосрочные курсы. Рабочие-практиканты официально проживали в СССР около 10 лет и даже были учтены переписью населения 1959 г. [Итоги Всесоюзной переписи, 1963, с. 59]. Их пребывание и оставшееся от этого времени историко-культурное наследие – одна из самых малоизученных страниц в истории российско-китайских отношений. В рамках данной статьи авторы с учетом имеющихся источников выявили особенности комплекса историко-культурного наследия пребывания китайских рабочих-практикантов в городах СССР в период «Большой Дружбы». В условиях позитивного развития российско-китайских отношений на современном этапе тематика сохранения и меморизации объектов историко-культурного наследия пребывания китайцев в СССР представляется весьма актуальной. Основными источниками исследования послужили неопубликованные делопроизводственные материалы местных и центральных музеев и архивов, в первую очередь, фонды предприятий, где работали китайцы: Трест «Молотовстрой» (г. Молотов и г. Березники), трест «Востоктяжстрой» (г. Усолье Сибирское). Среди средств массовой информации автором использованы материалы периодической печати: газеты «Гвардеец труда» (г. Новотроицк), «Уральская стройка» и «Звезда» (г. Молотов), «Березниковский рабочий», «Советская молодежь» (г. Усолье-Сибирское), «За металл» (г. Закаменск). Важную роль при написании статьи сыграли полевые исследования и личные наблюдения авторов, собранные в 2015–2025 гг.

Обстоятельства прибытия рабочих-практикантов из КНР

В конце 1954 г. в Москве прошла очередная серия переговоров, одним из результатов которых стало постановление Совета Министров СССР от 17 января 1955 г. № 92-49/с «О наборе в КНР рабочих для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения в СССР».

Согласно документу, организация работ по набору китайских рабочих на территории КНР и направлению их на стройки и предприятия в СССР была возложена на Главное управление трудовых резервов при Совете Министров СССР. Для этого при Главном управлении трудовых резервов было создано Управление по набору китайских рабочих. Также была создана Советско-китайская комиссия по набору китайских рабочих с местопребыванием попеременно в Москве и Пекине. Она занималась собственно наймом и организацией перевозки китайцев [Дацышен, 2008, с. 254–256]. В соответствии с этим постановлением и рядом других подписанных на его основании договоров, китайцы должны были прибыть на строительство промышленных объектов в Молотовской области (г. Молотов, г. Березники), Иркутской области (г. Усолье Сибирское), Чкаловской области (г. Новотроицк) и Бурятской АССР (г. Городок, с 1959 г. – г.Закаменск). Средняя численность на протяжении рассматриваемого периода варьировалась в диапазоне 4-5 тысяч человек, самая крупная партия была размещена в г. Молотове – около 700 человек.

Первая партия китайцев в 302 человека прибыла в Молотов 21 июля 1955 г. [Докладные записки…, л. 78]. В другие города РСФСР китайцы прибывали партиями по 300-350 человек в течение последующих двух лет.

На китайских рабочих было распространено трудовое законодательство СССР, «социальное страхование, пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание, культурно-бытовое обслуживание и организация отдыха, а также все условия оплаты труда, действующие на соответствующих предприятиях и стройках для советских рабочих» [Переписка управления…, л. 32]. Как уже говорилось выше, в январе 1955 г. трудились китайцы в основном на стройках. За бригадами плотников, штукатуров, каменщиков, бетонщиков на протяжении первых двух месяцев работы были закреплены инструкторы передовых методов труда, которые вели с ними обучение по освоению профессий. Согласно отчетам в МСПНП сначала китайцам было сложно адаптироваться. «В первое время после приезда у китайских рабочих складывались такие мнения, чтобы как-нибудь провести эти 3 года и скорее вернуться на Родину и поэтому они безответственно выполняли свои задания», – сообщалось в отчете о работе за 1955 г. [Докладные записки…, л. 81]. Однако в дальнейшем китайцы постепенно адаптировались к местным условиям и продолжили работу. В приказе начальника Молотовского управления строительства МСПНП от 20 октября 1956 г. «О производственном обучении вновь прибывших восточных рабочих строительным профессиям» говорится о необходимости «организовать производственное обучение с восточными рабочими» [Приказы начальника…, л. 257]. Из приказа треста «Востокнефтестрой» № 395 от 01.10.1955: «Выражаю уверенность в том, что китайские рабочие нашего треста и их руководители не пожалеют сил и труда на претворение в жизнь политики Партии и Правительства, направленной на дальнейший подъем со-

ветской экономики, на повышение материального и культурного благосостояния советского народа» [Трест…, л. 102]. Вот как описан опыт пребывания китайцев в Новотроицке: «Многому научились мы за время пребывания в Советском Союзе. Но главная наука, которую проходят здесь китайские рабочие – это наука строить социализм и коммунизм. У советского народа, имеющего за плечами 40-летний опыт, можно поучиться во многом. Следуя примеру своих друзей, мы используем их опыт у себя на родине» [Гвардеец труда, 1958]. Обеспечению питанием китайских практикантов местные администрации уделяли особое внимание. Как следует из источников, два первых месяца первая группа рабочих питалась в специально выделенном зале при столовой № 5 «Молотовстроя», где для них готовилась пища по их национальным запросам. В своем обращении к посольству КНР, руководство «Молотовстроя» в конце 1955 г. просило прислать для китайцев трепанги, арахисовые орехи, соленые овощи, уксус, сою, томат [Докладные записки…, л. 92]. Стоимость дневного питания для китайских рабочих составляла 10–12 рублей, что по мнению китайцев было дорого, поэтому они перешли на приготовление пищи в своих жилых домах. Прибывшие в 1956 г. также решили готовить самостоятельно.

В 1960–1963 гг. большинство китайских рабочих вернулось на родину. Формальной причиной отъезда было окончание срока второго трехлетнего договора. На нее указывали и сами китайцы, хотя они же признавали, что главную роль в этом сыграло охлаждение отношений между СССР и КНР. Точная дата отъезда неизвестна, но о «недавнем» отъезде китайцев писали советские газеты в начале октября 1963 г. [Уральская стройка, 1963].

Историко-культурное наследие и память о пребывании китайцев в российских городах

Архитектурное наследие городов, связанное с Китаем, четко фиксируется в материалах полевых наблюдений. Китайцы принимали участие как в сооружении капитальных объектов, так и в строительстве жилых кварталов, дорог, хозяйственных построек, за многими из которых сохранились «китайские названия». Построенные китайцами дома по ул. Леонова и ул. Качалова в современной Перми по-прежнему называются «китайским общежитием», или «шанхаем» [Наследие китайской миграции…, с. 66]. В Усолье Сибирском китайцы принимали участие в строительстве таких объектов, как ДК Химиков, Больничный городок, 20-й квартал и 2-й участок, завод Горного оборудования. Кроме того, китайцы работали на Солевом и Хромовом заводах, на фанерно-спичечном комбинате. В память о рабочих КНР местные жители называют «Китай-городком» комплекс общежитий, расположенных по ул. Богдана Хмельницкого. Вклад китайцев в архитектурное наследие этого небольшого города в Сибири весьма внушителен: «Четыре года назад из Китайской Народной Республики в г. Усолье-Сибирское приехали наши друзья, чтобы поучиться строительному делу. Они встали рядом с русскими мастерами – каменщиками, плотниками, штукатурами. Так, в тесном Содружестве русских и китайцев было возведено 40 жилых домов» [Советская молодежь, 1958]. В Городке Бурятской АССР китайцы трудились в строи-

тельном тресте «Джидастрой», работали на строительстве жилых домов и Джидинского вольфрамно-молибденового комбината. Специально для них была открыта школа китайских рабочих. В г. Березники они числились в составе СУ № 4 Треста № 1 Севтяжуралстроя. Руками китайцев там было построено несколько капитальных объектов, в том числе здание Почтамта (совр. ул. Карла Маркса, 48) и Березниковского калийного комбината. В Новотроицке китайские рабочие принимали участие в возведении металлургического комбината, в сооружении подъездных путей к бессемеровскому цеху металлургического комбината, работали на Аккермановском руднике, кирпичном заводе и других объектах.

Сегодня большинство из построенных китайцами зданий является неотъемлемой частью архитектурного облика рассматриваемых городов. Однако память об участии китайцев в их возведении хранится только на уровне городских легенд. Установление соответствующих памятных знаков или плит на фасаде в каждом из городов позволит увековечить память о них как об объектах наследия российско-китайской дружбы.

Важной частью архитектурного наследия стали мемориальные комплексы, возведенные в честь китайцев. Помимо собственно захоронений комплексы включат в себя стелы, символизирующие дружбу СССР и КНР. Известно о существовании в России двух таких объектов: в Перми и Усолье-Сибирском. Обе стелы были установлены в начале 1960-х гг. в результате трагических событий на производстве, повлекших за собой смерть китайских рабочих. Данные сооружения представляют собой уникальные объекты, поскольку не только воплощают специфику советского архитектурного конструктивистского стиля 1950-х гг., но и имеют черты и элементы орнамента, характерные для китайской культуры. Вокруг мемориалов постепенно образовывались «китайские кладбища»: там хоронили китайцев, которые остались жить в СССР. Могилы устроены в соответствии с китайскими национальными обычаями, надписи на них сделаны на дореформенном китайском иероглифическом письме 1940–1950-х гг., что также подчеркивает их историческую ценность. В Перми в 2022 г. в рамках проекта «Помним великую дружбу» перед входом на китайское кладбище установлен информационный щит на русском и китайском языках, рассказывающий историю китайских рабочих в Прикамье. В 2024 г. территория кладбища со стелой как объект «Захоронения граждан КНР» была включена в перечень выявленных объектов культурного наследия Пермского края (приказ Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края № Пр55-01-06-6 от 15.01.2024). В Усолье-Сибирском мемориальный комплекс статуса не имеет. Помимо Перми и Усолье-Сибирского могилы китайцев того времени сохранились на местных кладбищах в Березниках и Закаменске. Их уникальное историческое значение также не зафиксировано нормативно.

Большой документально-вещественный комплекс, связанный с историей китайцев, хранится в муниципальных архивах и музеях. В г. Березники работала Китайская комсомольская организация, которая 5 мая 1957 г. организовала Вечер китайской молодежи. В программе мероприятия были выступления «О празднике китайской молодежи», «Китайская пекинская пьеса», хоровое пение, танцы. Приглашения на мероприятия хранятся в фонде Березниковского историко-художественного музея [Наследие китайской миграции…, с. 74]. Там же находятся многочисленные фотографии,

копии трудовых договоров, именные списки и удостоверения китайских рабочих. Похожая «китайская коллекция» хранится в фондах Музея ДЮЦ «Рифей» Индустриального района г. Перми. Она включает в себя фотографии, личные вещи и документы китайских рабочих. Ряд предметов и документов, оставшихся от китайцев, находится в муниципальном краеведческом музее г. Усолье Сибирское. Однако эти коллекции не каталогизированы и нуждаются в научном описании. В других городах вещественная память о китайцах сохраняется только на уровне семей их потомков.

Средства местной печати являются наиболее ярким и информативным источником об истории китайцев этого времени. В 1950–1960-е гг. местные газеты активно сообщали о повседневной жизни китайцев, особенно ее культурной и спортивной составляющей. Статьи и заметки исчисляются десятками. Материалы СМИ позволяют заключить, что китайцев весьма активно вовлекали в мероприятия общегородского уровня. В г. Молотове на первомайской демонстрации колонна китайских рабочих исполняла танец львов и выполняла гимнастические упражнения на ходулях [Звезда, 1959]. На областных смотрах китайцы показывали жителям традиционную оперу, играли на китайских народных инструментах [Уральская стройка, 1961; Уральская стройка, 1958]. На областном смотре художественной самодеятельности в 1961 года китайцы Треста № 7 показывали «китайский народный танец с палочками» [Уральская стройка, 1961]. О жизни китайских практикантов регулярно писала газета «Березниковский рабочий»: «Многолюдно бывает в красном уголке общежития китайских рабочих по вечерам. Здесь можно почитать свежую газету, послушать радио, поиграть в тихие игры. Каждую субботу тут проходят политинформации» [Березниковский рабочий, 1958]. Тематический выпуск, полностью посвященный 10-летию КНР, газета выпустила 30 сентября 1959 г. «Закаменская правда» в 1960 г. опубликовала специальные материалы к государственным праздникам Китая: «Отмечая сегодня свой национальный праздник, мы, представители Китая, воодушевляемся еще больше на самоотверженный труд на благо советского и китайского народов. Поможем нашим замечательным друзьям – советским людям – успешно воплотить в действительность величественную программу семилетки» [Закаменская правда, 1960]. В каждой публикации авторы подчеркивали значимость советско-китайской дружбы во всех ее проявлениях. Ярким примером может считаться следующая заметка о Вечере китайской молодежи: «На трибуну поднимается Ван Синь-шэнь, руководитель китайских рабочих. Его одинаково горячо приветствуют и китайцы, и русские, пришедшие к друзьям в гости. Доклад Ван Синь-шэня о десятой годовщине Китайской Народной Республики то и дело прерывается бурными аплодисментами в честь значительных достижений “страны-подростка” и его трудолюбивого народа» [Березниковский рабочий, 1959]. Из газет мы узнаем, что в детских садах и школах проводились тематические мероприятия, посвященные Китаю: «В прошлое воскресение в малом зале городского клуба собрались пионеры, здесь состоялся утренник, посвященный 8-летию Китайской Народной Республики. К пионерам пришли гости – китайские товарищи. Открыв утренник, старшая пионервожатая Дома пионеров тов. К.С. Филиппова предоставила слово гостям. Заместитель управляющего трестом тов. Чэн Вэнь-тун рассказал ребятам, как живут и учатся дети в Китае» [За металл, 1957].

За время работы в СССР китайцами было создано несколько смешанных российско-китайских семей. Благодаря газетам, мы узнаем, что русско-китайские брачные союзы активно освещались, а создаваемые семьи получали дополнительную поддержку. В логике того времени свадьбы назывались «комсомольскими». О свадьбах местных девушек с китайцами в Новотроицке: «Свадебное торжество было приурочено к 8-й годовщине провозглашения Китайской Народной Республики. Молодоженов пришли поздравить товарищи по труду, профсоюзные и комсомольские работники. Они включили молодоженам ключи от новых квартир и ценные подарки. Это была настоящая комсомольская свадьба» [Гвардеец труда, 1957]. Самая крупная из известных церемоний состоялась 30 декабря 1956 г. в г. Молотове, когда было сыграно сразу 5 свадеб. Брачный союз заключили: герой и ветеран Корейской войны Лю Вандэ и комсомолка из Сочи Татьяна Вершинина; разнорабочая Надежда Тонконог и бетонщик Ян Цзивэнь; работница ЖКХ Анна Седова и плотник ДОКа Ван Цзимин; плиточница Марта Курганова и бетонщик Лю Сюэфын, фрезеровщица авторемонтного завода Нина Кожина и токарь АРЗа Гао Чао. Следуя китайской традиции, молодожены прицепили на грудь большие красные пионы с алыми лентами. «Этот брак лишний раз свидетельствует о все крепнущей дружбе между двумя великими народами – китайским и русским», – писала газета «Уральская стройка» [Уральская стройка, 1957]. Газеты и публикуемые в них фотоматериалы также имеют большую историческую ценность. Однако учитывая, что они не имели центрального или областного значения (за исключением газеты «Звезда»), сегодня их фонды стремительно ветшают, а работа по цифровизации практически не проводится. Положительным примером можно считать оцифрованную коллекцию публикаций о китайцах в г. Усолье-Сибирское, сделанную местными музейщиками и краеведами. Выявление полного перечня публикаций в местной печати и их оцифровка позволят внести существенный вклад в сохранение историко-культурного наследия советско-китайской дружбы 1950–1960-х гг.

Выводы

В 1950-е гг. китайские практиканты в СССР становились героями многочисленных репортажей местной печати, что было призвано закрепить эффект, достигнутый в продвижении нарратива о советско-китайских отношениях, представить «китайских товарищей» в максимально привычных и понятных для советского человека контекстах и ситуациях. В начале 1960–х гг. подавляющее большинство китайских практикантов покинуло территорию СССР. Исключение составили лишь те, кто имел семьи и хотел остаться.

Пребывание китайцев в СССР в этот период стало источником формирования целого комплекса историко-культурного наследия. Это наследие проявляется в нескольких формах: комплекс зданий и мемориальные комплексы, фонды музеев и архивов, материалы СМИ, городская и топонимика. Сегодня прямых очевидцев тех событий практически не осталось, что актуализирует важность фиксации историко-культурного наследия. В современных городских легендах и топонимике сохраняются наррa-

тивы и наименования, связанные с пребыванием в городе китайцев. Городские музеи и архивы хранят документы и предметы эпохи «Большой дружбы», актуализируя наследие китайской миграции в современности. Также в российских городах с 1950-х остались проживать китайские рабочие и их потомки до настоящего времени. Наследие этого периода представлено большим количеством плакатов и газетных публикаций, связанных с китайцами в советских вузах и на предприятиях.

Многие объекты имеют уникальное историческое значение, и сегодня работа по их меморизации должна вестись, в первую очередь, профессиональными историками в сотрудничестве с общественностью и органами власти. Позитивным примером такого взаимодействия можно считать признание захоронения китайских рабочих памятником историко-культурного наследия Пермского края или создание электронной коллекции публикаций в г. Усолье-Сибирское. Однако многие из объектов не имеют статуса или формата, обеспечивающего их защиту и сохранение.

С учетом текущего развития российско-китайских отношений и ростом популярности тематика историко-культурного наследия пребывания китайцев в СССР в 1950-е гг. становится все более актуальной, требующей новых исследований и подходов в осмыслении.

Библиографический список

Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. М.: Мысль, 1980. 638 с.

Березниковский рабочий. 1958. 1 октября.

Березниковский рабочий. 1959. 2 октября.

Гвардеец труда. 1957. 13 октября.

Гвардеец труда. 1958. 1 октября.

Гончаров С.Н. Китайцы в России – кто они // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4. С. 13–31.

Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири. XVI–XX в: проблемы миграции и адаптации. Красноярск: СФУ, 2008. 306 с.

Докладные записки, справки, акты и другие материалы по проверке работы по созданию постоянных рабочих кадров и сокращению текучести по предприятиям Миннефтестроя СССР, часть 2 // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720.

За индустриальные кадры. 1959. 7 марта.

За металл. 1957. 3 октября.

Закаменская правда. 1960. 1 октября.

Звезда. 1959. 1 октября.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.

Каменских М.С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI века. СПб.: Маматов, 2011. 350 с.

Каменских М.С. Китайцы Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2018. 64 с.

Каменских М.С., Авдашкин А.А. «Наш друг Ван»: культурные фронтиры в представлениях о китайцах на Урале в период 1950-х – начала 1960-х гг. // Журнал фронтирных исследований. 2023. Т. 8. № 1. С. 161–176.

Капица М.С. Эскалация вероломства. М.: Знание, 1970. 32 с.

Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.

Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня. М.: Муравей, 2003. 220 с.

Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII – XXI веках. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 598 с.

Наследие китайской миграции в регионах России: документы и материалы / М.С. Каменских, А.А. Авдашкин, В.Г. Дацышен, О.В. Залесская. Спб.: Маматов, 2025. 114 с.

Переписка управления «Молотовстрой» по приему рабочих из КНР // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1084. Оп. 2. Д. 12.

Петров А.И. История китайцев в России 1856–1917 годы. СПб.: ООО «Береста», 2003. 960 с.

Приказы начальника управления строительства Молотовской МВД СССР по производственным вопросам // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1084. Оп. 1. Д. 201.

Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1959. 360 с.

Советская молодежь. 1958. 28 окт.

Трест «Востокнефтестрой» Министерства строительства предприятий нефтяной промышленности // Муниципальный архив г. Усолье Сибирское. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 28.

Уральская стройка. 1958. 3 октября.

Уральская стройка. 1961. 21 февраля.

Уральская стройка. 1957. 4 января.

Хрущев Н.С. Воспоминания. М.: ВАГРИУС, 1997. 512 с.

References

Borisov O.B., Koloskov B.T. (1980) Sovetsko-kitaiskie otnosheniya [Soviet-Chinese relations]. Moscow: Mysl, 1980. 638 p. (In Russian).

Bereznikovskii rabochii (1958) [Bereznikovsky worker]. 1958. October 1. (In Russian).

Bereznikovskii rabochii (1958) [Bereznikovsky worker]. 1959. October 2. (In Russian).

Gvardeets truda (1957) [Guardsman of Labor]. 1957. October 13. (In Russian).

Gvardeets truda (1958) [Guardsman of Labor]. 1958. October 1. (In Russian).

Goncharov S.N. (2003) Kitaitsy v Rossii – kto oni [The Chinese in Russia – who they are]. Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East]. 2003. No. 4. P. 13–31. (In Russian).

Datsyshen V.G. (2008) Kitaitsy v Sibiri. XVI–XX v: problemy migratsii i adaptatsii [The Chinese in Siberia. XVI–XX centuries: problems of migration and adaptation]. Krasnoyarsk: SFU, 2008. 306 p. (In Russian).

Datsyshen V.G. (2011) Kitaitsy v Tuve v nachale XX veka [The Chinese in Tuva at the beginning of the XX century]. Novye issledovaniya Tuvy [New studies of Tuva]. 2011. No. 1. P. 143–159. (In Russian).

Dokladnye zapiski, spravki, akty i drugie materialy po proverke raboty po sozdaniyu postoyannykh rabochikh kadrov i sokrashcheniyu tekuchesti po predpriyatiyam Minneftestroya SSSR, chast' 2 [Memos, certificates, acts and other materials on checking the work on creating permanent workers and reducing turnover at enterprises of the USSR Ministry of Oil and Construction, part 2] Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund. 8837. Invent. 1. Case. 720. (In Russian).

Za industrial'nye kadry (1957) [For industrial personnel]. 1957. May 9. (In Russian).

Za metall (1957) [For metal]. 1957. October 3. (In Russian).

Zakamenskaya pravda (1960) [Zakamenskaya Pravda]. 1960. October 1. (In Russian).

Zvezda (1959) [Star]. 1959. October 1. (In Russian).

Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 goda. RSFSR [The results of the All-Union population Census of 1959 RSFSR]. Tsentr. stat. upr. pri Sovete Ministrov SSSR [The Center. Statistical Department under the Council of Ministers of the USSR]. Moscow: Gosstatisdat, 1963. 456 p. (In Russian).

Kamenskikh M.S. (2011). Kitaitsy na Srednem Urale v kontse XIX – nachale XXI veka [The Chinese in the Middle Urals at the end of the XIX – beginning of the XXI century]. St. Petersburg: Mamatov, 2011. 350 p. (In Russian).

Kamenskikh M.S. (2018) Kitaitsy Permi: istoriya i kul'tura [The Chinese of Perm: History and culture]. St. Petersburg: Mamatov, 2018. 64 p. (In Russian).

Kamenskikh M.S., Avdashkin A.A. (2023) «Nash drug Van»: kul'turnye frontiry v predstavleniyakh o kitaitsakh na Urale v period 1950-kh – nachala 1960-kh gg. [“Our friend Wang”: cultural frontiers in the

ideas of the Chinese in the Urals in the period of the 1950s – early 1960s]. Zhurnal frontirnykh issledovanii. [Journal of Frontier Studies [2023. Vol. 8. No. 1. P. 161–176. (In Russian).

Kapitsa M.S. (1970) Ehskalatsiya verolomstva [Escalation of treachery]. Moscow: Znanie, 1970. 32 p. (In Russian).

Larin A.G. (2009) Kitaiskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost' [Chinese migrants in Russia. History and modernity]. Moscow: Vostochnaya kniga, 2009. 512 p. (In Russian).

Larin A.G. (2003) Kitaitsy v Rossii vchera i segodnya [The Chinese in Russia yesterday and today]. Moscow: Muravey, 2003. 220 p. (In Russian).

Lukin A.V. Medved nabludaet za draconom. Obraz Kitaya v Rossii v 17–21 vekah [The Bear Watches the Dragon. The Image of China in Russia in the 17th–21st Centuries]. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. 598 p.

Nasledie kitaiskoi migratsii v regionakh Rossii: dokumenty i materialy [The Heritage of Chinese migration in Russia's regions: documents and materials] / M.S. Kamenskikh, A.A. Avdashkin, V.G. Datsyshen, O.V. Zalesskaya. Spb.: Mamatov, 2025. 114 p. (In Russian).

Perepiska upravleniya «MolotovstroI» po priemu rabochikh iz KNR [Correspondence of the Molotovstroy management on the reception of workers from China]. State Archive of the Perm Territory (GAPK). Fund. R-1084. Invent. 2. Case. 12. (In Russian).

Petrov A.I. (2003) Istoriya kitaitsev v Rossii 1856–1917 gody [The history of the Chinese in Russia 1856–1917]. St. Petersburg: Beresta LLC, 2003. 960 p. (In Russian).

Prikazy nachal'nika upravleniya stroitel'stva Molotovskoi MVD SSSR po proizvodstvennym voprosam [Orders of the head of the construction Department of the Molotov Ministry of Internal Affairs of the USSR on production issues] State Archive of the Perm Territory (GAPK). Fund. R-1084. Invent. 1. Case. 201. (In Russian).

Pyn Min (1959). Istoriya kitaisko-sovetskoi druzhby [The history of Sino-Soviet friendship]. Moscow: Publishing House of Social and Economic Sciences. lit., 1959. 360 p. (In Russian).

Sovetskaya molodeg (1958) [Soviet youth]. 1958, October 28. (In Russian).

Trest «VostokneftestroI» Ministerstva stroitel'stva predpriyatii neftyanoi promyshlennostiVostokneftestroy [Trust of the Ministry of Construction of Oil Industry Enterprises]. Municipal Archive of the city of Usolye Sibirskoe. Fund. R-32. Invent. 1. Case. 28. (In Russian).

Ural'skaya stroika (1958) [Ural construction site]. 1958. October 3. (In Russian).

Ural'skaya stroika (1961) [Ural construction site]. 1961. February 21. (In Russian).

Ural'skaya stroika (1958) [Ural construction site]. 1957. January 4. (In Russian).

Khrushchev N.S (1997). Vospominaniya [Memoirs]. Moscow: VAGRIUS, 1997. 512 p. (In Russian).

* * *

Duan Xiufeng 段秀峰, Li Xinsuo 李新锁 (2011). Qingyuan 1955: fusuyuanjian 清苑•1955: 赴苏援建 [Qingyuan. 1955. In Support of Soviet Construction]. Beijing: Xinhua, 2011. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 25.01.2026 Received: 25 January 2026.
Принята к публикации: 25.05.2026. Accepted: 25 May 2026.

ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

DOI: 10.48647/ICCA.2026.67.33.008

М.С. Смирнов

Китайская интерпретация мягкой силы и Институты Конфуция

Аннотация. В статье анализируется китайская интерпретация концепции мягкой силы и особенности ее практической реализации через инструменты культурной дипломатии. Особое внимание уделяется деятельности Институтов Конфуция как ключевого механизма продвижения китайского языка, культуры и международного образа Китайской Народной Республики. Рассматриваются различия между классическим пониманием мягкой силы, предложенным Дж. Наем, и его адаптацией в китайском политическом и научном дискурсе, где культурные, идеологические и внешнеполитические задачи рассматриваются как взаимосвязанные элементы государственной стратегии. На основе анализа зарубежных и российских исследований оценивается эффективность Институтов Конфуция как инструмента формирования международной привлекательности Китая, а также выявляются факторы, ограничивающие их потенциал, включая высокий уровень государственного контроля и неоднозначное восприятие в различных регионах мира. Делается вывод о том, что китайская модель мягкой силы носит институционализированный характер и формирует альтернативный подход к использованию культурной дипломатии в международных отношениях.

Ключевые слова: мягкая сила, культурная дипломатия, публичная дипломатия, Китай, Институты Конфуция, внешняя политика КНР, международные отношения.

Автор: *Смирнов Михаил Сергеевич*, студент 2-го курса магистратуры НИУ ВШЭ (современное востоковедение). ORCID: 0009-0001-4415-7750. E-mail: mssmirnov@edu.hse.ru

M • S • 斯米尔诺夫

软实力的中国解读与孔子学院

*摘要：*本文分析了中国对软实力概念的理解及其通过文化外交手段的具体实践。本文重点关注了孔子学院的活动，将其视为推广汉语、中国文化和中华人民共和国国际形象的关键机制。本文考察了约瑟夫 • 奈提出的“软实力”经典概念与其在中国

政治和学术话语中的变型之间的差异，后者将文化、意识形态和外交任务视为国家战略中相互关联的要素。基于对国际和俄罗斯相关研究的分析，本文评估了孔子学院作为塑造中国国际魅力工具的有效性，并指出了限制其潜力的因素，包括政府的高度控制以及世界各地对其两极分化的认识。本文的结论认为，中国的软实力模式具有体制化特征，并为国际关系中文化外交的运用提供了一种新的途径。

*关键词：*软实力；文化外交；公共外交；中国；孔子学院；中国外交政策；国际关系

*作者：*米哈伊尔·谢尔盖耶维奇·斯米尔诺夫，高等经济大学现代东方学专业二年级硕士研究生。ORCID：0009-0001-4415-7750。E-mail：mssmirnov@edu.hse.ru

Mikhail S. Smirnov

Chinese interpretation of soft power and Confucius Institutions

Abstract. The article examines the Chinese interpretation of the concept of soft power and the specific features of its practical implementation through instruments of cultural diplomacy. Particular attention is paid to the activities of Confucius Institutes as a key mechanism for promoting the Chinese language, culture, and international image of the People's Republic of China. The study highlights differences between Joseph Nye's classical understanding of soft power and its adaptation within Chinese political and academic discourse, where cultural, ideological, and foreign policy objectives are closely interconnected within a broader state strategy. Drawing on both international and Russian scholarly literature, the paper evaluates the effectiveness of Confucius Institutes as instruments of China's soft power and identifies factors limiting their impact, including strong state involvement and diverse perceptions across different regions of the world. The article concludes that the Chinese model of soft power represents a highly institutionalized approach that reflects an alternative understanding of cultural diplomacy in contemporary international relations.

Keywords: soft power, cultural diplomacy, public diplomacy, China, Confucius Institutes, Chinese foreign policy, international relations.

Author: *Mikhail S. Smirnov*, 2nd year student of the HSE Master's degree in Modern Oriental Studies. ORCID: 0009-0001-4415-7750. E-mail: mssmirnov@edu.hse.ru

Введение

В современных международных отношениях наряду с традиционными инструментами политического и экономического влияния все более значимую роль приобретают невоенные формы воздействия, объединяемые понятием мягкой силы. Соответствующая концепция, предложенная Джозефом Наем, предполагает достижение внешнеполитических целей посредством привлекательности культуры, ценностей и модели развития государства [Nye, 2004, p. 21–24].

Практическая реализация мягкой силы во многом осуществляется через механизмы публичной и культурной дипломатии, направленные на взаимодействие с зарубежной аудиторией, развитие гуманитарных контактов и укрепление международного доверия. В условиях глобальной конкуренции государств данные инструменты становятся важным элементом внешнеполитической стратегии и формирования благоприятной международной среды [Melissen, 2005, p. 4–6].

В начале XXI в. концепция мягкой силы получила широкое распространение за пределами западного политического пространства и была адаптирована рядом государств с учетом национальной специфики. Сам Дж. Най особенно выделял Азию как место, в котором способен возникнуть новый центр сосредоточения мягкой силы. Восточная Азия в начале XXI в. стала одним из наиболее динамичных регионов конкуренции мягкой силы. Наряду с Соединенными Штатами и Японией, традиционно воспринимаемыми в качестве лидеров культурной дипломатии, на международной арене все более активно заявляют о себе Китай и Республика Корея [Nye, 2004, p. 88–90].

Особый интерес представляет китайская трактовка мягкой силы, в рамках которой культурная дипломатия рассматривается как один из ключевых инструментов продвижения национальных интересов и укрепления международного влияния КНР.

Одним из ключевых инструментов данной стратегии стало создание сети Институтов Конфуция – государственных культурно-образовательных центров, призванных продвигать китайский язык и культуру за рубежом. С момента открытия первого Института Конфуция в 2004 г. эта сеть превратилась в крупнейшую в мире систему культурных центров, действующих более чем в 150 странах [Леонтьева, Белокопытова, 2016, с. 54–55]. Вместе с тем стремительное институциональное расширение Институтов Конфуция сопровождалось неоднозначной реакцией принимающих обществ: от положительного восприятия в ряде развивающихся стран до критики, закрытий и обвинений в политическом влиянии в западных демократиях.

В связи с этим возникает исследовательский вопрос: в какой степени Институты Конфуция являются эффективным инструментом культурной дипломатии и мягкой силы Китая и какие факторы ограничивают их способность формировать устойчивую привлекательность и доверие?

В статье выдвигается тезис о том, что, несмотря на высокую институциональную и количественную эффективность Институтов Конфуция, их вклад в формирование мягкой силы Китая ограничен структурным противоречием, заложенным в китайской интерпретации самого концепта мягкой силы. Под эффективностью в данном случае понимается совокупность нескольких показателей, среди которых устойчивость функционирования институтов, масштабы их международного распространения, образовательные результаты, выражающиеся в росте интереса к изучению китайского языка и культуры, а также способность данных институтов оказывать влияние на общественное восприятие Китая за рубежом.

Целью данного исследования стал анализ Институтов Конфуция как инструмента культурной дипломатии Китая в контексте концепции мягкой силы, а также выявление факторов, ограничивающих их способность конвертировать культурные ресурсы в устойчивую привлекательность и доверие со стороны зарубежных аудиторий.

Для достижения поставленной цели в статье предполагается решение следующих задач.

1. Проанализировать теоретические основания концепции мягкой силы, опираясь на работы Дж. Ная, с особым вниманием к проблеме конверсии ресурсов мягкой силы в реальные внешнеполитические и имиджевые результаты.
2. Рассмотреть особенности интерпретации концепта мягкой силы в китайском политическом и научном дискурсе, включая связь мягкой силы с моделью развития, политической стабильностью и идеологическим нарративом государства.
3. Выявить специфику функционирования Институтов Конфуция (включая их институциональную структуру, цели, масштабы распространения и формы деятельности) как одного из ключевых инструментов культурной дипломатии.
4. Оценить эффективность Институтов Конфуция как источника мягкой силы, выявив различия в их восприятии в западных демократических странах и в государствах Глобального Юга.

В академической литературе мягкая сила рассматривается как форма нематериального влияния, основанного на привлекательности, а не на принуждении; в классической трактовке Дж. Ная ключевой методологической проблемой выступает конверсия ресурсов (культура, ценности, политика) в устойчивые внешнеполитические и имиджевые результаты. На материале Китая данная проблема раскрывается в работах Б. Гилла и Я. Хуана, показывающих, что рост институциональных и культурных ресурсов КНР не гарантирует роста доверия и привлекательности, а политико-институциональные особенности и высокий уровень государственного контроля формируют структурные ограничения эффективности китайской мягкой силы. Существенное уточнение понятийной рамки предлагает Ш. Бреслин, подчеркивающий отсутствие единого понимания мягкой силы в применении к Китаю и необходимость различать собственно «привлекательность» в найевском смысле и государственно управляемые проекты продвижения национального образа, к которым часто относят Институты Конфуция. В российской китаеведческой литературе, в частности в исследованиях Е.И. Зеленева, М.А. Солощевой [Зеленев, Солощева, 2020; Зеленев, Солощева, 2021; Зеленев, Солощева, 2022], И.Е. Денисова [Денисов, 2020], С.В. Кривохиж и Е.Д. Соболевой [Кривохиж, Соболева, 2023], подчеркивается специфика китайского внешнеполитического дискурса, в котором культура, модель развития, идеология и политические цели образуют комплексную систему влияния, что позволяет объяснить политизацию культурной дипломатии КНР и неоднородность восприятия ее инструментов в разных регионах мира.

Интерпретации концепции мягкой силы

Сам по себе термин «мягкая сила» достаточно многозначен и обширен, критики этого подхода к международным отношениям отмечают, что мягкую силу довольно сложно очертить определенными рамками и еще сложнее измерить ее влияние. Раз-

ные исследователи по-разному отвечают на вопрос о том, что же из себя представляет эта самая мягкая сила. Так, например, А.В. Лукин в своей статье «Китай: мягкая сила и псевдообщественная дипломатия», говоря об усилении мягкой силы Китая, приводит такую интерпретацию: «…необходимо, чтобы модель развития Китая стала более привлекательной. Для этого, по их мнению, необходимо вкладывать больше средств в пропагандистские усилия, популяризируя свои достижения, в том числе и на культурном фронте» [Лукин, 2015, с. 263]. А.В. Лукин подчеркивает необходимость мягкой силы для достижения внешнеполитических целей невоенными средствами, акцентируя внимание не на простом увлечении культурой, языком или историей, а превращением в агента влияния страны, которая проецирует эту мягкую силу.

Подобная интерпретация вызывает дискуссии в академической литературе. В случае определения мягкой силы как активной поддержки модели развития страны или поддержки внешнеполитического курса, к самой мягкой силе примешивается в том числе и пропаганда, а это уже не мягкая сила в ее чистом виде. Если обратиться автору концепта Дж. Наю, «мягкая сила – это способность формировать предпочтения других, а не принуждать их». Там же читаем: «Страна может добиться желаемых результатов в мировой политике, потому что другие страны, восхищающиеся ее ценностями, берущие с нее пример, стремящиеся к ее уровню процветания и открытости, хотят следовать за ней» [Nye, 2004, p. 4]. Эта формулировка дает теоретическую основу: мягкая сила работает через привлекательность, культуру, ценности – а не через требование согласия с политикой или устройством государства.

Важным методологическим элементом концепции мягкой силы Дж. Ная является различие между ресурсами мягкой силы и ее результатами. Наличие культурных, исторических или образовательных ресурсов само по себе не означает автоматического формирования привлекательности или доверия. Как подчеркивает Най, ключевой проблемой мягкой силы является ее конверсия – способность трансформировать нематериальные ресурсы в устойчивые предпочтения и позитивное восприятие со стороны внешних аудиторий [Nye, 2004, p. 24–26]. В классической интерпретации поддержка политического курса является производным эффектом влияния мягкой силы, но не ее первоначальной целью.

В этом контексте китайский кейс представляется особенно показательным: обладая значительными ресурсами мягкой силы – богатой культурной традицией, языком, финансовыми возможностями и масштабными институциональными проектами, – Китай сталкивается с неоднородными результатами их восприятия в различных регионах мира.

В рамках подхода Ная принципиально важно различать привлекательность (attraction) и влияние (influence). Мягкая сила основывается прежде всего на способности вызывать добровольное притяжение, а не на стремлении непосредственно формировать политическое поведение внешних акторов [Nye, 2004, p. 27–28]. Попытки использовать культурные инструменты для прямого политического воздействия размывают границу между мягкой силой и пропагандой, снижая уровень доверия и подрывая саму основу привлекательности.

Рассмотрим еще одно определение мягкой силы: «Успех этой стратегии зависит от способностей государства создавать благоприятный образ, который остальной мир

сочтет привлекательным. Это достигается с помощью нематериальных ресурсов, таких как: культура; политические ценности; и внешняя политика» [Hill, 2019, p. 11–12]. Здесь мы вновь обращаем внимание на «привлекательность», хотя нельзя не отметить наличие рядом таких словосочетаний, как политические ценности и внешняя политика, но повторюсь, поддержка или согласие с ними не являются обязательным условием.

Как отмечалось во введении, именно культурная дипломатия отвечает за привлекательность с помощью культуры. Признанными гегемонами в этой сфере дипломатии являются США и Япония. Так, Япония активно проецирует свою культуру через различные государственные и негосударственные организации. Пусть это и не заставляет людей любить японскую систему государственной организации или японскую экономическую систему развития (хотя с этим можно поспорить), тем не менее, с точки зрения привлекательности культурной, Японии удалось совершить огромный скачок и приблизиться к США. В последнее время, однако, этот импульс сходит на нет, на арене появляются новые игроки, тоже из Азии. Корея и Китай уже догнали Японию в культурной сфере влияния, более того, они сами начали оказывать определенное «культурное давление» на своего соседа (стоит сказать про одержимость японцев корейскими дорамами и китайскими видеоиграми).

Китайское понимание мягкой силы

Прежде всего необходимо выяснить, как в самом Ките интерпретируют термин «мягкая сила», пришедший с Запада. Помимо уже известного нам определения Дж. Ная, китайские политологи акцентируют внимание на других составляющих мягкой силы. Так, например, туда также входят привлекательность стратегий развития государства, экономическая организации, информационная мощь идеологии, привлекательность социального строя, культурный потенциал и обаяние на международной арене [Лю, 2009, с. 149].

Возможно, именно китайская формулировка ближе к тому, о чем говорит А.В. Лукин в своей статье, так как она подчеркивает первостепенность привлекательности государственного устройства, экономической модели и политического строя, однако и про культуру сказано несколько слов. Тем не менее, кажется, что это разработки именно китайских специалистов, адаптирующих западный концепт под свои реалии и политические цели. Даже обозначение для одного из движущих механизмов мягкой силы – публичной дипломатии – в Китае звучит как «дуйвай сюаньчуань» 对外宣传 (внешняя пропаганда) [Wang, 2008, p. 259]. Понимание китайскими политиками того, как правильно заниматься публичной дипломатией сильно отличается от принятой на западе модели. Традиционная китайская дипломатия делает упор на отношения на высоком уровне, игнорируя при этом все, что происходит ниже. Страны рассматриваются через призму внутреннего опыта Китая. Сюда можно отнести и китайскую точку зрения в сильных позициях страны, если ее военная мощь и количество населения достаточно внушительны, и убеждение, что Китай должны уважать за историю и культуру, отсюда, возможно, такое пренебрежение культурной составляющей влияния мягкой силы Китая [Wang, 2008, p. 261].

В отличие от западной трактовки мягкой силы, основанной на разграничении культуры, политики и идеологии, китайская версия данного концепта формируется в рамках иной понятийной и нормативной логики. Как показывают исследования Е.И. Зеленева и М.А. Солощевой, внешняя политика Китая выстраивается как комплексный и стратегический проект, в рамках которого экономические, культурные, идеологические и политические инструменты используются во взаимосвязи и подчинены единой стратегической логике [Зеленев, Солощева, 2020]. В этом контексте культурная дипломатия выступает не самостоятельной сферой обменов, а элементом более широкой системы внешнего воздействия.

Китайские исследователи подчеркивают отличие от классической концепции Дж. Ная. В их понимании мягкая сила определяется не столько культурной привлекательностью, сколько политической моделью и международной легитимностью государства [Yan, Xu, 2008, p. 24–29]. Мягкая сила – это способность формировать международные предпочтения через моральное превосходство и стратегическую надежность. Подобный подход отражает специфику китайской интерпретации мягкой силы и объясняет ее институционализированный характер.

В китайских исследованиях 2010-х гг. уже можно проследить эволюцию в интерпретации концепта мягкой силы. Если в ранних работах акцент делался на политической модели и государственном управлении, теперь в исследованиях начинает преобладать культурно-экономическом контекст. Так, У Ю в своем исследовании отмечает возросшую активность распространения китайского языка, особенно с помощью институтов Конфуция, увеличение количества проводимых международных мероприятий, в том числе культурной направленности, а также активизацию использования средств массовой информации для распространения культурного влияния Китая [Wu, 2018, p. 767-70]. Кроме того, современные работы китайских авторов подчеркивают институционализацию мягкой силы как элемента государственной стратегии и обращают внимание не только на проблемы ее восприятия за рубежом, но и на неоднородность понимания концепта внутри КНР, что существенно понижает эффективность использования мягкой силы [Han, Cappelletti, 2025].

Экономический рост, политическая стабильность и управляемость развития рассматриваются китайской элитой не только как внутреннее достижение, но и как фактор внешнего влияния, способный формировать позитивное восприятие Китая за рубежом [Зеленев, Солощева, 2021, с. 5–14]. Тем самым модель развития становится частью того, что в западной терминологии описывается как ресурсы мягкой силы, однако в китайском дискурсе она не отделяется от идеологического и политического измерений.

Особенно наглядно данная логика проявляется в анализе китайской политики в Африке. В совместных работах Зеленева и Солощевой вводится концепция «стран-последователей», под которыми понимаются государства, не только сотрудничающие с Китаем, но и позитивно воспринимающие китайский опыт государственного управления и разделяющие ключевые элементы его внешнеполитического нарратива. Формирование таких стран-последователей предполагает не просто культурную симпатию, а более глубокую степень идейного и политического сближения, что существенно выходит за рамки западного понимания мягкой силы как исключительно привле-

кательного ресурса [Зеленев, Солощева, 2022, с. 12–21]. Культурные и образовательные инициативы в этом случае функционируют не как нейтральные каналы обмена, а как элементы более широкой системы внешнеполитической коммуникации.

Вместе с тем, как отмечают С.В. Кривохиж и Е.Д. Соболева, современное понимание влияния Китая на международной арене выходит за рамки классической концепции мягкой силы и связано с формированием дискурсивной гегемонии, то есть способности продвигать и закреплять собственные идеи, ценности и нормы в международном пространстве [Кривохиж, Соболева, 2023]. В этом контексте экономическая и политическая модель Китая выступает не только как объект восприятия, но и как элемент стратегического нарратива, направленного на переосмысление существующего мирового порядка.

Впрочем, такое количество разнообразных подходов к объяснению того, что же из себя представляет мягкая сила и каким образом ее эффективнее всего проецировать на другие страны, объяснимо тем, что с момента создания данного концепта Дж. Наем прошло уже 30 лет. В западной науке появилось большое количество интерпретаций, а если и создатели данного термина испытывают проблемы с его определением, неудивительно, что среди китайских исследователей нет единого мнения. Е.В. Журавлева, отмечает, что среди всех возможных разъяснений сущности мягкой силы в китайской науке можно выделить два подхода. Первый – о ключевом положении культуры, второй – о необходимости использовать и политическую составляющую мягкой силы. Наличие таких разных направлений в самом понимании концепта и обусловливает двойственность политики КНР в данном направлении [Журавлева, 2016].

Эволюция концепта на съездах КПК

Формирование мягкой силы Китая в современном понимании началось в 2002 г. в отчетном докладе ЦК КПК 16-му съезду партии. Первоначально речь шла лишь о концептуальном противодействии иностранным политико-идеологическим и культурно-экономическим акциям, указывавшим на рост «китайской угрозы» и предвещавшим неминуемый крах китайских реформ [Комиссина, Сведенцова, 2019, с. 13–14].

В 2007 г. XVII съезд КПК провозгласил задачу увеличения потенциала мягкой силы китайской культуры [Ху Цзиньтао, 2007]. По итогам съезда, в развитии мягкой силы Китая были обозначены несколько основных направлений: создание привлекательной системы социализма, формирование и распространение китайской традиционной культуры [Комиссина, Сведенцова, 2019, с. 14–15].

Исходя из направлений распространения мягкой силы, можно определить и основные цели культурной дипломатии (КД), которые тесно связаны с достижением внешнеполитических интересов и нейтрализацией негативных стереотипов.

- Основная задача КД – объяснить Китай миру и помочь иностранной общественности узнать настоящий Китай. Власти КНР стремятся к формированию позитивного образа в странах-партнерах. Именно помощь мягкой силы является краеугольным камнем в формировании позитивного международного имиджа.

- КД используется для борьбы с «китайской угрозой» в общественном мнении. Китай стремится успокоить своих соседей и разъяснить, что его «возвышение» не угрожает другим странам, а наоборот, способствует совместному процветанию.
- КД призвана способствовать мирному подъему Китая как глобальной державы. Китайская модель развития, ориентированная на экономический рост и политическую стабильность, представляется привлекательной для развивающихся стран (особенно в Африке и Юго-Восточной Азии), которые готовы отказаться от некоторых гражданских свобод в обмен на гарантии роста благосостояния.

На XVIII съезде КПК (2012 г.) концепция мягкой силы была интегрирована в стратегию национального возрождения, где культура стала рассматриваться как фундамент международной конкурентоспособности Китая. В отчете с этого съезда (который Ху Цзиньтао озвучил от имени Центрального комитета) впервые появилось четкое признание роста культурной мягкой силы как элемента национального развития [Хубриков, 2019].

Кроме того, в отчете подчеркивается «углубление социалистической системы ценностей» и расширение культурной продукции, что напрямую коррелирует с попытками создания устойчивого культурного капитала за рубежом – ключевого компонента мягкой силы [Ху Цзиньтао, 2012].

К XIX съезду КПК (2017 г.) концепция мягкой силы в китайском политическом дискурсе претерпела существенную трансформацию. Если на XVIII съезде акцент делался преимущественно на культурном возрождении и укреплении национальной идентичности, то в период подготовки XIX съезда мягкая сила стала рассматриваться как элемент формирования международного дискурсивного влияния Китая [Борох, Ломанов, 2018, с. 59–61].

При Си Цзиньпине происходит переход от классической модели мягкой силы к концепции дискурсивной силы, вдохновленной идеями М. Фуко о власти через производство знания и смыслов. Фокус смещается с простого «нравиться другим» к формированию того, что должно нравиться [Денисов, Зуенко, 2022, с. 12–18]. Больше нет необходимости влиять на массы, теперь главная цель – повлиять на тех, кто определяет предпочтения большинства.

Как отмечает И.Е. Денисов, в эпоху Си Цзиньпина на первый план выдвигается задача укрепления «международной дискурсивной силы» (话语权), понимаемой как способность формировать глобальную мировую повестку и влиять на международные отношения [Денисов, 2020, с. 45–49]. Китай вновь заимствует западный концепт и адаптирует его под свои нужды. Однако является ли «дискурсивная сила» действительно чем-то новым, не относящимся к мягкой силе? Ответить на этот вопрос будет возможно только по прошествии некоторого времени, которое необходимо для подведения промежуточных итогов новой стратегии.

Несмотря на новые направления во внешней политике в докладе Си Цзиньпина на XX съезде Коммунистической партии Китая (2022 г.) концепция мягкой силы все еще используется в качестве одного из основных пунктов. В документе подчеркивается необходимость повышения качества культурной мягкой силы и улучшения международной коммуникации Китая, а также продвижения китайской культуры и укрепления ее привлекательности за рубежом [Си Цзиньпин, 2022].

Таким образом, китайская концепция мягкой силы прошла несколько этапов, прежде чем пришла к нынешнему состоянию. Эта современная интерпретация объединяет многовековые культурные основы с «социалистическими ценностями», которые распространяются почти на все сферы общественной жизни, придавая китайской интерпретации значительно больший масштаб и политический вес, чем «оригинал» Ная [Солощева, 2026, с. 12]. Современная китайская мягкая сила – это прагматичная сила, которая остается мягкой, только пока это выгодно. Это свидетельствует о том, что она перестала быть узкокультурным инструментом и стала частью широкой государственной стратегии формирования международного имиджа и глобального влияния.

Особенности китайской мягкой силы

В случае Китая стоит обратить внимание на принципиальное различие между мягкой силой как пассивно возникающей привлекательностью, основанной на восприятии культуры, ценностей и политического устройства, и целенаправленными государственными проектами по продвижению национального образа за рубежом. В китайском дискурсе мягкая сила, как правило, рассматривается именно как активный государственный проект, требующий институциональной поддержки, финансирования и координации со стороны властей, а не как спонтанный результат культурного развития.

Так, например, Ш. Бреслин в своей статье предлагает аналитически разделять различные формы «нематериальной» силы Китая, включая собственно мягкую силу, национальное имиджевое продвижение и нормативное влияние. Деятельность Институтов Конфуция, с его точки зрения, в большей степени относится ко второму измерению – активному формированию предпочтительного образа Китая, нежели к мягкой силе в узком «найевском» смысле, основанной на добровольной привлекательности [Breslin, 2010, p. 5–11]. Такое разграничение позволяет точнее оценивать как возможности, так и ограничения китайской культурной дипломатии, не смешивая различные механизмы внешнего воздействия.

Одним из наиболее авторитетных исследований, посвященных анализу эффективности мягкой силы Китая, является работа Б. Гилла и Я. Хуана, в которой внимание сосредоточено на соотношении ресурсов мягкой силы и реальных внешнеполитических результатов. Авторы подчеркивают, что наличие значительных культурных, исторических и образовательных ресурсов само по себе не гарантирует успешной конверсии мягкой силы в устойчивое международное влияние [Gill, Huang, 2006, p. 17–36].

Гилл и Хуан выделяют ряд структурных ограничений, препятствующих эффективной реализации китайской мягкой силы. К их числу относятся, во-первых, дисбаланс между масштабами культурных инициатив и условиями их автономного функционирования, во-вторых, проблемы легитимности китайской внешней политики в ряде регионов, и, в-третьих, недостаточная согласованность между различными элементами государственной стратегии – внешнеполитическими установками, идеологическими нарративами и националистической риторикой [Gill, Huang, 2006, p. 27–31].

Структура ИК и их восприятие за рубежом

Одной из первых стратегий, реализованных в рамках продвижения мягкой силы, стало создание Институтов Конфуция (ИК). В 2004 г. первый Институт был открыт в Сеуле, по состоянию на 2016 г. в мире насчитывалось 500 Институтов Конфуция в 134 странах [Леонтьева, Белокопытова, 2016, с. 54–55]. ИК являются государственными культурно-образовательными центрами, создаваемыми на базе зарубежных учебных заведений – партнеров КНР, а значит Институты становились движущей силы именно культурной дипломатии, отвечающий исключительно за этот аспект в рамках общего концепта продвижения китайской мягкой силы.

Институты Конфуция создаются на основе соглашений между принимающим университетом, китайским университетом-партнером и координирующей организацией «Ханьбань» (в настоящее время — Центр по развитию языкового образования и сотрудничества при Министерстве образования КНР). Организационная модель предполагает систему двойного руководства: директор назначается как китайской стороной, так и принимающим университетом, а стратегические решения принимаются на основе согласования. Финансирование носит смешанный характер – китайская сторона обеспечивает стартовый капитал, направляет преподавателей и методические материалы, тогда как принимающий вуз предоставляет инфраструктуру и административную поддержку [Lahtinen, 2015, p. 214–216].

Формально Институты Конфуция функционируют как подразделения принимающих университетов, однако содержание образовательных программ и кадровая политика в значительной степени координируются китайской стороной. Подобная модель сочетает элементы партнерства и институционального контроля, что обусловливает дискуссии о пределах академической автономии данных структур.

Официальная и основная миссия Институтов Конфуция заключается в распространении китайского языка и передаче базовых знаний о культуре Китая. Эти учреждения направлены на углубление понимания Китая за рубежом и укрепление дружественных связей между КНР и другими странами.

Как отмечалось ранее, Институты Конфуция выступают передовой формой культурного присутствия Китая, выполняя роль инструмента продвижения не только языка и искусства, но и мягкой силы в целом. Помимо образовательных задач, они способствуют расширению влияния китайской культуры и повышению ее привлекательности на глобальном уровне. Кроме того, деятельность Институтов Конфуция имеет стратегический образовательный аспект: они формируют сообщество учащихся, которые впоследствии становятся потенциальными студентами китайских вузов. Таким образом, через систему институтов создается социальная и интеллектуальная база будущих специалистов и лидеров общественного мнения, настроенных доброжелательно по отношению к Китаю и его культурным ценностям [Леонтьева, Белокопытова, 2016, с. 55].

Несмотря на значительные успехи Институтов Конфуция в продвижении китайского языка и культуры за рубежом, их деятельность столкнулась с серьезным внешним вызовом – проблемой доверия. В ряде западных стран эти учреждения все чаще рассматриваются как инструменты политического влияния Китая, а не как площадки

культурного обмена. Средства массовой информации нередко характеризуют Институты Конфуция как органы идеологической пропаганды, продвигающие официальную позицию Пекина [Селезнева, 2021, с. 300].

Постоянное внимание к вопросам китайского языка и культуры иногда приводило к тому, что студенты начинали воспринимать китайскую точку зрения по политически чувствительным темам – таким как Тайвань и Тибет, что вызывало беспокойство в университетах, придерживающихся принципов академической свободы и нейтральности образования. Возвращаясь к вопросу о том, может ли культура проецировать и политические ценности, как выясняется – может. Вследствие этого ряд зарубежных вузов, включая Университет Чикаго, приняли решение прекратить сотрудничество с китайской стороной и закрыть Институты Конфуция [Комиссина, Сведенцова, 2019, с. 22].

При этом даже некоторые китайские исследователи признают, что формирование негативного отношения во многом связано с чрезмерным участием государственных структур КНР в деятельности институтов, что порождает обвинения в культурной экспансии и подпитывает восприятие концепции «китайской угрозы» [Селезнева, 2021, с. 300].

С другой стороны, ИК и в целом политика мягкой силы КНР воспринимаются позитивно во многих развивающихся странах. Китайская модель развития привлекательна для стран Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, которые видят в КНР мощную нацию, способную обеспечить политическую стабильность, экономический рост и процветание [Леонтьева, Белокопытова, 2016, с. 56].

В странах Африки привлекательность китайской модели развития во многом связана с экономическим сотрудничеством и инфраструктурными инвестициями, которые сопровождаются активной медийной стратегией Китая. Исследования показывают, что сочетание экономического присутствия и расширения китайских медиаплатформ формирует альтернативный дискурс развития, отличающийся от западных моделей [Zhang, Wasserman, 2016, p. 32–36]. При этом образовательные программы и культурные инициативы рассматриваются как часть более широкой стратегии укрепления двусторонних связей [Zhang, Wasserman, 2016, p. 41–45].

В Латинской Америке (например, в Перу и Чили) интерес к китайскому языку и образовательным программам во многом обусловлен растущими торгово-экономическими связями с КНР. Исследования подчеркивают, что Институты Конфуция здесь функционируют преимущественно как механизм повышения профессиональной конкурентоспособности студентов в условиях углубляющегося экономического взаимодействия [Gil, 2009, p. 63–65].

Китайские показатели экономического роста и сокращения бедности впечатляют, и тот факт, что этого удалось достичь, не поддаваясь давлению Запада с целью проведения реформ и политической либерализации, особенно привлекателен для тех, кто хотел бы добиться того же в своих странах, используя схожие методы [Breslin, 2010, p. 7–9].

Таким образом, позитивное восприятие китайской мягкой силы в развивающихся регионах определяется не только культурной привлекательностью, но и прагматическими соображениями, связанными с экономическими возможностями и альтерна-

тивной моделью модернизации. В отличие от западных стран, где деятельность Институтов Конфуция часто рассматривается через призму академической автономии, правительство развивающихся государств интересует в основном практическая составляющая сотрудничества.

Эффективность Институтов Конфуция

Вопрос об эффективности Институтов Конфуция как инструмента мягкой силы Китая является одним из ключевых в изучении культурной дипломатии современного Китая. С момента основания первого Института в 2004 г. Китай к концу 2010-х гг. построил крупнейшую в мире сеть культурных центров, насчитывающую, по данным «Ханьбань», более 530 Институтов Конфуция в более чем 150 странах мира [Hartig, 2016, p. 1–2]. Эта сеть стала главным каналом продвижения китайского языка, культуры и образовательных программ, а также инструментом формирования позитивного образа Китая на международной арене.

С одной стороны, деятельность Институтов Конфуция демонстрирует высокий уровень результативности в количественном и институциональном аспектах. Ежегодно десятки тысяч студентов по всему миру изучают китайский язык и культуру в рамках программ этих центров, принимают участие в культурных фестивалях, конкурсах и образовательных обменах. Именно благодаря этим Институтам китайский язык стал одним из самых быстрорастущих по числу изучающих в мире, а само восприятие Китая у зарубежной молодежи стало более ассоциироваться с современными и культурными ценностями, а не исключительно с экономической мощью и авторитаризмом [Starr, 2009, p. 69–70].

На начало 2020-х ежегодно десятки тысяч студентов по всему миру изучают китайский язык и культуру в рамках программ Институтов Конфуция, участвуют в культурных фестивалях и образовательных обменах. Согласно официальным данным, число изучающих китайский язык иностранцев в мире превысило 20 млн человек, а количество всех тех, кто изучает и использует его, приближается к 200 млн человек по всему миру [Китайский язык…], что свидетельствует о значительном росте интереса к китайской языковой и культурной среде в мире. Деятельность почти 500 Институтов Конфуция в 161 стране создает широкую инфраструктуру для этого образовательного процесса [Nearly 500…].

Более того, Институты Конфуция выполняют функцию мягкого посредничества, создавая платформу для диалога и культурного взаимодействия между Китаем и принимающими странами. Они способствуют укреплению академического и образовательного сотрудничества, а также развитию публичной дипломатии.

Если в период руководства Ху Цзиньтао подобная деятельность соотносилась с концепцией «гармоничного мира» («хэсе шицзе» 和谐世界), то в эпоху Си Цзиньпина она встроена в более широкую стратегию формирования «сообщества единой судьбы человечества» («жэньлэй минюнь гунтунти» 人类命运共同体). В современном партийном дискурсе развитие культурного сотрудничества и международных образовательных связей рассматривается как инструмент укрепления культурной уверенности Китая и расширения его международного влияния.

Подобно другим национальным культурным институтам, ИК выполняют политическую функцию формирования благоприятного образа страны за рубежом. Однако высокий уровень государственного контроля и тесная связь с официальными структурами КНР нередко подрывают доверие к Институтам Конфуция и ограничивают их восприятие как нейтральных посредников культурного обмена [Gill, Huang, 2006, p. 29–31].

С другой стороны, деятельность Институтов Конфуция вызвала значительные дискуссии в академической и политической среде. В ряде стран они подверглись критике в связи с возможным влиянием китайского государства на академическую свободу и содержание образовательных программ. С конца 2010-х гг. в некоторых государствах начался процесс закрытия или реорганизации этих центров. Так, в США число Институтов Конфуция сократилось примерно со 100 в 2019 г. до менее чем пяти в начале 2020-х гг. [U.S. GAO, 2024]. По данным Национальной ассоциации ученых, из 118 Институтов, ранее действовавших в США, 104 были закрыты или находились в процессе закрытия [Peterson, 2022]. Аналогичные процессы наблюдались и в Европе: например, в последние годы были закрыты Институты в Центральной Европе, например, в университетах Лиона и Нантера во Франции [Turcsányi, Šimalčík, 2023].

Таким образом, эффективность Институтов Конфуция как инструмента мягкой силы напрямую зависит от контекста восприятия Китая в принимающем обществе. Как уже отмечалось, в странах Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, где влияние Китая воспринимается преимущественно позитивно, деятельность Институтов воспринимается как возможность образовательного и культурного развития. В то же время в западных демократиях, где культурная дипломатия Китая нередко интерпретируется как элемент государственной пропаганды, они теряют свою привлекательность и не достигают целей «убеждения через привлекательность».

Заключение

Уже на уровне понимания мягкой силы Китай обозначил для себя несколько другие цели, по сравнению с создателем этого концепта Дж. Наем. Кроме стандартной привлекательности, базирующейся на культуре, ценностях, политике, Китай привносит в концепт новые содержательные элементы. Если в западной теории мягкая сила рассматривается прежде всего как способность государства добиваться желаемых результатов за счет привлекательности культуры, ценностей и политических институтов, то китайская интерпретация этого концепта включает также элементы стратегического продвижения национальной модели развития. В результате мягкая сила КНР приобретает более комплексный характер, сочетая культурную дипломатию, экономическое влияние и элементы политической презентации китайской модели управления.

Сама идея таких институтов, как ИК, не нова и достаточно продуктивна (стоит вспомнить хотя бы Японский Фонд или Институты Гете). Китай показал, что готов вкладывать серьезные ресурсы для распространения своего культурного влияния за рубежом. Однако китайские Институты функционируют в условиях более высокой степени государственного участия и контроля, что в сочетании с геополитическими

факторами усиливает подозрения со стороны западных стран. В результате деятельность Институтов Конфуция оказывается в центре политических дискуссий о влиянии Китая на академическую среду.

Говоря об эффективности ИК, стоит признать, что за небольшой промежуток времени, они действительно стали разветвленной сетью образовательных организаций, охватывающих огромное количество стран. Интерес к китайской культуре и языку действительно усиливается с каждым годом, несмотря на активный скептицизм западных стран, но у всего есть предел, и если Китай не начнет предпринимать серьезные шаги по реорганизации Институтов, этот проект рискует остаться только инициативой, реализуемой в развивающихся странах, где основными аспектами привлекательности Китай скорее служат та самая модель экономического развития и политический строй, которые и сам Китай считает первостепенными.

Вместе с тем дальнейшая эффективность данного механизма во многом зависит от способности Китая адаптировать свою стратегию мягкой силы к ожиданиям международного сообщества. Повышение прозрачности деятельности Институтов, расширение академической автономии и диверсификация исследовательских программ могли бы снизить уровень политизации вокруг этих структур и укрепить их культурно-образовательную роль.

Таким образом, Институты Конфуция являются важным элементом современной китайской стратегии мягкой силы, однако их деятельность отражает специфику китайского подхода к данному концепту. В отличие от классической «найевской» модели, китайская версия мягкой силы стремится интегрировать культурное влияние, экономическое сотрудничество и политическое позиционирование государства. Именно эта особенность одновременно обеспечивает масштабность китайских инициатив и порождает противоречивое отношение к ним на международной арене.

Библиографический список

Борох О., Ломанов А. Новая эпоха Китая: от обогащения к усилению // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 3. С. 59–70. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-59-70.

Денисов И. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. 2020. № 4. с.42–52.

Денисов И., Зуенко И. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. Москва: МГИМО-Университет, 2022. 24 с.

Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК // Китайский информационный интернет-центр. 2007. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.htm (дата обращения: 03.03.2026).

Доклад Ху Цзиньтао на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (8 ноября 2012 г.) // Правительство КНР. 2012. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content_2268826.htm (дата обращения: 03.03.2026).

Журавлева Е. Стратагема красотки: теории «Мягкой силы» с китайской спецификой // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. № 1. С. 17–31.

Зеленев Е., Солощева М. Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Ч. 1 // Азия и Африка сегодня. 2022. № 7. С. 12–21.

Зеленев Е., Солощева М. Китайское проникновение в Африку: сравнительно-историческая ретроспектива // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 3. С. 29–45.

Зеленев Е., Солощева М. 20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее // Азия и Африка сегодня. 2021. № 2. С. 5–14.

Китайский язык изучают более 20 млн человек за пределами Китая // Жэньминь жибао онлайн. 2021. URL: https://russian.people.com.cn/n3/2021/0708/c31517-9869832.html (дата обращения: 03.03.2026).

Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18, № 2. С. 178–192. DOI:10.17323/1996-7845-2023-02-09

Комиссина И., Сведенцова Л. Политика «мягкой силы» Китая в Азии // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 3 (54). С. 11-67.

Леонтьева Э.О., Белокопытова М.С. Институты Конфуция как инструмент внешней политики КНР // Регионалистика. 2016. Т. 3, № 5. С. 51–59.

Лукин А.В. Китай: «мягкая сила» и псевдообщественная дипломатия // Возвышающийся Китай и будущее России: сборник статей. Москва: Международные отношения, 2015. С. 263–278.

Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149–155

Селезнева Н. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. № 26. С. 300–315.

Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (16 октября 2022 г.) // Коммунистическая партия Китая. 2022. URL: https://www.idcpc.org.cn/english2023/tjzl/cpcjj/20thPartyCongrssReport/ (дата обращения: 03.03.2026).

Солощева М. Китайская мягкая сила: от настороженного анализа к применению в африканской политике // Российское китаеведение. 2026. № 1(14). С. 6–23

Хубриков Б. «Мягкая сила» КНР в эпоху Си Цзиньпина // Дискурс-Пи. 2019. № 1(34). С. 77–88.

References

Borokh O., Lomanov A. (2018). Novaya epokha Kitaya: ot obogashcheniya k usileniyu [China’s New Era: From Enrichment to Strengthening]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. Vol. 62. No. 3. P. 59–70. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-59-70

Denisov I. (2020). Kontseptsiya “diskursivnoy sily” i transformatsiya kitayskoy vneshney politiki pri Si Tszin'pine [The Concept of “Discursive Power” and the Transformation of China’s Foreign Policy under Xi Jinping]. Sravnitelnaya politika [Comparative Politics]. No. 4. P.42–52. (In Russian).

Denisov I., Zuenko I. (2022). Ot myagkoy sily k diskursivnoy sile: novye ideologemy vneshney politiki KNR [From Soft Power to Discursive Power: New Ideologemes of China’s Foreign Policy]. Moscow, MGIMO-University. 24 p. (In Russian).

Hu Jintao (2007). Doklad Hu Jintao na XVII s”ezde KPK [Hu Jintao’s report to the CPC’s 17th Congress]. Kitajskij informacionnyj internet-centr [Government of the People's Republic of China]. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.htm) (accessed: 03.03.2026). (In Russian).

Hu Jintao (2012). Doklad na XVIII Vsekitayskom s"ezde Kommunisticheskoy partii Kitaya [Report to the 18th National Congress of the Communist Party of China]. Government of the PRC, URL: https://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content_2268826.htm (accessed: 03.03.2026) (In Russian).

Khubrikov B. (2019). “Myagkaya sila” KNR v epokhu Si Tszin'pina [China’s Soft Power in the Era of Xi Jinping]. Diskurs-Pi. No. 1 (34). P. 77–88. (In Russian).

Kitayskiy yazyk izuchayut bolee 20 mln chelovek za predelami Kitaya [More than 20 Million People Study Chinese Outside China]. People’s Daily Online, 2021. URL: https://russian.people.com.cn/n3/2021/0708/c31517-9869832.html (accessed: 03.03.2026). (In Russian).

Komissina I., Svedentsova L. (2019). Politika “myagkoy sily” Kitaya v Azii [China’s Soft Power Policy in Asia]. Problemy natsional'noy strategii [Government of the People's Republic of China]. No. 3 (54). P. 11–67. (In Russian).

Krivokhizh S., Soboleva E. (2023). KNR i bor'ba za diskursivnuyu gegemoniyu: rol strategicheskikh narrativov [China and the Struggle for Discursive Hegemony: The Role of Strategic Narratives]. Vestnik mezhdunarodnyh organizacij [International Organisations Research Journal]. Vol. 18. No. 2. P. 178–192. (In Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2023-02-09

Leontieva E., Belokopytova M. (2016). Instituty Konfutsiya kak instrument vneshney politiki KNR [Confucius Institutes as an Instrument of China's Foreign Policy]. Regionalistika [Regionalism]. Vol. 3, No. 5. P. 51–59. (In Russian).

Liu Zaiqi (2009). "Myagkaya sila" v strategii razvitiya Kitaya ["Soft power" in China's Development strategy]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political research]. No. 4. P. 149–155. (In Russian).

Lukin A. (2015). Kitay: "myagkaya sila" i psevdoobshchestvennaya diplomatiya [China: "Soft Power" and Pseudo-Public Diplomacy], in: Vozvyshayushchiysya Kitay i budushchee Rossii [The Rising China and the Future of Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations]. P. 263–278. (In Russian).

Soloshcheva M. (2026). Kitayskaya myagkaya sila: ot nastorozhennogo analiza k primeneniyu v afrikanskoy politike [China's Soft Power: From Cautious Analysis to Its Application in African Policy]. Rossiyskoe kitaevedenie [Russian Sinology]. No. 1 (14). P. 6–23. (In Russian).

Selezneva N. (2021). Instituty Konfutsiya kak instrument "myagkoy sily" Kitaya: problemy i perspektivy razvitiya v novuyu epokhu [Confucius Institutes as a Tool of China's Soft Power: Problems and Prospects in the New Era]. Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]. No. 26. P. 300–315. (In Russian).

Xi Jinping. (2022). Doklad na XX Vsekitayskom s"ezde Kommunisticheskoy partii Kitaya (16 oktyabrya 2022 g.) [Report to the 20th National Congress of the Communist Party of China]. International Department of the CPC. URL: https://www.idcpc.org.cn/english2023/tjzl/cpcjj/20thPartyCongrssReport/ (accessed: 03.03.2026). (In Russian).

Zelenev E., Soloshcheva M. (2022). Kitay v Afrike: ot stran-partnerov k stranam-posledovatelyam. Chast 1 [China in Africa: From Partner Countries to Follower Countries. Part 1]. Aziya i Afrika Segodnya [Asia and Africa Today]. No. 7. P. 12–21. (In Russian).

Zelenev E., Soloshcheva M. (2020). Kitayskoe proniknovenie v Afriku: sravnitel'no-istoricheskaya retrospektiva [Chinese Penetration into Africa: a Comparative Historical Retrospective]. Sravnitel'naya Politila [Comparative Politics Russia]. Vol. 11. No. 3. P. 29–45. (In Russian).

Zelenev E., Soloshcheva M. (2021). 20 let politiki KNR v Afrike: iz proshlogo v budushchee [20 Years of China's Policy in Africa: From the Past to the Future]. Aziya i Afrika Segodnya [Asia and Africa Today]. No. 2. P. 5–14. (In Russian).

Zhuravleva E. (2016). Stratagema krasotki: teorii "myagkoy sily" s kitayskoy spetsifikoy [The "Beauty Trap" Stratagem: Theories of "Soft Power" with Chinese Characteristics] Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the RUDN University. Series: International Relations]. No. 1. P. 17–31. (In Russian).

* * *

Breslin S. (2010). China Engages Asia: The Soft Notion of China's Soft Power. Ethos. No. 8. P. 5–12.

Gill B., Huang Y. (2006). Sources and Limits of Chinese Soft Power. Survival. Vol. 48. No. 2. P. 17–36.

Gil J. A. (2009). "China's Confucius Institute Project: Language and Soft Power in World Politics". Global Studies Journal 2.1. P. 59–72.

Han Y., Cappelletti A. (2025). Perceptions of China's soft power: exploring the cognition wall through the case of the Confucius Institute. Humanit Soc Sci Commun 12, 1090. URL: https://doi.org/10.1057/s41599-025-05359-w (accessed: 05.04.2026).

Hartig F. (2016). Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute. London: Routledge. 224 p.

Hill C. (2019). The Art of Attraction: Soft Power and the UK's Role in the World. London: The British Academy. 57 p.

Lahtinen A. (2015). "China's soft power: Challenges of Confucianism and Confucius Institutes". Journal of Comparative Asian Development 14.2. P. 200–226.

Melissen J. (ed.). (2005). The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 221 p.

Nearly 500 Confucius Institutes operate worldwide. Global Times. 2024. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202411/1323156.shtml (accessed: 03.03.2026).

Nye J. S. Jr. (2004). Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs. 191 p.

Peterson R. After Confucius Institutes: China's Enduring Influence on American Higher Education / National Association of Scholars. New York: NAS, 2022. URL: https://www.nas.org/reports/after-confucius-institutes/full-report (accessed: 05.03.2026).

Starr D. (2009). Chinese Language Education in Europe: The Confucius Institutes. Cambridge: University of Cambridge. P. 65–82.

Turcsányi R., Šimalčík M. (2023). France: An Uneven Awakening to the Risks Posed by China in Academic Cooperation. Central European Institute of Asian Studies. URL: https://ceias.eu/france-an-uneven-awakening-to-the-risks-posed-by-china-in-academic-cooperation/ (accessed: 05.03.2026).

U.S. Government Accountability Office. Confucius Institutes: Actions Needed to Address Risks Related to Foreign Influence in Higher Education. Washington, DC: GAO, 2024. URL: https://www.gao.gov/products/gao-24-105981 (accessed: 05.03.2026).

Wang Y. (2008). Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power. The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 616. P. 257–273.

Wu Y. (2018). The Rise of China with Cultural Soft Power in the Age of Globalization. Journal of Literature and Art Studies. 8. No. 5. P. 763–778. DOI: 10.17265/2159-5836/2018.05.006

Yan Xuetong, Xu Jin 阎学通，徐进 (2008). Zhongmei ruan shilibijiao 中美软实力比较 [A comparison of American and Chinese Soft Power]. Xiandai Guoji Guanxi 现代国际关系 [Modern International Relations]. No.1. P.24-29. (In Chinese).

Zhang X., Wasserman H., Mano W. (Eds.) (2016). China's Media and Soft Power in Africa: Promotion and Perception. Palgrave Macmillan. 237 p.

Поступила в редакцию: 15.05.2026 Received: 15 May 2026.
Принята к публикации: 25.05.2026. Accepted: 25 May 2026

IN MEMORIAM

DOI: 10.48647/ICCA.2026.17.88.009

С.А. Комиссаров[1], *С.Н. Гончаров*[2], *А.И. Соловьев*[3]

Российский востоковед Серикбек Кожанов (К 70-летию со дня рождения)

S.A. Komissarov[4], *S.N. Goncharov*[5], *A.I. Solovyev*[6]

The Russian Orientalist Serikbek Kozhanov (On the Occasion of His 70th Birthday)

科米萨罗夫 S. A. ，贡恰罗夫 S. N. ， A. I. 索洛维约夫

纪念俄罗斯东方学家谢里克别克·科扎诺夫诞辰 70 周年

7 октября 2025 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Серикбека Кожанова, которому не суждено было дожить до юбилея. Эти заметки – дань памяти друга и коллеги.

Будучи 100-процентным казахом по крови, он жил как гражданин мира и, оставаясь сыном своего народа, стал известным российским востоковедом [Милибанд, 2008, с. 650].

[1] *Комиссаров Сергей Александрович* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. E-mail: sergai@mail.ru

[2] *Гончаров Сергей Николаевич* – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН.

[3] *Соловьёв Александр Иванович* – доктор политических наук, кандидат философских наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: a.solovev@inno.mgimo.ru

[4] *Sergey A. Komissarov*, Cand.Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: sergai@mail.ru

[5] *Sergey N. Goncharov*, Cand.Sc. (History), Leading Researcher, Department of China, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

[6] *Alexander I. Solovyov*, Dr.Sc. (Political Science), Cand.Sc. (Philosophy), Head of the Department of Political Analysis, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University. E-mail: a.solovev@inno.mgimo.ru

Серикбек Тлепбаевич Кожанов (07.10.1955–27.06.2016) родился в семье старшего офицера, участника Великой Отечественной войны. В детстве ему довелось несколько лет прожить в ГДР, где его отец служил в Группе советских войск. Благодаря явным языковым способностям юный Серик неплохо освоил немецкий разговорный язык. Впоследствии, когда судьба сделала очередной поворот и Серикбек приехал на работу в Германию, полученные в юности навыки помогли быстро освоить немецкий на уровне свободного владения.

По возвращении в СССР семья жила в Новосибирске, где Серик окончил школу и поступил в Новосибирский государственный университет (НГУ). Там он начал изучать язык и историю Китая в составе первой восточной группы с усиленным изучением китайского языка, созданной в 1972 г. на гуманитарном факультете. На 3-м курсе он вместе с двумя однокашниками (С.Н. Гончаровым и В.В. Евсюковым) был переведен на восточный факультет Ленинградского университета для углубленного изучения вэньяня. Дипломную работу, посвященную сунского-цзиньским отношениям, он написал и защитил под руководством известного китаиста, профессора Г.Я. Смолина; на основе этого сочинения была впоследствии написана большая обзорная статья [Кожанов, 1980]. После окончания вуза Серикбек несколько лет работал в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, где участвовал в археологических экспедициях на территории Хакасии, а также исследовал вооружение и военное дело эпохи Хань. По этой теме он опубликовал более десяти статей и практически завершил подготовку кандидатской диссертации, которую, к сожалению, не успел представить к защите. Он также в течение без малого 10 лет преподавал в НГУ, где читал большой раздел, посвященный Индии, в об-

щем курсе «Истории стран Азии и Африки», участвовал в разработке и публикации учебных программ и методических материалов, активно писал статьи по современному Китаю для местных газет. В 1989–1990 гг. он прошел годичную языковую стажировку в Тяньцзиньском институте иностранных языков.

Затем настал период воинской службы. Отслуживший полтора года в качестве рядового и сержанта, Серикбек был вновь призван в качестве офицера, а затем переведен в кадры по партийному набору. Изначально воинская карьера не входила в его планы, но служил он достойно и вышел в запас в звании подполковника. В жизни ему не раз приходилось круто менять свои занятия, но при этом всегда сохранять высокий профессионализм и ответственность за порученное дело. Следует добавить, что он всегда был очень тонким и тактичным человеком и сохранял эти качества во всех жизненных ситуациях.

Далее была работа в коммерческих структурах, прежде всего, в представительстве авиакомпании «Сибирь» (ныне – S7) в Пекине. Последние 15 с лишним лет своей жизни Серикбек жил и работал в Германии, сначала во Франкфурте-на-Майне, затем в Мюнхене, где стал известным и востребованным специалистом в сфере авиаперевозок.

И хотя он так и не вернулся к научной деятельности, но продолжал заниматься синологией в широком смысле этого слова. В частности, в 1998 г. им был издан аннотированный путеводитель [Кожанов, 1998], который выгодно отличался от других сочинений этого жанра. В нем описание достопримечательностей китайской столицы было включено в историко-культурный контекст. Это позволило выпустить второе издание, существенно переработанное и более чем в два раза дополненное, в качестве учебной книги [Кожанов, 2014].

Уже после безвременной кончины Серика материалы его рукописи были отредактированы и включены в ряд параграфов пособия по страноведению для студентов-востоковедов («Достопримечательности Китая», вып. 2 – в печати), а на 2027 г. запланирована публикация сборника его статей, посвященных ханьскому оружию. Его работы остаются востребованными учеными, преподавателями и студентами, значит, научная биография продолжается.

Список литературы

Кожанов С.Т. Начальный этап войны между империями Сун и Цзинь (1125–1127) // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: СО Наука, 1980. С. 39–47. (История и культура Востока Азии).

Кожанов С. Пять прогулок по Пекину: краткий путеводитель. Новосибирск: [Полярная звезда], 1998. 120 с.

Кожанов С.Т. Пять прогулок по Пекину: материалы к лекциям: 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. 237 с. (Б-ка Класса Конфуция).

Милибанд С.Д. Востоковеды России: XX – начало XXI в.: биобиблиографический словарь: в 2 кн. М.: Ин-т науч. информ. по обществен. наукам, 2008. Кн. 1: А–М. 4, VIII, 968 с. (раздельн. пагинация).

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

А.Н. Радищев

Письмо о китайском торге[1]

A. N. Radishchev

Letter on the Chinese Trade

От редакции

В 1792 году, находясь в илимской ссылке, Александр Николаевич Радищев (1749–1802) завершил свою работу «Письмо о китайском торге». Этому человеку, автору знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву», суждено было стать глубоким исследователем экономики Сибири. Находясь в удалении от столиц, он создал один из первых в отечественной науке критических анализов кяхтинской торговли — главного канала русско-китайских отношений XVIII века. В 1791 году, еще в Тобольске, Радищев в переписке с графом А.Р. Воронцовым, президентом Коммерц-коллегии, высказал парадоксальную мысль: «Пресечение торга в Кяхте с Китайцами не есть столь великая для Государства потеря, как оно кажется». По прямому поручению Воронцова, стремившегося занять пытливый ум ссыльного друга практическим делом, Радищев и написал это «Письмо». Вопреки мнению современников, видевших в остановке торговли причину падения курса рубля и упадка Сибири, Радищев доказывал, что временное закрытие не ведет к катастрофе, а в некоторых отношениях стимулирует внутреннее производство (льняных тканей, кожевенных заводов) и земледелия, а внешняя торговля не должна быть единственной «опорой государственной силы». «Российское китаеведение» публикует сегодня это выдающееся сочинение, которое и спустя два с лишним века поражает неожиданностью выводов и смелостью мысли.

[1] Текст публикуется по изданию: А.Н. Радищев. Полное собрание сочинений в 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. Электронная публикация – РВБ, 2005–2006 (http://az.lib.ru/r/radishew_a_n/text_0090.shtml). Оригинальная орфография и пунктуация автора сохранены.

Милостивый Государь мой!

В некотором из прежних моих писем к В[ашему] С[иятельству] из Тобольска мною писанных, я сказал, что пресечение торга в Кяхте с Китайцами не есть столь великая для Государства потеря, как оно кажется, и что из самого сего зла, (если его почитать должно таковым) произойти может добро. Я сие говорил, будучи отдален от того места, где оной производится, более нежели 3 000 верстами. Ныне, находяся же в том месте, где происходят все почти бываемые в сем торге обороты, я лучше могу судить о том, что изрек сперва, следуя тогда некоему, так сказать, предузнанию. Если бы прежнее мое письмо писал я в Иркутске, то бы, может быть, употребил изречение более ограниченное, многих ради причин, кои в последствии моего письма объявить постараюсь. Но сказанного мною не только не отрицаю, но постараюсь оное подкрепить доводами, основанными на существе самой вещи и в положениях непреложных. А заранее скажу я, что если есть много частной потери остановлением торга на Кяхте, то конечно отнести ее надобно на Губернию Иркутскую. Если же сие противоречие есть моему объявленному прежде мнению, то признаюсь в моей погрешности: ибо всегда охотно признавался в моих ошибках и суждения мои за непреложные никогда не выдавал. Хотя мнения мои относительно многих вещей по несчастию моему стали более известными, нежели тщеславие быть сочинителем иногда требует, но я признаюсь в превратности моих мыслей охотно, если меня убедят доводами, лучше тех, которые в сем случае употреблены были. А на таковые я в возражение, как Автор, другого сказать не умел, как что сказал, помню, что Галлилей отрекся от доказательств своих о неподвижности солнца, и, следуя глаголу Инквизиции, воскликнул вопреки здравого рассудка: солнце коловращается.

Истина, доказательств, кажется, нетребующая, есть, что в Государстве, изобилующем своими произведениями, корень общественного благосостояния основывается на беспрепятственном и скором обращении домашнего избытчества; следственно внешняя торговля, хотя и может быть единым от источников его богатств, но не может посему никогда почесться необходимою Государственной силы и могущества опорою, а потому кажется в пользе общественной может заменена быть тем или другим, а особливо тогда, когда отрасль таковой торговли мало надежна, подвержена частым потрясением, и зависит от благорасположения того, с кем торгует. Таким точно должно почитать торг на Кяхте, с Китайцами производимый; он не есть основание благосостояния обширной Сибири, может иногда заменяем быть другими выгодами, при производстве его несуществуемыми; может противовеситься тем или другим прибыткам Государственным и долго будет зависеть от каприза Китайского Богдыхана или его Мандаринов. Но сии предложения не могут иначе иметь некоторую степень вероятности или правдоподобия, как в глазах тех, кои прибыль казенную не почитают никогда прибылью Государственною. Однако же сие размышление в счету у нас кажется быть не может, ибо мы видели, что и при последнем закрытии торга на Кяхте, лучше желали лишиться казенного дохода, нежели нарушить Государственное положение, нежели... что бы то ни было, доходов Кяхтинской таможни не пожалели и торг пресекся.

Два мнения существуют между политическими писателями о внешнем торге; оба хотя клонящиеся к одобрению оного и расширению, но разных предположений суть

они заключения и разные из оных истекают следствия. Говоря с мужем, упражняющимся всечасно в исследованиях различных мнений, до строительства Государственного касающихся, мне не надлежало бы о том говорить пред тем, которому выгоды и пользы России больше моего известны, мне надобно бы молчать, но вы не почтете тщеславием, если я скажу то, что в какой либо написано книге, для облегчения моея головы, отвыкшей от силлогизмов; что же касается до познания выгоды и пользы Государственной, учитель не простит ли ученику своему, если что он сбредит и дважды два скажет иногда пять.

Новейшее мнение писателей о внешней торговле есть таково, чтобы свобода оной была ни чем неограниченна.

Мнение других есть стародедовское и во всеобщем почти употреблении. Я говорю не о той старине, когда с приехавшего гостя хозяин брал по своему произволению и силе, когда не было пощады самому бедствию, когда остатки кораблекрушения алчной спасатель присвоял себе все, в мокрой пучине непогрязшее без остатку. Не о сем рыцарских времен мнении мое слово, но то стародедовское, когда начали откровенных наглостей стыдиться, но когда еще не истребилося желание кормиться из общего кармана, неприметным образом гладя по головке, полегоньку, как будто всяк дает из добрыя воли непринужденно. Гнушаяся насильственных и явных притеснений, но не отчуждаяся древния прибасочки: всяк в своем доме хозяин, отчасти писателями, отчасти употреблением в общее вошло обыкновение торг всегда подвергать некоторым правилам, и с торгующим или паче с употребителей, с едаков, пивцов и прочих учреждать, за дозволение употреблять то или другое, поборы. Итак, кажется, между старым рыцарским всеграбительным и новым, не меньше рыцарским, ни до чего не касающимся, мнениями желали найти посредство; многие думают, нашли. Изданы постановления, учреждения, тарифы и весь таможенной причет. Англия с 8 миллионами жителей с таковыми учреждениями поставила себя в число первостатейных Государств в Европе; но Англичане сами ныне говорят и пишут, что все преграды в торговле вредны: ибо она непременно сама себя содержит всегда в неизбежном равновесии.

Если бы мы захотели следовать новейшему мнению относительно внешней торговли, то возобновление торга с Китайцами выходило из оного естественным следствием. Но как оное в России в строительстве Государственном не принято, не приемлется и принято быть не может, то, следуя противному мнению, посмотрим, чего Сибирь и Россия пресечением торга с Китайцами лишается, какие суть выгоды сего торга, что может, в несуществовании оного, те выгоды заменять или что приобретает, и какие суть его следствия.

Если истинно вообще, что внешняя торговля не есть корень благосостояния Государства, какова Россия, то сие равным образом истинно в отношении Сибири в торгу с Китайцами. Но при первом взгляде покажется, что изъятие для Сибири из сего правила долженствует иметь место: ибо если первое начало всего благосостояния есть земледелие, что о России едва ли не повсеместно сказать можно, то неупражняющиеся в оном целые округи Сибирских губерний не иным чем питаются, как промыслом звериным; благосостояние оных следственно зависит от добычи и продажи. Но если бы продажа таковая была к одним Китайцам, то бы торг с ними был необходим. Но в

семь лет пресечения оного, да и прежде в подобных же случаях, промыслы таковые не умалилися и промышляющие, продавая свою добычу, в оной всегда находили свое пропитание. Но оставим всеобщие правила приступим к самому существу дела.

Три рода людей участвуют обыкновенно в торгах всякого рода, имеют от оных свое пропитание или оными приобретают богатства. (Изъятия из сего быть могут, но редки). Первые суть производители вещей или товаров, коими торг производится; другие те, кои товар приводят в обращение, то есть: покупатели или продаватели; третие те, кои, не участвуя в собственности вещи, или с оною временно обращаются. Но из сего не надлежит заключать, чтобы всякой торг проходил чрез трои руки. Иногда сам производитель есть и продавец товара и доставляет его в место его употребления. Иногда товар пройдет чрез десять рук, но все его прохождения к действию трех родов людей, или к троякому деянию людей, сколько бы их ни было, и так люди, которые с товаром обращаются, суть оного стяжатели или имеют товар в руках временно. Первые суть деятели торга и оного побуждения; другие токмо пособия, и чрез сколько рук товар пройдет, толикому числу людей даст он упражнение. Обыкновенно, хотя и бывает изъятие, чрез сколько рук товар пройдет, толикократно он усугубится, не в количестве своем или доброте, но в цене, или сказать другими словами: чем товар более пройдет рук, тем он становится дороже. Подобно, как Грецкая губка, чем более касается воды, тем становится толще, доколе мера содержащейся в ней воды не найдет в ней места: так и товар, чем более расстоянием между производителя и употребителя, тем товар прибыточнее, не то, что от него более барыша, но что большому числу дает пропитание. Вся цена товара бывает в тягость употребителю оного и ему в убыток: ибо он его или истребляет или пресекает его дальнейшее обращение. Вся прибавочная цена товара есть прибыль всем тем, чрез чьи руки оной проходил: ибо истинная его цена, или то, во что оной стоит или производителю или продавателю и покупателю, или тому, кто его временно имеет в своих руках, никому в прибыток быть не может; потому что первой оного производитель, производя его, имел в произвождении ущерб своего имущества; равно и все другие, продавая его или покупая, или же с ним обращаяся, ущерб в имуществе своем имели. Сие относиться долженствует на всех, кои дают на произведение вещи задатки; напр.: земледелец держит скот, орудие, семена и пр.; - фабрикант строит строение, припасы; - купец берет деньги в рост и пр.; - извозчик держит лошадь, корм, промышленник тоже. Следственно, прирастающая цена товара обращается в прибыток; следственно, чем больше ее приращение, или чем товар дороже становится, тем больше от оного прибытка. А чем более сей прибыток делится, тем оно полезнее: ибо большее число людей имеют от того свое пропитание или умножение имущества: следовательно, чем товар проходит более рук, тем он более делает прибытка и тем от него более пользы. Но сей прибыток делится между участвующими в оном очень неравно. И потому можно людей, в торгу обращающихся, разделить на две статьи: те, которым товар принадлежит, и те, которые имеют его в руках своих временно. Удел первых в прибытках, от торгу бываемых, есть больше, а последних меньше. Итак первые суть деятели в торгу, другие суть оного только пособия. Удел в прибытке оного торга сих последних бывает всегда меньше первых, но и убытки их не могут быть велики, а как то, с чем они обращаются, не есть их собственность, то, лишаяся оной, они не лишаются всегда пропитания

своего: ибо труды свои прилагают к другой вещи. Совсем другое действие лишения того, от чего прибыток свой имели, бывает в тех, кому оное принадлежит; тогда тот, у кого товар в руках останавливается, уподобляется употребителю: ибо он, хотя невольно, но обращение вещи, останавливает, и нередко в руках его она, теряя свою доброту, теряет свою и цену. Но действие лишения прибытка наиболее падает на производителя оной: ибо покупатель и продавец и все другие, с вещию или товаром обращающиеся, лишены могут быть своего только прибытка, а капитала только временно и случайно, но производитель лишается своего ремесла или художества, когда в нем не настоит нужда и не так, как другие, искусство свое на другой предмет обратить не может, разве в долговременном последствии.

Извините, М[илостивый] Г[осударь], что я здесь предпослал несколько общих изречений; я не правила какие хотел утверждать или же какие-либо извлекать следствия; я сделать только хотел пособие моим мыслям, дабы не заблудить в моих суждениях.

Если мы вышесказанное мною обратим на торг с Китайцами, то удобнее можем понять оного прибытки и неудобства и заключить прежними словами: пресечение оного не есть столь великой вред для России, как то обыкновенно поставляется.

Дабы наиболее вникнуть в предлежащее нам, познаем, чем торг с Китайцами питается со стороны России, чрез какие он до них доходит протоки; все ли они Государству в прибыль, или не найдется ли чего-либо, охуждению подверженного. С другой стороны, посмотрим, чем тот же торг питается с стороны Китайцов, в какие он обращается протоки и не встречается ли ему что на пути, чему он вредить может.

В торгу заграничном обыкновенно находим мы две различные статьи товаров. Одна есть всегда необходимая и составляющая основание торга, другая всегда почти случайная, нередко переменяющаяся и пресекающаяся иногда без всякого в торгу потрясения и обременения. В первую статью входят те товары, которые покупателям, если не нужны необходимо, то по крайней мере трудно они без оных обойтись могут. Таковые товары продаются всегда большими статьями, и в сумме всего торга почесть можно становыми, так сказать, статьями и всего торга основанием. Второй же статьи товары суть отрасли первых и отрасли, ко пню принадлежащие временно, и суть все те, без коих покупатели или совсем, или легче обойтися могут.

Основание всего торга с Китайцами есть мягкая рухлядь, разного именования, частию юфть и другие кожи. Предо мною лежит теперь ведомость без году отпущенным в Китай товарам. В[аше] С[иятельство] довольно знаете, коликую степень вероятности все таможенные ведомости иметь могут. Погрешности Кяхтских покажу после; но за неимением лучших исчислений обыкновенно они бывают основанием. Сумма всех отпущенных товаров показана в оной 650.898 руб.; исключим из оной суммы за отпущенные: 1, белки, мерлушки и за юфть и другие на 119.937, 123.337, и 101.656; останется за все другие товары 302,968, меньшая половина. Исключим еще из сего цену: 2, горностаев, кошек, харьков, солончаев и соболей, то есть 41.891, 28.449, 45.470, 29.025, останется 158.133. Все другие, да и самые дорогие бобры Камчатские и черные лисицы, сиводушки и чернобурые, суть мелочное, а если исключим еще статью 3, сукон (все почти иностранные), то останется с небольшим 100.000. В остальном сем числе меньшая половина, то есть 4, - 40.559 руб. за бобров и лисиц. В остальном главное место занимает 5, выхухоль, лапы разных зверей, песцы, рога

и струя кобарговая, ценою на 36.212. Остается статья 6, котиков 5.637, зеркал 5.101 руб., числом 40.944; прибавив к сему статьи ишиченок 7, - 1.416 руб., корсаков 2.577, лоскутов и мехов разных на 2.234 руб. и тику на 1.979; а всего на 8.196, то в остальных почти семидесяти еще статьях нет ни одной тысящной.

Из сделанного мною расписания можно судить, что дает Сибирь к сему торгу, что даст Зауральная Россия и что берется из чужих краев.

Сибирь дает белку, к чему прибавляется малое число Российской юфти; один почти Иркутск - козлы и опойки, частию из России получают горностаев, соболей, харьков и солончаев, выхухоль, лапы песцов, рога и струю, и все означенные в последней 7 статье, исключая тик: следовательно, большую половину то есть 380.418. Россия и частию Сибирь же дает мерлушек, {Лучшие мерлушки за Байкалом по 70 и 80 копеек.} кошек и тик, ценою всего на 153.765; бобры и лисицы и котики суть частию Сибирские, но большею частию или, сказать правильнее, больше по цене получаются из Охотска, заморского лова, всего 46.196. Из иностранных товаров отпускаются сукна и частию Российские зеркала, ценою на 46.937 р.; но сколь мне известно, отпускаются много иностранных бобров и выдр, которые здесь не показаны, то они или совсем выпущены, что невероятно, или же переименованы кошками, что в таможенном быту случается.

Из вышесказанного росписания видно, что большая часть товаров, в мене с Китайцами употребляемая, суть таких, которые добываются в Сибири, таких, которые суть произведение кочевой жизни. 1/5 скотоводства, 1/10 собственного рукоделия или настоящего общественного упражнения (я конечно, того мнения, что надлежит удобовозможное извлекать на пользу жителей, но не надлежит иметь попятной путь к невежеству).

Люди, временно с товаром обращающиеся, суть или приказчики или извозчики, или приемлющие товар в сохранение или дающие кладовые под поклажу. Чем скорее обращение товара, тем прибыль их чаще, тем она и больше. Чем товар рассеяннее, чем более пространства и места отдаленнее, откуда его достают, тем больше нужды в приказчиках. Чем мгновенее в товаре нужда, тем его надлежит везти поспешнее в то место, где его требуют, тем клади бывают легче, тем больше подвод, тем больше бывает прибыль извозчиков, а в том и другом случае тем больше людей кормится. Но число приказчиков по сему торгу разве умножится для того, что число умножится торгующих; а не по числу товара: ибо его столько добывают, сколько возможно.

Следует, что Кяхтской торг не по мягкой рухляди может размножить число приказчиков.

Приказчиками купеческими можно почитать закупщиков, живущих по деревням.

Прибыль извоза, от мягкой рухляди происходящая, да и вообще, не столь велика, как то думают. Если, как то мы увидим, пресечение торга на Кяхте лову зверей не умалило, то барыши от извозов те же, что были. Но как то вероятно, что при открытии торга купцы чаще бывают в разъезде для закупки товаров, то сие обращается в отягощение сельских жителей. Все в Сибири ездят на почтовых и по несчастию на одинаких прогонах. Жители отвлекаются от своего дела. А те, которые ямщиков нанимают, те дороже за то платят, что проезд чаще.

Вторая статья, торг на Кяхте питающая, видели мы, есть произведения скотоводства, мерлушки и кожи, а сии суть совокупно и произведение рукоделия. Мерлушки,

на Кяхте променяваемые, привозятся или из России или выменяваются на линиях в разных крепостях на Российские или иностранные товары у Киргизцов. Привозятся они большею частию зимою. Все извозчики, которые товары возят из России, провозят они тысячу, полторы или более верст от Томска до Иркутска обыкновенно одни.

Совершенно правда, если Китайцы не выменяют мерлушек, то они останутся на руках; и кажется будет убыток. Но да позволится мне сделать догадку; не вероятие я утверждаю, но возможность.

Для чего запрещается торг хлебом, когда его у самих мало? Но для того ли, чтобы он дома был дешевле и чтобы его было больше? Конечно. Кто же ручается мне, что Кяхтинской торг не заморозил кого-либо, лишив покупки шубы по дешевой цене того, у кого мало денег. Не дороже ли от того мясо, когда его меньше? Не больше ли его, когда дашь барану вырости и не убьешь его ягненком? Не то же ли можно сказать и о сале? {Кто поверит, что выгодные цены сала и распространившийся торг сим товаром заставил многих немощных жителей Петербурга говеть на святой недели; таково действие торга, яко электрическая сила пробегает все ведучие ее тела до краев.} Но все сказанное суть догадки, а не исчисление, за такие их и выдаю.

Разное можно оказать и о кожах или юфтях: пресечением торга на Кяхте терпят совершенно Иркутские кожевни. Кажется, имеет и скотоводство Братских в том убыток. Но если помыслим, что все Сибирские жители носят обувь кожаную и что еще в самое пресечение торга она ныне в Иркутске дороже, нежели в Москве, а может быть и в Петербурге; то тот, кто имеет нужду в ней, если терпит ныне, более потерпит от возобновления торга.

Следует статья товаров иностранных. Купленные в Петербурге и Архангельске, они доставляются частию водою, частию на санях, или на Ирбитскую ярмонку, или Енисейскую, или же прямо в Иркутск. Польза от них Государству - только прибыль купеческая и всех других, временно с товаром обращающихся.

Теперь посмотрим то, что нам Китайцы дают, и разделим вещи нужные или, как то мы их назвали, товары становые от других: главные товары, от Китайцев получаемые, суть бумажные товары, чай и шелковые товары. В числе первых находятся китайки и дабы, первые употребляемые на платье, другие на рубахи, на подкладки и во все то, куда употребляют холст. По ведомости, которая теперь лежит передо мною, выменено китаек разных званий на 695.018 руб., даб на 87.488 руб.; всего бумажного товара на 794.784 руб.; бумаги же хлопчатой немного более 45 пуд (хотя она по Сибирскому тарифу положена без пошлин столь справедливо, что нужда заставляет брать или не брать товаров, а не высокая и не низкая пошлина); чаю разных родов 27.042 пуда на 331.646 руб., в том числе кирпичного 15.359 на 61.437 руб.; хотя я мало верю сему исчислению, что почти половина всего чая выходит так называемого кирпичного; шелкового товара на 79.067 руб., да 1.219 пуд шелку по цене на 80.000 или до 100.000 рублей, в ведомости же стоят показаны только 17.706 руб. цена шелку сученого; а всего шелкового товара от 150.000 до 180.000. После сих главной статьи товаров составляют сахар леденец, которого на 10.725 руб., да 31 пуд сахарного песку, посуды разной на 5.375 руб. корольков и декрю или бисеру на 5.475 руб., фруктов на 1.509; остальная часть товаров состоит из мелочей ниже тысячи. Жемчуга на 270 руб. и несколько золота и серебра.

Из сего исчисления можем видеть, что бумажные товары, из Китаяг вывозимые, составляют главную оных статью и 2/3 почти всего торга, за ними следует чай, более нежели на 1/4 всей суммы торга. Потом шелковой товар и шелк.

В числе бумажного торга заключаются китайки на 7/8 цены и дабы на 1/8 часть. Китайки, по дешевизне своей, употребляются не токмо в Сибире, но и во всей России людьми среднего состояния, а наипаче женским полом; дабы же все расходятся в Сибири и в России почти неизвестны. Весь градской и сельской народ употребляет их на рубахи; те, которые позажиточнее, на вседневные, прочие же на праздничные.

О повсеместности употребления чая я говорить нужды не имею. Сколь все в России к нему сделали привычку, то всякому известно: но того утвердить не отваживаюсь, чтобы чаем производим был торг с Польшею. Хотя в пограничных таможенных ведомостях и показывано, что чай вывозят за границу в нарочитом количестве, но вам известно, сколько прежние ведомости вероятия заслуживают. Кирпичной чай, которого хотя не столько по цене, но количеством (если моей ведомости верить можно) выходит больше, нежели всех лучших сортов, в Россию нейдет, а расходится весь в Сибири и преимущественно в Иркутской губернии и больше употребляем Бурятами и Русскими, живущими за Байкалом; без чаю пропитались выведенные из Польши, не пьют.

Между шелкового товара главная статья суть камки или голи, которых по цене выходит больше половины всего шелкового товара. Хотя они еще употребительны быть могут придерживающимися старинных мод, но вероятно скоро выдут из употребления. Камки расходятся много в Сибири и много идет в Россию. Вторая главная статья между шелковыми товарами суть фанзы, которые почти в Россию не отвозятся и расходятся все в Сибири. Большею частою употребляют их на рубахи, то есть: на верхнюю половину оной. Те, которые носят из даб рубахи вседневные, оне носят в праздники рубахи фанзовые.

Но важнее всего есть статья вывозимого шелка. Если полезно благоспоспешествовать рукоделиям без разбору, то шелковым тканям надлежит отлично. Шелковые рукоделия в России тем полезнее, что большею частию производятся сельскими жителями и на их счет. Тот же человек, которой летом управляет сохою и косою, тот же зимою сидит за шелковым станом. Обыкновенные манифактуры, не исключая Английских и Французских, полезны тем, что дают пропитание многому числу бедных граждан и за каждыми 200, 300, 500 или 1000 человек, получающих хлеб насущный, обогащают одного или двух граждан; но шелковое рукоделие, как то оно в Московской губернии существует, не обогащая ни одного, многим частным, и большею частию сельским жителям, доставляет довольственное житие. И так, если мы исключим Астрахань и Петербург и очень в малой пропорции Иркутск, которые издерживают малую часть всего в России из Персии, во время торга из Китаю, и малую часть из Италии привозимого шелка, все оного количество расходится в Московской губернии.

Позвольте здесь, хотя не к стати, присовокупить небольшое размышление о Китайских шелковых товарах.

Когда пролетит временная мода на белое женское платье, то шелковые материи войдут, конечно, опять в величайшее употребление. Оставим то, что ныне можно бы заводить (если Лион уже опустел на счет разоряющих безначалием своим рукоделия

свои) шелковые мануфактуры; можно гораздо лучше иметь в России хорошие шелковые материи. Уже опыты были деланы с немалою удачею; давать Китайцам образцы шелковых товаров, которые они подделывают совершенно: и вероятно при низком ныне курсе и редкости серебреных денег. Китайские шелковые товары можно продавать в подрыв Европейским.

Если же бы заказывающие присовокупили к сему и форму Европейскую, то бы обманутый покупщик в свою пользу охотно бы покупал прочные товары Китайские за Французские непрочные. Мы довольно в том удостоверяемся ежечасно в общежитии, что доброта не только товара, но и моральных вещей основывается на мнении; кто не знает, что за Русское произведение вещь у вас охуждается; дай той же вещи имя Французское и вещь конечно одобрена. Кто постигает связь понятий, тот легко видит, что возродиться может в Российских головах от Французских мод!

После сих трех главных статей, можно еще на ряду поставить вывозимой из Китая сахар. Количество его невелико и он весь расходится в Сибири, но, по нынешней дороговизне сахару, возможно, что его будут отвозить и в Россию.

Посуда, из Китая вывозимая, а особливо так называемая чайная и фарфоровая, могла бы большей иметь расход, если бы была делана со вкусом и была бы покрепче. Давая им образцы, можно также иметь хорошую. Вся сия посуда расходится большею частию в Сибири, также как и корольки, которые частию продаются на линии Киргизцам.

Достальные статьи товаров, числом до 50, невероятно, чтобы могли когда распространиться, не исключая и самого ревеня, ибо дороговизна его воспрепятствует иметь оным нарочитой торг с Европейцами. За неимением в России фруктов, торг оными мог бы распространиться, но и то не чрезвычайно. Цены высокие, по которым перец, сарочинское пшено и стамед покупаются от Китайцов, воспрепятствуют распространению сего торга; тож сказать можно и о табаке, которого очень низкие цены могли бы подорвать изрядные рассадки сего растения в Иркутской Губернии.

Достигнув Иркутска, товары Китайские, назначенные для отвоза по Сибири или в Россию, отправляются летом водою, зимою на санях. Судов, оными товарами нагруженных, в год выходит от 15 до 20. Они плывут Ангорою или Тунгускою, до Енисея по течению воды, а потом вверх до Енисейска. Тут, выгрузив их, перевозят волоком 90 верст на реку Кеть и плывут по течению воды Кетью до Оби, потом Обью до устья Иртыша, где против воды идут до Тобольска: редкие товары отправляют прямо до Тюмени или Туринска водою. Из Тобольска отвозят сухим путем зимою в Москву, или в Пермь, откуда по вскрытии вод плывут Камою и Волгою до Макарья. Редкие отправляются с Уткинской пристани на судах до Иркутска; из России или Тобольска мало плавают водою. От Макарья суда доходят до Перми, оттуда сухим путем до Тюмени и Тобольска. Из Тобольска же товары, назначенные для Китайского торга, более возят сухим путем, по той причине, что большею частию плыть надлежит против воды, исключая течение Иртыша и немного Енисея. Однако же некоторые отправляют товары свои до Томска водою. Из Енисейска до Иркутска водою плавать не очень способно; ибо Тунгуска или Ангара имеет очень быстрое течение и до 70 порогов; плавая вниз по сей реке, на одном из сих порогов, называемом Падун, суда принуждены выгружать и всю кладь обвозить четыре версты сухим путем.

Естественные и непреоборимые причины препятствовать всегда будут, чтобы водяной путь сделался обыкновенным, которым бы производилося сообщение у Сибири с Россиею; пространство великое препятствует судам совершать плавание в одно лето, а зима продолжается семь месяцев в Сибири и воды покрыты льдом. Но время хотя не возможет применить естества, применит население Сибири; образ ее торговли и сообщение водяное между Китаем и Россиею производяся чрез многие посредства, может сделаться непрерывным, хотя медлительным. А паче тогда, когда сухопутная возка будет дорога: ибо купцы Российские будут товар получать чрез Сибирских купцов, которые заведут товарную складку.

Выгоды сельских жителей от торга с Китайцами суть те, что многие будут питаться извозом и от проезда обозов, продавая извозчикам пищу, овес, сено. В Иркутске уверяли меня, что во время торга бывает до 10 тысяч подвод; положить по три подводы или более на человека, будет 3.000 человек, питающихся извозом и хотя 2.000 питавшихся от них сделает 5.000, в другом месте невеликое количество, но в Сибири много. Сии извозы производятся в зимнее время; земледельца от дому не отвлекают. Для Барабинских жителей великая из того выгода. Отдаленные отовсюду, они не могут возить хлеба на продажу и от того бедны. Сверх того купцы и их приказчики ездят часто, всегда на почте и платят хорошие прогоны, то есть дороже 1/4 на версту.

Соображая все вышесказанное, нетрудно будет определить все выгоды, которые от торга с Китайцами произойти могут.

Если мы его поставим в отношении всего внутреннего и внешнего торга России и сравним его с обращением ежегодно производимым в России богатств, то оной столь мал в сем сравнении, что кажется, как малой ручей, которой, теряяся в пространстве моря, не производит в нем никакого движения. И по истине, если возьмем все исчисления в нижайших степенях, то и в сем сравнении он мал несказанно; например: население всего Российского Государства положим в 26 милионов, на каждого из них положим по 1 1/2 четверти или для избежания долей 15 пуд ржаного хлеба; то сделает всего 390 милионов пуд, или около 45 мил. четвертей, по общей цене на 80 мил. руб.; положим столько же ярового хлеба по цене на 70мил. руб. сделает всего употребляемого хлеба на 150 мил. Если мы все другие произведения положим на столько же, то есть на 150 мил. руб., что конечно не много, то сделает 300 мил. руб.

Торг Китайской положив в 3 мил., следует, что произведение Китайского торга содержится к ежегодным произведениям, как 1 ко 100. Я не исчисляю здесь все возможное обращение сих произведений, что конечно без излишества сумму сию удвоит, ибо в таком случае надлежало бы исчислить и все обращения товаров, торг Китайской составляющих, но и в сем случае исчисление не было бы в его перевес. Сделаем поверку сему исчислению, да не покажемся увеличивающими все, вам представляющееся. Сумму всех обращающихся денег в России кажется можно без увеличивания определить на 200 мил. руб. Положим, что каждой рубль только пройдет в год чрез трои рук, или сказать то же другими словами, представит три разные вещи (если вникнем, то найдем, что нередко один рубль 10, 20, 30 и более вещей представляет), то обращение годовое будет 600 мил. руб. Позвольте сделать еще другую поверку. Доходы Государственные положим гадательно, но вероятно, в 40 мил. руб. Если мы их почтем 1/5 всех денежных в Государстве доходов, что конечно не чрезмерно, то

всех денежных доходов сделает 200 мил. руб. или сумма обращающейся монеты; если скажем, что вышед из тех мест, где она собирается, она представит три вещи постепенно, то тоже будет сумма 600 мил. руб.; но обратимся к Китайскому торгу.

Но Китайской торг не к пользе России надлежит относить, но к пользе Сибири или же некоторой ее части, почти только лежащей по сю сторону Енисея: ибо если в уважение поставить, что чай или китайка дешевле будут в России, то на сие сказать можно, что дороговизна чая чувствительна была с начала закрытия торга на Кяхте; по времени все к тому привыкли. Недостаток же в китайке тем только был чувствителен, что к ней многие сделали привычку. По прошествии же 7 лет недостаток сей заменился совершенно.

Я слыхал также, что некоторые думают, будто торг Китайской действует вообще на низкой курс денег и усугубляет торговые обращения. Мы из вышепоказанного исчисления видели соразмерность Китайского торга с общим обращением; сия-то малость и есть причиною, что пресечение сего торга стагнации не делает ни в чем, чувствителен более для роскоши, нежели для недостатка. Какое открытие торга на Кяхте будет иметь действие, не знаю; но мне кажется, кто прямую причину понижения курса скрыть сам у себя не захочет, тот никогда не скажет, что курс понизился от пресечения торга на Кяхте.

Самое кратчайшее доказательство нас в том убедит. Фундаментальная в свете ныне монета есть серебреная или золотая; бумаги есть монета сократительная, медная раздробительная, та и другая суть марки. Следственно, что все торговые исчисления и обороты долженствуют располагаться по цене серебра и золота. Если в одном месте кусок круглой серебра стоит то же, что и в другом, то курс, говорят, равен. Но если в одном месте он стоит больше, а в другом меньше, то курс неравен. Но кусок серебра существа своего для того не переменяет; например: 1 фунт серебра в России и Голландии имеет тот же вес, хотя под разными названиями; и так если возьмем наш рубль и противопоставим его Голландским деньгам, по истинному его весу, то цена его будет в 35 стиверов или немного более. Для чего же ныне за рубль дают 27 и 28 стиверов? Для того, что торгуют не на серебреной рубль, но на бумажки. Приложи же к бумажному рублю промен на серебряной, то выйдет прежний рубль; или торгуй на серебряные деньги, то курс будет равен (al pari). Торг на Кяхте тогда бы мог великое иметь на курс действие, если бы, заменив многие статьи Европейских товаров, тем бы не уменьшался и вывоз некоторых наших товаров. Но вероятно, что, например, уничтожив привоз чая из Англии, Голландии и Дании, уничтожится вывоз тех Русских товаров, которым платили за сей товар, ибо бояться не надлежит, чтобы умножение привоза иностранных товаров было России во вред тем, что вывозить будут серебро. Серебра из нее не вывезут: ибо мало она его родит и оно дорого; ибо напрасно и так себя ласкать, что всегдашний баланс в пользу России будет платить серебром: в России множество недостает манифактур, роскошь питающих, нет ни сахару, ни кофе, ни вина и не умеют еще варить хорошего пива; и долго еще будут нам платить сими товарами за наши произведения. Если бы Россия торговала прямо с Перу или чрез Кадикс с Гишпанскими, Американскими селениями, то бы и к нам серебро шло в слитках, без перевеса в торговле, потому что Кадикс сим металлом платит, не имея других товаров. Сообрази, если ежегодно баланс бывал бы в нашу пользу и что, как то ду-

мают, платили за него наличными деньгами, то сколько в десять лет могло бы их войти в Россию; и возможно ли бы было, чтобы в течение трех лет от 1 стали бы платить за промен рубля 25 коп.

Но если в сих общих отношениях торг с Китаем мало важности имеет, не может он однако же без уважения остаться в других отношениях, а особливо что касается до вывоза из Китая шелка и шелковых товаров. Правда, что весьма полезно для употребителей вещей и товаров, чтобы они были по выгоднейшим и низким ценам (для сей то причины стараются непосредственные заводить торги), но если дешевая цена стоит того, чтобы способствовала привозу сего дешевого товара, не должно ли подумать, что может от того или быть вред или подрыв, или же остановится наш товар даваемой в заплату.

Говоря о шелковых товарах, привозимых из Китая, мы уже сказали, с какою выгодою можно заменять товары Французские Китайскими товарами; сказали также, какое может иметь действие привоз Китайского шелка, способствуя разведению шелкоткальных крестьянских станов; и для того не почитаем за нужное здесь сказанное повторять, а скажем только то, что если уничтожатся преграды для возраждающихся искусств, они в короткое время достигнут возможной степени совершенства.

К общим выгодам всего Государства, от торга с Китайцами проистекающим, можно причесть продажу или промен иностранных товаров; и сие можно некоторым образом почитать транзитным торгом. Неоспоримою истиною почитается, что проходной торг полезен, нужен, прибыточен. Пример Голландии и Ганзейских городов выгоды оного торга представляют блестящими. И подлинно доказательство кажется полезности его состоит в двух словах и есть осязательно. С одной стороны я товар возьму, с другой отдам: следственно, товар беру я не для своего употребления, но для постороннего; следственно, не я за него плачу, но тот, кто его употребляет. Одни мои барыши несомненны.

Сии беспредельные в торговле вольности вопросом быть не могут. Там, кто чем с выгодою питаться может, кто чем бы то ни было что либо произвести может и достает свой хлеб насущной, то позволительно, полезно и нужно; но там, где помышляют о перевесе в торге, там совсем другой должен быть расчет и кажется проходной или транзитной торг не на общих, преждеупомянутых размышлениях остаться должен, но должен быть основан на исчислениях, относящихся к существу и положению места, где оной производится. При сем светиле многое, что мнится быть прибытком, исчезнет как дым, и здание, нередко блестящее, рушится.

Простите мои заключения, я не за очевидности их выдаю, но за догадки, которые требуют утверждения в опытах. Положим сей случай. Если, например, за товар, привезенной для проходу, А. платит деньгами, а В., приемщик товара, платит товаром, которой В. употребит, то какая прибыль для А.? Или другими словами: если Государство платит за товар деньгами, а променяет его на товар, которой само употребит, то я тут транзитного торга не вижу. Не говоря о транзитном торге Риги и Херсона и не утверждая, что Россия деньгами ли платит за все товары, которые променивает в Астрахани, Оренбурге, на линии и на Кяхте, я только хотел показать возможность проигрыша, которой может происходить от транзитного торга, и что буде кто хочет верно знать, полезен он или вреден, то надлежит его основать на тонких расчислениях и почти неудобь

возможных. Но исключая последние времена, где курс Российских денег упал на 27 стиверов, или ниже (чему кажется не только транзитной торг, но и торг вообще не причиною), если вероятно быть может, что курс есть термометр прибытка или потери Государства в торгу, то кажется, не взирая на все прежние потаенные проезды на Польской границе и проч., курс был всегда без равенства, то есть выше 36 стиверов, Или другими словами наш рубль 72 пробы стоил дороже рубля.

При таковых обстоятельствах, и если курс будет означать перевес торга в пользу России, то продажа иностранных товаров на Кяхте будет выгодна. Таковые товары состоят, как мы то видели, из сукон, зеркал и других подобных безделушек, а наипаче из бобров и выдр, суммою всего может быть на 150.000 руб. А как оные товары променивают на такие, которые расходятся в России: следственно не Китайцы за них платят, а Русские, то прибыль от сего транзитного торга будет та, что больше от Китайцов выменено будет товара; следстственно, он будет дешевле и употребителен без отягощения.

Я Сибирь от Уральских гор до места моего пребывания проехал в такое время, когда торг на Кяхте был заперт и худая была надежда к возобновлению оного: ибо, как то в Тобольске, Иркутске не без причины, может быть, думали, что со стороны России не о торге помышлять начали, но о войне, что Китайцы приметя, о том сами упоминали. До Тобольска не слыхал я жалобы ни от кого, что пресечение сего торга было в тягость, исключая чая, коего дороговизна и недостаток заставлял всякого произносить жалобы. В Тобольске скучали пресечением сего торга некоторые купцы, которые, имея большой запас для кяхтинского торга, лишалися почти своих капиталов; скучали также частные люди, привыкшие к употреблению чая и к употреблению на одежду Китайских товаров, особливо фанз и китаек. Проезжая далее, я почти до самой Иркутской губернии не слыхал жалобы. В Таре, Томске и Красноярске купечество мало занималося торгом на Кяхте, на Барабе в редких местах говорили, что цена горностаев понизилась, но причиною несуществования торга на Кяхте тому не поставляли, ибо сие понижение цены начало восприяло гораздо позже.

Но основательнее всего могли печалиться бедные Барабинские поселяне, и то не более трех или четырех в каждом селении. Без торга с Китайцами уменьшился проезд обозов и купечества. Обозы выгодны бывали тем, что имели издержки на овес, сено и пищи извозчиков. Купцы, проезжая налегке, платили за почтовые подводы, хотя всегда с великою экономией), однакоже больше одинаких прогонов. Отдаленные от всех торговых мест они произведения свои не могут продавать с выгодою, как проезжающим. Енисейская ярмонка в 1791 году была отменно малолюдна.

Но, въехав в Иркутскую губернию, с самого того места, где места становятся ровнее, пашни обильнее и селитьбы привольнее, я слышал, хотя не повсеместно, но неудовольствие или сожаление о пресечении торга с Китайцами. Но к моему крайнему удивлению, на вопросы мои о сем другого почти не слыхал, что имели недостаток в Китайских товарах и всех питающих роскошь, то есть китайки, фанзы и дабы; о сих последних, сказав, что могут заменены быть с выгодою льняным холстом, получил в ответ, что многие бабы стали учиться с недавных лет прясть. Но нигде в селениях, даже до сего места, не слыхал, чтобы говорили, что мягкая рухлядь в цене упала, но скучали, что нет даб на рубахи и желали возобновления торга для того, что надеялися, что пушной товар вздорожает.

В Иркутске остановка Китайского торга тем была чувствительнее, что великой капитал лежал в запасенном товаре без обращения, по уверениям некоторых от 4 до 5 миллионов рублей. Потеря великая, если сумма столь велика, как меня уверяли.

Собственно для города Иркутска торг с Китаем весьма полезен в разных отношениях. Не столько, может быть, своим местоположением естественным, но местоположением политическим, если так сказать можно, Иркутск может равняться с лучшими Российскими торговыми городами и превосходит многие.

Не одна соседственность с Кяхтою делает торговое его обращение знатным. Если исключим те товары, которые идут из Якутска в Москву, не заходя в Иркутск, чрез Илимск, Енисейск и далее, то все торговые обороты мягкою рухлядью, все нужное для заморских промыслов и все оттуда привозимое, вся добыча смоляных, моржевых и костяных промыслов; все, что питает торг на Кяхте со стороны России, и все, что от Китайцов получается за обмен, не токмо проходит чрез Иркутск, но тут складывается, сортируется, часто переходит из рук в руки и в Иркутске грузится на воза или суда, для отвоза в Россию или на границу Китайскую.

Но если выгоден Китайской торг для Иркутска тем, что большие приводит в обращение суммы, еще выгоднее он тем, что много питает купцов маломочных. Я здесь на минуту устранюся от моего предлога и скажу нечто малое хотя о побочной материи, но также несколько к слову моему причастной. В[аше] С[иятельство], конечно, того же мнения; если промысел, рукоделие, искусство или упражнение какого бы рода ни было, питает большее число людей, хотя бы оно и меньшее число капитала пускало в обращение, или меньшее бы число производило числительных богатств, то то искусство, рукоделие или упражнение, или что бы то ни было, предпочтительнее тому, которое, обращая великие капиталы или производя много богатств, меньшее число людей питает.

Истине сей вы от меня доказательств не потребуете, столь она очевидна, а для облегчения моего мог бы я оные выписать из многих хороших Авторов. Но если можно и давать пропитание большему числу людей и оставлять всевозможное обращение капиталов, то тем больше будет выгоды. Приложим сие к торгу на Кяхте. То, что я здесь скажу, скажу не по словам других, но по моему испытанию, которое тем было безошибочнее, что со мною многие были в нынешнем моем состоянии чистосердечнее, нежели могли бы быть в другом. Торг на Кяхте производят не токмо великие капиталисты; но большая часть купцов, там торгующих, суть люди маломощные, безденежные и пропитание свое добывающие потом лица своего; не токмо торгуют купцы на Кяхте, но некоторые крестьяне и многие иноверцы, а особливо Буряты или Братские. Все сии люди до сего времени торговали на Кяхте беспрепятственно, и Иркутск таковым купечеством наполнен. Во время несуществования торга Кяхтинского издано городовое положение. Купцы Иркутские сами понимают, что одна первая гильдия может пользоваться правом торговать на Кяхте. И дабы не лишиться пропитания или прибытка, но не в состоянии будучи нести тягости первой гильдии, отчасти мещане, а более купцы третьей гильдии пишутся в первую гильдию не все своим именем, но по 5, 6, 8, 10 и 15 на одно имя. Итак закон остается без действия. Не знаю, что предпримут крестьяне и Братские, которые торгуют только своими произведениями: ибо и мягкая рухлядь есть их собственное произведение; если они не сделают

того же, то произведут торг потаенной, в ущерб пошлинного сбора, хотя также в пользу общую.

Китайской торг выгоден собственно для города Иркутска тем, что питает много кожевников. Хотя опричь черных юфтей в Иркутске других кож и не делают, разве немного козлов, но сие искусство многие доставляет выгоды. Собственно к выгоде Иркутска можно отнесть плату, производимую за складку назначаемых на Кяхту и в Россию товаров. Для сего построен довольно обширной гостиной каменной двор в два этажа и строится еще другой, которые ныне почти стоят пусты и построители лишены прибыли наймов. К собственной выгоде Иркутска надлежит также отнести прибытки от построения и содержания судов, плавающих по Ангаре и Байкалу. С Китайским торгом плавание сие удвоится и вместо (по оказываниям живущих на Ангарских порогах вожей или лоцманов) 17 или 20 судов, плавающих ныне от Иркутска до Енисейска, проплывать будут ежегодно судов до 40.

К сим общим или прямо до торга Кяхтинского принадлежащим выгодам присовокупятся еще для города Иркутска и побочные; например: прибыль, получаемая из постоя 10.000 подвод и многого числа приезжих людей, мелочные услуги, в торгу нужные, которые будут питать многих жителей, починка и делание повозок зимних и летних; большей расход нужных для жизни припасов и многие другие мелочи, в которые можно включить непространное искусство ткать шелковые пояса и ленты.

Что же касается до общих выгод Иркутской Губернии или Сибири, от Китайского торга проистекающих, отчасти говорили мы о том уже выше и здесь еще о них упомянем.

Мы видели, каким образом сей торг полезен вообще, что не токмо большие в оном обращаются капиталы, но что гораздо полезнее малые, давая пропитание большему числу людей. Мы видели, что многие крестьяне прибыльные будут иметь извозы, а от них прибыль будет держателям постоялых дворов. Сие может, хотя невеликое, действие иметь на хлебопашество: ибо и скотоводство для дальних извозов надлежит иметь большое число лошадей и им нужное снабжение. Для сего надлежит размножать табуны, размножать пашни. Обращение денег между крестьян будет скорее и выгоднее. Проезжающие по дорогам должны делать издержки (которые ныне в рассуждении малого проезда малы) и сие будет в прибыток живущим по дорогам поселянам. К статье извоза можно присовокупить размножение плавания по Селенге, Байкалу и Ангаре; ибо мы видели по известиям лоцманов, что число судов, проходящих пороги, удвоится.

Расход съестных припасов, усугубляяся в Иркутске, как то мы видели, может иметь благое действие на хлебопашество; а хотя оному и есть некоторые препятствия, по крайней мере, цены хлеба должны возвыситься к пользе поселян, не ставя в счет годы худого урожая, где прибавляющийся расход может быть иногда гибелью.

Мы видели, что в торгу с Китайцами много променивают юфти (которую употребляют почти всю предельные с Российскою границею Мунгалы), и сие может иметь действие на размножение скотоводства. Наконец, возвышения повремянные пушного товара в пользу будут поселян или промышленников. Таковы суть выгоды торга с Китайцами. Я не мог поставить в счет продажу вообще излишней мягкой рухляди, то есть всей той, которая не расходится в России или не отвозится за границу,

ибо если цена на некоторые статьи пушного товара с пресечения торга на Кяхте понизилась, но не на главные и не на становые. Сему утверждению мало верят даже и в самом Иркутске; но те, кои в торге Кяхтинском обращаются, должны признаться в истине мною сказанного; а доказательство тому короткое и ясное есть то, что товар на руках у промышленников не остается, и ныне, когда известно уже стало, что торг возобновлен будет, на месте промыслов товар поднялся только 1 процентом; но прибыль на Кяхте торгующих часто не на мягкую рухлядь, но на Китайской товар, и в том я согласен.

Исчислим теперь, сколько возможно, пользы России и Сибири, от Китайских товаров ожидаемой.

Мне кажется первою и все другие превосходящею пользою поставить можно вывоз из Китая в Россию шелка; мы видели, каким образом он нужен для шелковых тканей и размножившегося рукоделия сего в Московской губернии; наипаче размножился торг шелковыми платками, которыми ныне Московская губерния снабжает всю Россию. А кто не знает, сколь великой расход на оные! ибо они составляют головной женской убор простого народа среднего состояния.

С немалою пользою, видели мы, можно вывозить Китайские шелковые материи по двум причинам: 1. По высокой цене Европейских, от низкого курса на Российские деньги происходящей. 2. Потому что китайцы начинают ткать с лучшим вкусом, то есть: по даваемым им Европейским образцам, и сей торг может в нынешнее время нарочито распространиться.

Если можно почитать выгодою дешевую цену товаров иностранных, то Кяхтинской торг совершенно выгоден тем, что унизит цены на многие товары великого употребления; но я с моей стороны таковою выгодою почту разве всякой чай, опричь кирпичного, ибо чай сего рода служит только к роскоши крестьян и Братских, живущих за Байкалом и некоторых жителей других мест Сибири. То же сказать можно и о дешевизне даб и фанз, – но о сем будем говорить ниже, – также и заменяющих китайку товарах. Но поселяне Сибирские особо отменно обрадуются дешевым ценам сих товаров, то есть частию китаек, фанз, а особо кирпичного чая и даб, хотя нередко и к своему вреду.

Исчислив таким образом все выгоды, которые происходят от торга с Китайцами на Кяхте, и следуя сделанному расположению, теперь скажу, что заступало его место во время его несуществования, то есть: куда обращалися Российские товары и чем заменяемы были Китайские; ибо нельзя подумать, да и противно было рассудку мыслить, что в обширном Государстве и лежащем в непрерывном протяжении граничащем с тремя частями света, если сообщение и торг с одним Государством прервется, чтобы товары, в сем торгу обращающиеся, все стали недействительны и смертию поражены. Всяк беспристрастный признается в сем. Уменьшилися ли от пресечения Китайского торга звериные промыслы? Умалилося ли скотоводство? Оставил соху земледелец и удалился ли своего упражнения? Пройди все селения Сибири, вопроси всякого, которой питается промыслом звериным; не найдешь нигде, кто бы сказал, что он перестал ходить в лес для того, что торг с Китайцами пресекся. Всяк тужил, когда торга не было, но не о том, что товар с рук не шел, но о том, что не было Китайских товаров. И так, можно заключить с вероподобием, что пресечение торга на Кяхте на зве-

риные промыслы не имело действия худого. Думать можно, что цена пушных товаров при открытии торга на Кяхте возвысится, но причина тому будет иная и самая та, от которой курс стал с некоторого времени столь низок. Некоторые товары однако же остаются на руках у добывателей, а именно те, которые привозятся в Охотск на промышленнических судах; как-то: бобры, черные лисицы и еще некоторые. Я о сем торге буду говорить вообще, тогда и о сих товарах.

Всякое потрясение в торгу вредно, по крайней мере сначала, даже и тогда, когда из премены может быть польза.

Но если вообще усматриваем, что для возобновления ослабевших пружин нужны сильные потрясения, то не можно ли сего сказать и о торге? Но иногда премены таковые ужас только наводят, для того, что суть премены, а не для того, что от того истинной вред.

Во всяком торгу обращаются товары, из которых некоторые идут непременно в одну сторону, другие же, хотя и в большем количестве, идут в одну сторону по привычке, а могут идти и в другую беспрепятственно.

Из сделанного выше сего исчисления видели мы, что главные статьи Кяхтинского торга составляли белки, мерлушки и юфть. Что касается до белки, то ловля сего зверка составляет основание всех почти Сибирских звериных промыслов, по крайней мере сею ловлею питается большая часть Сибирских промышленников. Плодовитость ея столь велика, что здешний народ почитает, что одна самка в год может иметь до 40 поколений; но я сего не утверждаю и вопрос сей сюда не принадлежит. Но сколь количество сего зверя ни велико, сколь добывание его ни избыточно, во все продолжение пресечения торга ныне, также и в прежнее, сказывают, время никогда они на руках не оставалися у промышленников. Я думаю, вам известно, что сей товар, когда на Кяхте торг пресекся, обратили для заплаты долгов, сделанных в Европе по торговым обращениям. Большая часть оного пошла в Гамбург, а оттуда, вероятно, в немалом количестве и в Турцию. И сей исток сего товара столь окоренился, что и ныне, когда уже утверждено торг на Кяхте возобновить, лучшую белку отпускают в Россию из Иркутска, и если соревнование Кяхты не возвысит ее цены до невозможного, то сей торг останется в действии; но от возвышения цен может последовать противное, и торг белкою с Европою от возобновления подорвется, ибо выгоднее ее можно будет променивать Китайцам и на их товарах лучшие получать барыши. Итак торг, сам себе вредя, или сам себе помогая, когда ничто постороннее его не разражает, подобен водам, прорывающим себе течение не там, где бы выгоднее их напоение нивам и пажитям, но там, где почвы отложистее и где течение их может быть свободнее. Истина в нравственном и вещественном мире более существующая, нежели ощущаемая.

Торг мерлушками питается из разных мест. Меньшую часть оных дает Иркутская Губерния, но добротою самую лучшую. Пространные степи позади Байкала, обитаемые Бурятами, дают пищу многочисленному скоту, крупному и мелкому, которой большею частию принадлежит Братским, Ламам, Шуленгам, Заисанам, а наипаче Тайше. Прочая мерлушка идет от Киргизцев чрез пограничные места, Петропавловскую, Троицкую, и Оренбургскую таможни. Некоторую часть дают и оставшие Калмыки. Во время пресечения торга на Кяхте, мерлушки Забайкальские оставалися до-

ма, но не все; много не только мерлушек, но и всякого зверя Братские продавали потаенно своим единородцам Мунгалам, живущим под игом Китайского правительства; и сколь оно ни прозорливо на угнетение, везде многие найдутся люди, которые тем охотнее попустятся на какое либо действие, что оно запрещено.

Человеку, служившему в таможне, быть одобрителем всего потаенного торга свойственно показаться, что был нарушитель сам тарифных положений; но я сей укоризны не боюся и тем более знаю, что и вы того мнения, что бы за исходом Российских поизведений строго смотреть в таможне не нужно.

Но возвратимся к мерлушкам. Не знаю, куда обращаются мерлушки, вымениваемые от Киргизцев, неизвестно мне, живым ли все они скотом вымениваются или шкурами; не делал я сравнения, больше или меньше их выменивается; но то сказать можно с вероятностию, что действие торга на Кяхте не имело действия на торг с Киргизцами; и хотя в общем размышлении полагать можно, что если где сей товар и остается, то он хотя и дешевеет, но не во вред жителям: ибо хотя то и смешно покажется, но как я уже сказал, никто от того не замерзнет, что купил дешевую шубу.

На что оставляем выпуск хлеба, не на то ли, что думаем, что дома дешевле будет? Правда, что все другое с сим товаром сравниться не может, но если другие потребности во вторую или третию статью потребностей поставим, то не надлежит ли также и о их дешевизне пещися; и если Правительство печется, чтобы иностранные товары были дешевле, доставши их из первых рук, то для чего же не пещися, чтобы и собственные были не дешевле?

Кто бы подумал, что юфтей оставался на 100.000, в России они мало делают расстановки в обращении сего товара и заводы кожевенные от того не остановилися? Когда торг бывает с Китайцами, то юфти для сего торга привозят не токмо из Красноярска и Енисейска но и далее. Когда его нет, то Иркутская юфть идет на Ишимскую линию для продажи Киргизцам. Таким образом торг, сам себе помогая, не терпит преграды, и если я говорю, что не так велик вред от пресечения торга на Кяхте, как кажется, то не утверждаю, чтобы его возобновление было вредно.

Равным образом и другие пушные товары не остаются в руках промышленников: ибо каждый, находя свойственной ему исток, обращается, куда ему способнее и выгоднее. У тех много товару осталося, кто имел его в закутке при закрытии торга, а никто другой. Нужды, кажется, нет преследовать за каждою статьею товара; ибо если может быть известно количество его, когда выходит за границу в одном месте, нельзя его уловить и узнать в точности, в какие протоки он раздробится; ибо, если известно, что на Кяхте променено, например, горностаев на 40.000 руб., то когда они обратилися в другую сторону, и если где они в выпуске случатся за границу, то можно ли утверждать, что точно те, которые выходили в Китай?

Россия столь обширна, столь в лучших ее областях есть лесов, что неможно точно сказать, разве быть отпуску их прилежным свидетелем, разумеется о некоторых товарах, сей товар оттуда; и столь у нее много пунктов прикосновения с другими Государствами, чтобы всегда сказать с уверением: сей товар вывезен в такое Государство.

Внутреннее употребление, а особливо мода, приводит иногда и Сибирские товары в обращение. Например, пред нескольким временем в Москве была мода на собольи меха; не всегда на дорогие, но на самые те, которые берут Китайцы. Кто в Москве

был без соболей шубы, тот в число щеголей не вмещался, а там их много и быть таковым есть в свете не редкое достоинство. Ныне мода пошла на шубы или виндшуры бобровые. Если бы торг на Кяхте не возобновился, то я уверен, что бы и Камчатские дорогие бобры в Москве нашли покупателей.

Товары иностранные, употребляемые в мену на Кяхте, оставалися совершенно без действия; но также они не были ставлены на счет Российского торгового долга. Конечно, выгоден торг проходной, но тогда, буде за товар мною полученный, я, заплатя товаром, получаю наличные деньги, или хотя заплатил деньги, их при продаже возвращаю, платя таким образом за товар чужие деньги и пользуяся оных интересами. Но если я с одной стороны заплатил деньги, а променял с другой стороны на товар, то если мне есть прибыль, какая Государству? Я о сем торге предлагаю только мои мысли без всякого утверждения; ибо материя сия для меня, как первенственный хаос, покрыта еще мглою. Если я мог видеть самолично действия Китайского торга в нижайших и дальнейших протоках; но я мало времени был в средине торга Сибирского, то есть в Иркутске, и не видал совсем, каким образом бывает торгу сему исток в Китай. Я бы почел в положении моем благодеянием, если бы позволено мне было отлучаться от места моего пребывания. Верьте, что причина тому единственно научение. Если глагол мой заразителен, если дышу язвою и взор мой возмущение рассеявает, скитаяся по пустыням и дебрям, преходя леса, скалы и пропасти, - кто может чувствовать действие толико злодейственна существа? Пускай глас мой не пременился, пускай выя не стерта и носится гордо; глас ударять будет в камень, отзвонок его изъиет из пещеры и раздастся в дуброве необитаемой. Свидетели моих мыслей будут небо и земля; а тот, кто зрит в сердца и завесу внутренности нашея проницает, тот знает, что я, что быть бы мог и что буду.

Привыкнув к употреблениям некоторых вещей и сделав их себе иногда почти толико же необходимыми, как хлеб и рубаха, человек, живущий в обществе, с трудом отстать может от своей привычки, хотя бы то была прихоть, и если не может удовлетворить своей прихоти тем, чем удовлетворял прежде, удовлетворит ее чем либо подобным, и тению хотя того, чем наслаждался, насладится.

Мы видели, что главные произведения, из Китая в Россию привозимые, суть товар бумажной, то есть китайки и дабы, чай, шелковые ткани и шелк сырец и сученой; мы видели, что китайки и чай употребляемы не токмо в Сибири но и в России, что шелк почти единственно расходился на Московских мануфактурах, что дабы, фанзы все почти расходилися в Сибири, а голи и прочей шелковой товар отвозился частию в Россию, частию расходился в Сибири.

В то время, как на Кяхте торга не было, тогда возвысившаяся цена на чай заставила некоторых людей оставить свою привычку и употреблять вместо чаю кофе; но те, которые сей привычки преобратить в другую не могли, покупали и употребляли чай, привозимой из Англии, Голландии и Дании, платя за оной в трое или четверо, от чего привоз сего товара чрез все порты, а особливо чрез Петербург увеличился; но бедные люди, которые чай пивали во дни празднества или веселия, или же подражая в роскоши богатым и причаствуя сей постепенной заразе, живущие в России употребляли веронику и богородскую траву; живущие в Сибири заменяли травою, так называемой, луговой чай; но жители Забайкальские, Буряты и Русские, которые издерживают весь

почти кирпичный чай, из Китая привозимый, и коего количество превосходило количество всего чая, в России употребляемого, привыкнув к употреблению оного от самого детства, при всяком пресечении торга на Кяхте приходят в великую расстройку и многие семейства, от чая обнищав, пошли по миру. Вот действие прихотей и действие роскоши, подобно той, которую усматривают в диких народах, и чем они грубее, тем действие пагубнее, чем они простее, тем беспечнее. Тунгус, когда начнет по здешнему гулять, то есть упиваться до бесчувствия, пропивает последнюю рубаху; Караиб отдает за пьяное питье свою постелю, не помня о том, может ли успокоить на чем свои усталые члены.

Таким образом многие Забайкальские жители пропивалися на чаю, доколе доставало их имущество. Овца, корова, лошадь преобращалися в чай; и наконец, хлев стал пуст и нива не оранная не дала жатвы. Не имея потом возможности доставать чай, стали вместо оного употреблять траву, которая в рассуждении своей безвредности имела действие чая: ибо питье сие, употребляемое по образу Сибирских жителей не токмо не вредно, но полезно и питательно, и чай или траву можно почесть скорее побочным (ingrêdient) составом, нежели первенствующим.

Если чай, как вещь, прихотью введенная в употребление, а не нуждою, не могла истребиться из употребления, хотя привоз ее пресекся и с ним низкая его цена, кольми паче невозможно отстать от того, что считаем между первейшими необходимостями, как-то одежда в Северном климате, и если нет штофа и парчи, наденем, вздохнув, сермяжное сукно и проч. Но таков человек, что о прихоти своей более жалеет, нежели о нужде. Сей удовлетворить почтится без роптания; от лишения другого приходит нередко в исступление. Притяжение веселия есть из первейших элементов нашего состава, и душа наша на оном замешена. Если мы вникнем в причины восстания народов, то увидим, что лишение прихотей нередко были их в том побуждениями.

Лишенные Китайских тканей, служивших к их действиям, употребители стали промышлять, как бы их заменить чем другим. То, что в нарядах употребляемо, было заменено нарядом, что была необходимость, то заменена такою же. Невозможно почти исчислить, чем заменены стали китайки, ибо употребления сего товара разнообразны. Сукно, каламенка, выбойка, миткаль, нитяные ткани Ярославских фабрик и даже крашенина, все служило в замену. Фанзы заменены были миткалем и тонким Ивановским полотном: ибо фанзы употреблялись Сибирскими жителями большею частию на рубахи. Вместо даб стали употреблять красные и синие пестреди, нитяные и полубумажные. Но что еще важнее, поселяне стали разводить лен в большем количестве, деревенские и городские бабы стали прясть и ткать: ибо к не малому своему удивлению, я во многих местах Сибири слышал, что многие бабы выучилися сему рукоделию назад тому три или четыре года. В Таре, а особливо в Томске, где много хорошего льна родится, холст начинал составлять отрасль торговли и его отвозили в Иркутскую губернию большими партиями. Шелковые другого рода товары, канфы, голи или камки нашли замену или в Лионских тканях или других Французских модах. Шелк, на фабрики Московские употребляемой, вывозить (говорю гадательно) стали, может быть, в большем количестве из Персии и Италии.

Другие статьи Китайских товаров, гораздо в меньшем количестве вывозимые, нечувствительны были при их лишении, исключая, может быть, сахара леденца, коего

употребление было велико, а в Иркутске, Тобольске и прочих Сибирских городах почти повсеместно. Но высокие цены головного сахара более о нем заставляли тужить, нежели то, что не было Китайского леденца.

Посуда, какого бы звания и вида она ни была, не столь была завидна, чтобы она в счету могла стоять лишнее; а о других статьях и говорить нужды не нахожу в рассуждении их маловажности.

Из всего вышесказанного можем мы видеть, какое торг на Кяхте с Китайцами производит вообще действие над всем тем, чем он живится, и как он действовать может на то, чем в несуществование заменяется. Мы видели, что пресечение торга на Кяхте звериным промыслам не было в подрыв и что они от того не уменьшилися. Правда, если бы Китайцы совсем с Россиею торговать перестали, то воспретило бы сие распространению промыслов, производимых от Охотска на берегах Американских. Признаться в том должно несомненно: они прибыльны, иногда прибыльны чрезмерно: но если они обогатить могут того или другого, какова из того польза вообще, мы постараемся показать ниже.

Обыкновенные же звериные промыслы распространиться кажется не могут; но скорее желать надобно, чтобы они уменьшились, и жители, пропитание свое ныне от звериных промыслов снискивающие, начали бы прилежать к земледелию. В таковом положении, как промыслы ныне производятся, они бы земледелию не были вредны, ибо производятся тогда, когда работ никаких не бывает. Но надеяся на зверскую добычу, все, оное промышляющие, земледелию не прилежат, и если на ловитве не щадят своих трудов и здравия, оных в другую работу жалеют отменно. Сколь же таковое пропитание не надежно, не имею нужды доказывать. Нынешнею весною в окружностях Илима лов был худ отменно, так что тот, кто добывал 500 или более белок, ныне имел не более 20 или 30. Не говорю о том, сколько много от того бывает несчастий; скитаяся по лесам, встречаются с медведями и жертвою бывают своей отважности; и алчностию прибытка водимы, пренебрегая нужду и непогоды, лишаются членов, на всю жизнь бывают калеки. Не думайте, однако же, чтобы они жили в изобилии. Правда, что все Сибирские крестьяне, Барабинских посельщиков исключая, лучше и изобильнее живут помещичьих крестьян, едят мясо, а в пост рыбу, но из того не следует, чтобы они жили в изобилии. Один изо 100 или из 200 живет не в долг, другие все наемники и работают на давших им задатки. Всю свою добычу запродают заранее; а корыстолюбивые и немилосердые торговщики пользуются трудами и ими обогащаются.

Многие из поселян, увидев ненадежность звериного промысла, оставляют свои жилища и, простясь с лесами, переходят и селятся на местах изобильнейших; едучи по Лене, в редком селении я того не находил. Таковые переселения бывают на Оку, где земли много и она плодоносна. Если бы я не знал, сколь мало можно получать в распоряжение казенные деньги и сколь частое из оных делают злоупотребление, то я бы подал совет давать премии всем желающим оставлять жизнь лесную и звероловную и, селясь на местах плодоносных, упражняться в земледелии.

Скотоводство, дающее часть своего произведения для торга на Кяхте, столь же мало или меньше потерпело от пресечения торга с Китайцами. По крайней мере можно сие сказать о скотоводстве Иркутской губернии. Мы видели, что она в торг

дает две главные статьи товаров, мерлушки и кожи, а сии последние бывают выделываемы и отвозятся в Китай с юфтию.

Самую малую часть мерлушек дает губерния Иркутская; идет оных много от Киргизцов из за границы; остальные покупаются в разных местах и столь неприметно, что едва ли первая закупка чувствительна; почему можно предполагать, что первой продавец, имея невеликую прибыль в продаже и малую потерю, если у него мерлушек не покупают, число своего скота для сего ни умалит, ни усугубит, ибо одни только великие прибытки заставляют делать новые предприятия; но торг Кяхтинской, променивая мерлушки в великом количестве, побуждая к размножению скота, дающего мерлушку, не токмо, казалося бы, в сем случае благое будет иметь действие, но размножать волну и способствовать может к заведению или размножению суконных фабрик.

Но оставим все сии гадания и я лучше признаюся, что о сем ничего основательного сказать не могу, потому что подробность сего торга мне мало известна.

Торг юфтию, остановившийся на Кяхте, кажется, может разве вредить кожевенным заводам, а не умалить скотоводство. Следующее рассуждение может служить тому доказательством. На что держать большой рогатой скот? Или спросим определеннее и ближе к цели нашей: на какое употребление бьют скот и какая в том главная цель? Далеко ее, кажется, искать не надобно и сохранение своея жизни скажет, что нужда заставляет искать пищу и находить ее в скотском мясе. И по истине, если мы рассмотрим, что в скотине рогатой всего дороже, то найдем, что мясо всего дороже, за тем следует сало, а кожа в заключении. Они содержатся в следующей пропорции: 4 1/2 – 1 1/2 – 2/4. Из сего можно сделать вероятное заключение, что употребление мяс восстановило кожевенную торговлю и мануфактуру, а не прибытки торговли юфтию заставляют бить скотину, разве цена кож возрастет мгновенно, как то мы видели в цене сала, и для того, доколе будут люди употреблять говядину в кушанье, дотоле и торг юфтию не пресечется и будут существовать кожевенные заводы; ибо в них также настоит надобность, а особливо в Сибири, где весь простой народ носит кожаную обувь, которая и во время закрытия торга в высокой держится цене, хотя число битого скота не убывает, потому что употребители мяса те же.

Кажется, Кяхтинской торг малое на земледелие может иметь действие. Однако же, если то правда, что мне сказывали, что во время сего торга в Иркутске в год до 10.000 подвод перебывает, и с сими по меньшей пропорции 3.000 человек, то, полагая умножением расхода овса и хлеба то количество, которое употреблено быть может людьми и лошадьми во время продолжения дороги, можно почесть сие распространением расхода; а потому в той же пропорции и земледелия.

Обратимся теперь к Китайским товарам и посмотрим, каково их действие. Мы видели, что в несуществовании Кяхтинского торга товары, вымениваемые от Китайцов, были заменяемы совершенно, и недостаток в них чувствовали только те, которые, сделав к некоторым из оных привычку, не в силах были покупать таковые же, но по дорогой цене для людей состояния посредственного. Первые годы по закрытии торга на Кяхте возвышенные цены на Китайские товары показались несносными; но по времени к оным сделали привычку, и размножение некоторых, опричь чая, привозом чрез порты цены оных понизило и недостатка в них уже не чувствовали. Хотя чай и

дороже был прежнего, но все, кто чай пил (опричь кирпичного), от чая не отстали; а ныне, при возобновлении торга, можно сказать с уверением, что прежняя цена чая, на Кяхте вымениваемого, восстановиться не может, потому что числительная сумма денег в России умножилась по крайней мере одной третью всей массы, и если вздорожали от того имения недвижимые, то несомненно должно вздорожать и все другое. Какое же действие размножение одновременное денег имело на торг вообще, мы видим из состояния курса и из издержек последния войны в сравнении с прежними.

Стараются обыкновенно доставлять Государству товары из первых рук, и Правительство сие вменяет себе должностию. Причина тому ощутительна. Получая товар из того места, где он производится непосредственно, он конечно обойдется дешевле, и употребители низкою ценою его иметь будут; но если то истина, хотя мало еще распространившаяся и немногим она очевидною является, что Государство в торгу точно столько же даст, сколько возьмет, а если и то, может быть, истина, что заплата бывает всегда тем, чем Государство изобилует, следовательно, если я вещь получаю дороже, то больше за нее возвращаю, а в общей пользе должно будет на весы положить, что нужнее, чтобы иностранные товары были дешевле, или чтобы больше выходило домашних на заплату сделанного взятьем товаров долга? Мне кажется, что начинают почитать доказанным, что невозможно, чтобы Государство какое либо торговало всегда в ущерб своего числительного богатства; ибо если положим, что оное равно 100, а Государство теряет ежегодно в торгу 5, то в 20 лет таковое Государство должно потерять всю свою монету и начинать повсюду торг меновной. Или если бы Государство ежегодно выигрывало монетою, напр., каждый год 5, умножая тем свое числительное богатство, состоящее из 100, то чрез двадцать лет, оно, удвоясь, удвоило бы всему цену; но сие умножение не бывает в сей соразмерности, и числительное богатство входит в Государство по мере той, какую в нем имеет надобность. Если мы возьмем пример России, и хотя с 762 года, то есть в течение 30 лет назначенном приращении, как то из ведомостей казалося, по 4 миллиона на год, что в 30 лет составит 120 мил. руб. серебреной монеты или серебра; и все сие серебро в 2 или 3 года из обращения истребилося. Эпоха уменьшению серебреных денег есть начало войны со Шведами. Неужели каждой год война стоила 40 мил.? Может быть: ибо умножением денег цена на все умножалася. Но что становилося ополчение против Шведов, все оставалося в России. Или вдруг стало Государство столько терять в торгу ежегодно, нельзя подумать.

Итак, если Государство даст столько же, сколько берет, то будет брать то, что надобно, и давать, что может; следовательно: золото и серебро наряду пойдут с другими вещми.

Россия за вино, сахар и пр. дает железо, сало, пеньку и лен; Испания серебра и золото. И чем в торгу сии металлы могут быть преимущественее? Единственно тем, что употребление их обширнее и что в общем соглашении они всякой товар представляют и на них всякой товар менять можно: ибо по конец всех изысканий всякой торг есть меновой. Для чего же извлекать их из торговли или назначать им особое в оной место? Золото и серебро суть произведения земные, как и другие металлы, а драгоценнее потому, что их меньше. В Перу да нашествия Испанцов золото худшим почиталося металлом: ибо было повсеместно. На что же их предпочитать в торгу другим

произведениям, почто их почитать истинными богатствами и гоняться за ними, нарушая даже правила благоразумия? Или кусок золота или серебра драгоценнее сока винограда и тростника сладкого, сколь приятныя в употреблении, столь и здравию многополезныя? Или утварь серебряная драгоценнее произведения художества, воображения, рассудка? Ужели произведения мрачных вертепов Потозския, свидетели слез и стенаний несчастных, драгоценнее почитаться могут произведений Рафаила, Декарта, Мильтона, Монтескиё? О вы, проложившие путь умствованиям о благе народном, о благе общественном, о благе Государственном, Платон, Монтескиё, могли ли бы вы вообразить, что при вратах порубежных произведения бессмертные вашего разума могут на одни весы положены быть с произведением алчности, исторгаемым ударами у обагренного кровавым потом злосчастия! Отлети от сердца моего мысль тягостная, мысль гнусная, удалися! совет таковой не в моем водворится сердце.

Итак, если истина, что в торгу Государства ни продавец, ни покупщик ущербу не имеют, то все равно, от кого товар ни получать, правою ли рукою, левою ли; все равно для Государства, из первых ли идет что рук или посредственно. Все равно в торговле и безубыточно, что чай в Россию возят с Кяхты или из Петербурга, Архангельска, Риги и Ревеля: ибо он дороже, то за него дают более товара. Примечания достойно, не будет ли открытие торга на Кяхте действие иметь на количество вывозимого Россиею товара; но действие таковое ощутительно не одним годом, не тремя или четырьмя.

По возобновлении торга на Кяхте, торг чаем с Европою пресечется, но, думаю, не совсем, и если бы сравнять пошлину на чай, то бы торг сей был довольно обширен. Забайкальские жители и некоторые других мест Сибири возобновят питье Затурана, будут на нем пропиваться и сожалительно оставят траву, которую ныне вместо чая употребляют. Но более того сожаления достойно, что низкая цена китаек, а паче даб и фанз изгонит из употребления в Сибири многие Российские рукодельные и мануфактурные товары. Китайки и частию фанзы, хотя заменяемы были товарами иностранными, но вместо всех даб, многих китаек и фанз употреблялися товары Российские.

Не токмо размножалося делание пестредей (которые дабы заменяют ныне совершенно), тканий Ярославских, Ивановских полотен, сеяние льна и ткание простого полотна в Иркутской губернии и Томской области; но я имел случай видеть, что даже в деревнях губернии Нижегородской делать начинали китайки. Запрещение иностранных мануфактурных произведений неминуемо родит мануфактуры дома, а без того внутренние рукоделия могут прийти в запустение.

Кто бы подумать мог, что торг Кяхтинокой умалит сообщение Сибири, а особо Иркутска, с Россиею, а паче с Москвою? Вот как сие разуметь должно. Доколе был торг на Кяхте, купцы не токмо Иркутские, но и Тобольские не имели другого предела к стороне России своим поездкам, как Иркутскую ярманку, редкие, и то Тобольские, приезжали на Макарьевскую, ибо имея себе надежное прокормление и барыш в торгу на Кяхте, все туда устремлялися и от нее удалялися неохотно. Все нужные товары из России привозили, как то и ныне по большей части купцы, а особливо в Иркутск, Велико-Российские, наипаче Архангельские, также Устюжские и другие; но когда в пресечение торга так называемые мелочники, не находя себе упражнения на Кяхте, отправилися по ярмонкам; тот, которой знал один Иркутск и Кяхту, отправился в Ир-

бит и к Макарью, и многие, отвозя пушные товары в Москву прямо, закупали все, что могло быть в Сибири потребно и заводили знакомства и сообщение.

По возобновлении торга некоторые из сделанных связей останутся, может быть, но большая часть прервется; ибо, находя надежное прокормление и столь же прибыльное у своего, так сказать, жилища, вдаль ездить перестанут, и Сибирь более будет посещаема русскими купцами попрежнему. В отношении торга все равно, что справа едут налево, что слева направо, но не все равно в рассуждении образования и научения. Сибиряки, посещая Москву, приобретают многие понятия, каких не имели прежде, и все, что в путешествии есть полезного, бывает не потеряно; хотя нравы, образ жития и обращения везде одинаковы, как в Сибири, так и в России, но есть много и различия, и если, скитаяся по свету, изучаемся нередко худому, изучаемся однако же и доброму.

Но какую новую жизнь произведет в Иркутске возобновление торга на Кяхте? Человеку, ведающему все действие сообщения между людей, я не имею нужды говорить обстоятельно. Низкого состояния люди, питающиеся от нашествия других, содержа постоялые дворы, приготовляя пищу, доставая пропитание от извозов, отдающие в наем домы, анбары и лавки, кормящиеся от водоходства, а паче малоимущее купечество и так называемые посадские, получат иные в самом Иркутске, иные отъезжая для мены на Кяхту, и крестьяне, пользующиеся извозом и судохождением, надежное пропитание.

А если бы и все сии выгоды могли быть противовешены другими и заменяемы совершенно, одна та мысль, что многие Барабинские поселенцы изменят смрадное свое рубище на теплую одежду, получив малой хотя прибыток от проезжающих, и [увидят] стенящих еще по 20-летнем отсутствии от прежних жилищ родственников и ближних (все, что человека во всех его состояниях воздыхать заставит может); если какая-либо выгода может загладить у сих несчастных тяготительные напоминовения, то желание мое будет всегда, чтоб торг на Кяхте не пресекся николи.

Не знаю, М[илостивый] Г[осударь], довольно ли я объяснил мою мысль и может ли быть внятно мною сказанное, что пресечение торга на Кяхте не есть такое зло, как кажется. И по истине, если мы краткими словами повторим сказанное: от пресечения торга на Кяхте звериные промыслы не уменьшалися и не уменьшатся, а есть ли в том польза, чтобы они в теперешнем положении Сибири размножалися, остается для меня по крайней мере доселе проблеммою. Скотоводству от того и земледелию помехи нет; в несуществовании сего торга размножился посев льна в Иркутской губернии и ткание холста, а особливо в Томске и окружностях: торг Российскими полотнами, пестредями и другими льняными тканьми, крашениною и выбойкою Российского дела, в Сибире распространился на сумму весьма знатную, даже начали в России делать бумажные ткани, на подобие китайки; недостаток в Кяхтиноком чаю совсем бы стал нечувствителен, если бы пошлину на него, в общем тарифе положенную, сравнять с Кяхтинскою; Забайкальские жители, вместо кирпичного чая, стали бы пить ими собираемые травы, для здоровья не меньше полезные; а сообщение Сибиряков с Российскими городами распространилось бы непременно.

Но с другой стороны возобновление торга на Кяхте возвысит цену на мягкую рухлядь и распространит обилие между питающимися звериным промыслом, размножит

кожевенное рукоделие в Иркутске, размножит плавание по Байкалу и рекам Сибирским, даст пропитание питающимся извозом, гостеприимством, удесятерит обращение денег в Иркутске, доставит казне знатной годовой доход, доставит многому маломочному купечеству надежное пропитание, даст дешевую и прочную одежду не токмо Сибири, но и России, и подешевеет вожделенное всеми питие – чай, Забайкальские жители завтракать будут затураном и я, хотя не совсем одобряю торг сей, иногда невыгодный, охотно выпью несколько чашек чаю в день, лучшего, нежели ныне. Но что всего важнее, Иркутск, будучи теперь истинным центром Сибирский торговли, будет распространяться паче и паче, и если можно проницать слабыми нашими взорами в будущее, он по положению своему определен быть главою сильныя и обширныя области.

Противовеся все выгоды и неудобства, случающиеся при торге Кяхтинском, так, как и при всяком другом, не возьму на себя сделать заключение в ту и другую сторону; и тем паче, что я для надежного о сих материях суждения недовольно жил в Иркутске, а Кяхты совсем не видал. Итак, все мною сказанное примите мимоходящими только рассуждениями, а не достоверными следствиями верных посылок. Если время переменит что либо в отношении Кяхтинского торга, то, признав истину, не постыжуся сказать: я заблуждал.

Билл Хэйтон

Карты и линии. 1500–1948

Bill Hayton

Maps and Lines. 1500–1948

A • N • 拉季舍夫

关于中国市场的信

От редакции

Данная публикация представляет собой перевод[1] *второй главы книги британского журналиста и исследователя Билла Хэйтона «Южно-Китайское море: борьба за власть в Азии»*[2]*, до сих пор представляющую собой наиболее полный анализ истории и современного состояния территориального конфликта в этом регионе.*

В январе 2008 года, в пяти с половиной тысячах морских миль от островов Спратли, в подвале Бодлианской библиотеки Оксфордского университета[3], где круглосуточно поддерживаются постоянная температура и влажность, Роберт Бэтчелор развернул документ, радикально изменивший наши представления об истории Южно-Китайского моря. Это была карта около полутора метров в длину и метра в ширину, изображавшая территории, которые мы сейчас назвали бы Восточной и Юго-Восточной Азией: от Японии на северо-востоке до Суматры и Тимора на юге. Карта эта – настоящее произведение искусства. В течение 350 лет она хранилась в библио-

[1] Перевод А.Д. Дикарева, к.и.н, в.н.с Института международных исследований МГИМО МИД России.

[2] Оригинал: Bill Hayton, The *South China Sea*: The Struggle for Power in Asia (New Haven and London: Yale University Press, *2014).*

[3] Старейшая в Европе библиотека Оксфордского университета носит имя Томаса Бодли (1545–1613) – известного собирателя старинных манускриптов.

теке, вызывая восхищение изящными рисунками в стиле «горы и воды»: бледно-зеленое море, обрамленное бамбуком, соснами и сандаловыми деревьями; холмы, реки и растения выглядели как настоящие. Но Бэтчелор заметил на карте то, на что никто никогда не обращал внимания: паутину тонких линий, сходящихся в южнокитайском порту Цюаньчжоу. Эти линии соединяли Цюаньчжоу почти со всеми портовыми городами региона: от Нагасаки до Манилы, Малакки и далее. Еще более удивительно, что каждый маршрут сопровождался навигационными инструкциями: азимутом согласно китайскому компасу и цифрами расстояний.

Американский историк Бэтчелор обнаружил не что иное, как карту торговых путей Азии. Это открытие разрушило традиционный образ Китая XVII века как замкнутой в себе изоляционистской державы. Напротив, находка показала, что Китай имел выход к морю, а через море – во внешний мир. Это было изображение региона, не разделенного формальными границами, где царства и уделы были связаны между собой. Карта была продуктом эпохи, когда правители делили между собой территории при помощи совершенно иных линий, нежели те, что разделяют страны региона сегодня. Она была нарисована в то время, когда границы в другой части света начали меняться из-за столкновений между империями и споров между учеными. Эти сражения и дебаты заложили основы современного международного права и породили новые представления о границах, которые продолжают и поныне волновать воды Южно-Китайского моря.

Сама история этой карты тому доказательство. Она демонстрирует, как тесно были связаны Европа и Азия, даже в XVII веке. Карту передали в Бодлианскую библиотеку в 1659 году, после смерти ее владельца Джона Селдена, одного из крупнейших правоведов Англии семнадцатого века. В своем завещании Селден указал, что карта ранее принадлежала «английскому военачальнику», но не уточнил, кому именно. После многих лет неустанных изысканий Бэтчелор решил, что отгадал эту загадку. Летом 1620 года шхуна «Элизабет», принадлежавшая английской ост-индской компании, бросила якорь на Тайване, где обнаружила судно (китайское или японское) –, среди пассажиров которого были португальский капитан и два испанских священника. Капитан Элизабет Эдмунд Ленмайес под этим предлогом захватил судно, весь груз и, как полагает Бэтчелор, карту [Batchelor, 2013, p. 37–63][4]. Селден пишет в своем завещании, что английского капитана (кто бы он ни был) «усиленно вынуждали вернуть карту за большой выкуп» но он отказался уступить ее владельцам. Должно быть, Ленмайес сразу понял ее ценность.

Нам неизвестно, как карта попала к Селдену, но тот был членом парламента и знал ключевых инвесторов английской Ост-Индской компании [Berkowitz, 1988]. Роберт Бэтчелор полагает, что карта появилась в Англии в 1624 году, проделав долгий и трудный путь. Возможно, она была продана в качестве трофея или вручена в виде ценного подарка влиятельному патрону. Джон Селден идеально подходил на эту роль. Он принадлежал к самому ядру политической и торговой элиты Англии и был пионером юридической мысли. Нам он более всего известен как человек, сформулировавший для государств первые правовые основания на обладание территориальными

[4] Иную версию того, как карта могла оказаться в Англии см.: Timothy Brook's Mr Selden's Map of China: the Spice Trade, a Lost Chart and the South China Sea (Rotterdam, 2014).

водами вокруг своих берегов. Менее известно, что закладывание Селденом основ международного права началось со споров о маленькой жирной рыбе. Судьба европейской селедки будет решаться в борьбе за доступ в Азию, в схватке за свободу мореплавания, торговли и экономическое господство, порожденной открытиями, сделанными веком ранее.

* * *

Пребывание Васко да Гама в Индии в мае 1498 года началось хорошо, но последующие события означали быстрое ухудшение отношений. Статус первого человека, проложившего путь по морю из Европы, поначалу сделал его знаменитым, но португальские дары не впечатлили Каликутского заморина[5]. По сравнению с шелками, слоновой костью и золотом, к которым привык заморин, подношения да Гамы (яркокрасные плащи, шляпы, масло и мед) выглядели скорее как оскорбление. Хуже того, арабские и персидские купцы, державшие в руках торговлю Каликута с Европой, осознали угрозу, которую представлял для них Васко да Гама, и сговорились изгнать его из города. Заморин велел ему убираться восвояси, и Васко да Гама, плохо знакомый с муссонами, отправился в мучительное плавание, в котором потерял две трети своей команды. Тем не менее он привез достаточно пряностей, чтобы с лихвой компенсировать затраты на экспедицию, и его спонсор, король Мануэль, остался доволен. Плавая вокруг Африки, португальские купцы теперь могли миновать территории неверных арабов, а также разрушили прежнюю торговую монополию венецианских купцов, контролировавших восточное средиземноморье.

Перевозка пряностей и прочих роскошных диковинок из Азии в Европу морским путем оказалась значительно дешевле и безопаснее по сравнению с традиционным арабо-венецианским маршрутом, сочетавшим плавания на короткие расстояния с сухопутными караванами. Португальцы с их современными галеонами, способными вместить как грузы, так и пушки, быстро заняли господствующее положение в торговле. Уже через несколько лет португальцы оборудовали форпост в Гоа и проложили путь мимо Каликута, через Бенгальский залив к Малаккскому проливу – воротам к островам пряностей. К несчастью, султан Малакки не желал пропускать их через свою территорию. Его правление держалось на налогах с торговли, которая проходила между тем, что называется в наше время Малайзией и Индонезией. Малакка являлась новым региональным перевалочным пунктом, унаследовав свою роль от Фунани[6] и Шривиджайя[7], и соперничала с Маджапахитом[8]. Город кишел иностранными купцами, которые вели торговлю чуть ли не со всем миром. В нем проживало около

[5] Титул наследственного монарха королевства Кожикоде (Каликут) на Малабарском побережье Индии (XII–XVII века). Имеющее малайские, по другой версии – санскритские корни название появляется впервые в арабских источниках, затем входит в голландский и прочие европейские языки.

[6] Иначе называется Бапнам. Раннеклассовое государство в Юго-Восточной Азии в I–VI веках. Располагалось в юго-восточной части современной Камбоджи,

[7] Древнее малайское царство с центром на острове Суматра, распространявшееся также на острова Малайского архипелага и на побережье Юго-восточной Азии. Образовалось в 200–500 годах прекратило существование около 1400 года.

[8] Последнее индианизированное королевство в Индонезии в 1293 – ок. 1520 года. Островная империя, столица находилась на восточном побережье Явы

100 тысяч постоянных жителей и приезжих, среди них малайцы, тамилы, гуджараты, яванцы, китайцы и лусонцы – торговцы с остова Лусон.

Португальский посол встретился с султаном в 1509 году, он привез с собой более впечатляющий набор даров, нежели Васко да Гама десятью годами ранее. Его соотечественникам была выделена «фактория», где им надлежало вести торговлю. Однако другие торговцы – в частности гуджараты – стали возражать и уговорили султана арестовать христиан по обвинению в измене. В июне 1511 года сюда прибыли португальские вооруженные галеоны под командованием адмирала Альфонсо де Альбукерка. Пока продолжались переговоры, его шпионы собрали сведения о городских укреплениях и нашли сторонников в лице китайских купцов. Султан отказался отпустить пленников, и тогда в праздник святого Джеймса (Иакова)[9] Альбукерк начал военные действия. Через две недели султан бежал и 10 августа 1511 года Малакка сдалась португальцам. В течение следующих 130 лет она будет находиться под их управлением.

В команде Альбукерка нес службу 31-летний офицер по имени Фернан Магеллан. Возможно, после сражений он гулял по улицам города, встречался с лусонцами и слушал их рассказы. Десять лет спустя он перешел на службу к Испании и отправился в плавание с целью добраться до Лусона и его золотых приисков с востока. В 1521 году он стал первым европейцем, добравшимся в Азию через Тихий океан. Как и в предыдущих случаях, экспедицию приняли поначалу вполне дружелюбным: правитель острова Себу и большинство его подданных, очевидно, приняли христианство. Согласно Антонио Пифагетта, ученому, который сопровождал Магеллана, островитяне продемонстрировали гостям тончайший фарфор, явившийся доказательством их торговли с Китаем в это время. Магеллан, придя с крестом и мечом, недооценил нежелание других островитян подчиняться как Иисусу, так и Испании. Всего лишь месяц спустя, 27 апреля 1521 года, Магеллан был убит на острове Мактан

Португальцы были настроены не более дружественно. Они отправили флотилию на перехват Магеллану и в конце концов обнаружили нескольких выживших на борту Тринидада[10] близ Тидора, одного из Островов пряностей, и взяли их тут же в плен. Упорно пытаясь добраться до Островов пряностей (теперь мы знаем их как Молуккские острова) с запада, португальцы были не склонны уступать конкурентам, пришедшим с другой стороны. Это было всего лишь одно из многих разногласий между двумя христианскими империями. Чтобы урегулировать ситуацию, король Испании Карл Пятый выдал свою сестру замуж за своего португальского визави, а тремя годами позже женился на сестре своего нового зятя Изабелле. Результатом этих династических союзов стал Сарагосский договор 1529 года. Впервые пришельцы извне провели через Юго-Восточную Азию линию, разделив ее между европейскими империями. Хотя картографирование не отличалось точностью, португальцы сохранили за собой Острова пряностей, ставшие потом Индонезией, а испанцам досталось то, что впоследствии стало называться Филиппинами. Пять веков спустя результаты этого разделения то и дело сказываются. Мусульманские восстания на юге Филиппин и продолжающиеся притязания Филиппин на малазийскую провинцию Сабах, которые

[9] День святого апостола Иакова празднуется 25 июля.

[10] Название одного из кораблей экспедиции Магеллана.

мешают двум странам достичь соглашения о границе в Южно-Китайском море, проистекают в конечном счете из Сарагосского договора.

Португальцы приплыли в Малакку в поисках мускатного ореха, гвоздики и прочих пряностей, но по счастливой случайности оказались у самых ворот в таинственную страну, которую европейцы называли «Катай». После покорения Малакки не осталось военной силы, которая могла бы воспрепятствовать дальнейшему продвижению португальцев на восток, включая, разумеется, и минский Китай. После 30-летней дипломатии канонерок, проводившейся адмиралами-евнухами столетием ранее, китайский флот пришел в упадок. Двор был больше обеспокоен угрозами северным границам и внутренним финансовым кризисом. Экономика Мин была первой в истории, выпустившей в обращение бумажные деньги, и первой, пострадавшей от гиперинфляции[11]. Обесценившиеся деньги не могли поддерживать флот на плаву.

В последующие десятилетия по мере деградации правительственного флота на смену ему начал приходить частный кораблестроительный сектор, призванный обеспечивать спрос Китая на импортные товары и поставлять на рынки Себу и других близлежащих островов шелк и фарфор. В то время китайская торговля считалась государственным делом и была опутана ритуалами «подношения дани». Юго-восточная провинция Фуцзянь, впрочем, прославилась контрабандой. Ее корабли развозили товары по всему региону, тысячи фуцзяньцев отправлялись заключать торговые сделки в отдаленные порты. Таким образом по берегам Южно-Китайского моря начали возникать первые небольшие чайнатауны [Ptak, 1998, p. 157–192]. Некоторые из этих торговцев шли на службу к португальцам в Малакке, иногда принимая участие в сражениях и последующих акциях

Вдохновленные фуцзяньцами португальцы усиленно искали источники шелка и фарфора. Именно португальцы дали водному пространству к востоку от Малакки название, под которым они сегодня нам известны: Маре да Чина, или Китайское море. Впоследствии, двинувшись в направлении Японии, они поняли, что нужно отличать «Южное море Китая» от других морей у восточного побережья. Для обычных китайцев это было просто «море», а для образованных – южное море – Наньхай.

У местных штурманов не было карт в европейском понимании этого слова – накопленные ими знания записывалось в форме лоции, то есть инструкций по перемещению от пункта к пункту. Эти лоции содержали изрядную долю мифологии – особенно это касается веры в Ваньли Шитан. Согласно китайскому тексту 1178 года под названием «Сведения о том, что находится за проходами» (автор Чжоу Чуфэй) – это длинный уступ в океане, с которого воды обрушиваются в подземный мир. Поверившие своим штурманам португальские исследователи также начали верить в Ваньли Шитан, обширный архипелаг, состоящий из опасных рифов и островов, протянувшийся вдоль берега, который нам известен теперь как вьетнамский. Португальцы владели лучшими навигационными приборами, которые только могла предоставить им наука эпохи Ренессанса, но и они пали жертвой заблуждения. Имеющий форму паруса Ваньли Шитан в течение последующих 300 лет вновь и вновь воспроизводился на

[11] Первая часть этого утверждения, а вероятно, и вторая – явная ошибка. Впервые бумажные деньги появились в X–XI веках в сунском Китае. В конце XIV века династия Мин выпустила банкноты единого номинала, которые использовались в течение двух сотен лет.

любой карте этого региона, пока изыскания конца XVII – начала XIX века не выявили, что он на самом деле не существовал, если не считать Парасельских островов на его северной оконечности. Целых триста лет ошибочная вера в существование этого архипелага удерживала моряков от экспедиций в центр Южно-Китайского моря.

«Китай», до которого в начале XVI века добрались португальцы, не был единым государством [Ptak, 2012, p. 225–244], значительные участки южного побережья не контролировались минскими правителями в Пекине. Португальцы обнаружили, что им гораздо проще иметь дело с купцами-индивидуалами из Фуцзяни, чем с враждебными государственными чиновниками из официальных ворот в страну – порта Гуанчжоу. Китай того времени отчаянно нуждался в одном характерном товаре, который как раз были в состоянии поставить португальцы. Случившаяся ранее гиперинфляция вынудила торговцев отказываться от бумажных денег и требовать оплаты серебром. Ближайший источник серебра находился недалеко – в Японии, но отношения между двумя странами были столь плохими, что в 1549 году минский двор запретил прямое морское сообщение с Японией. Португальцы появились как раз вовремя, чтобы стать посредниками – они курсировали между Нагасаки и Макао, меняя японское серебро на китайский шелк [Blussé, 1996, p. 51–76].

В 1567 году минский император окончательно признал невозможность поставить контрабанду под контроль и снял – в провинции Фуцзянь – официальный запрет на частную торговлю. В результате начался торговый бум – с каждым муссоном на юг отплывали до 200 джонок [Blussé, 1996, p. 51–76]. Впервые большие частные торговые флотилии Китая начали превышать числом морские караваны из Юго-Восточной Азии которые господствовали в «китайской торговле» в предыдущее тысячелетие. Немецкая исследовательница Анжела Шоттенхаммер показала, как эти изменения отразились на языке: впервые в китайских текстах стал появляться термин «хай шан» – морской купец – и даже само китайское слово, обозначающее море – «хай» – стало употребляться по-иному. В прежние времена оно обозначало место встречи цивилизации с неизвестностью. С середины XVI века оно теряет мистические коннотации и превращается в простой географический термин [Schottenhammer, 2006, pp. 3–13].

Дальнейшие реформы династии Мин изменят не только Китай, но и весь мир. В 1570 году правительство смирилось с неизбежным и объявило, что отныне все налоги должны уплачиваться серебром. Но в Китае и Японии вместе просто не было достаточно серебра, чтобы удовлетворить спрос на него. Цена на него поднялась до заоблачных высот. Правительство Мин спасло открытие крупнейшего в мире месторождения серебра в Потоси, в 20 тысячах километрах от Китая высоко в Андах, контролируемых испанцами.

Сарагосский договор позволил испанцам сохранить свой форпост на Филиппинах и в 1571 году наследники Магеллана основали торговую факторию в Маниле. Они узнали о стремительно растущей цене на серебро на другом берегу моря, и таким образом началась «Торговля Акапулько». Больше ста лет галеоны перевозили через Тихий Океан из Мексики в Манилу около 150 тонн серебра в год, в Маниле оно обменивалось на золото, керамику, шелк из Китая. Похожим образом крупные партии серебра шли в восточном направлении из Потоси через Европу. Цена серебра в Китае – в золотом эквиваленте – была вдвое выше, чем в Европе. Простая переправка

добываемого в Андах серебра в Китай, обмен его на золото и продажа золота в Европе позволяли испанской империи получать огромный доход и финансировать свои войны в Европе [Flynn and Giráldez, 1995, p. 201–221]. В то же время у европейской аристократии быстро появился вкус к роскошному китайскому фарфору и шелку.

Имея подобные «серебряные перспективы», китайское население Манилы разрослось, за 30 лет достигнув 30 тысяч человек. Большая часть его – выходцы из всего лишь трех поселков округа Цзиньцзян в Фуцзяни [Blussé, 1999, p. 107–129]. Манила превратилась в главный перевалочный пункт на торговом пути вокруг Южно-Китайского моря. Наряду с серебром фуцзяньцы отправляли домой семена будущего процветания южного Китая – в буквальном смысле. Испанцы привезли из Южной Америки кукурузу, батат и арахис, и крестьяне обнаружили, что все это хорошо растет на почвах южного Китая. В результате началась сельскохозяйственная революция, за которой последовал быстрый рост населения.

Может, к лучшему, а может, и к худшему, китайское побережье оказалось теперь тесно вовлеченным в глобальную экономику. Сообщества китайцев, малайцев, арабов и европейцев распространили влияние оружия и денег на весь мир. К концу XVI века объединенная испано-португальская империя доминировала в европейской торговле с Азией. Но империя уже начала разлагаться изнутри. В 1581 году после двух десятилетий восстаний и репрессий правители семи голландских провинций объявили независимость от своих правителей – испанского дома Габсбургов. В отместку португальцы попытались перекрыть канал поставки азиатских специй. Реакция голландцев обернется потрясением для всего мира. Им нужна была лишь хорошая карта.

Тем, кто откликнулся на кальвинистские молитвы голландцев, оказался некий Ян Хюйген ван Линсхотен, оказавшийся в Испании подростком и плававший вместе с португальцами между их факториями в Гоа, Малакке и Макао (ближайшая к Гуанчжоу бухта, которую португальцам удалось взять в аренду у китайских властей). Он тщательно копировал их карты и лоции, пока в его личном рундуке не оказались, по сути, ключи ко всей Азии. В 1594 году, проделав полный опасностей путь обратно в Голландию, он передал карты своему соотечественнику Корнелису де Хоутману, который организовал на следующий год первую голландскую экспедицию в Юго-Восточную Азию. Это была катастрофа. Две трети его команды погибли, сам Хоутман умудрился оскорбить султана Бантама[12], «прославился» вместе с подельниками убийствами и изнасилованиями и чудом вернулся живым. Тем не менее он доказал, что голландцы могут вести независимую торговлю с островами пряностей.

В 1596 году Ян Хюйген поделился своими знаниями со всей Европой. Написанная им «Итинерарио» – история его странствий вместе с картами (быстро переведенная на английский и немецкий) покончила с португальской монополией на знание маршрутов, ведущих к пряностям [Koeman, 1984]. Для предпринимателей северной Европы это была двоякая возможность: нанести удар Габсбургам и попытать удачу в бизнесе. 31 декабря 1600 года английская королева Елизавета объявила 216 аристократам и торговцам королевский указ об образовании Восточно-Индийской компании. Два года спустя в Амстердаме шесть мелких компаний объединились и создали гол-

[12] Султанат Бантам (1526–1687) — средневековое мусульманское государство в западной части острова Ява. Образовалось после распада империи Маджапахит.

ландский аналог – Ост-Индскую компанию (VOC)[13]. Это была торговая компания, но с государственными полномочиями – ей была выдана лицензия на борьбу с португальцами. Но те так легко сдаваться не собирались. Соперничество голландцев с португальцами в конце концов приведет к первой «мировой войне», перекроит карту Юго-Восточной Азии и породит систему международного морского права, которая по сей день лежит в основе конфликта в Южно-Китайском море.

* * *

К концу 1602 года Ост-Индская компания заняла на южной оконечности малайского полуострова торговый и военный плацдарм. Султан Джохора, являвшийся потомком свергнутого правителя Малакки[14], не любил португальцев столь же сильно, сколь и голландцы. В сентябре 1601 года португальцы захватили в плен и казнили 17 членов команды голландского корабля, который пытался проплыть в Гуанчжоу (известный европейцам как Кантон) и встрять в торговлю с китайцами. Узнав о союзе голландцев с Джохором, португальцы заблокировали побережье Джохора и начали обстрелы.

В феврале 1603 года голландцы и джохорцы нанесли ответный удар. Адмирал Якоб Ван Хеемскерк со своим новым союзником вышли на перехват тяжело груженного португальского судна, плывшего из Макао в Малакку. По тем временам «Санта Катарина» считалась огромным кораблем. Ее груз состоял из тысячи двухсот тюков шелка-сырца, сундуков с камкой и тафтой, 70 тонн золота, 60 тонн фарфоровых изделий и большого количества хлопка, парусины, сахара, специй и деревянной мебели. На борту предположительно находилось около тысячи человек: 700 солдат, 100 женщин с детьми, множество торговцев и экипаж. Удивительно, что этот огромный приз защищен был очень слабо. Португальцы имели обыкновение продавать офицерские должности высокопоставленным претендентам, но отнюдь не тем, кто отличался способностями. Голландцы же, напротив, были хорошо обучены [Borschberg, 2002, p. 31–62; Borschberg, 2011; van Ittersum, 2006].

Вскоре после восхода солнца флотилия Ван Хеемскерка (два голландских корабля и несколько джохорских) обнаружили «Санта Катарину» стоящей на якоре в устье реки Джохор (близ аэропорта Чанги в современном Сингапуре). Первыми же залпами они изрешетили паруса «Катарины» так, что она была лишена возможности двигаться, и до конца дня изредка обстреливали корпус корабля (следя за тем, чтобы выстрелами не повредить серьезно груз). Обнаружив течь и растущее число жертв, капитан Себастьян Серрао сдался. Пассажирам и команде сохранили жизнь, обменяв ее на корабль и его содержимое.

Когда в конце концов Санта Катарина с грузом доплыла до Голландии, уже само количество драгоценных металлов, шикарных тканей и тонкого фарфора вызвало сенсацию. У торговцев разгорались глаза от очевидных возможностей, которые таил в себе Восток. На аукционе весь груз был продан за 3,5 млн гульденов – что составляло примерно половину всего капитала Ост-Индской компании. Но возникла про-

[13] От голландского Veerenigde Oostindische Compagnie

[14] Султанат основан в начале XVI века сыном Махмуд Шаха, последнего султана Малакки, после бегства от португальских завоевателей.

блема. Некоторые из акционеров компании полагали, что ей следует сосредоточиться на увеличении прибыли, а не ввязываться в войну, требующую больших затрат. Голландская политическая элита желала своей молодой державе и того и другого: как прибылей, так и войны. Им нужен был тот, кто бы убедил их в правильности такой позиции. Этим человеком оказался 21-летний Гуго Гроций.

Гуго Гроций (латинизированная версия имени Хуиг де Гроот) был на самом деле выдающимся юристом. Выходец из влиятельной семьи, он считался вундеркиндом, поскольку окончил колледж в возрасте 11 лет, а в 15 лет удостоился аудиенции у французского короля. Он сделался присяжным поверенным, а затем – официальным историографом Голландии (на этой должности требовалось быть скорее специалистом по пиару, нежели кабинетным ученым). В 1604 г директоры Ост-Индской компании наняли его, поручив оправдать захват «Санта Катарины». Представленная им апология не только станет обоснованием двойственной роли компании как торговой и военной силы одновременно, но также предтечей одного из основополагающих документов международного права. Трактат Гроция превратится в теоретическую платформу голландской колониальной политики и породит «столкновение цивилизаций», то есть европейских и восточноазиатских концепций политической власти и соответствующих территориальных притязаний.

Большинство привычных представлений о Гуго Гроции недавно было пересмотрено двумя историками – Мартиной Джулией ван Иттерсум и Питером Боршбергом. Тщательное изучение личных писем и публичных выступлений Гроция позволило показать, что он отнюдь не являлся неангажированным политическим мыслителем, но был лоббистом Ост-Индской компании и убежденным защитником торговых и политических прав Голландии. Гроций выбирал аргументы, подходящие к конкретному случаю, опровергал позиции оппонентов и полагался на сомнительные свидетельства. Тем не менее его сочинения имели далеко идущие последствия.

Португальцы настаивали, что имеют исключительные права на торговлю с Азией, поскольку открыли морской путь туда. Согласно испанскому католическому мировоззрению, открытия, сделанные не-христианами, попросту не имели значения. Гроций же придерживался кардинально иной концепции: азиатские правители – тоже люди и потому могут выбирать, с кем им торговать. Португальские правители полагали, что имеют право решать, кому дозволено плавать по морям, находящимся в их владении. Гроций же утверждал, что море, как и воздух, не может принадлежать ни одному государству и потому должно быть доступно для общего пользования. Эти идеи могут показаться современными и прогрессивными, но в их основе также лежал определенный интерес. Их цель заключалась в том, чтобы обосновать право Ост-Индской компании подписывать договоры с азиатскими правителями. Впоследствии Гроций будет настаивать, что подобные соглашения могут на законных основаниях исключать из сделок любые третьи стороны и оправдывать применение силы против тех, кто осмелится препятствовать движению грузов или будет нарушать договоры.

Гроций был удачливым мастером закулисного лоббирования, но его аргументы оставались частным мнением до тех пор, пока не были опубликованы в анонимном содержательном памфлете «Маре Либерум» («Свободное море»). Как и прежде, его сочинение имело политическую цель – повлиять на мирные переговоры между гол-

ландцами и испанцами. Ост-Индская компания опасалась, что голландское правительство уступит Испании и Португалии право не допускать суда компании в Азию. Политтехнолог Гроций как специалист по пиару принялся за дело. Ему сопутствовал успех: Антверпенский договор, подписанный 10 апреля 1609 года, предоставлял голландским купцам право торговать везде, где Испания и Португалия не имели факторий-поселений.

У Гроция была и другая цель: селедка. По его мнению, воспрепятствование рыбному промыслу было даже хуже введения запретов на мореплавание. В одном месте в «Маре Либерум» он расценивает это как «безумную алчность». Английский Король Джеймс (Яков) Первый (он был также Джеймсом Шестым шотландским)[15] разгневался на то, что голландский флот курсировал вдоль английских и шотландских берегов в попытках перехватить косяки ежегодной миграции селедки, которой питались в сотнях английских поселений. Джеймс хотел, чтобы голландцы не заходили в воды, которые он полагал «своими», но в то же время не был готов вступать в борьбу с одним из немногих союзников в Европе. 16 мая 1609 года, вскоре после публикации «Маре Либерум», он запретил иностранцам заниматься рыбной ловлей у английских берегов без официального разрешения. Но при этом Яков ощущал необходимость подкрепить свой указ юридическим обоснованием. Профессор права Вильям Велвуд написал в 1613 году трактат, где использовал библейское, римское право и привел – как бы мы назвали это теперь – экологические аргументы, обосновывающие право короля ограничивать иностранную рыбную ловлю. Яков, вероятно, не счел трактат достаточно убедительным, поскольку в 1619 году обратился к другому юристу – Джону Селдену.

Памфлет Селдена был закончен летом того же года и отправлен на одобрение королю. Но в последний момент Яков забеспокоился, что его шурин, датский король Кристиан[16] будет недоволен притязаниями англичан на моря и затеет спор по поводу всей Северной Атлантики. Памфлет тихо положили на полку и выдвигать правовые аргументы временно не стали. В последующие десятилетия и Гроций, и Селден активно участвовали в государственной политике, лишились благосклонности каждый в своей стране и даже какое-то время провели в тюрьмах. К середине 1630-х годов Селдену потребовалось снискать расположение нового английского короля Карла 1, который занял более жесткую позицию по морским спорам по сравнению со своим предшественником. В 1635 году Селден выдвинул ряд правовых аргументов, оспаривающих притязания Гуго Гроция. Даже само название его сочинения – «Маре Клаузум» («Закрытое Море») представляло собой прямой вызов голландцу.

Хотя Селден соглашался с Гроцием в том, что корабли должны иметь право «мирного прохода» через территориальные воды других стран, он настаивал на предоставлении государствам также права ограничивать доступ в свои воды при определенных обстоятельствах. Он утверждал, что правители должны иметь возможность претендовать на особые зоны – даже в отдаленных морях – на основании их длительного использова-

[15] Король Шотландии (Яков Шестой) и первый король Англии из династии Стюартов (1566–1625). Под именем Якова Первого с 1603 по 1625 год правил обоими королевствами Британских островов.

[16] Имеется в виду Кристиан IV – король Дании и Норвегии с 1588 года, при котором датское государство достигло вершины своего могущества. Занимал престол 59 лет – дольше, чем кто-либо в датской истории. Его сестра Анна в 1589 году стала женой Якова Первого.

ния [Fassbender et al., 2012, p. 369]. Открытое море может быть «оккупировано» и потому не обязательно являться открытым для всех, особенно если в нем живут большие стада сельди [Gordon, 2009]. Должно быть, именно в это время, когда Селден играл ведущую роль в политике королевского двора, в его владении оказалась китайская карта.

Спор между Гроцием и Селденом – открытое море против закрытого моря – продолжается и по сей день. Селден определенно выступал за то, чтобы провести на картах морей воображаемые линии, и в результате даже Гроций согласился, что бухты, заливы и проливы могут находиться в собственности государства. Однако, придя к общему заключению о возможности и правомерности проведения через морское пространство разделительных линий, они разошлись в том, где именно должны быть проведены такие линии. К концу XVII века европейские страны достигли компромисса, который иногда называют правилом «пушечного выстрела», позволяющим стране контролировать свои прибрежные воды на расстоянии в три-четыре морских мили от берега. В течение нескольких веков казалось, что Селден утратил свои аргументы – в основном потому, что Англия (с 1707 года – Британия) стала морской державой. С тех пор интересам Лондона лучше отвечала аргументация Гроция, нежели Селдена. Британская империя основывалась на изначальном праве страны – в особенности одной определенной страны – свободно торговать по всему миру. Прекратив претендовать на расширение территориальных вод с целью сохранить поголовье сельди, Британия теперь выступала за сокращение размера территориального моря, чтобы контролировать большие пространства открытых вод. Для этого требовалось минимизировать права других правителей накладывать ограничения на мореплавание. Любые крупные расхождения по этому пункту юридических норм обычно решались с помощью королевского военно-морского флота, демонстрировавшего свое понимание правила «пушечного выстрела».

Во все времена глобальные гегемоны – Нидерланды, затем Англия, а теперь США – выступали за свободу мореплавания и применяли военную силу для противодействия тем, кто покушался на эту свободу. Но точка зрения Селдена по-прежнему имеет своих приверженцев, особенно тех, берегам которых может угрожать «пушечный выстрел» с моря. Вопрос о том, могут ли прибрежные государства и как именно подтвердить суверенитет вне своих берегов, по-прежнему стоит перед нами, и мало где на планете этот вопрос стоит более остро, чем в Южно-Китайском море.

* * *

Захват «Санта Катарины» может считаться первым залпом первой «мировой войны». Большую часть первой половины XVII века голландцы и португальцы воевали между собой в Европе и Латинской Америке, Африке и Азии. На какое-то время английская и голландская Ост-Индские компании заключили между собой союз, вследствие чего в 1620 году капитан Эдмунд Ленмайес, командовавший фрегатом Элизабет, под предлогом того, что на корабле находились португальские и испанские пассажиры, счел себя вправе захватить китайский корабль у берегов Тайваня, конфисковать весь груз и, возможно, прекрасно иллюстрированную карту. Голландцы доминировали в Южно-Китайском море большую часть XVII века – равным образом в качестве как торговцев «дальнего плавания», так и посредников в сношениях между странами

Азии. Имея превосходящую огневую мощь, они вытеснили португальцев из японской торговли серебром и из большинства портов, где велась торговля пряностями, и даже сокрушили своих английских союзников в 1623 году во время «Резни купцов в Амбойне» на острове Амбон (ныне индонезийском).

К 1625 году и в последующие 50 лет голландская республика господствовала в мировой торговле. На пике могущества торговый флот Голландии числом в 6 тысяч кораблей и 50 тысяч моряков, превосходил флоты Испании, Португалии, Франции, Англии, Шотландии и Германии вместе взятые. Амстердам был торговой столицей мира, а Батавия (современная Джакарта) стала восточным форпостом Голландии, откуда велась торговля с Тайванем и Японией. В 1641 году Ост-Индская компания совершила решающий прорыв в Юго-Восточную Азию – была завоевана Малакка, и Голландия получила контроль над проливами.

Господство не было, однако, тотальным. Ост-Индская компания всегда зависела от поддержки местных союзников, таких как султан Джохора. Компания оказалась сильнее вовлечена в региональную политику и постепенно приращивала территории. Используя аргументы Гроция о нерушимости договоров, она обеспечивала жесткие условия сделок силой оружия: преследуя, а иногда и уничтожая тех, кто осмеливался сопротивляться. Китайские власти, впрочем, имели достаточно сил, чтобы держать Ост-Индскую компанию на расстоянии, поэтому голландцы торговали при посредничестве фуцзяньских купцов. Батавия стала новым региональным перевалочным пунктом, где европейская морская торговля пересекалась с китайской торговлей на джонках.

На протяжении всего этого периода потребность Китая в серебре казалась ненасытной; серебряные монеты из Латинской Америки стали региональной валютой. Но за семьдесят лет торговли Акапулько испанцы ввезли в Китай столько серебряных слитков, что их цена начала падать – на них уже нельзя было купить такое же количество золота или зерна, как прежде. В Китае экономические диспропорции и кризис привели в 1644 году к падению династии Мин, на смену которой пришли вторгшиеся в Китай маньчжуры. Последствия, впрочем, были более существенными. Без дохода, который приносили галеоны Акапулько[17], Испания более не была в состоянии вести тридцатилетнюю войну. В результате в 1648 году был заключен Вестфальский мир, заложивший основы политической структуры современной Европы и межгосударственных отношений, как мы их представляем сегодня[18].

Смена власти в Китае была кровавой и продолжительной. Столкнувшись с сопротивлением независимого фуцзяньского лидера, известного как Коксинга[19], новые цинские власти в 1656 году вновь запретили торговлю и начали одну из самых разрушительных кампаний «выжженной земли» по всему южному побережью. Огромное количество народа было вынуждено переселиться вглубь страны, и впервые в китайских

[17] Манильские галеоны. Тихоокеанский порт Акапулько имел эксклюзивные права на торговлю с Манилой.

[18] Вестфальский мир положил начало новому порядку в Европе, основанному на концепции государственного суверенитета. Главная роль в международных отношениях, ранее принадлежавшая монархам, перешла к суверенным государствам.

[19] Чжэн Чэнгун (鄭成功), более известный в европейских источниках как Коксинга (от кит. 國姓爺) (1624–1662) – китайский пират, боровшийся с маньчжурами под лозунгом верности династии Мин (прим. пер.).

текстах появляется выражение «морская граница» – хай цзян. Политика эта, однако, оказалась контрпродуктивной: людям удавалось изыскать средства к существованию только посредством торговли либо эмиграции. И та и другая поэтому росли.

Жестокая военная кампания в конце концов привела к объединению южного побережья под властью Цин, и в 1684 году новые правители, ощутив себя в относительной безопасности, отменили запрет на частную морскую торговлю. Все купцы южного берега Китая подняли паруса и устремились в море на поиски новых рынков. К концу XVII века имея преимущество «игры на своем поле» и удовлетворяясь низкой маржой торговых операций (не было нужды вести дорогостоящие войны), они быстро оттеснили европейцев на позиции аутсайдеров в Южно-Китайском море. За португальцами оставались Макао и Тимор и мало что еще. Испанцы вели выгодную торговлю между Латинской Америкой и Манилой, но не далее… Голландцы, доминировавшие десятилетиями, были изгнаны с Тайваня, вытеснены из Тонкина (Северный Вьетнам) и Камбоджи и утратили особые отношения с Японией. Английская «империя» в регионе была представлена лишь торговой факторией в Кантоне. Коротко говоря, европейцы стали всего лишь одной из групп иностранных купцов: их терпели, пока они проявляли пиетет к местным обычаям. Так в регионе Южно-Китайского моря начался «век Китая».

Миграционные барьеры были сняты, и массы китайцев отправились на поиски удачи. Некоторые курсировали туда и обратно, другие оседали в дальних краях, чаще всего в качестве торговцев, а иногда даже становились управляющими у местных правителей. Затем за море стали уезжать и люди физического труда. С ростом в Китае спроса на перец, золото и олово тысячи китайцев мигрировали в Юго-Восточную Азию для работы на плантациях или в шахтах. В некоторых местах они создавали самоуправляемые сообщества – гунсы, в других становились частью поселений, основанных европейскими торговыми компаниями. Колониальные города португальского Макао, испанской Манилы или голландской Батавии уже не могли обходиться без китайских работников.

Европейцы боялись своей зависимости от китайцев и прибегали к расистской политике, чтобы держать их на периферии бизнеса. В сочетании со все более несправедливой деловой практикой это часто становилось причиной беспорядков, а иногда и убийств. Тем не менее зарубежные китайские сообщества укреплялись, накапливали богатства, их умения и труд способствовали развитию приютивших их аборигенных сообществ. В результате возникало то, что считается «неформальной империей» по периметру Южно- Китайского моря: «неформальной» в том смысле, что она не подвергалась систематической эксплуатации цинских властей. Они смотрели на нее как на источник дохода, а не как на территорию. И не обращали особого внимания на мир, лежащий за побережьем Китая.

Китайские купцы, плававшие по морю, обычно воспринимали его как опасное неудобство и старались прижиматься к его краям, будучи по-прежнему убежденными, что таинственный 10-мильный архипелаг вдоль побережья Индокитая – Ваньли шитан – препятствует пересечению моря напрямую [Ptak, 2006, p. 191–207]. Об этом ясно говорится в китайских лоциях, таких как Дун Си Ян Као, опубликованной в 1617 году [Blussé, 1996, p. 51–76]. В то же время бестолковые европейцы все пытались отыскать

прямой проход через центр моря. Их успехи и неудачи нашли отражение на морских картах: банка Макклесфилда в центре Южно-Китайского моря впервые была описана Джоном Гарле, капитаном английского судна Макклесфилд, в 1701 году [Bonnet, 2012]. Одна серьезная катастрофа дала имя отмели Скарборо, после того как британский корабль 12 сентября 1748 года потерпел на ней крушение [Hancox and Prescott, 1999][20]. Эти морские катастрофы были трагедиями для европейцев, но обеспечили хороший бизнес тем, кто научился мародерствовать на останках кораблекрушения. Бизнес оказался столь успешным, что династия Нгуенов, владевшая территорией, которая впоследствии станет центральным Вьетнамом, выдала группе моряков лицензию на право утилизировать грузы – эта практика теперь используется Вьетнамом в обоснование притязаний на Парасельские острова [Roszko, 2010, p. 1–28].

В 1795 году британская Ост-Индская компания наняла человека, которому предстояло совершить революцию в навигации по Южно-Китайскому морю. Это был гидрограф Джеймс Хорсбур. Между 1807 и 1810 годами компания нанесла на карты большинство берегов Южно-Китайского моря и окончательно опровергла существование архипелага Ваньли Шитан. В 1809 и 1811 годах Хорсбур издал свой двухтомный труд навигационных инструкций под названием «Индийский Путеводитель», а затем, в 1821 году, карту Южно-Китайского моря, на которую впервые были нанесены более или менее точно группы островов, которые называются теперь Парасельскими и Спратли [Hancox and Prescott, 1995]. Это европейское знание не сразу дошло до китайских географов. Еще в 1843 году литератор Ван Вэньтай сравнивал маршруты европейских мореплавателей с маршрутами китайцев. В своей книге «Хун мао фань ин цзи ли каолюэ» (Изучение иностранцев) он использовал для банки Маклесс-филда название Хунмаоцянь, что буквально означает «отмель красноволосых» – так китайцы переводили название «Английская отмель» (Banc des Anglais), фигурировавшее на французских картах до ее переименования в банку Макклесфилда [Han Zhenhua et al., 1988, p. 163].

Два десятилетия прошло после публикации карты Хорсбура, а Ван Вэньтай все еще был уверен, что Парасельские острова протянулись на тысячу ли (500 километров), а о том, что можно трактовать как упоминание об островах Спратли, он пишет так: «В большом океане (Цичжоу да ян) находятся большие скалы, но нам ничего о них неизвестно [Han Zhenhua et al., 1988, p. 163].

Тем не менее Хорсбуру удалось отыскать нескольких местных моряков, которые знали, как плавать среди рифов и скал. В своем описании Парасельских островов в выпуске «Индийского путеводителя» 1852 года издания он отмечает:

«Многие рыбацкие лодки на Острове [Хайнань] построены из тяжелого и крепкого дерева, а не из елки, которая обычна для китайских лодок, и плывут они быстро, многие из них каждый год отправляются на промысел на два месяца, удаляясь от берега на 700-800 миль, собирают bicho de mer [морские огурцы] и разыскивают высохших черепах и плавники акул, которыми изобилуют многочисленные отмели и песчаные берега юго-восточной части Китайского моря. В плавание они отправляются в марте, заходят на Северные Банки и оставляют там одного-двух человек с несколь-

[20] Испанским картографам уже была известна отмель Скарборо как отмель Маруна, а впоследствии – залив Масинглок.

кими кувшинами свежей воды, после чего моряки направляются на некоторые обширные отмели поблизости от Борнео и ловят там рыбу до начала июня, а затем возвращаются и забирают своих товарищей с их добычей. Мы повстречали много таких лодок, плавая возле отмелей Китайского моря» [Horsburgh, 1852, p. 346].

Почему Хорсбур отличал суда из твердого дерева от «китайских» лодок? Вероятно, потому, что их команда не была китайской в том смысле, в котором он понимал этот этноним. Их полукочевой образ жизни заставляет полагать, что они могли быть «морскими цыганами» – частью народа Танка (У-тсат, Даньцзя) – остатками Нусантао (смотри главу 1), народа, населявшего берега Вьетнама и южного Китая (Даньцзя сохранились и в сегодняшнем Китае, их можно увидеть на Хайнане, где они живут в плавучих поселках на лодках). Другие пришли в этот район из более дальних мест: Баджао – с Филиппин, Оранг Лаут – из Малайзии, известны и другие кочевые группы, промышлявшие рыболовством вокруг островов. Откуда бы ни приплывали морские кочевники, их образ жизни сильно отличался от образа жизни оседлых соседей. На них взирали с подозрением, часто считали разбойниками или пиратами, а власти не рассматривали их как полноценных граждан. По иронии судьбы именно эти люди теперь считаются пионерами предъявляемых ныне претензий на суверенитет в Южно-Китайском море.

Британская Ост-Индская компания была готова выделять средства на исследовательские экспедиции, поскольку китайская торговля казалась весьма перспективной. Начав с малого, она развилась настолько, что стала обеспечивать всю Британскую империю. В первой половине XIX века экспорт Ост-Индской компании в Кантон на 90% состоял из серебра. Но затем, так же, как и век назад, цена на серебро резко упала. После 1775 года на серебро приходилось уже только 65% экспорта компании в Кантон [Flynn, Giráldez, 2002, p. 391–427]. В 1780 году компании внезапно потребовалась другая бизнес-модель. Британское правительство понизило пошлину на китайский чай, что привело к резкому росту спроса на этот напиток. Ост-Индской компании нужно было найти еще какой-нибудь товар, которым можно было бы торговать в обмен на чай. Решение задачи обнаружилось на принадлежащих компании землях Бенгалии: там выращивали опиум. Обмен индийского наркотика на китайский стимулятор вырос до невообразимых размеров: импорт чая в Лондон к 1800 году достиг цифры в 23 миллиона фунтов стерлингов. Таможенные пошлины на чай шли в казну Британского правительства, которое финансировало Королевский флот, который в конечном счете должен был защищать торговцев и всю империю. В основании всей этой конструкции лежал опиум.

Ост-Индская компания, как и ее предшественники, теперь отчаянно нуждалась в базе в Малаккском проливе, в порте, где она могла бы действовать подобно португальцам испанцам, и голландцам, ранее являвшимся связующим звеном торговли на джонках. В 1786 году компания взяла в аренду остров Пенанг на северном конце пролива, но место оказалось не слишком удачным. Лишь с приобретением Сингапура в 1819 году у англичан появилось преимущество. Будучи превосходно расположенным для приема товаропотоков со всех направлений и свободным от традиционных правителей, деспотичной религии и громоздкой бюрократии, Сингапур быстро превратился из малярийного болота в англо-китайский (вернее будет сказать: в китайско-

британский) региональный хаб. Одержав победу над Францией в войне с Наполеоном, Британия стала новым глобальным гегемоном и подобно своим предшественникам начала пытаться контролировать доступ к китайской торговле через Малаккский пролив. Голландцы могли протестовать, но сил сопротивляться у них уже не было.

До XIX века вторжения европейских держав в Восточную и Юго-Восточную Азию были хотя и значительными событиями, но в основном локальными и временными. Ситуация изменилась благодаря промышленной революции. Торговые империи начинают превращаться в территориальные, и эти новые империи устанавливают новые границы и порождают новые конфликты, что хорошо видно из истории двух территориальных споров. В середине XVII века вьетнамский император Ле и лаосский король воевали за один из районов в долине Верхнего Меконга. Конфликт в конце концов разрешился, когда оба правителя согласились, что люди, жилища которых были построены на сваях («лаосцы») являлись подданными короля, а те, кто жил на земле («вьетнамцы») – императора. Маркированная граница была не так важна, как личное подданство тех или иных людей [Chandler et al., 1987]. А вот британцы и голландцы разрешили свой спор XIX века в Малаккском проливе соглашением совершенно другого свойства. По англо-голландскому договору 1824 года по морю была проведена линия – британская деятельность ограничивалась северной частью, голландская – южной. Это означало, что англичане должны были покинуть свое поселение в Бенкоолене на Суматре, а голландцы – убраться из Малакки. Личные отношения ничего не значили: имели значение национальность и местоположение. Этот подход разрешил проблемы европейцев, но создал множество трудностей для туземных малайских племен, которые издавна пересекали туда-сюда воображаемую линию. Те, кто пытался продолжать жить прежней жизнью, стали называться «контрабандистами», пытавшие сопротивляться – «пиратами» [Trocki, 2007].

К началу XIX века европейцы и южноазиаты имели радикально расходящиеся представления о том, что следует называть «страной». Традиционно политическая единица Юго-Восточной Азии определялась по местоположению ее центра, определяемого в свою очередь личным престижем правителя. В этой системе «мандала»[21] власть правителя уменьшалась по мере удаления от центра царства. В Европе, по крайней мере со времени Вестфальского мира, политическая единица определялась ее границами: законы, права и обязанности распространялись на всех в равной степени в пределах территории, но на границах полностью переставали действовать. В азиатской системе власть могла плавно переходить от одного правителя к другому, допускалось даже наличие мест, которыми никто не управлял. Более мелкие единицы могли признавать нескольких суверенов или вообще никого не признавать. Традиционно границы в Юго-Восточной Азии были подвижными, а морские границы – крайне неопределенными. Двусмысленность позволяла передвигать границы в зависимости от развития отношений между правителями: иногда мирно, но чаще все-таки насильственным путем. В европейской системе пустот не было – все в пределах некой территории должно было принадлежать господину, и только одному. Трудности выбора были присущи системе.

[21] Мандала (санскр. maṇḍala – круг) – симметричный рисунок в тантрической йоге буддизма и индуизма, в общем смысле символизирующий мир, вселенную (*прим. пер.*).

В результате споров между Гроцием и Селденом (и их последователями) среди правителей Запада сложился консенсус относительно того, каким образом определенные границы можно распространить на морские просторы. По мере расширения западных империй этот консенсус перемещался в восточном направлении и был навязан территориям, где испокон веков царило совершенно иное представление о морских границах. Переход от подвижной границы к фиксированной пограничной линии заложил основания нынешнего конфликта в Южно-Китайском море.

* * *

Европейские торговые компании вели себя в Восточной Азии не только как купцы, но и как наемники, готовые к вооруженной борьбе за свое право на прибыль. Они получали лицензии от своих правительств, но действовали в собственных интересах. К XIX веку две наиболее успешные из них – британская и голландская – стали, по сути, правительствами, действовавшим по собственным законам. Необходимость вступать в союзы, сокрушать соперников, взимать таможенные пошлины и предотвращать контрабанду вынуждала их произвольно захватывать территории и управлять живущими там народами – зачастую весьма жестоко. Поскольку правительства метрополии пытались контролировать эти злоупотребления и решать финансовые проблемы компаний, интересы бизнеса и государства тесно переплетались. Голландская Ост-Индская компания обанкротилась в 1800 году и ее территории отошли голландскому государству. Британская Ост-Индская компания то и дело оказывалась в трудной ситуации, но выжила благодаря доходам от торговли чаем и опиумом. Цинские власти требовали оплаты серебром, но цена серебра резко выросла вследствие войн за независимость в Латинской Америке. Если бы не было опиума, британская наличность утекала бы из страны в виде платежей за чай и прочий импорт из Китая. Когда Цины попытались воспрепятствовать торговле Ост-Индской компании, они косвенным образом создали угрозу британской экономике из-за возникшего платежного кризиса. Совместный ответ компании и британского правительства состоял в попытке насильственного открытия китайских рынков – не только для опиума, но и для других товаров – и восстановлении торгового баланса. «Опиумные войны 1840 и 1860 гг. окончились именно этим. Канонерки компании и королевского флота с подкреплением в виде опиума оказались сильнее своих цинских оппонентов. Пока корабли блокировали побережье, британские войска вынудили императора уступить Гонконг и открыть еще пять портов для международной торговли. Нанкинский договор стал первым из 26 подобных «неравноправных договоров», которые были вынуждены подписать Цины с десятком других стран в последующие 60 лет.

Опиумные войны стали лебединой песней Ост-Индской компании. К 1874 году банкротство и растущее противодействие ее деятельности привели к принудительной национализации. Но это не стало препятствием к дальнейшему переплетению британских коммерческих и колониальных мотиваций в ЮВА. В 1842 году авантюрист Джеймс Брук стал раджой Саравака, а в 1882 году Промышленная Компания Северного Борнео захватила территорию, известную теперь как Сабах. Они были идентифицированы как «британские» земли, но не сразу стали формальными частями Британской империи.

Имперские проекты Франции и Германии, с другой стороны, с самого начала осуществлялись под эгидой государства. Под предлогом якобы дурного обращения с католическими миссионерами, французский флот в 1858 году обстрелял город Дананг в центральном Вьетнаме. На следующий год французские войска захватили Сайгон и в течение десяти лет «Кохинхина» стала колонией. Вскоре после этого под французский протекторат попали Аннам и Камбоджа, но главное, к чему стремились французы – проложить отдельный путь (по рекам или железной дороге) к потенциально огромному рынку внутреннего Китая. Для этого нужно было обрести контроль над северной провинцией Тонкин – этот план сильно обеспокоил пекинский двор. Китайское правительство финансировало Черные Флаги (одни полагали эту организацию бандой разбойников, другие – полуавтономной политической единицей), чтобы остановить французов. Но в результате войны 1884–1885 годов Китай был вынужден признать контроль Франции над Тонкином и согласиться на установление границы между Тонкином и цинскими владениями.

Примерно в это же время подыскивал себе территории в Азии и германский рейх. Для начала он планировал создать цепь военных баз, которая бы соединяла метрополию с потенциальной колонией в Китае. В период между 1881 и 1884 гг. немецкий флот провел несколько экспедиций вокруг Парасельских островов. На эти экспедиции Германия не запрашивала и не получала никаких разрешений ни от Китая, ни от Франции, и ни одно из правительств попросту ничего не заметило, не говоря уже о каких-либо протестах (Некоторые китайские авторы пишут, что китайский протест имел место, но доказательств явно недостаточно). Германские власти опубликовали результаты обследований в 1885 году, впоследствии они были учтены на французских и английских картах островов, но, что довольно странно, не на китайских [Bonnet, 2012]. В 1897 году плохое обращение с европейскими миссионерами вновь стало предлогом для имперской интервенции. За несколько месяцев Германия захватила район Циндао в Северо-Восточном Китае.

Американский имперский проект в Азии начался в 1853 году, когда коммодор Перри продемонстрировал в токийской гавани образцовую дипломатию канонерок: много стрельбы, но никаких жертв. В отличие от цинского двора японская элита не сопротивлялась, восприняла модернизацию и по прошествии полувека была уже готова присоединиться к расчленению Китая. Американский успех в Японии породил еще б*о*льшие амбиции. В 1890 году Альфред Мэхэн, президент американского Колледжа морских сражений, опубликовал труд «Влияние морской державы на ход истории», 1660–1783», где проанализировал успех Британии, ставшей глобальной империей. Мэхэн утверждал, что для процветания Соединенных Штатов им необходимо закрепить за собой новые внешние рынки и защитить торговые пути к ним посредством создания сети военно-морских баз. Его аргументы нашли отклик у нового поколения политиков. Возможность представилась восемь лет спустя. К концу испано-американской войны США, аннексировав Филиппины, Гавайи и Гуам, стали настоящей тихоокеанской державой.

Все эти территориальные приобретения колониальных держав заложили основу современного размежевания в Южно-Китайском море. Державы создавали государства и устанавливали сухопутные границы между ними, от которых отмеряли грани-

цы морских владений. Филиппины и Индонезия оказались расколоты соглашением между Португалией и Испанией 1529 года, линия разграничения между Малайзией и Индонезией была в основном зафиксирована в 1842 году британцами и голландцами. Китайско-вьетнамская граница была навязана французами Китаю в 1887 году, общие границы Филиппин был установлены США и Испанией в 1898 году, а граница между Филиппинами и Малайзией определена США и Англией в 1930 году.

То была лишь часть гораздо более масштабного процесса установления и демаркации границ между различными колониальными странами, который вызывал сильное возмущение и сопротивление. Голландцам потребовалось почти сто лет, чтобы закрепиться на Борнео и других островах. Еще в начале XX века им приходилось иметь дело с 900 различными политическими единицами [Tagliacozzo, 2005]. Но это были границы, ставшие для новых постколониальных государств священными национальными символами – несмотря на все беды, которые продолжали приносить эти символы. Еще глубже укоренилось к настоящему времени представление о том, что представляют собой границы. Вестфальская система стала настолько доминирующей, что положения о фиксированных границах и территориальном суверенитете представляются существовавшими чуть ли не извечно. Но в Юго-Восточной Азии эта система начала приживаться чуть более ста лет назад, а посему попытки устанавливать современные политические границы на тех линиях, что могли бы существовать при системе «мандала», становятся бессмысленными и опасными.

Основной причиной такой чувствительности к вопросам границ и суверенитета в этом регионе, является, конечно же, опыт, пережитый Китаем в период, который его идеологи называют «столетием национального унижения». Память о бессилии цинского режима перед вторжением промышленно развитой Европы, мотивирует действия современного китайского руководства. Но в отличие от других регионов мира, где имела место физическая оккупация, в Китае западный империализм XIX века не выделялся территориальными захватами: участки земли, захваченные к 1900 году, (Гонконг и прочие иностранные концессии) были лишь крохотной частью территории Китая. Не было и множества жертв. Разумеется, во время опиумных войн 1840–1860 годов погибло немало людей, около 20 тысяч, но гораздо больше жертв– от 20 до 30 миллионов – принесло «Тайпинское восстание» середины века. Унижение носило идеологический характер. В нем сочетались ощущение вторжения «чужаков» и понимание того, что случиться этому вторжению позволили разложение власти, коррупция и упадок. А вот Япония вполне успешно приспособилась к новой мировой системе и оказалась готовой бросить вызов старому восточноазиатскому порядку.

* * *

В 1894 и 1895 годах, словно в ознаменование грядущих перемен, Япония лишила Китай контроля над Кореей и Тайванем. Вскоре после поражения от Японии, в 1901 году началось многонациональное вторжение в Китай для подавления «боксерского восстания». Династия Цин находилась в кризисе и остро реагировала на обвинения в неспособности защитить территорию страны. Такие группировки, как Общество восстановления национальных прав, Общество памяти о национальном унижении, Общество самоуправления призвали к бойкоту английских, американских, япон-

ских и прочих иностранных товаров [Rhoads, 1975]. Вот почему в 1909 году суверенитет над островами Южно-Китайского моря впервые становится предметом национальной гордости. Тогда, как, впрочем, и теперь, на кон была поставлена судьба практически необитаемых клочков суши в далеком море. Вся эта деятельность приведет к появлению линии, которая с тех пор станет основой китайских морских притязаний.

Уже в октябре 1907 года поползли слухи о группе японских исследователей, высадившихся на острове Пратас, коралловом рифе, покрытом птичьим пометом, в 400 километрах к юго-западу от оккупированного японцами Тайваня и в 260 километрах от материкового Китая [Straits Times, 1907, p. 5]. Слухи оставались неподтвержденными, пока один из китайских кораблей не посетил Пратас в марте 1909 года и не обнаружил там Нисидзаву Ёсидзи и около сотни его коллег, собирающих птичий помет. Когда Нисидзаву привлекли к ответу, он объявил, что открыл этот остров, прежде необитаемый, и является теперь его собственником. Его цель была проста. Гуано считалось в Японии ценным удобрением для рисовых полей, и Нисидзава надеялся сделать хороший бизнес.

Когда эта новость дошла до Кантона (Гуанчжоу), Общество самоуправления объявило еще один бойкот японским товарам и потребовало от правительства принять соответствующие меры. Разгневанные представители среднего класса, составлявшего ядро общества, начали собирать свидетельства в пользу того, что Пратас принадлежал Китаю. Националистически настроенные ученые листали древние книги и расспрашивали старых моряков в надежде отыскать доказательства связей острова с материком. Под растущим общественным давлением китайцы решили устранить проблему при помощи твердой наличной валюты. Японское правительство было склонно оказать в этом содействие. Китайский бойкот нанес серьезный ущерб многим японским компаниям, и Япония не видела особого смысла в оккупации Пратаса [Straits Times, 1909a, p. 3]. Власти в Токио предложили признать суверенитет Китая, если его претензии будут подтверждены [Straits Times, 1909b, p. 7].

12 октября 1909 года наместник Кантона и японский консул заключили сделку. Япония обязалась признать китайский суверенитет, а господин Нисидзава покинет остров, получив компенсацию в размере 130 тысяч серебряных долларов [Straits Times, 1909c, p. 7]. Кантонские власти надеялись вернуть эти средства, переняв бизнес-план Нисидзавы. Они даже наняли пару специалистов по сбору гуано в качестве советников. К сожалению, все это кончилось ничем. В отсутствие причала для погрузки на большие корабли весь этот проект оказался экономически несостоятельным. К Рождеству 1910 года на Пратасе уже никого не осталось, и остров вновь был объявлен необитаемым [Straits Times, 1910, p. 7].

Беспокойство относительно китайских морских границ тем не менее нарастало и губернатор Гуандуна Чжан Янцзюнь рассудил, что меч – куда более эффективный инструмент, нежели перо с бумагой, и обратил внимание на Парасельские острова в нескольких сотнях километров к юго-западу от побережья Китая. В то время на официальных китайских картах (общегосударственных, региональных и местных) остров Хайнань был показан как самая южная точка китайской территории. Так было на картах, издававшихся в 1760, 1784, 1866 и 1897 годах [Cao, Zheng, 1997, no. 196; Yan, 1998, p. 247]. По мере продвижения переговоров относительно острова Пратас губер-

натор Чжан отправил один корабль на Параселы в мае 1909 года и еще два – в следующем месяце. Китайские источники повествуют о флотилии, которая три недели крейсировала вокруг островов, проводила обследования и периодически устраивала пушечный салют в ознаменование принадлежности Парасел Китаю. Тем не менее, французский собственник пароходной компании, прокладывавшей маршруты по этому морю, в опубликованной двадцать лет спустя книге предложил иную версию событий этого плавания [Chemillier-Gendreau, 2000, p. 101]. Он утверждает, что экспедиция (которую возглавляли два немца из крупной торговой компании «Карловиц и Ко.») провела две недели на якоре близ Хайнаня в ожидании хорошей погоды, а затем, 6 июня, помчалась на Параселы с тем, чтобы уже на следующий день вернуться в Кантон. Визит этот является теперь основой китайских претензий на суверенитет над островами. После экспедиции была опубликована новая карта Гуандуна, на которой впервые в истории китайской картографии Парасельские острова были показаны частью провинции Гуандун [Bonnet, 2012, p. 15].

Это было одно из последних мероприятий умирающей цинской династии, свергнутой в 1911 году. На первой карте, вышедшей при новой республиканской власти, помещенной в Альманахе 1912 года, вообще не было показано никаких границ. Новое руководство стремилось выглядеть очень «современным», вдохновляясь перспективой стать частью международной системы. Но как заметил географ Уильям Каллагэн, оно не смогло разрешить противоречие между новой китайской самоидентификацией в качестве нации-государства и старой, представлявшей Китай центром круга, связанным с периферией иерархическими отношениями. Первая конституция Китайской Республики прекрасно это проиллюстрировала, когда постановила, что «суверенная территория» Китайской Республики остается «той же самой, которой владела прежняя империя». Это простое приравнивание старых «владений» к новой «суверенной территории» – фундаментальная причина нынешних разногласий по поводу «границ» в Южно-Китайском море [Callahan, 2009a, p. 141–173].

Такова была обстановка, когда китайский частный картограф Ху Цзиньцзе принялся за составление нового путеводителя по исторической территории Китая. Когда в конце концов он был опубликован в 1914 году в «Новом географическом атласе Китайской Республики», появилась первая китайская карта, включавшая линию, проведенную через Южно-Китайское море и указывавшую, какие острова законно принадлежат материку. Ху назвал эту карту «Картой китайской территории в период Цяньлун-Цзяцин» [Zou Keyuan, 2005, p. 28]. Другими словами, линия ограничивала пространство, которое «контролировалось китайским государством» до 1736 года, и характерно, что единственными островами внутри этой линии были Пратас и Параселы [Zou Keyuan, 1999, p. 27–55]. Далее 15 градусов северной широты линия не заходила. В смутную эпоху «милитаризма» 20-х – начала 30-х годов именно эта линия появлялась на китайских картах. Потребовалось еще 20 лет, после чего в результате еще одного международного кризиса на море линия обрела конфигурацию, на которой сегодня настаивает Китай.

Чувство национального унижения усилилось 9 мая 1915 года, когда республиканское правительство было вынуждено принять новые японские требования об уступке ей территориальных и иных прав [Callahan, 2004]. Национальная учительская ассо-

циация объявила 9 мая «Памятным днем национального унижения». В 1916 году Центральное картографическое общество в Шанхае опубликовало «Карту национального позора», на которой были показаны территории, отошедшие иностранцам. Любопытно, что на ней были обозначены Гонконг, Тайвань и Тонкин, но никакого упоминания о каких-либо территориях в Южно-Китайском море не было. Большую часть следующего десятилетия Китай раздирали войны между конкурирующими фракциями и милитаристами, но после того, как в 1927 году к власти пришел гоминьдан, он использовал «национальное унижение» в качестве объединяющей идеи для сплочения всей страны. «Памятный день национального унижения» даже стал официальным праздником.

13 апреля 1930 года французский военный корабль «Малисьез» («Озорник») бросил якорь у острова Спратли, в сотнях километров к югу от Пратаса и Парасел, и салютовал выстрелами из 21 орудия. Единственными свидетелями демонстрации этой имперской мощи были четверо дочерна загорелых и изможденных рыбаков, не подозревавших, что присутствуют при первых залпах не оконченного до сих пор сражения за их рыболовецкие угодья. «Малисьез» был направлен сюда французским губернатором Кохинхины после появления сообщений о том, что японское правительство собирается захватить остров, находящийся в 500 километрах от берега [Tønnesson, 2006, p. 1–57]. Французское правительство объявило об оккупации острова, но, как ни странно, не смогло формально аннексировать его, пока британское правительство не попросило три года спустя копию документа об аннексии. Китайские власти прозевали оккупацию 1930 года, но когда 26 июля 1933 года появилось объявление об аннексии Спратли и еще пяти островов – Амбойна кей, Иту Аба, рифа Норт Дэйнжер (Ле Дё иль), Лоаита и Титу, – реакция была резкой, но с оттенком недоумения.

В день объявления аннексии китайский консул в Маниле господин Квонг запросил у американских колониальных властей на Филиппинах карту островов. Из репортажей влиятельной шанхайской газеты «Шэньбао» стало ясно, что китайское правительство было не в состоянии определить, какие из островов были аннексированы и где именно они расположены. 28 июля газета сообщила, что китайское министерство иностранных дел попросило правительство отправить корабль, чтобы на месте понять, что там происходит. Два дня спустя парижский репортер газеты информировал читателей, что острова эти – необитаемые коралловые рифы, не относящиеся к Парасельской группе. Тем не менее споры о местонахождении островов велись на страницах газеты в течение нескольких недель. Представляется, что китайское правительство уверовало, что французы просто изменили названия островов, чтобы запутать ситуацию. Китаю пришлось поэтому обратиться за советом к иностранным правительствам. 1 августа в Маниле американцы предоставили господину Квонгу карту. Как сообщают, он был удивлен, узнав, что Параселы и Спратли на самом деле – разные места [Bonnet, 2012, p. 15]. К 15 августа карта дошла до правительства в Нанкине, которое продолжало пребывать в нерешительности, несмотря на выплеснувшиеся на улицы протесты.

В итоге первой страной, заявившей протест против действий Франции, стала Япония, 21 августа появилось сообщение, что японская компания «Раса Индастриз» до недавних пор добывала большое количество гуано на этих островах. Но сообще-

ние оказалось ошибочным: «Раса» вела бизнес на острове Пэттл на Параселах. «Шэньбао» на протяжении нескольких недель продолжала сообщать о разногласиях во властных структурах. Несмотря на всю шумиху и общественное негодование, китайское правительство так и не заявило официальный протест против действий Франции [Tønnesson, 2006, p. 24]. Причина в том, что на это время китайское правительство считало своей самой южной территорией Параселы, а не Спратли. Когда-то бывший секретным документ – отчет Военному Совету от 1 сентября 1933 года, как представляется, подтверждает этот вывод:

«Все наши профессиональные географы утверждают, что остров Тритон [на Параселах] – это самый южный остров на нашей территории. Но мы, возможно, могли бы найти какие-либо свидетельства в пользу принадлежности нам девяти островов [группы Спратли] … Мы должны ослабить противостояние с французами, но дать возможность нашим рыбакам продолжать их деятельность и защитить наши права на рыболовство. Наш флот слаб, а эти девять островов не приносят нам пользы в настоящее время… нам следует сосредоточиться только на островах Сиша (Парасельских), поскольку свидетельства нашего суверенитета над ними столь многочисленны, что его признает весь мир, за исключением Японии» [Bonnet, 2012, p. 15].

Будучи неспособным прибегнуть к силовым аргументам, китайское правительство обратилось к своим составителям карт. 7 июня 1933 года, как раз когда стали появляться слухи о французской оккупации Спратли, был создан Комитет ревизии сухопутных и морских карт. Пока комитет совещался, другой картограф по имени Чэнь До опубликовал свой «Обновленный китайский атлас», в котором южная морская граница Китая пошла дальше вниз до 7 градусов северной широты – четко включая как раз те острова, на которые заявила претензию Франция [Zou Keyuan, 1999, p. 27–55]. Возможно, это оказало воздействие на комитет, поскольку после полутора лет изучения вопроса он наконец ответил на провокации Франции. Вместо салюта из 21 орудия комитет опубликовал перечень островов. В первом томе своих трудов, вышедшем в свет, Комитет дал китайские названия 132 островам и островкам в Южно-Китайском море, которые Китай считал принадлежащей ему по праву территорией. 28 островов относились к группе Парасел, 96 – к Спратли. Все перечисленные участки суши не имели традиционных китайских названий, но были транслитерацией и переводами западных названий, напечатанных на навигационных картах. Например, на архипелаге Спратли Норт Дэйнжер стал называться Бэй Сянь (в переводе с китайского – «Северная опасность»), сам остров Спратли стал Сыбалато (китайская транслитерация английского названия). А на Параселах риф Антилопы стал называться Лин Ян («антилопа» по-китайски). Еще один остров на Параселах (самый западный участок группы Амфитрит) назывался по-английски Вест сэнд, и это название, вероятно, распространилось на все Парасельские острова, которые стали называться Си Ша («западные пески» по-китайски). Банка Макклесфилда в центре моря была названа Нань Ша («южные пески»), а Спратли – Туаньша («хаотичные пески») [Bonnet, 2012, p. 18]. Важно, разумеется, что в этом словосочетании банка Макклесфилда считалась «южной».

Ясно, что во многих случаях комитет просто переводил названия участков суши, отмеченных на английских картах, на китайский язык, повторяя многие ошибки и

добавляя новые. Можно привести в качестве примера отмель Джеймса. Комитет дал ей китайское название Цзэнму (транслитерация имени Джеймс) тань. «Тань» в китайском языке означает пляж или песчаную отмель – то, что выдается над поверхностью воды. Однако в английской морской терминологии мель (shoal) – это подводный участок, то есть поднимающаяся к поверхности часть морского дна (само слово взято из староанглийского языка, от него произошло современное shallow (мелкий). Отмель Джеймса на самом деле лежит на глубине 22 метров от поверхности воды. Но из-за того, что комитет не был знаком с этой местностью, она была объявлена участком суши. Таким образом, представляется, что китайские претензии на Южно-Китайское море в определенной степени основаны на ошибке в переводе. То, что преподносится сейчас как «самая южная точка китайской территории», не существует – как не существовал восемь веков назад Ваньли Шитан.

Комитет между тем продолжал исполнять свою миссию относительно территорий. Тремя месяцами позже, в апреле 1935 года, он опубликовал «Карту китайских островов в Южно-Китайском море», отнеся морскую границу страны вниз до 4 градусов северной широты – туда, где расположена отмель Джеймса, всего лишь в 107 километрах от берегов Борнео и в 1500 километрах от китайского материка [Li Jinming, Li Dexia, 2003, p. 287–295]. Затем один из известнейших китайских географов Бай Мэйчу придумал нечто новое. Бай был одним из основателей китайского географического общества, а также убежденным националистом. Он и нарисовал в 1930 году свою версию «Карты национального унижения Китая», продемонстрировав соотечественникам, какие большие территории они потеряли [Callahan, 2009b]. В год, когда Бай стал председателем редколлегии Общества, он провозгласил: «Любовь к стране – главное при изучении географии, а строительство государства – это то, ради чего изучают географию» [Wu Fengming, 2011, p. 2109–2114]. В 1936 году, в возрасте 60 лет, он создал главный вошедший в историю труд своей жизни – карту в «Атласе строительства Нового Китая» с U–образной линией, извивающейся вокруг Южно-Китайского моря и доходящей на юге до отмели Джеймса. Эту карту стали копировать другие атласы. Между 1936 и 1945 годами версии этой линии были опубликованы еще на 26 картах. На некоторых линия доходила до отмели Джеймса, хотя большинство включали в нее лишь острова Спратли [Bonnet, 2012, p. 22]. Десятью годами позже именно линия, нарисованная Баем, была взята на вооружение китайским правительством, размножена и стала служить маркером исторических островных территорий Китая.

Составление перечней островов и рисование карт прервалось после вторжения Японии в Китай в 1937 году. Обязанность защиты китайского суверенитета была делегирована армии, а прежние объекты националистического гнева Китая – Британия, Россия, США – превратились в союзников в борьбе с более страшным врагом. С началом Второй мировой войны, однако, сражения за территории в Южно-Китайском море возобновятся. Поскольку с 1895 года Япония оккупировала Тайвань, а американские войска на Филиппинах в мае 1942 года капитулировали, почти все морское побережье от Тайваня до Сингапура впервые в тысячелетней истории Южно-Китайского моря оказалось под контролем единственной державы и стало «японским озером», которым и оставалось до января 1945 года. Японцы оккупировали Вуди на

Параселах и Иту Аба на Спратли. База на Иту Аба в результате американского авианалета 1 мая 1945 года была стерта с лица земли с помощью напалма и в течение некоторого времени остров был необитаемым, пока 18 ноября 1945 года сюда не прибыла американская разведывательная миссия [United States Pacific Fleet, 1945]. Два австралийских десантника, высадившись 3 февраля 1945 с американской субмарины USS Pargo года на острове Вуди на Параселах, обнаружили двух японцев и европейца, обитавших там под французским триколором. После того как коммандос вернулись на подлодку, Pargo разбомбила все сооружения [Feuer, 2006]. 8 марта американский самолет сбросил бомбы радиостанции на островах Вуди и Пэттл [US Navy Patrol Bombing Squadron 117, 1945], а когда 2 июля еще одна американская субмарина, USS Cabrilla, зашла на Вуди, триколор все еще развевался там, но теперь вместе с белым флагом [US Navy, USS Cabrilla, 1945].

По мере того как ход войны менялся, союзники стали обсуждать, где надлежит провести линии на картах после окончания войны. Еще в мае 1943 года, несколько недель спустя после битвы при Гвадалканале, госдепартамент США выпустил документ Т-324, где обозначались пути решения проблемы островов в Южно-Китайском море. Вариант позволить Японии владеть ими даже не рассматривался, но поскольку они «не представляли никакого жизненного интереса ни для какой страны или территории», американская позиция оставалась неопределенной [Hara, 2006, p. 146]. Позднейшие документы развивали эту тему, доказывая, что ни одна из стран не имеет убедительных претензий на острова. Документ CAC-301, «Спратли и прочие острова», подготовленный 19 декабря 1944 года в преддверии ялтинской конференции, рекомендовал передать острова Спратли под управление «создаваемой международной организации» – будущей ООН, но при этом отмечал, что для этого потребуется согласие Франции. Другой документ, CAC-308, рекомендовал рассмотреть три возможности для Парасел: 1) международная опека, 2) сделка между Китаем и Францией; 3) поддержка претензий Китая, «если Франция не предоставит свидетельство предположительной передачи в 1816 году Парасельских островов от Китая Аннаму» [Hara, 2006, p. 147]. По окончании войны, однако, госдепартамент признал невозможность передачи какого-либо из островов под управление ООН, поскольку это потребует невероятной уступчивости со стороны Франции. В результате позиция США так и осталась неопределенной.

4 июля 1946 года Филиппины обрели независимость от США и менее чем три недели спустя вице-президент Эльпидио Квирино объявил острова Спратли сферой влияния Филиппин. Французские власти, пытавшиеся сохранить Индокитай под своим контролем, отправили на Спратли минный тральщик Шеврей (Косуля). Острова оказались необитаемыми, и 5 октября 1946 года французы водрузили на Иту Аба каменный знак, подтверждающий французский суверенитет. 9 декабря 1946 года китайское военно-морское командование, только что получив от США в свое распоряжение несколько кораблей, опытных моряков и карты этого района, отправило два корабля на Параселы и еще два – на Спратли [Granados, 2006, p. 153–181]. «Тайпин» (ранее американский «Декер») и «Чжунъе» (вероятно, бывший американский ЛСТ-1056) прибыли 12 декабря на Иту Аба, где моряки водрузили альтернативный каменный знак, отмечавший принадлежность острова Китаю. Затем в январе 1947 года китай-

ские и французские войска высадились на разных островах на Параселах – вновь выдвинув пересекающиеся претензии.

В мае 1947 года китайский парламент одобрил акт, призывавший правительство отобрать все Параселы у Франции, при необходимости – вооруженным путем и четко «обозначить нашу территорию». Применение силы в повестке правительства не стояло, делимитация территории была более легким делом. Отдел географии Министерства внутренних дел составил перечень новых названий для всех островов Южно-Китайского моря. Иту Аба был переименован в Тайпин, а остров Титу – в Чжунъе (в честь кораблей, участвовавших в экспедиции 1946 года). Прочим участкам были присвоены похожие патриотические названия: остров Спратли стал называться Наньвэй («Величественный юг»), например. Возможно, признавая свою прежнюю ошибку, комитет переименовал отмель Джеймса из песчаной мели («тань») в риф («аньша»). Названия четырех групп островов также были упорядочены: Параселы остались Сиша («Западные пески»), но Пратас стал Дунша («Восточные пески»). Название Наньша – «Южные пески», которое прежде относилось к банке Макклесфилда, означало теперь группу Спратли, а банка Макклесфилда (ранее называвшаяся Наньша) стала Чжунша («Центральные пески»).

К концу 1947 года департамент окончил составление таблицы, где были указаны как старые, так и новые наименования всех островов, их общее число возросло до 159 [Song, Yu, 1994, p. 83–101]. Перечень был официально опубликован 1 декабря, в тот же день, когда все острова были формально переданы под управление Особого района Хайнань [Zou Keyuan, 1999, p. 27–55]. Примерно в это же время департамент напечатал новую Карту местоположений островов Южно-Китайского моря, которая была официально опубликована министерством в феврале 1948 года как приложение к новой Карте административного деления Китайской Республики. Все новые названия были занесены туда – вместе с линией, впервые изображенной десятью годами ранее на карте Бай Мэйчу. 11 пунктиров шли вниз по восточной стороне Южно-Китайского моря от Тайваня до побережья Борнео, а затем поворачивали на север в Тонкинский залив, образуя букву U. Никакого официального разъяснения значения этой линии представлено не было, хотя один из картографов, Ван Сигуан, вроде бы говорил, что пунктиры просто являются медианной линией между китайской и чужой территорией – другими словами, между каждым островом, на которые претендует Китай, – и территорией его соседей [Li Jinming, Li Dexia, 2003, p. 287–295].

12 июня 1947 года на встрече представителей трех министерств Китайской Республики – Морского, Обороны и Внутренних дел – постановили, что правительство предъявит претензии на все, что находится внутри пунктирной линии, но впоследствии будет договариваться о проведении точных морских границ с соседними государствами и в соответствии с действующим международным правом. Никакие границы не были делимитированы – началась эпоха «стратегической двусмысленности» в Южно-Китайском море, как ее будут называть впоследствии [Bonnet, 2012, p. 22]. Но дни Китайской Республики к тому времени уже были сочтены. Через несколько месяцев ее руководство бежит на Тайвань, а Коммунистическая партия провозгласит создание Народной Республики. Коммунисты приняли на вооружение карты и линии предшественников, хотя в 1953 году в качестве особого расположения к братской

компартии, боровшейся за независимость, картографы КНР уменьшили число пунктиров до девяти, убрав два из них из Тонкинского залива, общего для Китая и Вьетнама [Zou Keyuan, 2005, p. 83]. Граница в этой части моря была окончательно установлена двумя странами в 1999 году. В июне 2013 года китайское государственное картографическое бюро выпустило новую официальную карту страны и добавило десятую линию к востоку от Тайваня, обозначая тем самым, в частности, безусловную принадлежность острова к территории Китая [Graham, 2013].

В мае 2009 года китайские власти приложили карту с U–образной линией к заявлению в Комиссию ООН по границам континентального шельфа, это был первый случай использования линии в официальном международном контексте. Отклик в регионе был гневным и шумным. Стало ясно, как далеко ушли вперед представления о границах с тех пор, как неизвестный китайский картограф почти 400 лет назад нарисовал «карту Селдена». Идея изображения фиксированных линий на картах для демаркации политической принадлежности морской акватории станет с тех пор бессмысленной, а представление о том, что морем можно «владеть», – просто смехотворным. Все эти концепции, появившиеся в Европе XVII века, были привнесены в Азию торговыми компаниями и империями. Европейцы нарисовали новые карты, затем провели на них новые линии и по ходу дела поделились новыми способами осмысления и тех и других. Таков был переход от одного комплекса представлений к другому, от системы «мандала» к Вестфальской системе[22], оставивший нам в наследство историческую неразбериху, а после опубликования U–образной линии вылившийся в лихорадочное оспаривание территорий в Южно-Китайском море.

References

Batchelor Robert (2013). The Selden Map Rediscovered: A Chinese Map of East Asian Shipping Routes, c.1619. Imago Mundi. Vol. 65. P. 37–63.

Berkowitz David Sandler (1988). John Selden's Formative Years: Politics and Society in Early Seventeenth-Century England. Cranbury, New Jersey.

Blussé Léonard (1996). No Boats to China. The Dutch East India Company and the Changing Pattern of the China Sea Trade 1635–1690. Modern Asian Studies. Vol. 30. P. 51–76.

Blussé Léonard (1999). Chinese Century. The Eighteenth Century in the China Sea Region. Archipel. Vol. 58. P. 107–129.

Bonnet François-Xavier (2012). Geopolitics of Scarborough Shoal. Irasec's Discussion Papers. No. 14 (November). URL: http://www.irasec.com (accessed: 01.01.2025).

Borschberg Peter (2002). The Seizure of the Sta Catarina Revisited: The Portuguese Empire in Asia, VOC Politics and the Origins of the Dutch–Johor Alliance (1602–c.1616). Journal of Southeast Asian Studies. Vol. 33. No. 1. P. 31–62.

Borschberg Peter (2011). Hugo Grotius, the Portuguese and Free Trade in the East Indies. Singapore.

Callahan William A. (2004). Historical Legacies and Non/Traditional Security: Commemorating National Humiliation Day in China. Paper presented at Renmin University, Beijing, April.URL: https://www.dur.ac.uk/resources/china.studies/Commemorating%20National%20Humiliation%20Day%20in%20China.pdf (accessed: 01.01.2025).

[22] Признание в качестве одного из ключевых «принципа национального государственного суверенитета», когда каждое государство обладает всей полнотой власти на своей территории.

Callahan William A. (2009a). The Cartography of National Humiliation and the Emergence of China's Geobody. Public Culture. Vol. 21. No. 1. P. 141–173.

Callahan William A. (2009b). China: The Pessoptimist Nation. Oxford.

Cao Wan-Ru and Zheng Xihuang (eds.) (1997). An Atlas of Ancient Maps in China. Vol. 3. Beijing.

Chandler David P. et al. (1987). In Search of Southeast Asia: A Modern History, rev. ed. Honolulu.

Chemillier-Gendreau Monique (2000). Sovereignty over the Paracel and Spratly Islands. Leiden.

Fassbender Bardo et al. (eds.) (2012). The Oxford Handbook of the History of International Law. Oxford.

Feuer A.B. (2006). Australian Commandos: Their Secret War Against the Japanese in World War II. Mechanicsburg, Pennsylvania.

Flynn Dennis O. and Giráldez Arturo (1995). Born with a "Silver Spoon": The Origin of World Trade in 1571. Journal of World History. Vol. 6. P. 201–221.

Flynn Dennis O. and Giráldez Arturo (2002). Cycles of Silver: Global Economic Unity through the Mid-Eighteenth Century. Journal of World History. Vol. 13. P. 391–427.

Gordon Edward (2009). Exhibition notes: Freedom of the Seas, 1609: Grotius and the Emergence of International Law (curated with Mike Widener). Yale Law School, autumn.

Graham Euan (2013). China's New Map: Just Another Dash? Newsbrief of the Royal United Services Institute, 3 September. URL: https://www.rusi.org/downloads/assets/201309_NB_Graham.pdf (accessed: 01.01.2025).

Granados Ulises (2006). Chinese Ocean Policies Towards the South China Sea in a Transitional Period, 1946–1952. The China Review. Vol. 6. No. 1. P. 153–181.

Han Zhenhua, Lin Jinzhi and Hu Fengbin (eds.) (1988). Wo guo nan hai shi liao hui bian [Compilations of Historical Documents on our Nanhai Islands Compilations of Historical Documents on our Nanhai Islands]. Dongfang chubanshe.

Hancox David and Prescott Victor (1995). A Geographical Description of the Spratly Islands and an Account of Hydrographic Surveys Amongst those Islands. Maritime Briefings. Vol. 1. No. 6. URL: https://www.dur.ac.uk/ibru/publications/view/?id=229 (accessed: 01.01.2025).

Hancox David and Prescott Victor (1999). Secret Hydrographic Surveys in the Spratly Islands. London.

Hara Kimie (2006). Cold War Frontiers in the Asia-Pacific: Divided Territories in the San Francisco System. Abingdon.

Hayton Bill (2014). The South China Sea: The Struggle for Power in Asia. New Haven and London: Yale University Press.

Horsburgh James (1852). The India Directory Or, Directions for Sailing to and from the East Indies, China, Australia, and the Interjacent Ports of Africa and South America, 6th edn. Vol. 2. London.

Hydrographic Office, The Admiralty (1889). The China Sea Directory. Vol. 2. London.

Koeman Cornelis (1984). Jan Huygen van Linschoten. Coimbra.

Li Jinming and Li Dexia (2003). The Dotted Line on the Chinese Map of the South China Sea: a Note. Ocean Development and International Law. Vol. 34. P. 287–295.

Ptak Roderich (1998). Ming Maritime Trade to Southeast Asia 1368–1567: Visions of a "System". In: Guillot, Claude; Lombard, Denys and Ptak, Roderich (eds.). From the Mediterranean to the China Sea. P. 157–192. Wiesbaden.

Ptak Roderich (2006). The Sino-European Map (Shanhai yudi quantu) in the Encyclopaedia Sancai Tuhui. In: Schottenhammer, Angela and Ptak, Roderich (eds.). The Perception of Maritime Space in Traditional Chinese Sources. P. 191–207. Wiesbaden.

Ptak Roderich (2012). Portugal and China: An Anatomy of Harmonious Coexistence (Sixteenth and Seventeenth Centuries). In: Jarnagin, Laura (ed.), Culture and Identity in the Luso-Asian World: Tenacities & Plasticities (Portuguese and Luso-Asian Legacies in Southeast Asia, 1511–2011. Vol. 2). P. 225–244. Singapore.

Rhoads Edward J.M. (1975). China's Republican Revolution: The Case of Kwangtung, 1895–1913. Cambridge, Massachusetts.

Roszko Edyta (2010). Commemoration and the State: Memory and Legitimacy in Vietnam. Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia. Vol. 25. No. 1. P. 1–28.

Schottenhammer Angela (2006). The Sea as Barrier and Contact Zone: Maritime Space and Sea Routes in Traditional China. In: Schottenhammer, Angela and Ptak, Roderich (eds.), The Perception of Maritime Space in Traditional Chinese Sources. P. 3–13. Wiesbaden.

Song Yann-Huei and Yu, Peter Kien-hong (1994). China's "historic waters" in the South China Sea: An Analysis from Taiwan, R.O.C. American Asian Review. Vol. 12. No. 4. P. 83–101.

Straits Times (1907). 21 October. P. 5.

Straits Times (1909a). 29 March. P. 7.

Straits Times (1909b). 23 July. P. 3.

Straits Times (1909c). 28 October. P. 7.

Straits Times (1910). 23 December. P. 7.

Tagliacozzo Eric (2005). Tropical Spaces, Frozen Frontiers: The Evolution of Border Enforcement in Nineteenth-Century Insular Southeast Asia. In: Kratoska, Paul H.; Raben, Remco and Nordholt, Henk Schulte (eds.), Locating Southeast Asia: Geographies of Knowledge and Politics of Space. Singapore.

Tønnesson Stein (2006). The South China Sea in the Age of European Decline. Modern Asian Studies. Vol. 40. P. 1–57.

Trocki Carl A. (2007). Prince of Pirates: The Temenggongs and the Development of Johor and Singapore, 1784–1885. Singapore.

United States Navy, USS Cabrilla (1945). Report of 8th War Patrol. URL: http://www.fold3.com/image/#300365402 (accessed: 01.01.2025).

United States Navy Patrol Bombing Squadron 117 (VPB-117) (1945). Aircraft Action Report No. 92. URL: http://www.fold3.com/image/#302109453 (accessed: 01.01.2025).

United States Pacific Fleet (1945). Patrol Bombing Squadron 128, Action report 3 May. URL: http://www.fold3.com/image/#295881925 (accessed: 01.01.2025).

United States Pacific Fleet Commander Submarines (1945). Philippines Sea Frontier War Diary, 11/1–30/45. URL: http://www.fold3.com/image/#301980047 (accessed: 01.01.2025).

Van Ittersum Martine Julia (2006). Profit and Principle: Hugo Grotius, Natural Rights Theories and the Rise of Dutch Power in the East Indies, 1595–1615. Leiden.

Wai Jiao bu nan hai zhu dao dang an hui bian [Compilation by the Department of Foreign Affairs of all the records concerning theis lands in the South Sea Compilation by the Department of Foreign Affairs of all the records concerning theis lands in the South Sea] (1995). 2 vols. Taipei.

Wu Feng-ming (2011). On the New Geographic Perspectives and Sentiment of High Moral Character of Geographer Bai Meichu in Modern China. Geographical Research. Vol. 30. P. 2109–2114.

Yan Ping (1998). China in Ancient and Modern Maps. London.

Zou Keyuan (1999). The Chinese Traditional Maritime Boundary Line in the South China Sea and its Legal Consequences for the Resolution of the Dispute over the Spratly Islands. International Journal of Marine and Coastal Law. Vol. 14. No. 1. P. 27–55.

Zou Keyuan (2005). Law of the Sea in East Asia: Issues and Prospects. Abingdon

Уважаемые читатели!
Просим присылать краткие сообщения об основных новостях китаеведения в России и мире на электронный адрес редакции: journal@iccaras.ru